W 51/44

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

II.

2007058746

W 51/44 2 вкл.
201-90
12092-7

СКАЗАНІЯ СОВРЕМЕННИКОВЪ

О

ДИМИТРІИ САМОЗВАНЦѢ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ, ИСПРАВЛЕННОЕ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МАСКѢВИЧЪ И ДНЕВНИКИ.

XX-9021

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С. Петербургъ, 15 мая 1857 года.

Цензоръ В. Бекетовъ

Въ Типографіи Императорской Академіи Наукъ.

МАСКѢВИЧЪ.

МАСКѢВИЧЪ.

Самуилъ Маскѣвичъ, *Maskiewicz*, былъ родомъ Литвинъ, благородной фамиліи, имѣвшей свои помѣстья въ Новогрудскомъ, Пинскомъ и Слонимскомъ повѣтахъ. Рано вступилъ онъ на поприще войны и не оставлялъ его до конца жизни своей. Польша въ концѣ XVI вѣка и въ началѣ XVII кипѣла тревогою бранною: безпрестанные рокоши или возстанія дворянства противъ короля и сената, войны съ Шведами, съ Татарами, съ Турками, съ казаками, не давали ей ни минуты покоя, и необузданная шляхта не опускала меча. Съ появленіемъ Самозванцевъ въ нашемъ отечествѣ, открылся ей ѳеатръ обширнѣйшій: паны бросились въ Россію за славою, за добычею, сперва по слѣдамъ Отрепьева, потомъ за Тушинскимъ Воромъ, подъ знаменами Жолкѣвскаго, Струся, Рожинскаго, Лисовскаго, Сапѣги и другихъ вождей, которыми такъ славится время Сигизмунда III. Увлекаемый и общимъ примѣромъ и врожденною отвагою, Маскѣвичъ покинулъ мать, помѣстья и пошелъ къ Смоленску, въ войскѣ Сигизмунда, по тогдашнему обыкновенію на собственныхъ коняхъ, съ небольшимъ отрядомъ пахоликовъ. Здѣсь онъ простоялъ около 8 мѣсяцевъ; ходилъ неоднократно на приступъ, дивился доблести Шеина, мужеству Русскихъ; но не дождался окончанія осады: хоругвь князя Порыцкаго, въ которой былъ онъ поручикомъ, присоединилась къ отряду гетмана Жолкѣвскаго, посланнаго королемъ отразить Русскихъ, спѣшившихъ съ наемными Нѣмцами на помощь Смоленску. Жолкѣвскій взялъ съ собою не болѣе 3,000 человѣкъ,

при четырехъ орудіяхъ, съ намѣреніемъ разсѣять 60,000 Москвитянъ, овладѣть Москвою, свергнуть Шуйскаго съ престола и возвести Владислава. Смѣлый гетманъ напалъ на укрѣпленный лагерь нашъ подъ Клушиномъ: бой былъ жестокій: Русскіе стояли твердо, Поляки бились отчаянно; каждая рота ихъ вступала въ дѣло по 10 и 12 разъ; рогъ Порыцкаго было наиболѣе жарко; хоругвь республики готова была пасть; но Нѣмцы намъ измѣнили, и наше войско, разбитое на голову, обратилось въ бѣгство, къ Москвѣ. Жолкѣвскій шелъ за нимъ по пятамъ, подступилъ къ столицѣ, гдѣ между тѣмъ уже свергли Шуйскаго, заключилъ съ боярами договоръ и возвелъ на царскій престолъ королевича Владислава, которому вскорѣ присягнула вся Россія.

Во всѣхъ упомянутыхъ дѣйствіяхъ Маскѣвичъ принималъ дѣятельное участіе: въ Клушинской битвѣ онъ сражался до изнеможенія силъ; цѣлый день преслѣдовалъ бѣгущихъ Россіянъ; велъ переговоры съ Нѣмцами; а подъ Москвою, по заключеніи мира, приводилъ бояръ и народъ къ присягѣ. По возвращеніи Жолкѣвскаго къ Сигизмунду, онъ остался въ Москвѣ, уже преданной въ руки Поляковъ, подъ главнымъ начальствомъ Гонсѣвскаго. Тутъ познакомился онъ съ знатными Москвитянами; часто пировалъ у нихъ на свадьбахъ, на пріятельскихъ вечеринкахъ; осматривалъ столицу, замѣчалъ ея достопамятности, наблюдалъ наши нравы и обыкновенія. Между тѣмъ, жители Москвы, обманутые въ своихъ надеждахъ, рѣшились изгнать дерзкихъ иноземцевъ, и по гласу Ермогенову, единодушно напали на Поляковъ. Маскѣвичъ успѣлъ запереться въ Кремлѣ вмѣстѣ съ отрядомъ Гонсѣвскаго; жегъ и разрушалъ столицу; бился съ Ляпуновымъ, съ Трубецкимъ; неоднократно выходилъ на поиски съ паномъ Струсемъ и Ходкѣвичемъ. Когда же увидѣлъ, что Полякамъ не удержать за собою Россіи, убрался въ отечество, незадолго до возстанія Пожарскаго. Въ Польшѣ онъ присоединился къ конфедератамъ, требовавшимъ отъ короля жалованья за походъ Московскій, и вооруженною рукою бралъ доходы съ королевскихъ помѣстьевъ. Наконецъ получивъ

все, чего желалъ, прекратилъ свою безпокойную дѣятельность, уже съ званіемъ полковника.

Маскѣвичъ велъ подробный дневникъ, съ 1594 года по 1621, всему, что казалось ему замѣчательнымъ, что самъ онъ большею частію видѣлъ и дѣлалъ, что его радовало и печалило. Записывая день за день, для себя, безъ всякой мысли о потомствѣ, онъ разскажетъ вамъ о набѣгѣ Наливайки, о смерти отца, о свадьбѣ сестры, о борьбѣ короля съ рокошанами, о Тушинскомъ Ворѣ, о пропажѣ палаша, объ осадѣ Смоленска, о Клушинской битвѣ, о разореніи Москвы, о голодѣ, о холодѣ, о Родненской капустѣ, о потери изумруднаго крестика, о героѣ Ляпуновѣ, о гулякѣ Бржезицкомъ, о чертяхъ, о пирахъ, о битвахъ Жолкѣвскаго съ Турками. Сочиненія подобнаго рода всегда драгоцѣнны для потомства: даже лѣтопись монастырская, келейная тетрадь отшельника, собирающаго народные толки, можетъ объяснить многое, чего нельзя найти въ самыхъ важныхъ актахъ государственныхъ; Маскѣвичъ же видѣлъ своими глазами такія дѣла, которыя вѣроятно никогда не повторятся. Мало того: онъ смотрѣлъ на вещи взоромъ наблюдателя, описывалъ видѣнное не безъ искусства, и, что всего важнѣе, любилъ говорить правду. Какъ Полякъ, врагъ Русскихъ, онъ могъ винить насъ иногда безъ основанія; но крайней мѣрѣ слѣпая злоба и несносное самохвальство, отличающія многихъ другихъ Польскихъ писателей, не руководили перомъ его: не давая пощады намъ, онъ не щадилъ и своихъ. Довольно указать на описаніе Смоленской осады, Клушинской битвы, разрушенія Москвы, въ подтвержденіе нашихъ словъ о высокомъ достоинствѣ автора: какъ историческій источникъ времени Самозванцевъ, сочиненіе его драгоцѣнно не менѣе записокъ Бера и Маржерета.

Дневникъ Маскѣвича доселѣ вполнѣ не изданъ. Нѣмцевичъ въ своемъ Zbior pamiętnikow historycznych o dawnéy Polszcze (tom. II. p. 311 — 432) напечаталъ только выборъ изъ него, по весьма неисправной рукописи, со многими пропусками, важными для нашей исторіи смутнаго времени. Въ Нѣмцевичевомъ изданіи

нѣтъ ни описанія Москвы, ни изображенія нашихъ правовъ. Тщательно сличеніе его съ бывшею у меня рукописью обнаружило до 40 пропущенныхъ мѣстъ, болѣе или менѣе важныхъ; иные пропуски простираются за 20 страницъ Я переводилъ его съ рукописи полной, хотя не древней, но очень исправной, принадлежавшей Полоцкой езуитской Академіи, бывъ обязанъ ею благосклонности и любознанію графа Д. Н. Блудова. Полоцкая рукопись въ 16 долю листа, новаго почерка; состоитъ изъ двухъ частей: въ первой заключается Commentarius Alberti Stanislai Radziwill, Cancellarii Magni Ducatus Lithuaniae (исторія въ письмахъ Сигизмунда III, Владислава IV и Яна-Казимира); во второй (264 стр.) Dyaryusz Samuela Maskiewicza.

Считаю излишнимъ говорить, что въ переводѣ моемъ читатель не найдетъ ни малѣйшаго пропуска противъ подлинника. Самыя ничтожныя извѣстія, вовсе чуждыя нашему дѣлу, переданы мною съ возможною точностью: тогда только можемъ оцѣнить автора, когда узнаемъ его вполнѣ.

ДНЕВНИКЪ

М А С К Ѣ В И Ч А.

1594—1621.

—

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

ДНЕВНИКЪ

МАСКѢВИЧА.

Я начинаю свой разсказъ съ 1594 года. Кому же что не полюбится въ моей повѣсти, пусть меня не осуждаетъ:

Про себя я пою,
Самъ себя утѣшаю.

Въ 1594 году, въ Литвѣ явился Наливайко, казакъ Запорожскій, и надѣлалъ тамъ много бѣдъ; съ нимъ было нѣсколько тысячъ человѣкъ, къ которымъ присоединились всѣ негодяи для своеволія. Повѣты выслали противъ него свои войска; ротмистрамъ, состоявшимъ на жалованьѣ, велѣно также выступить. Осторожный Наливайко не давался въ руки; наконецъ подъ Лубнами былъ пойманъ; немедленно отосланъ къ королю съ нѣсколькими знатнѣйшими участниками, и потомъ четвертованъ.[1] Братъ мой Янъ былъ въ этомъ походѣ съ паномъ Николаемъ Слушкою.

Въ 1595 году, благодѣтель и отецъ мой отдалъ душу свою Господу Богу.

Въ 1598 году, походъ въ Молдавію противъ Михаила.[2]

Въ 1599 году, конфедерація въ Самборѣ, по дѣламъ Молдавскимъ.

Въ 1600 году, король отправился съ войскомъ въ Лифляндію; съ нимъ были оба гетмана: Янъ Замойскій, канцлеръ и великій гетманъ коронный, и Станиславъ Жолкѣвскій, полевой гетманъ коронный.[3] Я въ то время на парѣ коней находился при панѣ Вошѣ, подканцлерѣ Литовскомъ. Въ томъ же году братъ мой

Янъ женился на дочери пана Богдана Хрептовича, референдаря великаго княжества Литовскаго.

Въ 1602 г. конфедерація по дѣламъ Лифляндскимъ. Король возвратился изъ Лифляндіи; а панъ Радзивилъ воевода Виленскій, бывшій въ то время гетманомъ великаго княжества Литовскаго, и панъ Карлъ Ходкѣвичъ, староста Жмудскій, остались въ Лифляндіи, какъ два кота.

Въ томъ же году явился въ Брагинѣ, у князя Адама Вишневецкаго, Димитрій, сынъ царя Московскаго Іоанна Мучителя. Удивительнымъ образомъ избѣгнувъ тиранскихъ рукъ властолюбиваго Бориса Годунова, онъ скитался 13 лѣтъ, никому не объявляя о себѣ, пока не нашелъ удобнаго времени. Въ томъ же году, Димитрій былъ въ Краковѣ у короля съ княземъ Константиномъ Вишневецкимъ. Панъ воевода Сендомирскій Мнишекъ, взявъ его на свое попеченіе, обѣщалъ ему дочь свою Марину въ супружество, и въ послѣдствіи, не на радость себѣ, сдержалъ свое слово.

Въ 1603 году, царевичъ отправился къ Москвѣ съ паномъ воеводою Сендомирскимъ, имѣя весьма малочисленное войско: одну роту всадниковъ, въ числѣ 700 человѣкъ, получавшихъ жалованье, и пять хоругвей—царскую, пана Мнишка старосты Саноцкаго, пана Дворжицкаго, пана Фредро и пана Неборскаго.[4] Москвитяне, предводимые княземъ Мстиславскимъ, встрѣтились съ этимъ отрядомъ при Новѣгородѣ, и хотя надѣялись на свои силы, которыя простирались до 80.000 человѣкъ, однакожъ наши, при помощи Божіей, выиграли битву, и самого Мстиславскаго взяли было въ плѣнъ; но его отбили. Въ сраженіи нашимъ помогали казаки Запорожскіе, въ числѣ 2000; въ слѣдующій день пришло ихъ 10.000, но уже поздо. Борисъ Годуновъ царь Московскій съ отчаянія отравилъ себя, жену и сына.[5]

Въ 1605 году, 6 іюня простившись съ матерью моею въ Сервечѣ, я отправился къ Москвѣ съ отрядомъ, и доѣхавъ до Московской границы, остановился въ Брагинѣ, мѣстечкѣ князей

Вишневецкихъ. Здѣсь я узналъ, что царь Димитрій I, вступивъ въ столицу, короновался въ день св. Михаила.[6] Посему не имѣя причины торопиться, я остался въ Брагинѣ при панѣ Янѣ Юндзилѣ. Тутъ мнѣ было такъ хорошо, что развѣ въ раю будетъ лучше. Въ семъ же году, около Успенія пресвятой Богородицы, Татары опустошили Подолію и, разграбивъ вокругъ Кіева дворянскіе домы, отвели въ неволю множество женъ и дѣвицъ благородныхъ. Набирали квартное войско;[7] гетманомъ его былъ самъ Жолкѣвскій; ротмистрами: Янъ Потоцкій, Староста Каменецкій Яковъ Потоцкій, Андрей Потоцкій, панъ Струсь, панъ Прентвицъ, князь Рожинскій, сынъ Русскаго воеводы Гульскій, Творжіянскій, Свирскій и Михайло Вишневецкій.[8] Сей послѣдній отставленъ отъ службы за неявку.

Ноября 3, для набора войска я отправился изъ Листвиня во Львовъ налегкѣ, оставивъ свой отрядъ и людей у пана Юндзила. Ея свѣтлость княгиня дала мнѣ нѣсколько сотъ злотыхъ для покупокъ во Львовѣ.

Ноября 9 въ Заславѣ. Старшій слуга пана Волынскаго панъ Косцюкевичъ приглашалъ меня въ дворню.

Ноября 12, въ Висновцѣ, у князя Михаила. Ничего не сдѣлалъ.

Ноября 20, во Львовѣ. И тамъ былъ безъ дѣла: наборъ уже кончился.

Ноября 27 изъ Львова въ Березань, гдѣ оставались мои лошади: по милости княгини, я ѣздилъ на лошадяхъ обывательскихъ.

Декабря 25. Въ Хобнемъ, у пана старосты Харлиньскаго я провелъ празднество Рождества Христова. Новый годъ встрѣтилъ у князя, въ Брагинѣ.

Въ 1606 году, 1 февраля панъ Глѣбовичъ женился на княгинѣ Корецкой въ Корцѣ; приданаго взялъ за нею 30.000 злотыхъ наличныхъ. На свадьбу племянницы своей княгиня Вишневецкая ѣздила въ Корецъ; я провожалъ ее со всѣмъ отря-

домъ и съ челядью. Мы выѣхали съ княгинею изъ Брагина въ Корецъ 10 января. 14 числа прибыли въ Александровъ; тутъ разгнѣвались на меня, но не долго. 15 января пріѣхали въ Корецъ. 1 февраля была свадьба пана Глѣбовича. 8 февраля панъ воевода Троцкій прибылъ въ Корецъ. Тамъ мнѣ столько было хлопотъ, что я на силу отдѣлался отъ нихъ.

Февраля 12, откланявшись княгинѣ, я выѣхалъ изъ Корца, съ большою неохотою. Въ Деражнѣ подъ Баромъ я отдыхалъ съ своими конями въ продолженіе мясопуста Польскаго (Русскій мясопустъ былъ спустя 5 недѣль послѣ нашего). Тутъ разсѣянная челядь соединилась со мною. Тамъ же засталъ меня панъ Претвицъ Каменецкій; съ нимъ я немедленно отправился на 4 коняхъ къ своей хоругви и настигъ ее въ Гулахъ, помѣстьѣ пана Язловецкаго, воеводы Подольскаго. Мятежные крестьяне не хотѣли впустить хоругвь въ свою деревню, пока не высѣкли ихъ розгами. Управителемъ помѣстья былъ панъ Слупскій Въ томъ же году король женился на второй супругѣ.[9] Свадьбу праздновали отъ Рождества Христова до мясопуста. Въ великій постъ, по новому календарю, я отправился съ хоругвью пана Претвица Каменецкаго въ Хрептыевъ на квартиры. Въ то же время панъ воевода Сендомирскій повезъ свою дочь Марину въ Москву, для соединенія бракомъ съ царемъ Димитріемъ. Онъ недолго тѣшился этимъ союзомъ. Въ Хрептыевѣ насъ весьма тревожили разбойники, такъ что нашимъ челядинцамъ нельзя было и носа показать. Развѣдавъ, гдѣ они скрываются, мы напали на нихъ, и поймавъ самого атамана Салату, отослали его въ Баръ къ пану Гульскому воеводѣ Русскому, исправлявшему должность гетмана: тамъ онъ былъ четвертованъ. Потомъ все утихло. Спустя 6 недѣль по Пасхѣ, мы отправились изъ Хрептыева на отдыхъ въ Плоскировъ, куда прибыли чрезъ недѣлю послѣ Троицына дня. Въ томъ же году въ первый понедѣльникъ послѣ Троицына дня, было первое собраніе рокошанъ подъ Люблиномъ.[10]

Въ Плоскировѣ мы получили изъ Москвы печальную вѣсть,

что тамъ былъ бунтъ; Москвитяне убили царя; а изъ нашихъ 1606.
одни также побиты, другіе же взяты въ плѣнъ и разосланы въ разныя крѣпости, именно изъ числа знатнѣйшихъ: панъ воевода Сендомирскій, сынъ его панъ староста Саноцкій, князь Константинъ Вишневецкій, панъ Малогоскій, бывшій на свадьбѣ царя посломъ королевскимъ, панъ Ратомскій, староста Остерскій, и другіе. Государыня царица равнымъ образомъ осталась въ неволѣ со всѣми благородными Польками: надъ каждою изъ нихъ Москвитяне порядочно подшутили. Утѣшительно было слышать родителямъ объ участи своихъ дочекъ! Дай Богъ, чтобы Русскіе сами испытали такую же радость! Онъ отмстилъ имъ въ послѣдствіи.

Изъ Плоскирова мы выѣхали 12 іюля подъ Могильницы, гдѣ, какъ носился слухъ, будетъ перепись, которую однакожъ назначили подъ Глинянами, а отсюда подъ Вспнею; но и здѣсь переписи не было. Собрались только сенаторы и велѣли итти къ Вислицѣ, гдѣ короля очень тревожили рокошане. Въ это время назначены въ службу новые ротмистры: панъ Балабанъ, панъ Свѣнцицкій, панъ Забоклицкій, панъ Хоментовскій, панъ Холоневскій.

3 августа мы стали обозомъ подъ Вислицею, а рокошане собрались подъ Сендомиромъ и Покривницею. Виновниками междоусобія были панъ воевода Краковскій Зебржидовскій и панъ подчашій великаго княжества Литовскаго Янушъ Радзивилъ.[11] Король въ то время очень заботился о уплатѣ рыцарству жалованья, ибо четверть уже кончилась, и какъ денегъ въ казнѣ не было, то отдавали въ залогъ столовое серебро королевское, которое потомъ выкупили отъ насъ въ продолженіе шести недѣль. Я въ то время поступилъ въ хоругвь пана Тарновскаго Гратуса, бралъ серебро изъ казны и раздавалъ товарищамъ. Въ войскѣ возникъ мятежъ, требовали рокоша; чему не послѣднею причиною была пощечина, данная паномъ Струсемъ въ общемъ собраніи одному товарищу изъ роты Свѣнцицкаго. Уже завязалась лихая схватка,

1606. и неоднократно мы выходили въ поле, назначивъ маршалкомъ пана Сепеховскаго. Панъ гетманъ съ трудомъ успокоилъ недовольныхъ. Въ то время, когда мы стояли лагеремъ подъ Вислицею, король находился въ этомъ городѣ: а 6 сентября пошелъ съ нами на рокошанъ къ Покшивницѣ. 13 сентября мы настигли ихъ подъ Яровымъ надъ Вислою: вождями ихъ были: панъ воевода Краковскій, панъ подчашій Литовскій Радзивилъ и панъ Стадницкій-Ланцуцкій. Всѣхъ рокошанъ могло быть до 2.000. Стадницкій остерегся и съ нѣсколькими сотнями своихъ переправился за Вислу къ Казимиржу, а другіе не успѣли: мы быстро наступили на нихъ, и чрезъ нѣсколько времени принудили пана воеводу Краковскаго и пана подчашаго Литовскаго дать на себя обязательство не тревожить болѣе республики и мирно разъѣхаться. Впрочемъ оба они явились на честное слово въ станъ королевскій, и только на третій день послѣ даннаго ими обязательства, получили позволеніе удалиться. А Стадницкій, дьяволъ, [12] находясь за Вислою, издѣвался надъ нами. Мятежи въ войскѣ однако не прекратились; товарищи [13] неоднократно собирались въ коло, [14] избравъ маршалкомъ пана Гавріила Липскаго изъ роты гетманской. Онъ могъ потерять голову, если бы не ускользнулъ. Наконецъ все успокоилось.

Октября 9, король выступилъ съ войскомъ подъ Краковъ. Я же, по просьбѣ товарищей, остался въ Казимиржѣ для полученія жалованья.

Октября 15, я выѣхалъ съ деньгами изъ Казимиржа.

Октября 18, я пріѣхалъ въ Краковъ, гдѣ войско уже собралось; тамъ было и коло. На дорогѣ къ Кракову спутники мои выколотили колчанами пана Краспцкаго, старосту Долинскаго, прозваніемъ Грандзядза. Въ Раковѣ же вызывали на поединокъ ротмистра моего пана Гратуса Тарновскаго, назначая мѣсто въ Краковѣ.

Октября 23, мы выступили изъ Кракова къ Яслу. Дорогою умеръ мой добрый челядинецъ Лимонтъ.

Декабря 5, прибыли въ Яслъ на роздыхъ. 9 отправились изъ Ясла ко Львову чрезъ Кросно, Перемышль, Носцишки и Виснегродекъ. 15, прибыли во Львовъ. Панъ Даниловичъ, староста Дорогобыцкій, отправленный великимъ посломъ въ Турцію, возвратился домой, ничего тамъ не сдѣлавъ: его и слушать не хотѣли, говоря: у васъ междуцарствіе. А все это по интригамъ Баторія, бывшаго въ числѣ кандидатовъ на королевство отъ Краковскаго воеводства. 1606.

Декабря 23, я выѣхалъ изъ Львова въ Яслъ чрезъ Самборъ, Леско, Санокъ и Кросно.

Декабря 27, король вопреки обыкновенію, за 2 недѣли до окончанія четверти, объявилъ намъ службу.

Въ новый годъ видна была радуга весьма красивая, какъ среди лѣта. Шелъ дождь. Февраля 7 мы выѣхали изъ Ясла въ Сокъ, промѣшкавъ въ Яслѣ 13 недѣль. Февраля 23, мы прибыли въ Сокъ. Тамъ вербовалъ насъ и панъ Стадницкій Ланцуцкій и панъ Скочевскій писарь Львовскій. 1 мая товарищество отправило меня изъ Лубачева въ Бельзыцу съ паномъ Быковскимъ къ воеводѣ Краковскому. Стремянный укралъ у меня ножны отъ палаша, такъ искусно, что я долго не могъ замѣтить, и потерялъ гривенъ 6 серебра. 2 іюня опять я ѣздилъ къ воеводѣ Краковскому въ Стенжицу, съ паномъ Мадаленскимъ; съ нами былъ ротмистромъ Габріель Морджинскій. Не успѣвъ условиться съ паномъ воеводою, мы возвратились къ королю. Панъ воевода замышлялъ рокошъ, какъ въ послѣдствіи открылось; только ничего не выигралъ. Съ нимъ были панъ подчашій Литовскій, панъ воевода Равскій, панъ Гербуртъ и другихъ не мало.

Іюня 15 мы поступили въ хоругвь князя Порыцкаго и немедленно чрезъ Варшаву отправились въ лагерь, гдѣ собралось и войско его королевскаго величества. Король былъ въ Варшавѣ; городъ выгорѣлъ до тла. Король въ лагерѣ. Іюня 18 рокошане расположились подъ Варшавою въ 3 миляхъ отъ насъ. Мы послали къ нимъ своихъ пословъ съ просьбою предостеречь насъ,

1607. какъ братьевъ, отъ всякаго умысла на рѣчь посполитую, если за кѣмъ либо вѣдали, чтобы и мы за благо отечества могли стать общими силами. Они ничего основательнаго не сказали, и видя, что мы наступаемъ на нихъ, спѣшили удалиться.

Іюня 30 мы преслѣдовали рокошанъ и настигли ихъ подъ Варкою. Тамъ, когда войско уже начало становиться въ боевой порядокъ, крикнули нѣкоторые изъ нашихъ: «Не хотимъ биться «съ братьями! Пусть лучше панъ воевода Краковскій укажетъ, «кто врагъ республики: мы не будемъ защищать измѣнниковъ и «только постоимъ за достоинство его королевскаго величества». Король, видя, что иначе быть не могло, и желая всѣхъ удовлетворить, на все согласился. Господа сенаторы также изъявили согласіе. Дѣло однакожъ кончилось тѣмъ: положено было рокошанамъ стать въ двухъ миляхъ отъ Варки, и раскинувъ наметы между войсками въ одной милѣ отъ каждаго, выслать съ обѣихъ сторонъ по 30 депутатовъ, большею частію изъ рыцарства, которые, розыскавъ, кто былъ виновникомъ раздора, долженствовали учинить расправу. Но какъ двинулись рокошане, то едва остановились въ Радомѣ, въ 7 миляхъ отъ Варки. Король, видя ихъ бездѣльничество, и доказавъ рыцарству свою невинность, требовалъ отъ насъ подписки стоять за него твердо; что мы и исполнили. Виновниковъ же мятежа, именно Лезницкаго изъ роты пана Забоклицкаго, приказалъ повѣсить; а Рудзинскій наѣлся страху и чуть не попался въ туже петлю: его было уже и накрыли, да успѣлъ ускользнуть. Двинувшись за рокошанами изъ подъ Варки, мы настигли ихъ 5 іюля подъ Гузовымъ и Оранскимъ, гдѣ сразились съ ними и съ помощію Божіею выиграли битву. Въ семъ сраженіи лошадь одного изъ дворянъ королевской свиты, закусивъ удила, унесла своего господина за 12 миль отъ мѣста сраженія, такъ что онъ возвратился уже на третьи сутки: именно это случилось съ паномъ Даниловичемъ, воеводою Русскимъ, зятемъ гетманскимъ, тогда еще крайчимъ короннымъ. Если бы такъ поступилъ кто нибудь изъ незнатныхъ,

пришлось бы ему дорого поплатиться; а съ Даниловича самъ 1607.
чортъ ничего не возметъ. Въ семъ сраженіи находился и панъ гетманъ Литовскій [15] съ нѣсколькими сотнями Лифляндскихъ жолнеровъ, но ни чѣмъ не распоряжалъ, кромѣ своего отряда: военачальникомъ былъ панъ Жолкѣвскій, полевой гетманъ коронный. Въ то же время была конфедерація Гродненская, въ которой участвовалъ самъ гетманъ Карлъ Ходкѣвичь. Послѣ сраженія, король отправился въ Краковъ, а войско двинулось къ Краснымставу.

Іюля 13, переѣхавъ чрезъ Вислу у Петровина, я прибылъ подъ Солцу; іюля 16 подъ Краснымставъ въ лагерь. Іюля 18, панъ Струсь староста Хмѣльницкій отправленъ въ поискъ за паномъ Феликсомъ Гербуртомъ, который, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ человѣкъ, снова затѣвалъ рокошъ: его схватили, отослали къ королю и отдали подъ стражу. Сентября 12, войско двинулось изъ лагеря Краснымставскаго къ Завихосту. 26 числа пришли подъ Завихостъ въ Косинъ.

Около этого времени, вмѣсто убитаго царя Московскаго Димитрія, явился другой Димитрій и распустилъ молву, что онъ тотъ самый царь Московскій, котораго Москвитяне, призвавъ въ столицу и короновавъ, хотѣли убить; но что онъ съ помощію Божіею спасся отъ смерти. Такъ онъ говорилъ, въ надеждѣ славою перваго вѣнчаннаго Димитрія привлечь къ себѣ войско и обмануть самую Москву, и хотя былъ Самозванецъ, однакожъ при содѣйствіи нашихъ едва не достигъ своей цѣли: все государство Московское ему покорилось, кромѣ трехъ только городовъ, Москвы, Новагорода и Смоленска. Царицу также взялъ къ себѣ, какъ жену; только сочетался бракомъ съ нею тайно. Этого Димитрія воскресилъ Мѣховецкій, который, зная всѣ дѣла и обыкновенія перваго Димитрія, заставлялъ втораго плясать по своей дудкѣ. [16]

Октября 30, войско изъ лагеря подъ Завихостемъ отправилось въ разныя стороны: одна часть на квартиры, а другая въ Валахію, для возведенія на престолъ господарскій Константина

1607. сына Іеремеева. Въ этомъ походѣ участвовали всѣ паны Потоцкіе, панъ Струсь, князь Вишневецкій Михайло. Они сладили дѣло, успокоили Валахію и счастливо воротились. Иные же пошли въ Московію къ Царику съ княземъ Рожинскимъ, который былъ у него гетманомъ. [17]

Ноября 14. Хоругвь князя Порыцкаго, въ которой и я находился, расположилась на квартирахъ въ Ковлѣ. Ноября 18, я отправился изъ Ковля домой и засталъ брата своего въ Жабчицахъ уже вдовцомъ.

1608. Января 16, сестра моя вышла за пана Лопатецкаго. Въ томъ же году, по вѣстямъ о приготовленіяхъ Татаръ къ набѣгу, войско немедленно вступило въ Украйну, и послѣ Троицына дня, расположилось лагеремъ подъ Ободнею, между Винницею и Немировымъ, гдѣ мы простояли до Михайлова дня. Между тѣмъ казаки Запорожскіе ворвались въ орду, разорили въ конецъ Очаковъ и Перекопь и взяли тамъ немалую добычу. Султанъ жаловался на это королю. Войско наше изъ лагеря подъ Ободнею разошлось по квартирамъ. Мы снова остановились въ Ковлѣ, для лучшаго охраненія Кракова отъ Баторія и Венгровъ: [18] еще рокошъ не затихъ. Часть войска должна была итти къ Подгорью на границу Венгерскую. Наша хоругвь предъ Рождествомъ Христовымъ отправилась изъ Ковля въ Бечь на квартиры, а въ самый праздникъ прибыла въ Тишовцы.

1609. Въ новый годъ мы прибыли въ Бечь.

Января 14 былъ сеймъ въ Варшавѣ. На этомъ сеймѣ король, по совѣту нѣкоторыхъ сенаторовъ, предлагалъ воевать съ Москвою, говоря: стоитъ только обнажить саблю, чтобы кончить войну. Сеймъ не изъявилъ согласія. Король же, не покидая своихъ замысловъ, набралъ войско квартное, и, умноживъ число ротмистровъ, велѣлъ ему итти къ Москвѣ; а самъ, отправляясь также въ походъ, заѣхалъ съ королевою въ Люблинъ, гдѣ торжественно говорилъ депутатамъ, что чѣмъ ни благословитъ Господь войну, все отдастъ республикѣ, а себѣ ничего не возметъ. Въ Украйнѣ осталось не

много квартныхъ ротмистровъ; и хотя прибавлено къ нимъ еще 1609.
нѣсколько новыхъ, но всего на все было около 1,000 всадниковъ. Гетманомъ этого отряда назначенъ Гульскій, воевода Русскій. [19] Войску, шедшему съ королемъ къ Москвѣ, выдано жалованья только за четверть года. Прежде, чѣмъ достигли мы Смоленска, четверть уже вышла. Войско выступило въ походъ съ королемъ около Троицына дня. Я былъ въ хоругви князя Порыцкаго и вышелъ изъ Ковля чрезъ недѣлю послѣ праздника, побывавъ прежде дома и при отрядѣ оставивъ брата моего Гавріила, котораго отозвалъ отъ пана Осторога каштеляна Бѣльзскаго. Въ Ятрѣ я видѣлся съ другимъ моимъ братомъ Яномъ и второю женою его, а въ Сервечѣ съ моею матерью. Между тѣмъ брату Гавріилу дано нѣсколько коней и велѣно итти на службу.

Сентября 29 въ Михайловъ день, король прибылъ подъ Смоленскъ съ войскомъ блистательнымъ и красивымъ; оно состояло изъ отрядовъ, бывшихъ на жалованьи, изъ дружинъ дворовыхъ и панскихъ (коихъ было не мало) и изъ волонтеровъ; всего считалось 12,000, кромѣ пѣхоты, Татаръ Литовскихъ и казаковъ Запорожскихъ. Какую же пользу и услугу доставила королю эта вольница, испытала то Литва и Бѣлоруссія, которыя много потерпѣли отъ ея переходовъ съ мѣста на мѣсто; испытало и войско регулярное, у котораго все съѣстное она весьма скоро поѣла; [20] испыталъ и самъ король, котораго она оставила только при войскѣ регулярномъ и, ничего не опасаясь, съ великимъ плѣномъ и богатою добычею возвратилась восвояси.

Полевой гетманъ коронный Станиславъ Жолкѣвскій, шедшій съ королемъ къ Москвѣ, за день до прихода войска прибылъ къ Смоленску, и внимательно осмотрѣвъ мѣсто для лагеря, заложилъ его надъ Днѣпромъ при долинѣ, между тремя каменными монастырями св. Троицы, св. Спаса и пресвятой Богородицы, которые Русскими были уже оставлены; въ одномъ монастырѣ, пресвятой Богородицы, остановился гетманъ коронный Жолкѣвскій; въ другомъ, св. Троицы, Литовскій маршалъ Дорогостайскій; въ треть-

1609. емъ, св. Спаса, канцлеръ Литовскій Сапѣга. Послѣдній не долго въ немъ гостилъ: вытѣсненный стрѣльбою Русскихъ, онъ велѣлъ построить для себя домъ въ долинѣ надъ Днѣпромъ и только тамъ едва нашелъ покой. Пѣхота Нѣмецкая, прибывшая изъ Пруссіи, въ числѣ 2,000 человѣкъ, подъ начальствомъ Людвига Вэйера старосты Пуцкаго, расположилась предъ лагеремъ противъ крѣпости; въ послѣдствіи она большею частію погибла, не столько отъ оружія непріятельскаго, сколько отъ трудовъ военныхъ. Съ нею вмѣстѣ стояла и Польская пѣхота, которой впрочемъ было не много.

Въ третій день по прибытіи къ Смоленску, король съ гетманомъ и сенаторами обозрѣвалъ мѣстоположеніе крѣпости, изыскивая способы обложить ее войскомъ такъ, чтобы подвозъ съѣстныхъ припасовъ и сообщенія между отрядами не были затруднительны; между тѣмъ охотникамъ велѣно тревожить крѣпость, чтобы скрыть отъ Москвитянъ, въ чемъ состояло дѣло. Осажденные видя, что наши уже копаютъ шанцы и располагаются надолго, сами зажгли посады и всѣ убрались въ крѣпость. Число ихъ простиралось до 70,000 человѣкъ. Воеводою у нихъ былъ Шеинъ, воинъ храбрый, искусный и въ дѣлахъ рыцарскихъ неусыпный.

Мѣстоположеніе Смоленска слѣдующее: между городомъ и крѣпостью протекаетъ рѣка Днѣпръ, т. е. на одной сторонѣ лежитъ крѣпость, а на другой городъ. Крѣпость стоитъ на возвышеніи, къ Днѣпру очень отлогомъ, прорѣзанномъ многими глубокими оврагами, и заключаетъ въ себѣ семь горъ, между которыми безъ мостовъ сообщеніе было бы весьма трудно. Городъ къ Днѣпру лежитъ на мѣстѣ болѣе ровномъ и болотистомъ; а далѣе возвышается гора, какъ и въ крѣпости. Стѣна крѣпостная толщиною въ 3 сажени, а вышиною въ 3 копья; башень около ней четыреугольныхъ и круглыхъ 38. Въ наружной сторонѣ каждой четыреугольной башни будетъ саженъ 9 или 10; а башня отъ башни отстоитъ на 200 саженъ. Окружность крѣпости болѣе мили.

Осаждали Смоленскъ такимъ образомъ: на западной сторонѣ,

съ пріѣзда отъ Польши, расположенъ былъ надъ Днѣпромъ 1609.
между тремя монастырями, какъ я выше упомянулъ, довольно обширный и укрѣпленный лагерь, въ которомъ находился самъ король съ гетманомъ; на Днѣпрѣ ниже монастыря св. Троицы навели мостъ; предъ лагеремъ на горѣ, противъ крѣпости, поставили въ шанцахъ между турами три легкія орудія, которыя немало вредили крѣпости, стрѣляя чрезъ стѣну; при нихъ было 300 человѣкъ полевой пѣхоты, подъ начальствомъ пѣшихъ ротмистровъ Дорбскаго и Борыяла. Еще ближе къ крѣпости въ долинѣ, также между турами въ шанцахъ, стояли орудія осадныя; изъ нихъ били по стѣнамъ, но сначала безъ успѣха, пока не привезли изъ Риги пушекъ большаго калибра, о чемъ сказано будетъ ниже. Отъ этихъ орудій Нѣмецкая пѣхота провела къ крѣпости траншеи и посредствомъ ихъ такъ приблизилась къ стѣнѣ, что оставалось до ней не болѣе 15 саженъ. Отсюда она много вредила осажденнымъ, которые не смѣли даже показаться изъ-за стѣнъ, и неоднократно подкапывалась подъ крѣпость, о чемъ упомяну ниже. Всею Нѣмецкою пѣхотою въ шанцахъ начальствовалъ панъ Вайеръ; сверхъ того тамъ было 500 королевскихъ Венгровъ съ Граевскимъ и 200 Мазуровъ. Съ другой стороны къ сѣверу отъ крѣпости, за Днѣпромъ, на горѣ стоялъ лагерь пановъ Потоцкихъ, въ которомъ было болѣе 2000 всадниковъ. Бдительная стража охраняла этотъ лагерь. Предъ нимъ, противъ крѣпости, за Днѣпромъ, на пепелищѣ городскаго посада, устроены были шанцы Литовскаго маршалка Дорогостайскаго. У него было 700 человѣкъ пѣхоты и 6 орудій; изъ нихъ стрѣляли въ крѣпость чрезъ стѣну: ибо гора, на которой, какъ я выше сказалъ, стоитъ замокъ, склоняется къ Днѣпру такъ, что изъ-за рѣки можно было пересчитать въ крѣпости всѣ домы. Однажды, среди бѣлаго дня шесть Москвитянъ, переправясь чрезъ Днѣпръ въ лодкѣ, пѣшіе осмѣлились ворваться въ шанцы Дорогостайскаго и, схвативъ знамя, возвратились въ крѣпость невредимы. Это знамя принадлежало старостѣ Сандецкому Любомирскому. Съ

1609. третьей стороны, на востокъ, гдѣ былъ станъ королевскій, вверхъ по Днѣпру, при монастырѣ св. Духа, расположились казаки; ихъ считалось до 10 000; иногда же болѣе, а иногда менѣе, смотря потому, сколько ихъ отправлялось за съѣстными припасами. Гетманомъ у нихъ былъ казакъ дѣятельный, по имени Зборовскій, такъ названный отъ мѣстечка Зборова. Съ четвертой стороны крѣпости, на полдень, по горамъ и долинамъ (которыхъ весьма много какъ въ самой крѣпости, такъ и въ окрестностяхъ ея), стояла сильная стража изъ королевскаго стана, безсмѣнно днемъ и ночью, имѣя сообщеніе съ стражею казацкою.

Октября 12. Чрезъ двѣ недѣли по прибытіи войска къ Смоленску, приготовивъ петарду и всѣ потребные для того припасы, король рѣшился испытать счастія въ приступѣ. Дѣло могло кончиться безъ дальняго отлагательства; но отъ безпорядка и оплошности нашихъ, Господь Богъ не благословилъ этого предпріятія: петарда, совершивъ свое дѣйствіе, отворила ворота; наши въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ ворвались было въ крѣпость съ кавалеромъ Новодворскимъ, который управлялъ дѣйствіями петардъ, и уже встревоженные Москвитяне бросились толпами со стѣнъ и изъ домовъ въ церковь, тѣснясь въ безпорядкѣ; но нашимъ не было подкрѣпленія; враги обратились назадъ и вытѣснили ихъ изъ крѣпости. Наши начальники, опасаясь измѣны, если предпріятіе будетъ всѣмъ извѣстно преждевременно, не хотѣли предувѣдомить даже тѣхъ полковниковъ, которые начальствовали пѣхотою. Говорятъ, что измѣнилъ Венгерецъ Марекъ, капитанъ королевской пѣхоты: онъ не пошелъ въ проломъ, потому ли, что не имѣлъ духа, или по согласію съ непріятелемъ. Въ эту ночь всю пѣхоту вывели на другую сторону замка, чтобы крикомъ и шумомъ обратить на нее вниманіе Москвитянъ; оно такъ и случилось, да въ проломъ некому было итти, и мы, потерявъ нѣсколько своихъ, ни съ чѣмъ возвратились въ лагерь, когда уже разсвѣтало. Москвитяне между тѣмъ взяли свои мѣры: заваливъ всѣ ворота каменьями и пескомъ, предъ каждыми изъ нихъ устро-

или палисады изъ срубовъ, наполненныхъ также пескомъ и ка- 1609.
меньями, и приставили къ нимъ многочисленную стражу.

Въ съѣстныхъ припасахъ намъ не было недостатка; непріятель насъ не безпокоилъ, имѣя довольно дѣло съ Царикомъ подъ Москвою. Деревни въ окрестностяхъ Смоленска, миль на 18, на 20 и далѣе отъ города, были заняты товарищами, и пахолики [21] жили въ нихъ безопасно, а крестьяне возили въ лагерь съѣстные припасы. Въ тоже время панъ Гонсѣвскій, начальствуя отдѣльнымъ отрядомъ до 500 всадниковъ, кромѣ казаковъ Запорожскихъ, стоялъ подъ Бѣлою, въ 18 миляхъ отъ Смоленска, и осаждалъ крѣпостцу. Великое множество Запорожцевъ находилось и въ другихъ мѣстахъ Московскаго государства: считали ихъ болѣе 40.000; съ каждымъ днемъ число ихъ умножалось и едва ли не весь кошъ ихъ выступилъ изъ Запорожья. Они оказали королю большія услуги своими набѣгами на Русскія крѣпости, которыхъ множество опустошили въ короткое время, какъ то: Путивль, Черниговъ, Почепъ, Брянскъ, Козельскъ, Масальскъ, Мещерскъ, Вязму, Дорогобужъ, и многія другія.

Не далеко отъ Смоленской стѣны, при шанцахъ, стояла церковь св. Михаила Архангела, знаменитая у Москвитянъ своими чудесами. Разсказываютъ, что при Іоаннѣ Мучителѣ куполъ на ней былъ золотой. Во время перваго вторженія Баторія въ Московскую землю, царь, моля св. Михаила о побѣдѣ надъ королемъ, далъ обѣтъ; но какъ дѣло кончилось не по его желанію, то разгнѣвавшись на эту церковь, велѣлъ обобрать всѣ ея украшенія и богатства, а куполъ сбить изъ пушекъ, и наложилъ на нее опалу, въ которой и доселѣ она находится. [22]

Вообще относительно вѣры Московская чернь погружена въ грубое невѣжество. Когда король подступилъ къ Смоленску, окрестные жители бѣжали въ лѣса съ домашнимъ скотомъ и образами, на которые полагали всю надежду. Но какъ наши, отыскивая въ лѣсахъ съѣстные припасы, настигли тамъ Русскихъ и отняли у нихъ скотъ, то они, разгнѣвавшись на свои образа, повѣсили ихъ для позора на деревьяхъ вверхъ ногами, приговаривая:

1609. «мы вамъ молимся, а вы отъ Литвы насъ не оборонили». Еще случай: у одного крестьянина воръ ночью увелъ вола изъ хлѣва крестьянинъ сорвалъ образъ со стѣны и выбросилъ его въ окно прямо въ навозъ, сказавъ: «я тебѣ молюся, а ты меня отъ воровъ не охраняешь». Въ случаѣ же убѣдительной просьбы, Русскіе молятъ не ради Бога или Христа Спасителя, но ради Николы.[2]

Обложивъ крѣпость, король рѣшился взять ее приступомъ, и какъ петарды были безполезны, потому, что Москвитяне всѣ ворота укрѣпили, то велѣно приготовить до 80 лѣстницъ, такой ширины, чтобы пять и шесть человѣкъ могли всходить рядомъ, а длиною, какъ самыя высокія въ лѣсу деревья. Устроены были подвижные подъемы, наподобіе висѣлицъ, которыми войско, шедшее на приступъ, катило лѣстницы предъ собою, укрѣпивъ ихъ срединою къ перекладинѣ подъема. Посредствомъ сихъ-то лѣстницъ наконецъ взятъ былъ Смоленскъ. Не пренебрегали и подкопами; нѣсколько разъ пытались провести ихъ въ разныхъ мѣстахъ отъ лагеря подъ стѣны, въ надеждѣ, что не тотъ, такъ другой будетъ имѣть успѣхъ; но Москвитяне были осторожны; ни одинъ подкопъ не могъ утаиться отъ нихъ: ибо Смоленскія стѣны выведены опытнымъ инженеромъ такъ искусно, что при нихъ подъ землею находятся тайные ходы, гдѣ все слышно, куда ни проводили подкопы. Пользуясь ими, Москвитяне подрывались изъ крѣпости подъ основаніе стѣнъ и либо встрѣчались съ нашими, либо подводили мины подъ наши подкопы, и взорвавъ ихъ порохомъ, работы истребляли, а людей заваливали и душили землею, такъ что мы иногда откапывали своихъ дня чрезъ три и четыре. Отъ того подкопы наши долго оставались безъ дѣйствія. Изъ легкихъ орудій также трудно было сдѣлать въ стѣнѣ проломъ, пока не привезли изъ Риги пушекъ большаго калибра; но это случилось уже безъ меня, и потому предоставляю описаніе осады тѣмъ, которые тамъ оставались. Впрочемъ уже въ послѣдствіи и подкопы были удачны, когда повели ихъ къ тому мѣсту, куда били орудія, и гдѣ Москвитяне уже не могли подслушивать. Въ семъ-

то мѣстѣ, во время штурма взорвало порохомъ не малую часть 1609.
стѣны, и засыпало внутри крѣпости ровъ, который провели Москвитяне, не довѣряя стѣнамъ и опасаясь ихъ паденія отъ пушечныхъ выстрѣловъ. Ровъ заровняло и нашимъ весьма легко было пройти въ крѣпость.[24]

Послѣ новаго года въ январѣ мѣсяцѣ, король отправилъ изъ Смоленскаго лагеря подъ столицу послами къ войску Царикову пана Стадницкаго Лескаго, каштеляна Перемышльскаго, пана Скумина, старосту Брацлавскаго, и пана Андрея Казановскаго. Каждый изъ нихъ имѣлъ свою роту; сверхъ того имъ дано еще нѣсколько другихъ ротъ, такъ что съ послами было до 800 всадниковъ. Въ то время Царикъ стоялъ лагеремъ въ Тушинѣ, въ одной милѣ отъ столицы, съ многочисленнымъ войскомъ коронным, привлеченнымъ славою перваго, вѣнчаннаго Димитрія и служившему ему въ долгъ. Лагерь его былъ весьма хорошо укрѣпленъ самою природою; съ двухъ сторонъ протекали рѣки; а на пространствѣ между ними были проведены высокіе валы и глубокіе рвы, такъ, что лагерь считали неприступнѣе самой столицы.[25] Говоря о Царикѣ, считаю непзлишнимъ сказать, откуда онъ взялся и какимъ образомъ явился.

По злодѣйскомъ умерщвленіи въ 1606 году перваго царя Димитрія, мужа Марины дочери воеводы Сендомирскаго, о чемъ я кратко упомянулъ въ своемъ мѣстѣ и въ послѣдствіи разскажу подробнѣе, Мѣховецкій, бывшій у царя не въ послѣдней чести, нашелъ въ 1607 году одного Москаля, тѣлосложеніемъ похожаго на покойника, рѣшился его возвысить, и сталъ разглашать въ народѣ, что Димитрій ушелъ отъ убійственныхъ рукъ Москвитянъ, тѣми же средствами, коими еще въ младенчествѣ спасся отъ Годунова;[26] но какъ этотъ Царикъ былъ мужикъ грубый, обычаевъ гадкихъ, въ разговорахъ сквернословный, то Мѣховецкій для своихъ выгодъ училъ его вѣжливости и нашимъ обыкновеніямъ по примѣру перваго Димитрія, болѣе учтиваго и свѣтскаго. Безъ насъ обойтись однако было нельзя: почему име-

1610. немъ Царика разсылая письма къ кому хотѣлъ, Мѣховецкій набиралъ войско, обѣщая по 70 злотыхъ на коня гусарскаго и по 50 на казацкаго. Для большаго удостовѣренія людей въ истинѣ своихъ словъ, Мѣховецкій, зная всѣ тайны покойнаго, зная, кому и что онъ повѣрялъ изустно и письменно, присовѣтовалъ Царику написать письма къ пану воеводѣ Краковскому и припомнить ему какъ изустныя условія, такъ и письменныя обѣщанія. Подобными средствами, во имя перваго Димитрія, Царикъ привлекъ къ себѣ множество народа, тѣмъ скорѣе, что въ республикѣ войско было безъ дѣла: оно радовалось случаю и весьма охотно шло на войну, какъ на медъ.

Прежде всѣхъ явился къ нему князь Романъ Рожинскій. Послѣ побѣды, выигранной въ 1606 году въ присутствіи Короля надъ рокошанами подъ Гузовымъ, князь около полугода оставался безъ дѣла; когда же войско изъ подъ Завихоста частію разошлось по квартирамъ, частію отправилось въ Валахію, Рожинскій, собравъ до 1000 всадниковъ, прибылъ къ Царику, который стоялъ въ Орлѣ на границѣ, ожидая нашихъ. Туда же, послѣ Гродненской конфедераціи, отправился панъ Андрей Млоцкій съ нѣсколькими сотнями всадниковъ. За ними шло все, что жило. Вскорѣ явились у Царика панъ Янъ Сапѣга староста Усвятскій съ нѣсколькими тысячами всадниковъ; панъ Александръ Зборовскій съ 500 гусаръ; панъ Веламовскій, избранный товарищами въ полковники съ 700 всадниковъ; далѣе съ своими отрядами Руцкій, Орылковской, Копычинскій и весьма многіе другіе, которыхъ именъ для краткости не упоминаю.

Не миновало и года, когда Царикъ, двинувшись прямо къ Москвѣ, укрѣпилъ свой лагерь въ Тушинѣ, и пресѣкъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ къ столицѣ; отряды же свои разослалъ въ разныя мѣста, приказавъ осаждать города, не сдававшіеся добровольно, и брать ихъ силою. Такимъ образомъ Польское войско, служившее Царику, расположилось въ Московской землѣ семью лагерями; считали въ немъ 40,000 однихъ копѣйщиковъ, кромѣ казаковъ Запорожскихъ, которыхъ было еще болѣе: они находи-

лись въ каждомъ лагерѣ и сверхъ того, дѣйствуя особо въ раз- 1610.
ныхъ мѣстахъ, гдѣ кому вздумалось, разсыпались по всей Москов-
ской землѣ, какъ муравьи. Было ихъ вдвое болѣе войска Поль-
скаго. Москвитяне толпами стремились къ Царику, одни изъ
преданности, считая его своимъ государемъ, другіе изъ ненависти
къ Шуйскому, а третьи для своеволія. Было ихъ въ Тушинскомъ
лагерѣ отъ 200 до 300 тысячъ. Заруцкій, родомъ Волынецъ, по
взятіи Подолья Татарами прибывшій въ Россію, гдѣ прославился
своею храбростію, также пришелъ къ Царику, и получивъ отъ
него значительный отрядъ Москвитянъ, оказалъ ему важныя
услуги.

Послѣ того Русскія крѣпости начали ему сдаваться, однѣ
потому, что видѣли его силу и могущество, а другія потому, что
въ заблужденіи считали его истиннымъ Димитріемъ; и уже вся
Московская земля ему покорилась, исключая немногихъ главныхъ
городовъ, а именно Смоленска, Пскова, Великаго-Новагорода и
самой Москвы. Но всѣ думные бояре постоянно были при царѣ
своемъ Василіи Шуйскомъ въ столицѣ, кромѣ тѣхъ только, ко-
торые не пользовались милостію Шуйскаго, или передавались къ
Царику, по убѣжденію въ его царскомъ родѣ.

Василій Шуйскій, видя, сколь силенъ Царикъ Польскимъ вой-
скомъ, и бывъ тѣснимъ со всѣхъ сторонъ, подозрѣвалъ, что
Поляки поддерживали врага его по интригамъ королевскимъ, и
опасался, чтобы самъ король, имѣя въ Московской землѣ готовое
войско, не пошелъ на него войною. Предупреждая разрывъ, Шуй-
скій выпустилъ изъ неволи всѣхъ Поляковъ и Полекъ, плѣненныхъ
во время бунта; въ числѣ ихъ освободили и царицу. Узнавъ о
томъ, Царикъ отправилъ за ними сильный отрядъ, чтобы воротить
царицу съ отцомъ ея, воеводою Сендомирскимъ, въ лагерь. Хотя
же Марина и увидѣла въ немъ не перваго супруга своего, но дол-
жна была тайть открытіе для удержанія при немъ Москвитянъ.
Чтобы пріобрѣсть еще болѣе силы и вліянія на столицу, Царикъ
распустилъ молву, что царица признала его своимъ мужемъ, тайно

1610. сочетался съ нею бракомъ[27] и жилъ какъ съ женою. Нашихъ никто не тревожилъ по всей землѣ на 100 миль кругомъ отъ лагеря: пахолики и товарищи жили безопасно на квартирахъ, доставляя въ лагерь деньги и съѣстные припасы. Царикъ достигъ бы своей цѣли, еслибы не двинулся на Россію самъ король.

Возвращаюсь къ дѣлу. По прибытіи королевскихъ пословъ къ войску въ Тушино, Царикъ, опасаясь, чтобы наши не передались къ своему государю и чтобы его самого не выдали въ руки королю, бросилъ жену и бѣжалъ ночью въ Калугу, только съ немногими всадниками, въ надеждѣ, что всѣ приверженцы за нимъ послѣдуютъ. Калуга, замокъ укрѣпленный и городъ, лежитъ на предѣлахъ княжества Сѣверскаго въ 30 миляхъ отъ столицы. На другой день по тайномъ отъѣздѣ Царика въ Калугу, сдѣлалась тревога въ Тушинскомъ лагерѣ; не знали, куда онъ дѣвался; одни жалѣли объ немъ, а другіе радовались, и не соглашаясь, на что рѣшиться, разошлись кто куда хотѣлъ: одни къ королю, другіе къ Царику. Къ королю отправились: князь Романъ Рожинскій, главный гетманъ Царикова войска; панъ Александръ Зборовскій, выбранный преданнымъ королю войскомъ въ полковники, съ четырьмя ротмистрами своей хоругви, изъ коихъ каждый имѣлъ по нѣскольку сотъ всадниковъ; панъ Андрей Млоцкій, Семенъ Копычинскій, Бобовскій, Марховскій, Бонкъ, Ланцкоронскій, Веламовскій, Рудзинскій: каждый изъ нихъ имѣлъ по нѣскольку сотъ гусаръ; казацкія роты Рудницкаго, Котовскаго, Ошаньскаго. Къ Царику пошелъ Янъ Сапѣга, староста Усвятскій, бывшій у него вторымъ гетманомъ по Рожинскомъ; къ Сапѣгѣ присоединилось немного хорошаго войска, все сбродъ; шляхты мало; только была она въ гусарскихъ хоругвяхъ, коихъ считалось также немного, а именно: двѣ хоругви самого пана Сапѣги, хоругви Каминскаго, Будзилова, Стравинскаго и Таляфусова. За то казаковъ было безъ числа. Сіи-то войска перешли къ Царику, который, снова усилившись, подступилъ къ столицѣ, въ одно время съ королевскимъ войскомъ. Объ этомъ скажемъ послѣ. Москвитяне, бывшіе при немъ въ Ту-

шинѣ, обратились къ королю; но всѣ бояре и знатнѣйшіе люди, 1610.
Заруцкій, царь Касимовскій, съ частію казаковъ передались къ Царику; другіе же разбрелись, кто куда могъ.

Послы королевскіе, выступивъ въ походъ, съ тѣмъ войскомъ, которое отправилось къ королю, остановились на половинѣ дороги отъ столицы къ Смоленску на урочищѣ подъ Шуйскимъ.[28] Войско соглашалось служить королю на такомъ условіи: если Господь Богъ благословитъ королевское оружіе и предастъ въ руки его величества государство Московское, то за все время службы Царику именно за 29 четвертей года, оно получитъ по 70 злотыхъ за каждую четверть на всадника изъ помѣстьевъ Московскихъ; если же счастіе не будетъ благопріятно, король обязался заплатить по 70 злотыхъ на всадника за каждые двѣ четверти службы Царику изъ собственной казны; сверхъ того обѣщалъ дать въ награду 40,000 злотыхъ обезпечивъ эту сумму залогомъ, который тогда же былъ врученъ войску.

Жители Москвы радовались, узнавъ о раздѣленіи Царикова войска. Тогдашній царь Московскій Василій Шуйскій, собравъ сколько могъ ратныхъ людей, а именно: 8.000 наемныхъ Нѣмцевъ, 18.000 дѣтей боярскихъ,[29] 24.000 Донскихъ казаковъ, и назначивъ гетманомъ надъ ними брата своего Дмитрія Шуйскаго, велѣлъ ему напасть на разсѣянныхъ враговъ и, отбивъ короля отъ Смоленска, освободить городъ. Дмитрій Шуйскій отправилъ нѣсколько сотъ Нѣмцевъ на поискъ, чтобы овладѣть Бѣлою; но Нѣмцы, ничего не сдѣлавъ, отошли прочь отъ крѣпости.

Король, угадавъ всѣ замыслы непріятельскіе, по совѣту бдительнаго и предпріимчиваго Гетмана,[30] рѣшился, не ожидая враговъ, послать противъ нихъ войско, чтобы разстроить ихъ намѣренія. Тоже совѣтовали и Москвитяне, пришедшіе къ королю изъ Тушина; въ числѣ ихъ былъ знатный вельможа Салтыковъ съ сыномъ: они просили короля возвести на престолъ Московскій королевича Владислава и убѣждали отправить къ столицѣ войско, увѣряя, что при появленіи онаго, крѣпости сдадутся и Москва

1610. охотно покорится королевичу Владиславу. И такъ рѣшено было отправить войско. Въ то самое время возникъ споръ между паномъ гетманомъ и панами Потоцкими, кому итти противъ непріятеля. Король хотѣлъ, чтобы выступили Потоцкіе съ своимъ полкомъ, а гетмана желалъ оставить при себѣ подъ Смоленскомъ. Но Потоцкіе, помышляя только о собственной славѣ, и надѣясь присвоить себѣ честь покоренія Смоленска, который скоро долженъ былъ сдаться, не хотѣли выступить въ поле, и чтобы найти предлогъ къ неповиновенію, возмутили товарищество: они оправдывались непослушаніемъ войска. Панъ гетманъ, видя ихъ притворство, и зная, сколь необходимъ былъ предназначенный походъ, вопреки обыкновенію и приличію, оставилъ обозъ и короля подъ Смоленскомъ, а самъ отправился въ поле съ своимъ полкомъ и съ полкомъ пана Струся.

Число обоихъ полковъ было слѣдующее: въ хоругви пана гетмана 170 всадниковъ; въ хоругви князя Порыцкаго 130; въ хоругви пана Даниловича, воеводы Русскаго 100; въ хоругви пана Балабанова 130, въ хоругви пана Олизарова 100; въ хоругви пана Малыньскаго 100; въ хоругви пана Струся 200; въ хоругви пана Калиновскаго, старосты Брацлавскаго 100; въ казацкой хоругви пана Хвалибогова 100. Къ отряду должно причислить и то войско, которое отправилось впередъ съ послами и присоединилось къ намъ подъ Шуйскимъ, а именно: въ хоругви пановъ Перемышльскаго и Стадницкаго 100 всадниковъ, въ хоругви пана Казановскаго 100, въ хоругви пана Фирлея 100, въ хоругви пана Гоздзиковскаго 100, въ хоругви пана Скумина старосты Брацлавскаго 100, въ хоругви пана Сподвиловскаго 100, въ хоругви князя Збаражскаго короннаго конюшаго 100.[31] Съ симъ войскомъ панъ гетманъ выступилъ изъ подъ Смоленска 8 іюня, за недѣлю до Троицына дня. Оставивъ прямую дорогу, онъ поворотилъ къ Бѣлой, думая найти Нѣмцевъ, служившихъ непріятелю; но тамъ ихъ не было,[32] и мы направили путь къ Москвѣ.

Не умолчу здѣсь о слѣдующемъ случаѣ: прежде выступленія

пана гетмана изъ подъ Смоленска, отправлено было изъ всего 1610.
войска къ деревни за съѣстными припасами 1800 пахоликовъ; а для большаго порядка послано съ ними по два товарища изъ роты: они дошли до Брянска, забрали тамъ скотъ и на возвратномъ пути подступили подъ Рославль, городъ обнесенный стѣною, съ деревяннымъ замкомъ, имѣвшій много пушекъ и немало людей для защиты. Пахолики, подстрекаемые добычею, спѣшились, и предводимые полковниками своими Павломъ Стрыеньскимъ и Оомою Падольскимъ, товарищами изъ роты региментаря моего князя Порыцкаго, немедленно овладѣли городомъ и, ограбивъ его, сожгли. Знатнѣйшіе изъ Москвитянъ заперлись въ замкѣ, и не желая сдаться пахоликамъ, отправили къ королю просьбу прислать кого либо для принятія отъ нихъ замка. Король, отдавъ Рославль въ староство князю Порыцкому, поручилъ ему принять его отъ Русскихъ. Городъ лежитъ отъ Смоленска въ 18 миляхъ, отъ Мстиславля въ 8. Отправясь съ хоругвію подъ начальствомъ ротмистра къ почтенному Рославлю, мы шли лѣсами и болотами, гдѣ едва ли когда птица пролетала и гдѣ пало у насъ много коней, измученныхъ мошками и мелкими насѣкомыми, которыхъ водится въ сихъ мѣстахъ многое множество. Переправясь чрезъ двѣ рѣки вплавь, мы достигли Рославля; но противъ чаянія, нашли не великую поживу и за трудъ не получили награды. Впрочемъ князь, принявъ отъ Русскихъ крѣпость, привелъ ихъ къ присягѣ; а начальникомъ города оставилъ Ѳому Падольскаго, котораго Москвитяне въ послѣдствіи за своевольство посадили на колъ. Сами же мы возвратились подъ Смоленскъ. Обращаюсь къ главному дѣлу.

22 іюня. Выступивъ изъ Бѣлой къ столицѣ, мы встрѣтили войско, шедшее къ королю изъ Тушина, и отряды, бывшіе съ нашими послами; они стояли лагеремъ подъ Шуйскимъ, въ 4 миляхъ отъ Царева-Займища. Тутъ панъ гетманъ получилъ извѣстіе о вновь прибывшемъ къ Цареву-Займищу непріятельскомъ войскѣ. Великій гетманъ силъ Московскихъ Дмитрій Шуйскій

1610. отрядилъ впередъ 8.000 отборныхъ войскъ съ Григоріемъ Валуевымъ,[33] для построенія при Царевѣ-Займищѣ на выгодномъ мѣстѣ *городка*, чтобы насъ безпокоить и пресѣкать намъ подвозъ съѣстныхъ припасовъ. Вывѣдавъ замыслы непріятелей, панъ гетманъ рѣшился напасть на нихъ прежде, чѣмъ они успѣютъ приготовить укрѣпленіе и соединиться; для сего желалъ употребить новыя войска, перешедшія къ королю отъ Царика; но они, по обыкновенію, начали торговаться, уперлись на выгодныхъ условіяхъ и не хотѣли итти съ гетманомъ, пока не получатъ его согласія на свое предложеніе.[34] Панъ гетманъ, не желая мѣшкать съ ними, двинулся впередъ одинъ, присоединивъ къ себѣ только отрядъ, бывшій съ послами.

Въ слѣдующій день, 24 іюня, подступивъ къ непріятелю, мы нашли его уже укрѣпленнымъ при Царевѣ-Займищѣ. Съ трудомъ прогнавъ Русскихъ отъ плотины, загораждавшихъ намъ путь, мы переправились на ихъ сторону, и на лугу въ прекрасной равнинѣ долго сражались съ ними подъ ихъ острожкомъ; счастіе колебалось то на ту, то на другую сторону; Москали много вредили намъ ружейною пальбою изъ башень, которыя успѣли уже построить; но по милости Божіей, побѣды не одержали и принуждены были отступить до своего рва. Тутъ мы потеряли пана Мартина Вайера и казацкаго ротмистра Сподвиловскаго. На другой день присоединились къ намъ тѣ войска, которыя наканунѣ торговались: они увидѣли, что ихъ уже не просятъ.

Панъ гетманъ, миновавъ непріятельскія укрѣпленія, расположился лагеремъ на большой Московской дорогѣ; спереди разставилъ сильную стражу, которая бодрствовала днемъ, тѣмъ болѣе ночью, изъ пѣхоты и казаковъ; окружилъ ихъ малыми острожками и велѣлъ имъ не допускать къ Москвитянамъ съѣстныхъ припасовъ и пороха, такъ что никто не могъ ни войти въ крѣпость, ни выдти изъ ней. Укрѣпленіе Москвитянъ съ двухъ сторонъ прилегало къ лѣсу, въ углу коего было устроено, съ третьей къ болоту, съ четвертой къ равнинѣ, гдѣ прорыты были глубокіе рвы, окру-

жавшіе ее и со стороны лѣса. Наши, пользуясь этимъ лѣсомъ, 1610.
повели свои острожки подъ бокъ непріятеля, такъ, что онъ не могъ вредить намъ. Начальникомъ острожковъ былъ Руцкій, шишъ. Враги часто дѣлали вылазки; но мало вредили намъ; между тѣмъ главное войско Московское къ намъ приблизилось. Лазутчики увѣдомили пана гетмана о движеніи и числѣ его. Нашихъ едва было 3000 человѣкъ; а Москвитяне имѣли болѣе 50.000 способныхъ къ бою, кромѣ 20.000 воружепныхъ холопей, возившихъ за войскомъ рогатки для укрѣпленія лагеря; сверхъ того при Валуевѣ паходилось 8000 человѣкъ, которыхъ мы держали въ осадѣ. Вѣсти смѣнялись вѣстями, и ни одной не было для насъ утѣшительной. Войско безпокоилось, наиболѣе отъ того, что не имѣло удобнаго мѣста къ сраженію, ибо лагерь нашъ находился между великими лѣсами, а въ тылу стоялъ укрѣпленный непріятель. Склонить врага къ миру казалось очевидною невозможностію; уйти нельзя было и думать; одинъ Господь могъ даровать намъ побѣду. Панъ гетманъ обыкновенно подсылалъ къ Москвитянамъ, чтобы добыть языка: привели четырехъ Нѣмцевъ, которые объявили, что нарочно передались къ намъ, и увѣдомили подробно о всѣхъ намѣреніяхъ непріятеля.

Въ слѣдствіе сего собранные паномъ гетманомъ для совѣта полковники и ротмистры постановили предупредить непріятеля. Москвитяне думали напасть на насъ завтра, а мы рѣшились ударить на нихъ сегодня. Они стояли отъ насъ только въ 4 миляхъ. Ротамъ велѣно тайно готовиться къ дѣлу и взять съ собою съѣстныхъ припасовъ на два дня. Все дѣлалось скрытно, для того, чтобы непріятель, бывшій въ острожкѣ насъ не подстерегъ и не узналъ о нашемъ удаленіи: ибо въ такомъ случаѣ напавъ на нашъ обозъ, гдѣ оставалось мало нашихъ, онъ на вѣрное успѣлъ бы имъ овладѣть. И такъ, съ Божіею помощію, за часъ предъ вечеромъ въ субботу, мы сѣли на коней и весьма тихо выступили изъ лагеря, оставивъ въ немъ двѣ роты, въ которыхъ

1610. считалось 700 всадниковъ, а именно: роту старосты Брацлавскаго Калиновскаго и роту Бобовскаго; сверхъ того 4000 Запорожскихъ казаковъ и 200 человѣкъ пѣхоты. Съ гетманомъ едва было 2500 воиновъ конныхъ и 200 пѣшихъ, съ 2 полевыми орудіями, въ четыре лошади каждая. Повозокъ съ нами не было никакихъ, кромѣ гетманской кареты.

Мы шли всю ночь и на разсвѣтѣ 4 іюля неожиданно явились предъ непріятелемъ. Задніе полки наши далеко отстали за пушками, увязшими въ болотѣ на узкой лѣсной дорогѣ, такъ, что обойти ихъ было трудно. Гетманъ, поджидая отставшихъ и не смѣя напасть на обширный непріятельскій лагерь, послалъ къ заднимъ полкамъ нарочнаго съ повелѣніемъ поспѣшить прибытіемъ, а самъ между тѣмъ устроивъ войско, приказалъ зажечь деревню, близъ которой расположились Москвитяне, и ударить въ барабаны съ трубнымъ звукомъ. Битва происходила подъ Клушинымъ.

Враги, встревоженные неожиданнымъ появленіемъ войска, спѣшили выступить изъ лагерей: Москвитяне изъ своего, обнесеннаго рогатками, а Нѣмцы изъ своего, расположеннаго отдѣльно и обставленнаго только возами. Тѣ и другіе выпадали безъ всякаго порядка, по пословицѣ: сѣдлай порты, давай коня.[35] Нѣмцы первые вступили въ дѣло, съ обыкновенными хитростями ставъ за болотами, за плетнями, въ густомъ лѣсу; пѣшіе мушкетеры ихъ, подкрѣпляемые копѣйщиками, много вредили намъ. Москвитяне, не надѣясь на свои силы, также размѣстили по своимъ отрядамъ Нѣмецкихъ рейтаровъ и вмѣстѣ съ ними приготовились къ бою. Страшно было взглянуть на эту тьму несмѣтную, при нашемъ малолюдствѣ!

Гетманъ, напомнивъ каждому о славѣ безсмертной, приказалъ двинуться на враговъ; между тѣмъ священники, разъѣзжая по полкамъ, благословляли воиновъ. И такъ, во имя Божіе, сперва нѣсколько ротъ вступили въ дѣло; за ними другія, наконецъ по порядку и прочія. Но пусть тотъ разскажетъ подробности сра-

женія, кто только смотрѣлъ на него; а мнѣ было жарко подъ 1610.
хоругвію Князя Порыцкаго: я отбивался отъ враговъ, какъ отъ мухъ.[36] Да и всѣмъ намъ досталось перевѣдаться съ непріятелемъ до упаду. Скажу только, что кромѣ роты пана Мартина Казановскаго, оставленной гетманомъ въ резервѣ, прочимъ случалось по 8 и 10 разъ схватываться съ непріятелемъ. Дѣло невѣроятное, но истинное! Гетманъ стоялъ на возвышеніи; видя, что наши какъ бы впали въ бездну адскую и сокрытые врагами, изрѣдка показывались съ хоругвію, которая взвиваясь, призывала къ бою, онъ терялъ уже надежду на успѣхъ, и какъ второй Моисей, поднявъ руки къ небу, непрестанно молилъ о побѣдѣ. Все упованіе мы возлагали на благость Всевышняго и только онъ, по милосердію своему къ Польскому народу, даровалъ намъ побѣду.

Въ многократныхъ схваткахъ съ непріятелемъ мы истратили военные снаряды и ослабѣли въ силахъ, (правду говоритъ пословица: и Геркулесъ множества не одолѣетъ); наши кони изнемогали, а воины, сражаясь непрестанно, отъ разсвѣта лѣтняго дня до обѣда, на вѣрное пять часовъ, потеряли и бодрость и охоту въ успѣхъ свыше природы человѣческой. Болѣе всего ужасала насъ мысль, что мы находились среди земли непріятельской, въ виду враговъ многочисленныхъ и жестокихъ: отбиться отъ нихъ нельзя было и подумать; испросить пощаду также казалось невозможнымъ: спасеніе наше зависѣло единственно отъ Бога, счастія и оружія. Мы ободряли другъ друга надеждою, которая поддерживала наше мужество. Наконецъ и она не помогала намъ, особенно потому, что вмѣстѣ съ силою мы потеряли и необходимыя для гусаръ копья, которыми вредили непріятелю. У насъ во всемъ былъ недостатокъ, а у враговъ увеличивалась и сила и бодрость. Не взирая на то, наши по обычаю бросаются съ хоругвію на передовые ряды ихъ, съ крикомъ: *къ бою, къ бою;* но тщетно; нѣтъ ни силъ, ни снарядовъ; не видно даже ни ротмистровъ, ни полковниковъ. Вступаемъ однако къ битву и мѣшаемся, какъ въ омутѣ. Непріятель, уже замѣтивъ нашу сла-

1610. бость, приказываетъ двумъ конным отрядамъ, стоявшимъ въ готовности, ударить въ насъ. Но это самое помогло намъ, и мы, по милости Всевышняго, одержали побѣду: наскочивъ на насъ, неготовыхъ къ бою, они дали залпъ, и когда по обыкновенію стали поворачивать назадъ, чтобы зарядить ружья, а другіе приближались на ихъ мѣсто съ залпомъ, мы, не давъ всѣмъ выстрѣлить, бросились на нихъ съ обнаженными палашами въ рукахъ, такъ, что первый рядъ не успѣлъ зарядить ружей, а второй выстрѣлить; оба отряда обратили тылъ, опрокинулись на все войско Московское, стоявшее въ готовности у воротъ лагеря, смѣшали его и разстроили. Москвитяне перепугались, ударились въ бѣгство вмѣстѣ съ Нѣмцами, и бросились въ лагерь, куда на плечахъ ихъ ворвались и мы, не встрѣтивъ никакого сопротивленія: хотя у воротъ лагеря стояло нѣсколько десятковъ тысячъ стрѣльцевъ, но они, по милости Божіей, не вредили намъ. Враги, видя, что и здѣсь не могутъ найти спасенія, раздвинули рогатки и чрезъ отверстія разбѣжались изъ лагеря. Мы гнались за ними цѣлую милю и болѣе. Такимъ образомъ, по благости Всевышняго, изъ побѣжденныхъ мы стали побѣдителями.

Возвращаясь изъ погони, мы думали найти своихъ уже торжествующими побѣду; но вмѣсто того увидѣли, что во время нашего преслѣдованія оставшіеся въ лагерѣ самимъ гетманомъ Московскимъ отряды конницы, вся пѣхота, стрѣльцы и крестьяне успѣли укрѣпиться по прежнему, заложивъ всѣ выходы и разставивъ стрѣльцовъ съ 18 полевыми орудіями, которыми не допускали подойти къ себѣ. А разбѣжавшіеся по лѣсамъ снова соединились съ своими единоземцами; также заперлись въ своемъ лагерѣ Нѣмцы и рейтары, отставшіе отъ крыла, нами опрокинутаго. Впрочемъ какъ Москвитяне, такъ и Нѣмцы были въ великой тревогѣ, послѣдніе особенно отъ того, что видѣли, какъ союзники ихъ нетверды ни въ словѣ, ни въ полѣ. Раздоръ возникъ между ними: Нѣмцы хотѣли удалиться; но Понтусъ, не согласный на то, долго обуздывалъ ихъ негодованіе.

Своихъ мы застали уже собранныхъ вмѣстѣ за холмомъ въ 1610.
нѣкоторомъ разстояніи отъ Московскаго лагеря: они сошли съ коней и держали ихъ за поводья; мы также хотѣли отдохнуть послѣ столь тяжкихъ трудовъ, при бездѣйствіи непріятеля. Гетманъ, не довольствуясь одержанною побѣдою, желалъ довершить пораженіе непріятеля, нападеніемъ съ тыла на Нѣмецкій лагерь болѣе доступный, нежели Московскій. Между тѣмъ Нѣмцы начали по два и по три перебѣгать въ нашъ лагерь, извѣщая, что и всѣ единоземцы ихъ намѣрены поручить себя милости гетманской; вскорѣ прибѣжало ихъ нѣсколько десятковъ, съ тѣмъ же извѣстіемъ. Гетманъ рѣшился испытать, нельзя ли заключить съ ними условіе, въ надеждѣ одолѣть враговъ скорѣе словами, нежели саблею, и велѣлъ трубачу дать сигналъ, о желаніи своемъ вступить въ переговоры. Нѣмцы очень охотно согласились на то, и не малое число ихъ явилось въ нашъ лагерь съ увѣдомленіемъ, что одинъ только Понтусъ препятствуетъ заключенію мира.

Панъ гетманъ выслалъ къ Понтусу племянника своего пана Жолкѣвскаго короннаго обознаго и пана Борковскаго Большаго, разумѣвшихъ разные иностранные языки, съ тѣмъ, чтобы они напомнили ему неоднократную присягу никогда не воевать съ королемъ Польскимъ, и чтобы увѣрили его въ забвеніи прошедшаго и въ милости королевской, если онъ покорится его величеству. Понтусъ согласился на предложеніе, съ тѣмъ условіемъ, чтобы всякому, кто пожелаетъ, вольно было возвратиться домой; въ слѣдъ за тѣмъ далъ знать Дмитрію Шуйскому, гетману Московскому, что нѣтъ болѣе средствъ удерживать войско въ повиновеніи, и чтобы Шуйскій принялъ мѣры къ своей безопасности. Лишь только услышалъ это Московскій воевода, тотчасъ сѣлъ на коня и бросился изъ лагеря къ Москвѣ; вмѣстѣ съ нимъ поскакалъ кто могъ, а пѣхота разсыпалась по ближайшимъ лѣсамъ. Стража наша крикнула: *враги бѣгутъ;* мы пустились въ погоню и гнали ихъ мили двѣ или три, побивъ болѣе во время преслѣдованія, нежели на мѣстѣ.

1610. Возвратясь къ своимъ уже подъ вечеръ, мы нашли всѣхъ Нѣмцевъ у пана гетмана, и оба лагеря разоренными. Наши служили молебенъ и пѣли *Тебя Бога хвалимъ*, въ благодарность за столь великую и неизрѣченную милость Всевышняго. Послѣ того панъ гетманъ велѣлъ тѣла убіенныхъ воиновъ собрать въ одно мѣсто и похоронить, а знатнѣйшихъ и товарищей взять съ собою; раненныхъ же положить частію въ карету, частію на носилки, укрѣпленныя между двумя лошадьми, и отправить за собою въ лагерь. Давъ немного отдохнуть конямъ и ни чего не перекусивъ, на закатѣ солнца мы возвратились вмѣстѣ съ Нѣмцами къ своему обозу, находившемуся въ 4 миляхъ отъ мѣста сраженія.

Москвитяне, находившіеся въ острогѣ съ Валуевымъ, ничего не знали о нашемъ отступленіи; иначе если бы они свѣдали, то на вѣрное напали бы на насъ, какъ послѣ того сами говорили. Намъ велѣно, не слѣзая съ коней, немедленно овладѣть острогомъ. Москвитяне оборонялись упорно и не хотѣли слышать, когда мы говорили, что войско ихъ уже разбито, что выручить ихъ некому и что имъ остается положить оружіе. Но какъ скоро Нѣмцы, по приказанію гетмана, подступили къ острогу, унынie овладѣло врагами: они стали просить о заключеніи перемирія въ слѣдующее утро. Переговоры тянулись нѣсколько дней; наконецъ въ пятницу Валуевъ съ 400 всадниковъ пріѣхалъ къ шатрамъ гетманскимъ: всѣ они присягнули королевичу Владиславу; а къ ночи возвратились въ свой лагерь.

На другой день панъ гетманъ, сопровождаемый тысячнымъ отрядомъ коннаго рыцарства, пріѣхалъ къ острогу: Москвитяне выходили изъ него полками и всѣ до самаго послѣдняго присягали въ вѣрности. Для принятія присягъ, панъ гетманъ назначилъ Руцкаго шиша, Бобовскаго, Добромирскаго и меня четвертаго. Не мѣшкая долго въ семъ мѣстѣ, мы двинулись къ столицѣ: всѣ присягнувшіе Москвитяне и Нѣмцы были съ нами. Но едва мы отошли нѣсколько миль, какъ прибѣжали изъ Москвы къ пану

гетману Русскіе съ извѣстіемъ, что тамъ царя Василія Шуйскаго 1610.
постригли въ монахи, родныхъ же братьевъ его Дмитрія и Ивана содержатъ подъ стражею, а насъ ожидаютъ съ нетерпѣніемъ, желая возвести на царство королевича Владислава.[37]

12 іюля мы пришли подъ Можайскъ. Измѣнникъ Волчекъ сдалъ было городъ Русскимъ, и самъ уѣхалъ въ Москву; насъ приняли ласково; попы вышли на встрѣчу по обыкновенію съ образами, съ хлѣбомъ и солью. Тутъ мы пробыли цѣлую недѣлю; между тѣмъ ежедневно являлись изъ столицы Москвитяне съ свѣжими вѣстями, что тамъ насъ ждутъ нетерпѣливо. Гетманъ, однако подвигаясь медленно, не прежде 22 іюля прибылъ къ столицѣ, и въ одной милѣ отъ нея расположился лагеремъ.

Между тѣмъ, Самозванецъ, бывшій въ Калугѣ, узнавъ о нашей побѣдѣ и о постриженіи Шуйскаго, поспѣшилъ также къ Москвѣ, и ставъ лагеремъ съ другой стороны, въ одной милѣ отъ столицы, вмѣстѣ съ Яномъ Сапѣгою старостою Усвятскимъ, произвелъ между Русскими несогласіе: чернь желала возвести его на пре столъ, а бояре хотѣли королевича.

Въ слѣдующій день прибыли изъ Москвы къ пану гетману бояре, съ просьбою отъ имени старшихъ бояръ, дозволить торговцамъ пріѣзжать въ нашъ лагерь съ товарами и съѣстными припасами: намъ того и надобно было. Съ тѣхъ поръ мы имѣли всего вдоволь, да и сами уже могли ходить въ столицу для своихъ потребностей. Съ Царикомъ же у насъ всегда бывали драки.

Послѣ продолжительныхъ споровъ въ столицѣ, чернь должна была наконецъ уступить боярамъ: Москвитяне согласились признать королевича Владислава царемъ на извѣстныхъ условіяхъ, изъ коихъ главнѣйшія были слѣдующія: 1) Русская вѣра остается неприкосновенною и ни въ чемъ неизмѣнною. 2) Королевичъ долженъ немедленно принять ее; другія же вѣроисповѣданія не дозволитъ вводить въ Россію. Касательно этого условія панъ гетманъ объявилъ, что государь молодой, ко всему склонный

1610. приметъ Русскую вѣру, когда Господь Богъ внушитъ ему мысль, а Москвитяне докажутъ ему свою преданность, любовь и искренность. Съ такимъ мнѣніемъ Русскіе согласились. 3) Царикъ будетъ истребленъ соединенными силами. Были и другія условія, которыя я опускаю, упомянувъ только о главнѣйшихъ.[38]

Въ то же время Заруцкій, который пріѣхалъ было къ королю подъ Смоленскъ съ царемъ Касимовскимъ, досадуя на пана гетмана, поручившаго полкъ преданныхъ королевичу Москвитянъ не ему, а Салтыкову младшему, человѣку знатнаго рода, бѣжалъ отъ насъ среди бѣлаго дня къ Царику; въ слѣдъ за нимъ, съ позволенія гетмана, отправился и царь Касимовскій, коего сынъ находился при Самозванцѣ.

Августа 5. Бояре, согласившись съ нами въ условіяхъ, назначили день и мѣсто для принесенія присяги королевичу: на половинѣ дороги отъ нашего лагеря къ столицѣ разбили шатры и тамъ присягали съ обѣихъ сторонъ. Въ Москвѣ же приводили къ присягѣ бояръ и народъ Русскіе сановники, избранные боярами, и жолнеры, назначенные паномъ гетманомъ. Это продолжалось цѣлыя семь недѣль ежедневно, кромѣ воскресенья и большихъ праздниковъ; въ иной день присягало по 8, 10 и 12.000 человѣкъ; въ одной столицѣ болѣе 300.000 признали себя подданными королевича; въ города же и области Русскаго государства разосланы были для того бояре. Такимъ образомъ въ три мѣсяца вся Московская земля присягнула королевичу, исключая Смоленска и тѣхъ городовъ, которые Понтусъ держалъ въ осадѣ и въ послѣдствіи овладѣлъ ими, а именно: Новагорода, Пскова и другихъ, имъ прилежащихъ.

Зима уже приближалась; по замиреніи съ Русскими, надобно было расположить войско на зимнія квартиры. Пану гетману казалось неудобнымъ оставить насъ въ столицѣ, изъ опасенія, чтобы своевольство нашихъ не раздражило Москвитянъ, (въ чемъ и не обманулся); но какъ многіе считали это необходимымъ, для обузданія Москвитянъ, то панъ гетманъ согласился оставить насъ

въ Москвѣ, занявъ сверхъ того Польскими войсками Можайскъ 1610.
и Борисовъ, куда послалъ свой полкъ и Струсевъ.

По принесеніи Москвитянами присяги, 26 августа мы двинулись изъ лагеря къ столицѣ, въ слѣдствіе заключеннаго условія, для уничтоженія Самозванца. Москвитяне, отворивъ ворота, пустили насъ съ войскомъ чрезъ городъ, потому что обходить его было бы далеко. Царикъ однако остерегся и ускользнулъ въ Калугу, а мы возвратились назадъ, ничего не сдѣлавъ. Ему предлагали покориться королю и удовольствоваться доходами Гродна или Самбора; но онъ не хотѣлъ того, себя на бѣду: и теперь могъ бы спокойно ѣсть свой кусокъ хлѣба.

Заключивъ съ Русскими миръ и утвердивъ его присягою, панъ гетманъ 29 августа, пригласилъ къ себѣ въ лагерь всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ на обѣдъ и угостилъ ихъ какъ можно лучше; каждаго одарилъ конями, сбруею, палашами, саблями, бокалами, чашами, рукомойниками; онъ роздалъ не только свои собственныя вещи, но бралъ ихъ и у ротмистровъ и у товарищей, не отпустивъ самаго послѣдняго Москвича съ пустыми руками. Этотъ пиръ стоилъ ему дорого.

Сентября 2. Москвитяне съ своей стороны пригласили на обѣдъ пана гетмана въ столицу: угощалъ его князь Мстиславскій, какъ первый вельможа, знатнѣйшій изъ бояръ. Былъ и я на этомъ обѣдѣ съ паномъ гетманомъ. Насъ помѣстили въ трехъ комнатахъ; кушанья были приготовлены по-Русски; мнѣ ни одно изъ нихъ не понравилось, кромѣ хлѣбныхъ, наподобіе Французскихъ. Были и другія пирожныя. Медъ подавали разные; каждый разъ наливали новаго сорта, чтобы показать, какъ много ихъ въ Московскомъ государствѣ. Наши хотѣли попить и просили наливать сколько угодно, только одного сорта, не смѣшивая съ другимъ; Москвитяне не соглашались и дѣлали по своему. Послѣ обѣда, гетману подарено сорокъ соболей (не изъ лучшихъ), а ротмистрамъ по парѣ, изъ явнаго презрѣнія; не желая только оскорбить Москвитянъ отказомъ, мы приняли подарки. Нашу гет-

1610. мяну дали еще сокола и собаку для травли медвѣдей, которую сперва произвели на дворѣ. Послѣ чего мы возвратились въ лагерь. Чернь между тѣмъ волновалась, не взирая на присягу, и вступила съ боярами въ распрю, требуя перемѣны государя. Зло однако утихло до времени.

Октября 5, по случаю наступленія зимы, расписывали на войско квартиры въ столицѣ, по одному двору на роту.[39]

Октября 9, мы тихо вступили въ столицу, непримѣтно свернувъ знамена,[40] для того, чтобы Москвитяне не свѣдали о малочисленности нашей.

Октября 14, съ согласія бояръ, назначены войску города для кормленія, въ разстояніи ста миль и болѣе отъ столицы; на мою роту достались два города: Суздаль и Кострома, въ 70 миляхъ отъ Москвы. Мы немедленно послали туда товарищей съ пахоликами, для собранія съѣстныхъ припасовъ. Но наши, ни въ чемъ не зная мѣры, не довольствовались миролюбіемъ Москвитянъ и самовольно брали у нихъ все, что кому нравилось, силою отнимая женъ и дочерей у знатнѣйшихъ бояръ. Москвитяне очень негодовали, и имѣли полное къ тому право. Для устраненія подобныхъ безпорядковъ, по нашему совѣту, они согласились платить намъ деньгами по 30 злотыхъ на коня, собирая ихъ съ городовъ сами чрезъ своихъ чиновниковъ.

Бывшій царь, Шуйскій, находившійся подъ стражею въ одномъ монастырѣ въ столицѣ, отвезенъ съ обоими братьями къ Троицѣ. Къ королю отправлены послами отъ Московскаго государства Василій Голицынъ, Сукинъ и бывшій патріархъ Филаретъ.[41] Панъ гетманъ также уѣхалъ къ королю, поручивъ войско Александру Гопсѣвскому. Онъ взялъ съ собою трехъ Шуйскихъ, царя и двухъ братьевъ его, и отдалъ ихъ королю подъ Смоленскомъ, какъ плѣнниковъ. Въ столицѣ остались: полкъ Зборовскаго, перешедшій къ королю отъ Царика изъ Тушина, полкъ Казановскаго, прибывшій съ королемъ изъ Польши,[42] 6,000 Нѣмцевъ, передавшихся къ намъ послѣ Клушинской битвы, подъ

начальствомъ Борковскаго Большаго, и полкъ Гонсѣвскаго, также 1610.
прибывшій съ королемъ. У Можайска расположились, для охраненія нашихъ сообщеній, полкъ Гетманскій и полкъ Струсевъ. А въ Дѣвичьемъ монастырѣ, обширномъ и укрѣпленномъ, лежащемъ въ четверти мили отъ столицы на Польской дорогѣ, поставлены изъ полка Гонсѣвскаго четыре роты Глускаго, Гречинина, Ошаньскаго и Котовскаго.

Нѣсколько недѣль мы провели съ Москвитянами во взаимной недовѣрчивости, съ дружбою на словахъ, съ камнемъ за пазухой, по Русской пословицѣ; угощали другъ друга пирами, а мыслили иное. Мы наблюдали величайшую осторожность; стража день и ночь стояла у воротъ и наперекресткахъ. Заблаговременно предупреждая зло, по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, панъ Гонсѣвскій разослалъ по городамъ 18,000 стрѣльцовъ, (которые постоянно живутъ въ Москвѣ при особѣ царской, получая кормъ изъ его кладовыхъ), подъ предлогомъ охраненія городовъ отъ Понтуса въ самомъ же дѣлѣ для нашей собственной безопасности:[43] этимъ способомъ мы ослабили силы непріятеля. Москвитяне уже скучали нами; не знали только какъ сбыть насъ, и, умышляя намъ ковы, часто производили тревогу такъ что по 2, по 3 и 4 раза въ день мы садились на копей и почти не разсѣдлывали ихъ. Въ съѣстныхъ припасахъ было у насъ изобиліе: за деньги мы все могли купить, и дешево. Въ Москвѣ 14 рынковъ, гдѣ на каждомъ всякій день можно было достать все, чего хотѣлось: тамъ торгуютъ ежедневно. Всѣ Русскіе ремесленники превосходны, очень искусны и такъ смышлены, что все, чего съ рода не видывали, не только не дѣлывали, съ перваго взгляда поймутъ и сработаютъ столь хорошо, какъ будто съ малолѣтства привыкли, въ особенности Турецкія вещи: чапраки, сбруи, сѣдла, сабли съ золотою насѣчкою. Всѣ вещи не уступятъ настоящимъ Турецкимъ.

Случилось между тѣмъ при однихъ воротахъ стоять на стражѣ ротѣ Мархоцкаго;[44] нѣкто Блинскій, изъ отряда какого-то това-

1610. рища, напившись пьянъ, выстрѣлилъ нѣсколько разъ въ икону пресвятой Богородицы, писанную въ воротахъ на стѣнѣ. Бояре принесли жалобу Гонсѣвскому; онъ велѣлъ парядить судъ, и коло приговорило Блинскаго къ смерти. Ему отрубили обѣ руки; а самого сожгли на кострѣ предъ воротами. Потомъ принесли другую жалобу: кто-то выстрѣлилъ въ крестъ на церковномъ куполѣ; стрѣла воткнулась въ куполъ. Произвели розыскъ, но виноватаго не отыскали: ему вѣрно отсѣкли бы руку. Случилось также, что одинъ изъ пахоликовъ насильно увелъ дочь боярина, который возвращался съ нею и съ женою домой изъ бани. Обиженный не зналъ, на кого жаловаться. Наконецъ, чрезъ двѣ недѣли дочь возвратилась въ домъ родительскій: виновнаго нашли и наряженное коло приговорило его, по Польскимъ законамъ, къ смерти. Бобовскій однако предложилъ судить по Московскимъ законамъ, къ обоюдному удовольствію и Поляковъ и Москвитянъ: виновнаго высѣкли кнутомъ на улицѣ. Онъ былъ радъ, что голова его уцѣлѣла; Москвитяне также остались довольны.

Октября 24, пришла въ столицу вѣсть, что Царикъ, бывшій въ Калугѣ, убитъ Татариномъ Петромъ Урусовымъ[45] въ полѣ, когда онъ гонялся за зайцами. Москвитяне были внѣ себя отъ радости: до сихъ поръ, имѣя въ виду этого врага, они не смѣло нападали на насъ; теперь же, когда его не стало, начали пріискивать всѣ способы, какъ бы выжить насъ изъ столицы. Виною замысла была медленность королевича вступить на престолъ Московскій: ибо въ Россіи междуцарствіе никогда не продолжалось болѣе трехъ дней, притомъ же носился слухъ, что не королевичъ, а самъ король хотѣлъ царствовать въ Москвѣ. Для лучшаго въ замыслѣ успѣха и для скорѣйшаго вооруженія Русскихъ, патріархъ Московскій тайно разослалъ по всѣмъ городамъ граматы, которыми, разрѣшая народъ отъ присяги королевичу, тщательно убѣждалъ соединенными силами какъ можно скорѣе спѣшить къ Москвѣ, не жалѣя ни жизни, ни имуществъ, для защиты Христіанской вѣры и для одолѣнія непріятеля. «Враги уже почти въ

рукахъ нашихъ», писалъ патріархъ: «когда же сеадимъ ихъ съ 1610.
шеи и освободимъ государство отъ ига; тогда кровь христіанская престанетъ литься, и мы, свободно избравъ себѣ царя отъ рода Русскаго, съ увѣренностію въ ненарушимости вѣры православной, служащей оплотомъ нашему государству, не примемъ царя Латинскаго, коего навязываютъ намъ силою и который влечетъ за собою гибель нашей странѣ и народу, разореніе храмамъ и пагубу вѣрѣ христіанской».[46]

О грамотахъ патріарха извѣстили насъ доброжелательные бояре, обходившіеся съ нами откровенно;[47] чтобы еще болѣе удостовѣриться въ замыслахъ Москвитянъ, посланъ былъ 25 декабря Вашинскій съ 700 всадниковъ добыть языка въ окрестностяхъ: онъ перехватилъ гонца съ подлинными патріаршими грамотами. Узнавъ о грозившей опасности, мы пришли въ великое безпокойство, усилили караулъ, увеличили бдительность, день и ночь стояли на стражѣ и осматривали въ городскихъ воротахъ всѣ телѣги, нѣтъ ли въ нихъ оружія: въ столицѣ отданъ былъ приказъ, чтобы никто изъ жителей подъ смертною казнію не скрывалъ въ домѣ своемъ оружія и чтобы каждый отдавалъ его въ царскую казну. Такимъ образомъ случилось находить цѣлыя телѣги съ длинными ружьями, засыпанными сверху какимъ либо хлѣбомъ: все это представляли Гонсѣвскому вмѣстѣ съ извощиками, которыхъ онъ приказывалъ немедленно сажать подъ ледъ.

Къ Рождеству Христову бываетъ въ Москвѣ великое стеченіе 1611.
народа, а къ Крещенью еще болѣе: со всего государства съѣзжаются бояре для торжественнаго обряда, совершаемаго самимъ патріархомъ на рѣкѣ Москвѣ; устроенная около проруби рѣшетка удерживаетъ народъ, а для Царя приготовляется великолѣпный и драгоцѣнный тронъ, откуда онъ любуется на многочисленные сонмы народа, простирающіеся иногда (какъ сказывали люди свѣдущіе) до 3 и 4 сотъ тысячъ, въ чемъ можно удостовѣриться однимъ взглядомъ. Въ 1611 году стеченіе было не такъ велико, отъ внутреннихъ неустройствъ, однакожь довольно значительно. Пользу-

1611. ясь этимъ съѣздомъ, Москвитяне замышляли противъ насъ измѣну; наши остерегліись и уже не отрядами, а цѣлымъ войскомъ держали стражу, готовясь къ отпору, какъ бы въ военное время; отъ Рождества до самаго Крещенья, доколѣ не разъѣхались Москвитяне, мы не разсѣдлывали коней ни днемъ, ни ночью. Русскіе, замѣтивъ это, отложили свое намѣреніе до удобнѣйшаго времени, желая захватить насъ въ расплохъ, безъ потери своихъ. Уже нельзя было покойно спать среди враговъ такъ сильныхъ и жестокихъ; единственнымъ средствомъ къ спасенію оставалась мужественная оборона и побѣда. Всѣ мы утомлялись частыми тревогами, которыя бывали по 4 и по 5 разъ въ день, и непрестанною обязанностію стоять по очереди въ зимнее время на стражѣ: караулы надлежало увеличить, войско же было малочисленно. Впрочемъ товарищество сносило труды безропотно: дѣло шло не о ремнѣ, а о цѣлой шкурѣ.

Мнѣ было тепло. Я стоялъ съ хоругвію во дворѣ младшаго брата царскаго Александра Шуйскаго, уже умершаго (вдову его царь выдалъ за татарскаго царевича, крещеннаго въ Русскую вѣру, Петра Урусова, того самаго, который убилъ Самозванца въ Калугѣ во время охоты). Рядомъ съ этимъ дворомъ былъ дворъ боярина Ѳедора Головина. Я же зналъ въ Жмуди вдову Головину, вышедшую въ послѣдствіи за пана Яна Млечка, судью земскаго; а прежде она была за роднымъ братомъ Ѳедора Головина, удалившимся изъ Москвы, какъ сказываютъ, еще при Стефанѣ, въ Жмудь, гдѣ дали ему помѣстье. Я воспользовался случаемъ, чтобъ познакомиться съ бояриномъ: припомнилъ все, что зналъ, придумалъ, чего не было, и отправился къ сосѣду. Сначала не хотѣли впустить меня и въ ворота, обыкновенно всегда запертые; но когда я сказалъ, что намѣренъ сообщить кой-что о братѣ боярина, бывшемъ въ Литвѣ, Москвичъ былъ весьма радъ мнѣ, какъ и всякому пріятно слышать добрыя вѣсти о родныхъ и домашнихъ. Онъ распрашивалъ меня о помѣстьяхъ, объ оставшихся дѣтяхъ, о житьѣ-бытьѣ покойнаго брата; я говорилъ, что на умъ прихо-

дило, ничего не зная и выдавая выдумки за истину. Съ тѣхъ 1611.
поръ мы подружились и стали называть другъ друга кумомъ. Это кумовство мнѣ было очень выгодно: я часто бывалъ у него съ товарищами на обѣдахъ; сверхъ того онъ всегда присылалъ мнѣ съѣстные припасы, привозимые изъ помѣстьевъ, и всякаго рода овощи; а для коней овса и сѣна. Въ особенности дорога его дружба была мнѣ при возстаніи Москвитянъ. Я съ своей стороны при всякомъ случаѣ оказывалъ ему помощь и часто угощалъ его обѣдами, приготовленными по-Польски, къ великому удивленію боярина, который не только не ѣдалъ прежде нашихъ кушаньевъ, но никогда ихъ и не видывалъ. Познакомившись короче, я просилъ его, въ тайныхъ бесѣдахъ, предостеречь меня отъ измѣны Москвитянъ; онъ обѣщалъ охотно, и съ своей стороны просилъ моей защиты отъ Поляковъ. Предосторожности наши были однако напрасны: мятежъ разразился громомъ, и немногіе могли предугадать его; впрочемъ Головинъ предупреждалъ меня въ другихъ неблагопріятныхъ случаяхъ, и тѣмъ оказалъ намъ большую услугу.

Случалось мнѣ бывать на свадьбахъ Московскихъ, у многихъ людей знатныхъ. Обычаи тамъ такіе: въ одной комнатѣ сидятъ мужчины, въ другой, особой, женщины. Тутъ угощаютъ ихъ множествомъ яствъ, приготовленныхъ въ видѣ похлёбки, подавая ихъ въ блюдахъ, съ обѣихъ сторонъ выбѣленныхъ и поставленныхъ на сковороды, для удобнѣйшаго подогрѣванія на углях. Кушанья ставятъ на столъ не всѣ вмѣстѣ, а сперва ѣдятъ одно, потомъ другое, третье, до послѣдняго; между тѣмъ принесенныя блюда держатъ въ рукахъ. Никакой музыки на вечеринкахъ не бываетъ; надъ танцами нашими смѣются, считая неприличнымъ плясать честному человѣку. За то есть у нихъ такъ называемые *шуты*, которые тѣшатъ ихъ Русскими плясками, кривляясь какъ скоморохи на канатѣ, и пѣснями, большею частію весьма безстыдными. Иногда же, въ подражаніе нашимъ обычаямъ, приказываютъ играть на *лирахъ*: этотъ инструментъ похожъ на скрипку;

1611. только вмѣсто смычка, употребляютъ колесцо, приправленное посрединѣ: одною рукою кружатъ колесцо и трогаютъ имъ струны, снизу; другою прижимаютъ клавиши, коихъ на шейкѣ инструмента находится около десяти; каждый придавленный клавишъ сообщаетъ струнѣ звукъ тоньѣе. Впрочемъ играютъ и припѣвають на одну только ноту.[48]

За этою забавою слѣдуетъ другая: изъ дальней комнаты, гдѣ сидятъ женщины (строеніе идетъ рядомъ въ три и четыре комнаты), является нѣсколько такъ называемыхъ *дворянокъ*, хорошо одѣтыхъ: это жены слугъ. Онѣ становятся у дверей, изъ которыхъ вышли, при концѣ стола, гдѣ сидятъ гости, и забавляютъ ихъ разными шутками: сперва разсказываютъ сказки съ прибаутками, благопристойныя; а потомъ поютъ пѣсни, такія срамныя и безстыдныя, что уши вянутъ. Русскимъ однако это очень нравится, и на здоровье! Пусть останутся при своихъ забавахъ, не зная лучшихъ! О танцахъ нашихъ они говорятъ: «что за охота «ходить по избѣ, искать, ничего не потерявъ, притворяться «сумасшедшимъ и скакать скоморохомъ? Человѣкъ честный дол«женъ сидѣть на своемъ мѣстѣ, и только забавляться кривляньями «*шута*, а не самъ быть шутомъ, для забавы другаго: это не «годится!»

Такой образъ мыслей, по моему мнѣнію, происходитъ отъ того, что мужчины не допускаютъ женщинъ въ свои бесѣды, не дозволяя имъ даже показываться въ люди, кромѣ одной церкви. Да и тутъ, каждый бояринъ, живущій въ столицѣ домомъ, имѣетъ для жены церковь не въ дальнемъ разстояніи отъ своего двора. Если же случится боярынѣ въ торжественный праздникъ отправиться въ большую церковь, она выѣзжаетъ въ колымагѣ, со всѣхъ сторонъ закрытой, исключая боковыхъ дверецъ, съ окнами изъ прозрачныхъ, какъ стекло, камней, или изъ бычачьяго пузыря: отсюда она видитъ каждаго; ее же никто разглядѣть не можетъ, развѣ когда садится въ колымагу, или выходитъ изъ нея. Самыя знатныя боярыни ѣздятъ всегда цугомъ, въ двѣ лошади, обыкно-

венно бѣлыя: каждую ведетъ конюхъ за поводья; у лошади, запря- 1611.
женной въ оглобли, на хомутѣ виситъ сорокъ соболей; а у цуговой шлея и постромки, также узды и поводья бываютъ иногда красныя бархатныя; иногда же ременныя. Около колымаги идетъ нѣсколько слугъ: число ихъ соразмѣрно съ знатностью господина.

Комнаты для женщинъ строятся въ задней части дома, и хотя есть къ нимъ входъ съ двора по лѣстницѣ, но ключъ хозяинъ держитъ у себя, такъ что, въ женскую половину можно пройти только чрезъ его комнату. Изъ мужчинъ, не пускаютъ туда никого, не исключая и домашнихъ. Дворъ же, за комнатами женскими, обгораживается такимъ высокимъ палисадникомъ, что развѣ птица перелетитъ чрезъ него. Здѣсь-то женщины прогуливаются. Если хозяинъ гостю радъ, то выводитъ къ нему жену и дѣтей: ихъ непремѣнно надобно поцѣловать для привѣтствія; иначе будетъ неучтиво. Всѣ вообще женщины благородныя бѣлятся,[49] и показаться въ люди не набѣлившись, считаютъ за смертный грѣхъ и стыдъ.

Женятся они почти какъ Жиды; иной женихъ не видитъ своей невѣсты до самой свадьбы; если же, по особенной благосклонности, захотятъ показать ее, то она для свиданія входитъ въ комнату, и поцѣловавшись съ суженымъ, немедленно удаляется, не сказавъ ни слова.

Бояринъ, выѣзжая изъ дому, садится въ сани, запряженныя въ одну рослую, по большей части бѣлую лошадь, съ сорокомъ соболей на хомутѣ. Правитъ ею конюхъ, сидя верхомъ, безъ сѣдла. Сани выстилаются внутри медвѣдемъ, у богатыхъ бѣлымъ, у другихъ чернымъ. О коврахъ не спрашивай. Санные передки обыкновенно дѣлаются, для защиты отъ грязи, такъ высоки, что изъ саней едва можно видѣть голову конюха, сидящаго на лошади. Множество слугъ и рабовъ провожаютъ боярина: одни стоятъ на передкахъ, другіе по срединѣ, бокомъ къ нему, а нѣкоторые сзади, прицѣпившись къ санямъ. Ночью же, или по захожденію солнца, челядинецъ, стоящій впереди, держитъ большой фонарь съ горя-

1611. щею свѣчею, не столько для освященія дороги, сколько для личной безопасности: тамъ каждый ѣдущій, или идущій ночью безъ огня считается или воромъ или лазутчикомъ. Посему и знатные и не знатные, во избѣжаніе бѣды, должны ѣздить и ходить съ фонаремъ: а кто попадется въ лапы дозора безъ огня, того немедленно отправляютъ въ крѣпость, въ тюрму, откуда рѣдкій выходитъ.

Судъ Московскій. Въ Москвѣ столько судовъ, сколько можетъ быть дѣлъ: въ одномъ напримѣръ судятъ воровъ, въ другомъ разбойниковъ, въ третьемъ мошенниковъ, хотя преступленіе одно и то же, только въ разной степени. О дѣлахъ же, болѣе различествующихъ между собою, и говорить нечего. Судьи засѣдаютъ въ особыхъ домахъ, именуемыхъ Розрядами, ежедневно съ ранняго утра до обѣдни; какъ же скоро услышатъ благовѣсть, всѣ встаютъ, и засѣданіе прекращается. Самое большое уголовное преступленіе наказываютъ не смертью, а кнутомъ, исключая умысла на особу царскую: въ такомъ случаѣ, даже по одному подозрѣнію, безъ всякаго суда и слѣдствія, пускаютъ виновнаго подъ ледъ, не пріемля ни какихъ оправданій.

Должникъ, не заплатившій къ сроку, призывается въ Розрядъ, и если сознается въ долгу, но скажетъ, что заплатить не въ силахъ, судья велитъ ему стать предъ Розрядомъ, а Розрядному служителю, сторожу или сыщику[50] бить его, стоящаго, по икрамъ тростью, длиною въ полтора локтя, наблюдая самъ за расправою изъ окна. Она производится ежедневно по одному часу предъ обѣднею и повторяется до тѣхъ поръ, пока должникъ не удовлетворитъ своего займодавца. Предъ Розрядомъ всегда бываетъ болѣе десяти такихъ должниковъ: надъ ними трудятся нѣсколько служителей, которые раздѣливъ между собою виновныхъ, ставятъ ихъ рядомъ и начавъ съ перваго, ударяютъ каждаго по очереди до послѣдняго, три раза по икрѣ, проходя рядъ отъ одного конца до другаго. Впрочемъ должникъ можетъ поставить кого-либо вмѣсто себя, если вскорѣ успѣетъ найти охотника за деньги.[51]

Москвитяне наблюдаютъ великую трезвость, которой требуютъ 1611.
строго отъ вельможъ и отъ народа. Пьянство запрещено; корчемъ или *кабаковъ* нѣтъ во всей Россіи; негдѣ купить ни вина, ни пива, и даже дома, исключая бояръ, ни кто не смѣетъ приготовить для себя хмѣльнаго: за этимъ наблюдаютъ лазутчики и старосты, коимъ велѣно осматривать домы. Иные пытались скрывать боченки съ виномъ, искусно задѣлывая ихъ въ печахъ; но и тамъ, къ большей бѣдѣ виновныхъ, ихъ находили. Пьянаго тотчасъ отводятъ *въ бражную тюрьму*, нарочно для нихъ устроенную (тамъ для каждаго рода преступниковъ есть особенная темница), и только чрезъ нѣсколько недѣль освобождаютъ изъ нея, по чьему либо ходатайству. Замѣченнаго въ пьянствѣ вторично, снова сажаютъ въ тюрьму надолго, потомъ водятъ по улицамъ и нещадно сѣкутъ кнутомъ, наконецъ освобождаютъ. За третью же вину, опять въ тюрьму, потомъ подъ кнутъ; изъ подъ кнута въ тюрьму, изъ тюрьмы подъ кнутъ, и такимъ образомъ парятъ виновнаго разъ до десяти, чтобы наконецъ пьянство ему омерзѣло. Но если и такое исправленіе не поможетъ, онъ остается въ тюрьмѣ, пока сгніетъ.[52]

Науками въ Москвѣ вовсе не занимаются; онѣ даже запрещены.[53] Вышеупомянутый бояринъ Головинъ разсказывалъ мнѣ, что въ правленіе извѣстнаго тирана[54] одинъ изъ нашихъ купцовъ, пользовавшихся правомъ пріѣзжать въ Россію съ товарами, привезъ съ собою въ Москву кучу календарей; царь, узнавъ о томъ, велѣлъ часть этихъ книгъ принесть къ себѣ. Русскимъ онѣ казались очень мудреными; самъ царь не понималъ въ нихъ ни слова; посему опасаясь, чтобы народъ не научился такой премудрости, приказалъ всѣ календари забрать во дворецъ, купцу заплатить, сколько потребовалъ, а книги сжечь. Одну изъ нихъ я видѣлъ у Головина. Тотъ же бояринъ мнѣ сказывалъ, что у него былъ братъ, который имѣлъ большую склонность къ языкамъ иностраннымъ, но не могъ открыто учиться имъ; для сего тайно держалъ у себя одного изъ Нѣмцевъ, жившихъ въ Москвѣ; на-

1611. шелъ также Поляка, разумѣвшаго языкъ Латинскій; оба они приходили къ нему скрытно въ Русскомъ платьѣ, запирались въ комнатѣ и читали вмѣстѣ книги Латинскія и Нѣмецкія, которыя онъ успѣлъ пріобрѣсть и уже понималъ изрядно. Я самъ видѣлъ собственноручные переводы его съ языка Латинскаго на Польскій и множество книгъ Латинскихъ и Нѣмецкихъ, доставшихся Головину по смерти брата. Что же было бы, если бы съ такимъ умомъ соединялось образованіе?

Въ бесѣдахъ съ Москвитянами, наши, выхваляя свою вольность, совѣтовали имъ соединиться съ народомъ Польскимъ и также пріобрѣсть свободу. Но Русскіе отвѣчали: «Вамъ дорога «ваша воля, намъ неволя. У васъ не воля, а своеволіе: сильный «грабитъ слабаго; можетъ отнять у него имѣніе и самую жизнь. «Искать же правосудія, по вашимъ законамъ, долго: дѣло затя«нется на нѣсколько лѣтъ. А съ пнаго и ничего не возмешь. «У насъ, напротивъ того, самый знатный боярнъ не властенъ «обидѣть послѣдняго простолюдина: по первой жалобѣ, царь «творитъ судъ и расправу. Если же самъ государь поступитъ «неправосудно, его власть: какъ Богъ, онъ караетъ и милуетъ. «Намъ легче перенесть обиду отъ царя, чѣмъ отъ своего брата: «ибо онъ владыка всего свѣта».[55] Русскіе дѣйствительно увѣрены, что нѣтъ въ мірѣ монарха, равнаго царю ихъ, котораго посему называютъ: *Солнце праведное, свѣтило Русское.*

Московскіе цари живутъ въ Кремлѣ;[56] каждый изъ нихъ, вступивъ на престолъ, строитъ себѣ новыя палаты по своему вкусу, сломавъ прежнія. Самое красивое зданіе есть дворецъ Димитрія перваго, похожій на Польскій. Шуйскій въ немъ не жилъ, а выстроилъ для себя другой. Есть и каменный дворецъ, именуемый *Золотою палатою;* на стѣнахъ его находятся изображенія всѣхъ великихъ князей и царей Московскихъ, писанныя по золоту, а потолокъ искусно украшенъ картинами изъ Ветхаго Завѣта. Окна въ немъ огромныя, въ два ряда, одни другихъ выше, числомъ 19; печь устроена подъ землею, съ

душниками, для нагрѣванія комнатъ. Зданіе имѣетъ видъ квадрата, 1611.
заключая въ каждой сторонѣ до 20 саженъ; среди его стоитъ столпъ, на коемъ весь сводъ опирается. Изъ оконъ дворца царь показывается народу, а въ извѣстное время и царица. Здѣсь я жилъ довольно долго съ нѣкоторыми товарищами, укрываясь отъ огня: ибо Москвитяне часто привѣтствовали насъ огненными ядрами. Лошади наши стояли въ дворцовыхъ сѣняхъ, чего прежде вѣроятно не случалось: не только конь, но и думный бояринъ, безъ царскаго дозволенія, не смѣлъ войти во дворецъ, *со страхомъ Бога видѣти.*[57]

Есть другой дворецъ, гдѣ принимаютъ пословъ иноземныхъ, но не столь огромный. Подлѣ дворцовъ находится церковь Благовѣщенія Богородицы, съ золотымъ на куполѣ крестомъ: въ ней царь обыкновенно слушаетъ литургію. Главный же храмъ въ столицѣ есть церковь пречистой Богородицы, гдѣ самъ патріархъ совершаетъ службу; здѣсь коронуются цари, и въ торжественные праздники присутствуютъ при богослуженіи. Въ числѣ другихъ храмовъ замѣчательна еще церковь Михаила Архангела: здѣсь погребаютъ царей; гробницы ихъ не великолѣпны; при каждой изъ нихъ находится изображеніе умершаго, частію на стѣнѣ, частію на самомъ гробѣ, вышитое по бархату. Тамъ я видѣлъ гробъ и того младенца Димитрія, вмѣсто котораго у насъ явился другой: ибо Шуйскій, умертвивъ царя Димитрія, господствовавшаго въ Россіи, и самъ вступивъ на престолъ, чтобы доказать справедливость своего дѣйствія, перенесъ изъ Углича въ Москву тѣло какого-то младенца, назвалъ его истиннымъ сыномъ царя Іоанна, убіеннымъ еще въ дѣтствѣ, по повелѣнію Бориса Годунова, и похоронилъ между другими царями. Тотъ же Димитрій истинный, который царствовалъ, по словамъ Шуйскаго былъ обманщикъ.[58]

Прочихъ церквей считается въ Кремлѣ до 20; изъ нихъ церковь св. Іоанна, находящаяся почти среди замка, замѣчательна по высокой, каменной колокольнѣ, съ которой далеко видно во

1611. всѣ стороны столицы. На ней 22 большихъ колокола; въ числѣ ихъ многіе не уступаютъ величиною нашему Краковскому *Сигизмунду;* висятъ въ три ряда, одни надъ другими; меньшихъ же колоколовъ болѣе 30. Непонятно, какъ башня можетъ держать на себѣ такую тяжесть. Только то ей помогаетъ, что звонари не раскачиваютъ колоколовъ, какъ у насъ, а бьютъ въ нихъ языками; но чтобъ размахнуть пной языкъ, требуется человѣкъ 8 и 10. Недалеко отъ этой церкви есть колоколъ, вылитый для одного тщеславія: вспитъ онъ на деревянной башнѣ, въ двѣ сажени вышиною, чтобы тѣмъ могъ быть видиѣе; языкъ его раскачиваютъ 24 человѣка. Незадолго до нашего выхода изъ Москвы, колоколъ подался не много на Литовскую сторону, въ чемъ Москвитяне видѣли добрый знакъ: и въ самомъ дѣлѣ вскорѣ насъ выжили изъ столицы.[59]

Вся крѣпость застроена боярскими дворами, церквами, монастырями, такъ, что нѣтъ ни одной пустыри: въ этомъ смыслѣ она похожа на дворъ шляхтича. Воротъ въ ней четверо: одни ведутъ къ Москвѣ рѣкѣ, другіе къ Ивангороду. Надъ воротами Фроловскими, на шарѣ стоитъ орелъ, знаменіе герба Московскаго. Высокая, толстая стѣна и глубокій, обдѣланный съ обѣихъ сторонъ камнемъ ровъ отдѣляютъ Кремль отъ Китая-города. Много можно было бы написать о послѣдней крѣпости; но всего пересказать не удобно. Трудно вообразить, какое множество тамъ лавокъ: ихъ считается до 40.000; какой вездѣ порядокъ (для каждаго рода товаровъ, для каждаго ремесленника, самаго ничтожнаго, есть особый рядъ лавокъ, даже цирюльники брѣютъ въ своемъ ряду), какое безчисленное множество осадныхъ и другихъ огнестрѣльныхъ орудій на башняхъ, на стѣнахъ, при воротахъ и на землѣ. Тамъ, между прочимъ, я видѣлъ одно орудіе, которое заряжается сотнею пуль и столько же даетъ выстрѣловъ;[60] оно такъ высоко, что мнѣ будетъ по плечо; а пули его съ гусиныя яйца. Стоитъ противъ воротъ, ведущихъ къ живому мосту. Среди рынка я видѣлъ еще мортиру, вылитую кажется только для показа:

сѣвъ въ нее, я на цѣлую пядень недоставалъ головою до верхней 1611.
стороны канала. А пахолики наши обыкновенно влѣзали въ это орудіе человѣка по три, и тамъ играли въ карты, подъ запаломъ, который служилъ имъ вмѣсто окна.[61]

Церковь св. Троицы стоитъ на рву къ Кремлевской сторонѣ: въ ней 30 алтарей. Въ вербное воскресенье, патріархъ совершаетъ торжественное шествіе къ церкви на ослѣ, или на бѣломъ конѣ, отъ храма пречистой Богородицы: самъ царь ведетъ осла патріаршаго за поводъ и помогаетъ святителю сойти на землю, поддерживая его подъ руку. Все духовенство, сколько ни есть его въ Москвѣ, торжественно провожаетъ патріарха съ образами, а народъ стелитъ предъ нимъ дорогіе ткани, забѣгая впередъ. Къ этому дню стекается въ Москву великое множество людей изъ окрестностей. Въ томъ же замкѣ содержалась во рву, обнесенномъ оградою, львица, которая потомъ издохла отъ голода во время осады.

На рынкѣ стоятъ всегда до 200 *извощиковъ*, т. е. холопцовъ съ одинакими санями, запряженными въ одну лошадь. Кто захочетъ быть въ отдаленной части города, тому лучше нанять извощика, чѣмъ идти пѣшкомъ: за грошъ онъ скачетъ какъ бѣшеный, и поминутно кричитъ во все горло: *гисъ, гисъ, гисъ;*[62] а народъ разступается въ обѣ стороны. Въ извѣстныхъ мѣстахъ, извощикъ останавливается и не везетъ далѣе, пока не получитъ другаго гроша. Этимъ способомъ онъ снискиваетъ себѣ пропитаніе и не мало платитъ своему государю.

Въ Китаѣ-городѣ 6 воротъ и болѣе 10 башень; мостъ изъ него чрезъ Москву рѣку наведенъ живой. Вся крѣпость застроена домами частію боярскими, частію мѣщанскими, а болѣе лавками; пустыхъ мѣстъ мало, только при самомъ рвѣ, отдѣляющемъ ее отъ Кремля. Китай-городъ и Кремль находятся внутри третьяго замка Ивангорода, который окруженъ валомъ и выбѣленною стѣною, отъ чего нѣкоторые называютъ его *Бѣлымъ городомъ*.[63] Въ немъ столько же воротъ, сколько башень. Всѣ же замки

1611. обтекаетъ Москва рѣка; въ ней много мѣстъ мелкихъ, но топкихъ; отъ того наши охотнѣе переплывали ее, нежели переходили въ бродъ. Ивангородъ равнымъ образомъ застроенъ домами бояръ и посадскихъ людей, такъ что нѣтъ ни одного пустаго мѣста: только при воротахъ, ведущихъ въ Кремль и Китай-городъ, есть не большое незастроенное пространство. Впрочемъ, какъ домы находятся въ значительномъ разстояніи отъ стѣнъ и палисадниковъ, то здѣсь довольно много мѣста для защиты отъ непріятеля.

До прихода нашего всѣ три замка обнесены были деревянною оградою, въ окружности, какъ сказываютъ, около 7 Польскихъ миль, а въ вышину въ 3 копья. Москва рѣка пересѣкала ее въ двухъ мѣстахъ. Ограда имѣла множество воротъ, между коими по 2 и по 3 башни; а на каждой башнѣ и на воротахъ стояло по 4 и по 6 орудій, кромѣ полевыхъ пушекъ, коихъ такъ тамъ много, что перечесть трудно. Вся ограда была изъ теса; башни и ворота весьма красивыя, какъ видно, стоили трудовъ и времени. Церквей вездѣ было множество и каменныхъ и деревянныхъ: въ ушахъ гудѣло, когда трезвонили на всѣхъ колоколахъ. И все это мы въ три дни обратили въ пепелъ: пожаръ истребилъ всю красоту Москвы. Уцѣлѣли только Кремль и Китай-городъ, гдѣ мы сами укрывались отъ огня; а въ послѣдствіи Русскіе сожгли и Китай-городъ; Кремль же мы сдали имъ въ цѣлости. Я счелъ нужнымъ предварительно объяснить расположеніе Москвы, чтобы тѣмъ внятнѣе былъ разсказъ мой о разрушеніи этого великолѣпнаго города.

Мы были осторожны; вездѣ имѣли лазутчиковъ. Москвитяне, доброжелательные намъ, часто совѣтовали не дремать; а лазутчики извѣщали насъ, что съ трехъ сторонъ идутъ многочисленныя войска къ столицѣ. Это было въ великій постъ, въ самую распутицу. Наступаетъ вербное воскресенье, когда со всѣхъ сторонъ стекается народъ въ Москву. У насъ бодрствуетъ не стража, а вся рать, не разсѣдлывая коней ни днемъ, ни ночью. Вербное воскресенье прошло тихо: въ крестномъ ходу народу было множество; но потому ли, что видѣли нашу готовность, или поджи-

дали войскъ, шедшихъ на помощь, Москвитяне насъ не трогали. 1611.
Хотѣли, какъ видно, ударить всѣ разомъ.

На другой день послѣ Вербнаго воскресенья въ понедѣльникъ, лазутчики извѣщаютъ насъ, одинъ, что изъ Рязани идетъ Ляпуновъ съ 80.000 человѣкъ и уже въ 20 миляхъ отъ столицы; другой, что изъ Калуги приближается Заруцкій съ 50.000 и также находится недалеко; третій, что Просовѣцкій спѣшитъ къ Москвѣ съ 15.000. Со всѣхъ сторонъ вѣсть за вѣстью, одна другой утѣшительнѣе! Латы не сходятъ съ нашихъ плечъ; пользы однако мало. Совѣтовали намъ многіе, не ожидая непріятеля въ Москвѣ, напасть на него, пока онъ еще не успѣлъ соединиться, и разбить по частямъ. Совѣтъ былъ принятъ, и мы уже рѣшились выступить на нѣсколько миль отъ столицы, для предупрежденія замысловъ непріятельскихъ; но во вторникъ по утру, когда нѣкоторые изъ насъ еще слушали обѣдню, въ Китаѣ-городѣ, наши поссорились съ Русскими. По совѣсти, не умѣю сказать, кто началъ ссору: мы ли, они ли? Кажется однако, наши подали первый поводъ къ волненію, поспѣшая очистить Московскіе домы до прихода другихъ: вѣрно, кто нибудь былъ увлеченъ оскорбленіемъ, и пошла потѣха.[61] Дали знать Гонсѣвскому о начавшейся битвѣ: онъ тотчасъ прискакалъ на копѣ; но развести сражающихся было уже трудно, и съ Русской стороны уже многіе пали убитые. Гонсѣвскій долженъ былъ оставить ихъ въ покоѣ, чтобы кончили начатое дѣло.

И такъ 29 марта во вторникъ, на Страстной недѣлѣ, завязалась битва сперва въ Китаѣ-городѣ, гдѣ вскорѣ наши перерѣзали людей торговыхъ (тамъ однихъ лавокъ было до 40.000); потомъ въ Бѣломъ-городѣ; тутъ намъ управиться было труднѣе: здѣсь посадъ обширнѣе и народъ воинственнѣе. Русскіе свезли съ башенъ полевыя орудія и, разставивъ ихъ по улицамъ, обдавали насъ огнемъ. Мы кинемся на нихъ съ копьями; а они тотчасъ загородятъ улицу столами, лавками, дровами; мы отступимъ, чтобы выманить ихъ изъ за-ограды: они преслѣдуютъ насъ, неся въ

1611. рукахъ столы и лавки, и лишь только замѣтятъ, что мы намѣреваемся обратиться къ бою, немедленно заваливаютъ улицу и подъ защитою своихъ загородокъ стрѣляютъ по насъ изъ ружей; а другіе, будучи въ готовности, съ кровель, съ заборовъ, изъ оконъ, бьютъ насъ самопалами, камнями, дрекольемъ. Мы, т. е. всадники, не въ силахъ ничего сдѣлать, отступаемъ; они же насъ преслѣдуютъ и уже приппраютъ къ Кремлю.

Тутъ мы послали къ пану Гонсѣвскому за пѣхотою; онъ отрядилъ только 100 человѣкъ: помощь слабая, въ сравненіи съ многолюдствомъ непріятеля, но не безполезная.[65] Часть нашихъ сошла съ коней и, соединясь съ пѣхотою, разбросала загороды; Москвитяне ударились въ бѣгство; только мы мало выпграли: враги снова возвратились къ бою и жестоко поражали насъ изъ пушекъ со всѣхъ сторонъ. По тѣснотѣ улицъ, мы раздѣлились на четыре или на шесть отрядовъ; каждому изъ насъ было жарко; мы не могли и не умѣли придумать, чѣмъ пособить себѣ въ такой бѣдѣ, какъ вдругъ кто-то закричалъ: *огня! огня! жги домы!* Наши пахолики подожгли одинъ домъ: онъ не загорѣлся; подожгли въ другой разъ, нѣтъ успѣха, въ третій разъ, въ четвертый, въ десятый, — все тщетно: сгоритъ только то, чѣмъ поджигали; а домъ цѣлъ. Я увѣренъ, что огонь былъ заколдованъ. Достали смолы, прядева, смоленой лучины, и тутъ едва успѣли запалить этотъ домъ; тоже дѣлали и съ другими домами, гдѣ кто могъ. Наконецъ занялся пожаръ: вѣтеръ, дуя съ нашей стороны, погналъ пламя на Русскихъ и принудилъ ихъ бѣжать изъ засадъ; а мы слѣдовали за разливающимся пламенемъ, пока почь не развела насъ съ непріятелемъ. Всѣ наши отступили къ Кремлю и Китаю-городу. Я стоялъ въ Бѣломъ-городѣ, и едва успѣлъ выбрать изъ своей квартиры въ Кремль что было получше; все прочее пошло къ чорту: одно разграбили, другое сгорѣло; съѣстные припасы истреблены.

Наканунѣ мятежа, т. е. въ великій понедѣльникъ, братъ мой Даніилъ, стоявшій въ Можайскѣ съ ротою Калиновскаго, старосты

Брацлавскаго, въ полку Струсевомъ, прислалъ мнѣ овощей, всякихъ съѣстныхъ припасовъ и корма для лошадей на 24 подводахъ: я, ничего не зная о таившейся измѣнѣ, отправилъ обратно подводы съ челядинцемъ въ самый вторникъ, когда вспыхнулъ бунтъ. Лишь только онъ выѣхалъ изъ Бѣлаго-города, какъ ударили въ набатъ и народъ высыпалъ со всѣхъ сторонъ, кто съ чѣмъ могъ, въ деревянный городъ. Мой малой, взявшись за умъ, залѣзъ подъ овсяный коробъ; а крестьяне были такъ добры, что скрыли его; гоня лошадей во весь опоръ, онъ скоро достигъ до Можайска, разстояніемъ на 18 миль отъ Москвы, и обо всемъ увѣдомилъ Струся. Панъ Струсь въ ту же минуту выступилъ съ полкомъ своимъ изъ Можайска и на рысяхъ прискакалъ къ намъ, въ среду около полудня. 1611

Когда мы вступили на ночь въ Кремль, какъ сказано выше, я не зналъ куда мнѣ дѣваться; о квартирѣ нечего было и спрашивать; впрочемъ домовъ тамъ много, и я могъ бы выбрать квартиру удобную, гдѣ избѣжалъ бы той бѣды, которая въ послѣдствіи меня постигла; но уже видно такъ судьба хотѣла. Я расположился съ товарищемъ моимъ паномъ Грабзніемъ въ Розрядѣ, гдѣ прежде производился судъ; мы сами должны были построить конюшни, только начали въ недобрый часъ; при томъ же домикъ не былъ обнесенъ заборомъ. Мы увидѣли свою неосторожность, да уже поздно, когда всѣ прочіе домы были заняты: обозныя лошади мои или подохли, или были украдены; остались однѣ строевыя. Такимъ образомъ хотя столица изобиловала съѣстными припасами, но ихъ не на чемъ было привозить, и мнѣ пришлось томиться голодомъ. Въ послѣдствіи я долженъ былъ принять на ту же квартиру и брата своего Даніила.

Кстати разскажу объ одномъ весьма смѣломъ изъ воровскихъ дѣлъ, которыя въ Москвѣ случаются нерѣдко: въ первые дни пребыванія нашего въ столицѣ, когда Москвитяне были съ нами еще въ ладу, и наши могли ѣздить безопасно, товарищи съ общаго согласія послали челядинцевъ въ окрестныя деревни за сѣномъ

1611. и соломою. Кучеръ мой, набравъ соломы, ѣхалъ впереди; случилось ему переправляться чрезъ болото: одинъ возъ перебрался, а другой увязъ. Поставивъ первый на сухомъ мѣстѣ, онъ слезъ съ коня и пошелъ вытаскивать второй, увязшій въ болотѣ, не опуская изъ виду перваго. Откуда ни возмись Москаль: выпрягъ лучшаго мѣрина, пристяжнаго, и поѣхалъ себѣ. Приходитъ кучеръ и видитъ только трехъ лошадей: четвертый пропалъ. Дѣлать было нечего: онъ возвратился въ Москву, какъ честной монахъ, тройкою.

Наши старшіе были нерѣшительны; въ распоряженіяхъ же недальновидны: велѣли заготовить съѣстныхъ припасовъ только на мѣсяцъ; а мы прожили въ Москвѣ полтора года. Отданъ былъ приказъ: завтра т. е. въ среду, зажечь весь городъ, гдѣ только можно. Въ назначенный день, часа за два до разсвѣта, мы вышли изъ Кремля, распростившись съ тѣми, которые остались въ крѣпости, почти безъ надежды когда либо увидѣться. Жечь городъ поручено было 2000 Нѣмцевъ, при отрядѣ пѣшихъ гусаръ нашихъ, съ двумя хоругвями конницы, именно съ моею, или лучше сказать съ хоругвію ротмистра моего, князя Порыцкаго, въ коей служилъ я поручикомъ, и съ хоругвію пана Скумина, старосты Брацлавскаго, гдѣ поручикомъ былъ Людвигъ Понятовскій, женившійся въ послѣдствіи на панѣ Стадницкой-Ланцуцкой. Мы, на коняхъ, шли по льду: другой дороги не было. Между тѣмъ, наша стража, стоявшая въ Кремлѣ на высокой Ивановской колокольнѣ, замѣтила, что панъ Струсь, подъ стѣнами столицы, сражается съ Москвитянами, которые, не давая ему соединиться съ нами, всѣ ворота въ деревянной стѣнѣ заперли, вездѣ разставили сильную стражу и, сдѣлавъ сильную вылазку, завязали съ нимъ бой. Намъ дали знать о томъ изъ крѣпости, съ тѣмъ, чтобы мы подкрѣпили Струся. Не зная, какъ пособить ему, мы зажгли въ разныхъ мѣстахъ деревянную стѣну, построенную весьма красиво изъ смолистаго дерева и теса: она занялась скоро и обрушилась. Когда огонь еще пылалъ въ грудахъ пламеннаго

угля, въ то самое время панъ Струсь, герой сердцемъ и душою, 1611.
вонзивъ въ копя шпоры, крикнулъ: *за мной дѣти, за мной храбрые!* кинулся въ пламя и перескочилъ чрезъ горѣвшую стѣну; за нимъ весь отрядъ. Такимъ образомъ не мы ему помогли, а онъ намъ помогъ. Мы радовались ему, какъ Господь радуется душѣ благочестивой, и стали нѣсколько бодрѣе.[66]

Въ сей день, кромѣ битвы за деревянною стѣною, не удалось никому изъ насъ подраться съ непріятелемъ: пламя охватило домы и, раздуваемое жестокимъ вѣтромъ, гнало Русскихъ; а мы потихоньку подвигались за ними, безпрестанно усиливая огонь, и только вечеромъ возвратились въ крѣпость. Уже вся столица пылала; пожаръ былъ такъ лютъ, что ночью въ Кремлѣ было свѣтло, какъ въ самый ясный день; а горѣвшіе домы[67] имѣли такой страшный видъ и такое испускали зловоніе, что Москву можно было уподобить только аду, какъ его описываютъ. Мы были тогда безопасны: насъ охранялъ огонь.

Въ четвертокъ мы снова принялись жечь городъ; котораго третья часть осталась еще неприкосновенною: огонь не успѣлъ такъ скоро всего истребить. Мы дѣйствовали въ семъ случаѣ по совѣту доброжелательныхъ намъ бояръ, которые признавали необходимымъ сжечь Москву до основанія, чтобы отнять у непріятеля всѣ средства укрѣпиться. И такъ мы снова запалили ее, по изреченію Псалмопѣвца: «градъ Господень измету, да ничтоже въ немъ останется». Смѣло могу сказать, что въ Москвѣ не осталось ни кола, ни двора.

4 апрѣля, въ понедѣльникъ Святой недѣли, дано знать намъ, что Просовѣцкій идетъ къ столицѣ съ 15.000 войска.[68] Панъ Струсь вызвался итти отразить непріятеля полкомъ своимъ, въ коемъ было только 500 всадниковъ; Гонсѣвскій далъ ему еще 200 коней и отправилъ съ Богомъ. Въ четырехъ миляхъ отъ столицы, панъ Струсь встрѣтилъ Просовѣцкаго, шедшаго гуляй-городомъ,[69] то есть подвижною оградою изъ огромныхъ саней, на которыхъ стояли ворота съ нѣсколькими отверстіями,[70] для стрѣ-

1611. лянія изъ самопаловъ. При каждыхъ саняхъ находилось по 10 стрѣльцовъ: они и сани двигали и останавливаясь стрѣляли изъ за нихъ, какъ изъ за каменной стѣны. Окружая войско со всѣхъ сторонъ, спереди, съ тыла, со боковъ, эта ограда препятствовала нашимъ копѣйщикамъ добраться до Русскихъ: оставалось сойти съ коней и разорвать ее. Такъ и сдѣлали. При помощи Божіей, семисотный отрядъ нашъ ударилъ въ непріятеля и разгромилъ его. Струсь отдалъ приказъ: въ плѣнъ ни кого не брать, всѣхъ рубить и колоть. Самъ Просовѣцкій ускакалъ заблаговременно, и хорошо сдѣлалъ: ибо каждый только ногами могъ спасти животъ свой. Въ этой битвѣ нашихъ пало не много; изъ знатнѣйшихъ только Войцехъ Добромирскій,[71] поручикъ пана старосты Брацлавскаго, Калиновскаго, въ ротѣ коего служилъ и братъ мой панъ Данилъ. Струсь возвратился, по милости Божіей, побѣдителемъ, къ неизъяснимой радости нашей.

На другой день, т. е. во вторникъ, 5 апрѣля, прибылъ изъ Рязани Ляпуновъ съ 80.000 войска; а за нимъ, 6 апрѣля, съ 50.000 Заруцкій, который по смерти Царика, оставилъ Калугу и подъ Москвою соединился съ Ляпуновымъ. Къ нимъ присталъ и Просовѣцкій, собравъ разсѣянную рать свою. Враги расположились у Симонова монастыря надъ Москвою рѣкою, почти на милю отъ крѣпости; ближе негдѣ было укрыться: пожаръ все истребилъ. Мы рѣшились выходить противъ нихъ полками. 7 апрѣля, въ четвертокъ, вышелъ къ Симонову монастырю полкъ Мартина Казановскаго въ числѣ 1300 всадниковъ. Москвитяне, имѣя въ свѣжей памяти неудачу Просовѣцкаго, не смѣли вступить въ бой. Мы только погарцовали и къ вечеру возвратились, не сдѣлавъ ничего важнаго. Послѣ насъ выходили противъ нихъ другіе полки поочередно, но такъ же, какъ и мы возвращались болѣе съ урономъ, нежели съ успѣхомъ. Эти вылазки были совершенно безполезны; въ чемъ мы послѣ удостовѣрились, но уже поздно.

16 апрѣля дошла очередь опять до насъ, т. е. до полка Казановскаго: мы выступили въ субботу, уже на другое мѣсто, въ

намѣреніи непремѣнно заманить Русскихъ къ бою. Полкъ нашъ 1611.
былъ силенъ; къ нему присоединили еще 1000 Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Борковскаго, долгоногаго труса. Русскіе на сей разъ не уклонились отъ битвы, надѣясь на свою многочисленность: ихъ было до 200.000 способныхъ къ оружію, вмѣстѣ съ находившимися въ столицѣ. Поганые, какъ лѣсъ, покрывали все поле сраженія, которое едва было можно окинуть взоромъ. Сверхъ того они разставили свои толпы не безъ искусства за топкимъ болотомъ, которое отдѣляло насъ отъ нихъ. Переправа была тѣсная. Гарцовники ихъ, коихъ отрядъ былъ многочисленнѣе всего нашего полка, перешли болото и вступили въ схватку съ нашими; а оба войска, стоя въ боевомъ порядкѣ, смотрѣли одно на другое. Мы, при помощи Божіей, прогнали отрядъ на добрую четверть мили до самаго лѣса; главное же войско ихъ не трогалось съ мѣста на подкрѣпленіе своимъ, отъ взаимной недовѣрчивости вождей и опасаясь нападенія съ тыла. Знатнѣйшихъ изъ плѣнниковъ мы отослали немедленно въ крѣпость.

Не довольствуясь этимъ успѣхомъ, полковникъ нашъ Казановскій хотѣлъ сразиться съ главными силами Русскими и приказывалъ Борковскому съ Нѣмецкою пѣхотою обойти болото, чтобы ударить на враговъ съ боку, намѣреваясь самъ напасть на нихъ съ другой стороны конницею. Борковскій не слушалъ его, говоря: «я такой же полковникъ, какъ и ты». Но это было только отговоркою: онъ струсилъ. Казановскій, не смѣя итти въ бой съ однимъ полкомъ своимъ и не вполнѣ довѣряя Нѣмцамъ, которые могли напасть на насъ съ тыла, велѣлъ хоругвямъ мало по малу отступать къ замку. Хоругвь князя Порыцкаго, въ которой я служилъ, стояла впереди. Когда приказано было исподоволь убираться въ Кремль, знаменосецъ Ковальскій, человѣкъ мужественный, не взирая на малый ростъ, но еще не опытный, вмѣсто того, чтобы поворотить коня на мѣстѣ, чему должны были послѣдовать товарищи и пахолики, и въ такомъ случаѣ заднія шеренги отступали бы впередъ, а переднія шли бы сзади при

1611. хоругви, для удобнѣйшаго отраженія враговъ, если бы они вздумали насъ тревожить, поворотилъ всю шеренгу въ глазахъ непріятеля. Русскіе, думая, что мы бѣжимъ, очень охрабрились и всѣми силами бросились за нами. Нашъ хорунжій останавливается и ведетъ насъ на враговъ: мы даемъ отпоръ; но что могли мы сдѣлать, когда понеслась вся вражья сила, а хоругви, которымъ надобно было подкрѣпить насъ, спѣшили къ Москвѣ такъ скоро, что никто даже не оглядывался? Видя невозможность удержать или отразить столь многочисленнаго непріятеля, мы только оборонялись и отступали въ добромъ порядкѣ. Нѣсколько разъ Ковальскій оборачивалъ хоругвь къ отпору; но тщетно: Москвитяне такъ смѣло ломились въ наши ряды, что мы, не слѣзая съ коней, должны были вступить съ ними въ рукопашный бой. Они много вредили намъ изъ луковъ, вонзая стрѣлы въ мѣста, незакрытыя бронею. Борковскій тогда стоялъ вблизи и хотя могъ бы выручить насъ, но не хотѣлъ разорвать ряды Москвитянъ. Въ этомъ дѣлѣ изъ хоругви нашей убито пять товарищей, а Захарій Заруцкій взятъ въ плѣнъ; сверхъ того пало съ десятокъ пахолковъ, наиболѣе во время отступленія къ замку чрезъ болото по весьма неудобной дорогѣ. Прочія роты не лишились ни одного человѣка, потому, что бѣжали очень исправно. Нѣмцы ни разу и не выстрѣлили.

Ободренный удачею, непріятель въ ту же ночь подошелъ къ Бѣлому-городу и расположился подъ самыми стѣнами въ весьма удобномъ мѣстѣ, между Неглинною и Москвою-рѣкою, гдѣ силы его часъ отъ часу возрастали. Мы уже начали побаиваться, и должны были имѣть на стѣнахъ бдительную стражу; а на вылазки посылали болѣе пѣхоту, нежели конницу, впрочемъ безъ пользы; мы слабѣли силами, а они и ухомъ не вели: потеряютъ одного, явятся десять. Мы наконецъ спохватились, да уже поздно, когда нагрѣли намъ бока.

Патріарха, какъ главнаго виновника мятежей Московскихъ, отдали подъ стражу товарищу изъ роты Малынскаго, Малицкому,

и стерегли такъ исправно, что безъ вѣдома и позволенія Малиц- 1611.
каго, никого къ нему не допускали, а самъ и за порогъ не могъ переступить. Чрезъ полгода онъ умеръ въ семъ заключеніи.[72]

Слуги наши получили великую добычу, также и многіе товарищи, наиболѣе изъ полку Зборовскаго, который стоялъ въ Китаѣ-городѣ. Тамъ жили всѣ купцы Московскіе. Лавокъ и товаровъ считалось несмѣтное множество, и дѣйствительно было на что посмотрѣть и чему подивиться; но уже въ первый день мятежа, т. е. во вторникъ, къ вечеру ни одна лавка не уцѣлѣла. И какъ добыча была не равна, ибо одни бились, а другіе грабили; то приказано складывать вещи на майданъ;[73] всѣ товарищи и пахолики присягали въ колѣ, по учрежденному въ войскѣ порядку, предъ тѣмъ товарищемъ, который избранъ былъ продавать вещи;[74] а въ каждомъ полку былъ особый майданъ. У насъ назначенъ былъ къ этой должности Андрей Русецкій, нашей роты товарищъ. Продажа производилась такимъ образомъ: каждый товарищъ имѣлъ право купить вещь за половинную цѣну, противъ того, что далъ бы купецъ или шинкарь. Многіе однако жъ, даже самые товарищи, вопреки присягѣ, не всѣ вещи представляли; за что Богъ покаралъ нѣкоторыхъ явно. Такъ два товарища, не упомню изъ какой роты, не отдавъ на майданъ денегъ, драгоцѣнныхъ вещей и фантовъ, играли вдвоемъ, запершись, чтобы никто ихъ не видалъ и вѣроятно въ жару спора, не извѣстно за что, пронзили другъ друга штыкомъ на вылетъ; ихъ нашли уже мертвыхъ вмѣстѣ съ вещами. Послѣ присяги Господь явно каралъ и все войско: видно, много было подобныхъ клятвопреступниковъ.

Я ничего не покупалъ на майданѣ, ибо видѣлъ, что не было надежды на безопасное отступленіе; насъ некому было выручить а если бы сохрани Боже, враги довели насъ до крайности, намъ пришлось бы пролагать себѣ дорогу оружіемъ. Посему я лучше хотѣлъ приберечь наличныя деньги, думая удобнѣе ихъ вывезти; но другіе были смѣлѣе, накупили себѣ всякой всячины, и потомъ продавали свои вещи вдесятеро дороже. Я же и своей собствен-

1611. ности, самаго платья не успѣлъ спасти; а что было купилъ, все потерялъ вмѣстѣ съ кормовыми деньгами, когда насъ разгромили въ Роднѣ подъ Старицею.[75] Всему войску досталось майдановыхъ денегъ по 28 злотыхъ на коня.

Часто выходили мы на вылазки пѣшкомъ, ибо непріятель стоялъ близко, и нерѣдко схватывались съ нимъ, впрочемъ болѣе по необходимости, чѣмъ по собственному желанію: стоило только вытти нашимъ за кормомъ для коней, ужъ вѣрно завяжется дѣло: мы подкрѣпимъ своихъ, а Русскіе своихъ, и пойдетъ потѣха; дѣло кончится, какъ говорятъ они, подъ часъ кровавою дракою, а подъ часъ смертною дракою, и всегда къ великому вреду намъ: ибо Русскихъ явится на стычку столько, сколько всего войска у насъ не было. Часто мы высылали по ночамъ и конницу за Москву рѣку въ засаду, чтобы завязавъ дѣло, навести на нее непріятеля: нерѣдко, при Божіей помощи, мы достигали своей цѣли, да пользы было мало, исключая развѣ того, что мы могли размѣняться плѣнными.

Между тѣмъ панъ Янъ Сапѣга, по убіеніи Царика, перешедшій съ войскомъ изъ Калуги въ Масальскъ въ 60 миляхъ отъ Москвы, узнавъ о возстаніи народа, направилъ путь къ столицѣ и распустилъ молву, что идетъ не сражаться съ Москвитянами, а вступить съ ними въ переговоры. Русскіе свѣдавъ, что онъ уже въ Можайскѣ, отправили къ нему пословъ, чтобы узнать его замыслы. Сапѣга увѣрилъ ихъ, что идетъ къ нимъ съ добрымъ намѣреніемъ. Тогда знатнѣйшіе бояре сами поѣхали къ нему съ челобитьемъ и видѣлись съ нимъ въ 6 миляхъ отъ Москвы, въ монастырѣ Вязомѣ. О чемъ же уговаривались, неизвѣстно; только передовые отряды Русскихъ, перебраниваясь съ нашею стражею, говорили: «къ намъ идетъ Сапѣга». Впрочемъ Москвитяне, имѣя съ нимъ сношенія, не довѣряли ему, и спѣшили укрѣпить свой лагерь, бывшій доселѣ безъ всякой обороны, острогомъ и глубокимъ рвомъ съ частоколомъ.

17 мая Сапѣга подступилъ къ столицѣ, и не переходя Москвы рѣки, сталъ лагеремъ на возвышеніи между Дѣвичьимъ и Симоно-

вымъ монастырями; а въ Москву ни самъ онъ, ни кто либо изъ 1611.
его товарищей не являлся. Мы удивляемся и ждемъ, что будетъ далѣе. Они сносятся между собою и бываютъ другъ у друга: мы ничего не знаемъ. Наконецъ, чтобы вывѣдать его замыслы, 21 мая дѣлаемъ вылазку: старшіе наши поставили ночью нѣсколько хоругвій въ засадѣ и дали знать о томъ пану Сапѣгѣ, не приглашая впрочемъ его къ битвѣ, въ предположеніи, что онъ самъ догадается, какъ ему дѣйствовать. Послѣ того мы завязали дѣло и поставили Москвитянъ прямо ему подъ носъ, на широкую равнину, между его лагеремъ и Москвою. Сапѣга, выстроивъ войско въ боевой порядокъ предъ лагеремъ, смотрѣлъ издалека на битву. Долго длилось сраженіе, наконецъ, за Божіею помощью, мы начали одолѣвать; онъ, какъ видно, досадуя на успѣхъ нашъ, прислалъ намъ приказъ сойти съ поля. Наши, имѣя уже въ рукахъ своихъ непріятеля и желая довершить его пораженіе, не хотѣли разстаться съ такою потѣхою; онъ прислалъ вторично объявить, что если не прекратимъ битвы, ударитъ на насъ съ тыла. Тутъ мы, рады, не рады, отступили къ Кремлю, хотя и побѣдителями. Въ этомъ дѣлѣ панъ Илья Зенковичъ попалъ было въ большую бѣду: когда отъ напора многочисленнаго непріятеля, ослабѣло то крыло, въ коемъ онъ находился, пришлось ему бѣжать вмѣстѣ съ другими; на пути было болото; конь его увязъ, онъ побѣжалъ пѣшій; непріятель обскакалъ его и, какъ видно хотѣлъ взять живьемъ: убить его было нетрудно. Ему уже накинули петлю на шею; но наши подоспѣли, враговъ прогнали, а пана выручили.

Носилась въ то время молва, что панъ Сапѣга самъ искалъ царскаго престола, и для сего подъѣзжалъ къ Русскимъ съ такими ласками. Вѣроятно, онъ договаривался сначала о себѣ, а потомъ увидѣвъ неудачу, хотѣлъ помирить насъ съ Русскими; не успѣвъ и въ этомъ (ибо грубый Москаль ни на что не подавался), оставилъ ихъ и присоединился къ намъ.[76] Съ паномъ Гонсѣвскимъ онъ держалъ совѣтъ, на что рѣшиться. Объ истребленіи непріятеля казалось нечего и думать; лагерь ихъ былъ хорошо укрѣпленъ; а

1611. въ лагерѣ была несмѣтная тьма поганства. Мы же терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Наконецъ положили: пану Сапѣгѣ съ войскомъ его, простиравшимся до 2000, углубиться въ непріятельскую землю и опустошать ее огнемъ и мечемъ; главное же доставить намъ съѣстныхъ припасовъ, въ коихъ мы нуждались. Между тѣмъ разглашали, что Сапѣга идетъ разорять землю въ намѣреніи пробудить въ Русскихъ состраданіе къ родинѣ; но тщетно: это ни мало не потревожило ихъ. 29 мая съ съ паномъ Сапѣгою мы отправили сколько могли своихъ челядинцевъ за живностью; я послалъ четырехъ: всѣхъ же было 1500, подъ надзоромъ Руцкаго шпиа.

31 мая въ третій день по отправленіи челяди съ паномъ Сапѣгою, пришла вѣсть, что къ намъ идетъ панъ Гетманъ великаго княжества Литовскаго Іеронимъ Ходкѣвичъ: онъ былъ въ то время еще подъ Печорами на границѣ Лифляндской, въ 80 миляхъ отъ столицы. Эта вѣсть такъ обрадовала насъ, что наши вздумали звонить во всѣ колокола, коихъ въ Москвѣ множество, съ пушечною и ружейною пальбою, и тѣмъ обнаружили свое безсиліе: по удаленіи челяди, насъ не много являлось на стѣпахъ; да и выстрѣлы были рѣдки. Непріятель замѣтилъ нашу слабость, и въ ту же ночь, лишь только умолкло наше ликованіе, за часъ до разсвѣта, пошелъ на приступъ.

Была въ Бѣлой стѣнѣ башня, первая отъ Китая-города: она могла сильно вредить намъ, если бы досталась непріятелю; а находясь въ нашихъ рукахъ, не менѣе безпокоила и Москвитянъ: она была для нихъ какъ соль для глазъ. Мы заняли ее цѣлою ротою Бобовскаго, изъ 400 всадниковъ. На эту башню прежде всего устремились Москвитяне, когда наши вовсе не ожидали приступа, и овладѣвъ ею безъ труда, на насъ обратили наши орудія, запасшись своимъ порохомъ и ядрами. Въ туже минуту явился здѣсь панъ Гонсѣвскій: видя, сколь гибельна можетъ быть для насъ потеря этой башни, онъ убѣждалъ товарищество и роту Млоцкаго снова овладѣть ею. Наши и сами знали всю важность

такой потери; посему охотно и рѣшительно, съ однѣми саблями 1611.
въ рукахъ, бросились по стѣнѣ на Русскихъ; путь былъ такъ тѣсенъ, что едва двое могли итти рядомъ: наши добрались до башни, изрубили засѣвшихъ враговъ и овладѣли ею, захвативъ сверхъ того нѣсколько бочонковъ непріятельскаго пороха. Мы лишились въ семъ дѣлѣ убитыми двухъ храбрыхъ товарищей Дудзинскаго и Никодима Добровницкаго.

Потерявъ башню, Москвитяне обратились на другую сторону, къ Кремлю многочисленною толпою, чрезъ Бѣлый городъ. Половина его была въ нашихъ рукахъ отъ Тверскихъ воротъ до Крымъ-города со всѣми башнями и воротами; они шли съ намѣреніемъ отнять у насъ весь Бѣлый-городъ и скоро достигли своей цѣли отъ нашей слабости: встрѣтясь съ ними неожиданно, мы должны были вступить въ бой почти безъ оружія, какъ стояли на стѣнѣ. Хоругви спѣшатъ выстроиться, а въ каждой не болѣе 20, много 30 человѣкъ. Посылаемъ за доспѣхами и тутъ же вооружаемся; но теперь поздно. Непріятель уже вездѣ, на воротахъ, на башняхъ; мы бѣжимъ въ крѣпость, преслѣдуемые безчисленнымъ множествомъ до самыхъ воротъ Кремлевскихъ. Кто не успѣвалъ попасть съ нами въ крѣпость, оставался въ рукахъ враговъ. Никольскіе ворота, первые послѣ Тверскихъ, были заняты тремя сотнями нашихъ Нѣмцевъ; а Тверскіе, вмѣстѣ съ стѣною до самой башни, гдѣ стоялъ прежде Бобовскій, находились въ рукахъ Москвитянъ, которые здѣсь и лагерь свой имѣли, отдѣляясь отъ насъ только стѣною; на другой же сторонѣ, отъ Никольскихъ воротъ до самаго Кремля, вся стѣна была въ нашей власти. Къ симъ то Никольскимъ воротамъ Москвитяне обратились съ приступомъ; мы только смотрѣли на оборону нашихъ Нѣмцевъ, не имѣя средствъ помочь имъ; еще они могли бы отбиться; но имъ недостало пороху, коего была одна бочка; истративъ всѣ снаряды, они стали обороняться каменьями и кирпичами. Враги взяли ихъ почти голыми руками на честное слово, и хотя привели въ лагерь живыми, но тамъ однимъ свернули шею, а другихъ

1611. потопили. Та же участь постигла и прочія башни, еще менѣе укрѣпленныя.

Оставалась у насъ еще одна башня, пятиглавая, почти на поворотѣ замка или на углу Бѣлой стѣны, надъ Москвою рѣкою: въ ней было Польской пѣхоты Граевскаго 300 человѣкъ съ однимъ поручикомъ, Краевскимъ: отрядъ оборонялся упорно и и навѣрное отбился бы, если бъ не измѣнилъ барабанщикъ, который, бѣжавъ къ Москвитянамъ, далъ знать, что нижній ярусъ башни наполненъ гранатами и разными зажигательными припасами; внизу же ея было отверстіе, наподобіе воротъ, только безъ дверей: Русскіе пустили туда двѣ зажженныя стрѣлы; гранаты воспламенились, и вся башня запылала. Она была въ 4 яруса, деревянная безъ сводовъ. Скоро не было мѣста и въ 4 ярусѣ; наши хотѣли броситься въ отверстіе, но пламя охватило уже все зданіе. Оставалось одно средство: спускаться по веревкѣ за стѣну къ рѣкѣ. Хотя и тамъ смерть была предъ глазами, ибо лишь только кто спускался на землю, Москвитяне тотчасъ разсѣкали его; но наши хотѣли лучше умереть подъ саблею, чѣмъ въ огнѣ. Много впрочемъ и сгорѣло: иные и до оконъ не успѣли добраться. Мы только смотрѣли на злополучныхъ витязей; сердце наше разрывалось отъ жалости, а помочь было невозможно. Спасся одинъ поручикъ, коего Москвитяне взяли въ плѣнъ и послѣ обмѣняли на своихъ. Дружина его погибла до послѣдняго. Такимъ образомъ Русскіе отняли у насъ всю Бѣлую стѣну до самаго Кремля. Въ этомъ дѣлѣ мы потеряли гусарскаго ротмистра Гоздзиловскаго, къ отряду коего я присоединился за недѣлю предъ тѣмъ съ 8 всадниками. Подъ хоругвію его мы должны были дослуживать четверть, съ обязанностію охранять порученный ему постъ. Пану Зенковичу пуля попала въ шишакъ, но не пробила.

5 іюня. Спустя нѣсколько дней, непріятель подступилъ къ Дѣвичьему монастырю, гдѣ находились двѣ наши казацкія роты, Гласкаго и Оршанскаго, 200 наемныхъ Нѣмцевъ и 300 Нѣмцевъ Московскихъ, жителей столицы, принявшихъ нашу сторону. По-

слѣдніе измѣнили намъ, сдавъ свой постъ, послѣ нѣсколькихъ 1611.
выстрѣловъ непріятельскихъ. За день или за два до того Гонсѣвскій, желая дать знать пану гетману Литовскому, что мы со всѣхъ сторонъ заперты Москвитянами, (которые и за Москвою рѣкою при каменной церкви успѣли сдѣлать острогъ, откуда часто привѣтствовали насъ ядрами, не дозволяя выйти изъ крѣпости), послалъ десять товарищей на добрыхъ коняхъ, вручивъ каждому изъ нихъ письмо къ гетману, въ надеждѣ, что не тотъ, такъ другой извѣститъ его. Товарищи пустились въ путь среди бѣлаго дня: выбрали это время нарочно для того, что Русскіе ночью были осторожнѣе, а въ полдень обыкновенно отдыхали. День былъ тихій и ясный; но лишь только наши подъѣхали къ рѣкѣ для переправы, изъ маленькой тучи пошелъ такой сильной дождь, что въ двухъ шагахъ человѣка было не видно. Пользуясь суматохою, переправились девять товарищей (у десятаго конь не пошелъ въ воду) и миновали непріятельскій острогъ, не бывъ никѣмъ замѣчены. Чрезъ минуту дождь прошелъ, и по прежнему стало ясно. Тутъ увидѣли Москвитяне нашихъ витязей и бросились за ними въ погоню; но тѣ уже были далеко, успѣвъ доскакать до Дѣвичьяго монастыря къ своимъ. Отсюда не всѣ вмѣстѣ отправились въ дорогу, а раздѣлились на двѣ половины: одни поѣхали впередъ, другіе должны были слѣдовать за ними, спустя нѣсколько дней; послѣднимъ не удалось: Москвитяне захватили ихъ, овладѣвъ монастыремъ. Первые же успѣли доставить письма въ руки гетмана.

25 іюня панъ Сапѣга воротился въ столицу; за нимъ шла и челядь наша съ съѣстными припасами. Москвитяне, желая преградить ей путь въ замокъ, поставили противъ Кремля за рѣкою другой острогъ, и съ первымъ соединили его глубокимъ рвомъ, занявъ оба укрѣпленія, также и ровъ, сильными отрядами. Руцкій съ челядью не могъ пробраться къ намъ чрезъ Бѣлый городъ: ибо всѣ ворота были уже въ рукахъ непріятельскихъ; посему оставивъ съѣстные припасы въ обозѣ пана Сапѣги, онъ

1611. обошелъ Дѣвичій монастырь по Зарѣчью, и нечаянно явился между Русскими острогами на рву, вовсе не зная о находившемся здѣсь укрѣпленіи. Москвитяне также не ожидали нападенія съ сей стороны, выскочили изъ рва и разбѣжались; наши немедленно слѣзли съ коней, заровняли ровъ, перешли его безъ труда и пустились къ намъ чрезъ рѣку вплавь. Мы ждали ихъ въ воротахъ надъ рѣкою, готовые къ битвѣ и не впуская въ замокъ, кинулись вмѣстѣ въ Бѣлый городъ; Русскіе едва замѣтили наше наступательное движеніе, обратились въ бѣгство, оставивъ въ отнятыхъ у насъ воротахъ и башняхъ отряды для обороны. На воротахъ Арбатскихъ засѣло съ полтораста Москвитянъ; мы взяли ихъ штурмомъ. Не тронь нашего! Такимъ образомъ мы снова овладѣли всею стѣною. Мы заняли и Дѣвичій монастырь, также оставленный Русскими.

8 іюля умеръ панъ Сапѣга въ столицѣ, послѣ кратковременной болѣзни; войско, бывшее подъ начальствомъ его, 18 іюля удалилось изъ Москвы и разошлось по деревнямъ. Оно не хотѣло повиноваться ни нашему регименгарю, ни кому либо другому; занималось только набѣгами, ни съ кѣмъ не дѣлилось добычею, пропекало Москвитянъ сзади, и наживалось. Королю также не служило, исключая развѣ того времени, когда нѣсколько недѣль стояло подъ Москвою, о чемъ вы уже знаете, и не смотря на то взяло платы за 11 четвертей. Тѣло пана Сапѣги оно увезло съ собою и отослало въ Литву. Въ то же время умеръ панъ Витовскій, дворянинъ королевскій, присланный отъ короля къ боярамъ. Между тѣмъ мы снова оправились въ силахъ и были для Русскихъ столь же страшны, какъ и они для насъ. Для лучшей безопасности, мы рѣшились поставить острогъ противъ Тверскихъ воротъ, занятыхъ Москвитянами, которые оттуда насъ тревожили. Можно было бы сдѣлать его ночью безъ вреда себѣ: но чтобы доказать презрѣніе къ Русскимъ, мы принялись за работу 21 іюля среди бѣлаго дня. Это затѣялъ Борковскій, думавшій устрашить враговъ своими Нѣмцами, коихъ взялъ съ собою не болѣе 200

человѣкъ. Русскіе сдѣлали сильную вылазку изъ лагеря и всѣхъ 1611.
Нѣмцевъ захватили; а Борковскій бѣжалъ. Такимъ образомъ мы замѣтно теряли бѣдныхъ Нѣмцевъ. Впрочемъ должно признаться, что при всякомъ случаѣ они дѣйствовали весьма усердно въ нашу пользу.

Претерпѣвая недостатокъ въ деньгахъ и въ жизненныхъ потребностяхъ, мы настоятельно просили старшихъ принять мѣры, чтобы войско, лишенное продовольствія, не разбрелось. О присылкѣ вспоможенія людьми и деньгами изъ Польши не было и слуха; посему наши начальники, переговоривъ съ боярами, получили отъ нихъ дозволеніе выдать войску изъ царской казны кормоваго жалованья за двѣ четверти фантами (ибо денегъ въ казнѣ не было), считая по 30 злотыхъ на коня; что и было исполнено. Отъ войска назначены были депутаты для пріема фантовъ изъ казны. Эти депутаты вѣрно не станутъ шить лыкомъ: порядкомъ насъ обкрадывали. Многіе не считали за грѣхъ обрѣзать у соболей хвостики и подбить ими свои епанчи, въ коихъ потомъ щеголяли всенародно; а хвостики и въ Москвѣ дороже самыхъ соболей: чего же стоятъ у насъ?

Войскомъ непріятельскимъ начальствовали многіе полковники, какъ то: Заруцкій, Трубецкой, Просовѣцкій; но главнымъ былъ Ляпуновъ, коему всѣ долженствовали повиноваться. Заруцкій однако хотѣлъ самъ быть гетманомъ, другіе искали того же; отъ того они враждовали другъ другу. Гонсѣвскій воспользовался ихъ несогласіемъ и употребилъ слѣдующую хитрость: однажды на вылазкѣ мы поймали знатнаго боярина; Гонсѣвскій безъ всякаго милосердія объявилъ ему смерть, какъ явному измѣнннку, нарушившему присягу королевичу; а между тѣмъ тайно велѣлъ намъ склонить его къ вторичной присягѣ. Бояринъ долго не соглашался, хотя вѣрная смерть была предъ глазами; наконецъ присягнулъ. Тогда Гонсѣвскій открылъ ему за тайну, какъ надежному человѣку, что будто имѣетъ сношеніе съ Ляпуновымъ, чрезъ котораго намѣренъ дѣйствовать, и въ доказательство показалъ наединѣ въ

1611. запертомъ покоѣ, чтобы никто не видѣлъ, вымышленное письмо, очень искусно поддѣланное подъ руку Ляпунова, увѣряя, что оно прислано отъ сего послѣдняго. Боярин, зная хорошо почеркъ Ляпунова, всему повѣрилъ и обязался клятвою доставить отъ Гонсѣвскаго отвѣтъ Русскому вождю на мнимое письмо его тайно, обѣщая передать такимъ же образомъ и другое письмо. Для лучшаго успѣха хитрости, мы обмѣняли боярина на своего плѣнника.

Возвратясь къ своимъ, Москаль забылъ и вторую присягу: принесъ письмо не къ Ляпунову, а въ Розрядъ, къ боярамъ, и сказалъ имъ: «я своими глазами видѣлъ у Гонсѣвскаго собственно-«ручную граммату Ляпунова; оба вмѣстѣ они куютъ на васъ ковы». Заруцкій, алчный власти, подстрекнулъ Донцовъ: тѣ бросились на Ляпунова и разнесли его на сабляхъ. По смерти его, Заруцкій сталъ главою войска. Намъ онъ доброжелательствовалъ болѣе прочихъ; но не смѣлъ обнаруживать своихъ намѣреній, памятуя смерть Ляпунова.[77]

Выслуживъ срочное время съ Гоздзиловскимъ, я вступилъ въ хоругвь пана Струся. Враги часто пускали къ намъ бомбы изъ мортиръ и каленыя желѣзныя ядра изъ пушекъ. Но мы были такъ осторожны, что ни одно зданіе не загорѣлось, пока они не улучили благопріятнаго времени: 8 сентября, при жестокомъ вѣтрѣ, брошено въ Китай-городъ изъ мортиръ десять бомбъ разомъ. Тутъ мы уже не могли отстоять его: все, что было въ немъ, сдѣлалось жертвою лютаго пожара; уцѣлѣли только каменныя лавки, церкви и кирпичное строеніе. Товарищи перебрались къ намъ въ Кремль. Казацкій ротмистръ Рудницкій избралъ для себя жилищемъ пустой склепъ въ цейхгаузѣ, служившій пороховымъ погребомъ, и велѣлъ слугѣ принести свѣчу, чтобы осмотрѣть, можно ли разводить тамъ огонь, ибо становилось уже холодно; лишь только упала искра на землю, мигомъ взорвало весь склепъ: на полу находилось пороху безъ малаго на пядень; его складывали туда болѣе ста лѣтъ и съ тѣхъ поръ, какъ построенъ цейхгаузъ, никогда погребовъ не чистили. Этимъ

взрывомъ выбросило всѣхъ бывшихъ тамъ людей, числомъ 18; 1611.
самого Рудницкаго такъ изтерзало, что нельзя было собрать членовъ его. Уцѣлѣли только двое: ихъ подняло довольно высоко, но они упали на землю безъ вреда. На случай пожара, для удобнѣйшаго сохраненія, я сложилъ свои вещи въ склепъ того же цейхгауза, рядомъ съ погребомъ, взлетѣвшимъ на воздухъ, и если бы не было въ склепѣ вещей челядинскихъ, мои навѣрное пропали бы: ибо опасаясь ежеминутно взрыва и другихъ погребовъ, никто не смѣлъ къ нимъ приступить: тамъ лежали разныя горючія вещества, съ водкою, ядрами, стрѣлами, крючьями. Огонь туда уже пробрался, и все какъ въ адѣ пылало. Челядь, спасая свои вещи, спасла и мои. Но на что разъ взглянетъ волкъ, того не зови своимъ.[78]

Считая безопаснѣе держать нѣкоторыя вещи при себѣ, въ особенности такія, которыя мѣста занимали не много, а стоили дорого, я сложилъ въ кошель все свое золото, драгоцѣнные каменья и жемчугъ. Этотъ кошель я всегда носилъ съ собою, когда шелъ на стѣну для стражи, не оставляя его въ квартирѣ, чтобы не сгорѣлъ; а возвратившись домой, я пряталъ его въ небольшой ларецъ, стоявшій за кроватью. Всѣ эти вещи стоили 1800 злотыхъ, по Московской цѣнѣ. Былъ у меня еще крестикъ изумрудный, доставшійся мнѣ изъ казны въ 120 злотыхъ, длиною въ палецъ, въ золотой оправѣ: я вложилъ его въ ладонку, съ ниткою восточнаго жемчуга цѣною въ 70 злотыхъ, и на снуркѣ повѣсилъ себѣ на шею, въ тѣхъ мысляхъ, что если все прочее потеряю, уцѣлѣетъ по крайней мѣрѣ то, что на шеѣ, и я не останусь безъ куска хлѣба, лишь только бы Господь Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Другія же вещи изъ числа фантовъ, наиболѣе драгоцѣнныя, какъ то: парчи, соболи, черноплсьи мѣха, Персидскія ткани, серебро въ лому, привезенныя изъ дома платья, и многое другое, о чемъ упоминать было бы долго, все это я упряталъ въ овсяный кошель, и взвалилъ на дюжаго коня, чалаго мѣрина, къ коему приставилъ лишняго пахолика, съ приказаніемъ всегда водить его за мною подъ хоругвію.

1611. Но Господь Богъ хотѣлъ доказать, что не во власти человѣка ни побѣда, ни здоровье, ни имущество. Все, что я считалъ безопаснымъ отъ непріятеля, пошло къ чорту, и золото, и жемчугъ, и драгоцѣнные каменья, все, что хранилось въ ларцѣ, который стоялъ за моею кроватью. Его укралъ братній пахоликъ, Яковъ, Нѣмецъ, передавшійся къ Москвитянамъ, когда я отправился съ товариществомъ на встрѣчу пану Гетману Литовскому, шедшему къ столицѣ; а крестикъ, вшѣвшій у меня на шеѣ, пропалъ ночью во время похода. Я схватился уже около полудня, отъѣхавъ нѣсколько миль отъ ночлега; поскакалъ было назадъ, не взирая на большую опасность, въ надеждѣ найти его; но напрасно: не нашелъ я своего крестика. Кошель же овсяной, бывшій при мнѣ безотлучно, на походѣ при хоругви, на ночлегѣ при постелѣ, отбилъ непріятель подъ Старицею, среди бѣлаго дня разграбивъ насъ, безпечныхъ. Напротивъ того, чѣмъ я не дорожилъ, и что предавалъ въ жертву врагамъ, на походѣ оставляя въ возахъ, на ночлегѣ бросая въ клеть, все то уцѣлѣло: даже длинный платяной сундукъ и складная кровать, объѣздивъ со мною всю Московскую землю, возвратились на родину невредимы. А все, что для меня было дорого, отняли Москвитяне; въ заключеніе, потерявъ всѣхъ коней, строевыхъ и обозныхъ, числомъ 14, я остался только съ рыжею кобылою, да съ чалымъ мѣрпомъ.

6 октября, явился подъ Москвою, къ великой радости нашей, давно ожидаемый панъ гетманъ Ходкѣвичъ, едва имѣя съ собою 2000 человѣкъ,[79] которыхъ привелъ болѣе изъ подъ Смоленска, чѣмъ изъ Литвы. Сколь, нетерпѣливо ожидали мы его прибытія, столь же скоро миновала наша радость; все войско пріуныло. Но многіе ободрились, и гораздо усерднѣе, чѣмъ прежде стали думать о конфедераціи, на коей положили отправить къ королю и прелатамъ короннымъ пословъ съ рѣшительнымъ объявленіемъ, что мы не будемъ служить долѣе 6 января 1612 года, и съ торжественнымъ протестомъ во всѣхъ городскихъ судахъ, гдѣ только можно, что намъ, при такомъ лютомъ голодѣ, безъ денежныхъ

пособій, недостаетъ силъ держаться противъ столь многочислен- 1611.
ныхъ непріятелей. Съ такимъ порученіемъ мы отправили 2 полковниковъ Казановскаго и Борковскаго, 2 ротмистровъ Мархоцкаго и Гречина, 2 поручиковъ Войтковскаго и Сржедзинскаго и 2 товарищей, имени коихъ не упомню.

Наши такъ сильно вознегодовали на пана гетмана за то, что онъ вздумалъ было остановить разбѣжавшіяся колеса военнаго своеволія. Гонсѣвскій не хотѣлъ судить ни какихъ преступленій въ войскѣ, оставляя расправу пану гетману; а въ такихъ случаяхъ стоитъ только разъ ослабить вожжи, чтобы совсѣмъ упустить ихъ изъ рукъ: если первый преступникъ не получитъ должнаго наказанія, втораго нельзя уже тронуть: онъ вѣрно скажетъ: «за чѣмъ того не наказали». Панъ гетманъ началъ судить строго и тѣмъ многихъ отдалилъ отъ себя; въ послѣдствіи замѣтилъ свою ошибку, да поздно. Разгнѣванный своевольствомъ многихъ Лифляндцевъ, онъ не хотѣлъ имѣть ихъ въ своемъ войскѣ и едва не выгналъ. Лифляндцы съ своей стороны также не хотѣли оставаться подъ его начальствомъ, подстрекали другихъ къ неповиновенію и затѣяли конфедерацію. Умы такъ были раздражены, что не требовали многихъ убѣжденій: нужно было только начать.

Войско было изнурено голодомъ; болѣе всего безпокоили насъ лошади: мѣшокъ ржи стоилъ дороже, чѣмъ мѣшокъ перцу. Мы должны были искать травы за лагеремъ непріятельскимъ; но посылая за нею, мы потеряли много своихъ челядинцевъ, а коней все-таки поморили. И для продовольствія и для отдохновенія, намъ непремѣнно было нужно оставить Москву. Посему обрадовавшись прибытію свѣжаго войска, мы сдаемъ столицу пану гетману и просимъ выпустить насъ, обѣщая доставлять ему съѣстные припасы и быть всегда въ готовности оказывать нужную помощь. Но панъ гетманъ, по многимъ важнымъ причинамъ, не хотѣлъ принять отъ насъ столицы и въ ней остаться. Онъ искалъ однако средства, какимъ бы образомъ удержать и ободрить войско, и скоро нашелъ, назначивъ жалованье товари-

1611. щамъ, желавшимъ остаться въ Москвѣ, за стѣнную службу,[80] по 20 злотыхъ, а пахолкамъ по 15 въ мѣсяцъ. Тѣ же, которые хотѣли итти въ поле, обязаны были взять съ собою всѣхъ лошадей для откормленія. Имъ также назначено жалованье сполна, смотря по тому, кто былъ въ какомъ отрядѣ и подъ какою хоругвію.

Такимъ образомъ служба стѣнная была необыкновенная, но безъ наличныхъ денегъ и безъ вѣрнаго ручательства въ исправной платѣ: бояре только обѣщали. Товарищи не довольствовались одними посулами. Было, чѣмъ заплатить изъ казны; но бояре не хотѣли трогать сокровища, необходимыя для торжественнаго вѣнчанія королевича, котораго съ часу на часъ ожидали. Тамъ хранились всякія вещи, употребляемыя при коронаціи: царскія одежды, утварь золотая и серебряная, множество золотой столовой посуды, не говоря о серебряной, драгоцѣнные каменья, сверхъ того дорогіе столы, осыпанные каменьями стулья, золотые обои, шитые ковры, жемчугъ, и многое тому подобное. Все это я видѣлъ своими глазами. Не упоминаю о дорогихъ мѣхахъ, которые берегутъ единственно для царя, не выпуская никуда за границу для продажи. Не упоминаю о драгоцѣнныхъ ковчегахъ съ св. мощами: они хранятся въ склепѣ, длиною около 5 саженъ, съ окнами въ двухъ противоположныхъ стѣнахъ, и вложены въ шкапы столярной работы, занимающіе три стѣны отъ пола до потолка. Эти ковчеги золотые, длиною въ поллоктя съ литерами на концѣ, означающими, чьи мощи въ себѣ заключаютъ. Среди склепа идутъ еще два шкапа, отъ пола до потолка, съ подобными же золотыми ящиками по обѣимъ сторонамъ. Такимъ образомъ, ковчеги занимаютъ 7 стѣнъ, ни гдѣ не оставляя пустаго мѣста. Слѣдовательно, хотя было, говорю, чѣмъ платить намъ; но бояре не хотѣли разорять казны, и только дали въ закладъ нѣсколько вещей, обѣщая скоро выкупить ихъ, а именно: двѣ царскія короны, изъ коихъ одна принадлежала Годунову, а другая, еще не совсѣмъ оконченная работою, Димитрію, мужу Мнишковны, 2 или

3 единорога, царскій посохъ изъ единорога, по концамъ опра- 1611.
вленный золотомъ съ брилліантами, и гусарское сѣдло того же Димитрія, украшенное золотомъ, каменьями и жемчугами. Мы согласились принять этотъ закладъ, и товарищи отправили къ боярамъ депутатовъ ударить по рукамъ.

Кто имѣлъ съѣстные припасы и желалъ остаться въ Москвѣ, оставался; а другіе отправлялись въ поле, впрочемъ безъ челяди. Число первыхъ простиралось до трехъ тысячъ. Мы вышли изъ столицы 10 ноября, наканунѣ праздника св. Мартына и направили путь къ Волгѣ, въ надеждѣ найти тамъ край болѣе другихъ областей хлѣбородный. Я также вышелъ изъ Москвы, потому, что умиралъ съ голоду. Вмѣстѣ съ нами шелъ панъ гетманъ со всѣмъ войскомъ. На четвертые сутки, т. е. 14 ноября, мы достигли Рогачева[82] и остановились: сюда привезли намъ съѣстныхъ припасовъ изъ за Волги. На пути къ Рогачеву мы пробирались по весьма грязной дорогѣ, отъ частыхъ дождей, и войско, недавно пришедшее съ гетманомъ, имѣя грузныя повозки, испытало много неудобствъ: иные возы пришлось оставить въ болотахъ; при всемъ томъ не хотѣло подѣлиться съ нами своими припасами. Если же кто продавалъ съѣстное, бралъ не дешево, и мы должны были платить, чего требовали. Наши также бросили не одного коня въ болотѣ: ибо въ столицѣ всѣ лошади строевыя до того изнурились, что шатались даже отъ вѣтра, а въ конюшняхъ прогрызывали насквозь самыя толстыя стѣны. Изъ Рогачева мы высылали челядь за Волгу для съѣстныхъ припасовъ, и въ три недѣли получили ихъ въ великомъ изобиліи. Въ сіе время мнѣ привели небольшаго мальчика, именемъ Потапа; я назвалъ его Езопикомъ и отдалъ выучить на кимвалѣ.

18 декабря мы отправились къ столицѣ съ съѣстными припасами. Полковникомъ у насъ былъ князь Корецкій. Я находился тутъ же. Отрядъ нашъ заключалъ едва 500 человѣкъ способныхъ къ бою. Морозы были жестокіе, и какъ не позволялось разводить огней, для безопасности отъ непріятеля, то на пути къ столицѣ

1611. замерзло у насъ 360 человѣкъ, частію нашихъ, частію Москвитянъ; послѣднихъ впрочемъ болѣе. Русскіе напали на насъ и отняли нѣсколько возовъ съ припасами, но не много; я одинъ лишился однако 5 возовъ. Мы долго сражались съ ними на самой рѣкѣ; наконецъ отбились. Руки наши примерзали къ палашамъ. Весьма многіе товарищи и пахолики отморозили пальцы на рукахъ и ногахъ, даже ноги. Никогда стужа не была намъ столь губительна, какъ во время этого похода: тутъ всѣ пострадали. Самъ князь Корецкій отморозилъ себѣ пальцы у рукъ и ногъ.

Изъ столицы мы воротились въ Рогачевъ 24 декабря, въ сочельникъ Рождества Христова. Я разговѣлся однимъ толокномъ Въ Рогачевѣ панъ гетманъ разгнѣвался было на брата моего Даніила, который отказался итти подъ хоругвію къ столицѣ съ съѣстными припасами, потому, что этотъ походъ объявленъ былъ вопреки старинному порядку. Ссора дошла до того, что панъ гетманъ сказалъ ему въ колѣ. «Я велю отрубить тебѣ голову, мятежникъ!» «Если буду виновенъ», возразилъ братъ; «притомъ «же долѣе трехъ недѣль служить въ твоемъ полку не думаю». До 6 января оставалось только три недѣли, и на умѣ у насъ была не служба, а конфедерація.

1612. Мы встрѣтили новый годъ въ Рогачевѣ. 6 января оканчивался срокъ нашей службѣ, о чемъ мы уже прежде письменно объявили, поручивъ депутатамъ своимъ извѣстить короля и въ городскихъ судахъ записать протестъ, что долѣе служить не можемъ, и что не достанетъ человѣку силъ бороться съ голодомъ, съ холодомъ, съ непріятелемъ, безъ денежныхъ пособій. И такъ 6 января мы съѣхались на полѣ въ коло. Гетманъ присылаетъ къ намъ своего Цѣклинскаго[81] съ увѣщаніемъ разойтись и продолжать службу. Но напрасно: мы разшевелились и дали себѣ слово съѣхаться опять въ слѣдующій день, для назначенія военныхъ чиновъ, въ намѣреніи итти къ столицѣ: ибо одни, безъ содѣйствія товарищей, бывшихъ въ Москвѣ, мы ничего не могли начать.

Въ слѣдующій день мы снова собрались: тутъ явился самъ гет- 1612.
манъ и сказалъ длинную рѣчь, убѣждая насъ успокоиться; однако не успѣлъ, и уѣхалъ; а мы устроили военный нарядъ такимъ образомъ: старшимъ полковникомъ выбрали Іосифа Цѣклинскаго, а поручикомъ Копычинскаго, коему поручили и войско вести, до прибытія въ Москву не рѣшившись безъ тамошнихъ избрать маршалка. Сверхъ того въ каждомъ полку назначили особенныхъ полковниковъ; въ полку Зборовскаго трехъ: Санкевича, Стрыца, Косцюшкевича и Балинскаго, въ полку гетманскомъ Валентина Плавскаго, въ Струсевомъ Ѳедора Воронича, въ Вайеровомъ Бодашевскаго, въ Казановскомъ Людвига Понятовскаго. Въ такомъ порядкѣ мы отправились къ Москвѣ; съ нами шелъ и панъ гетманъ съ своимъ войскомъ. На пути Москвитяне отбили у насъ множество съѣстныхъ припасовъ.

13 января мы прибыли въ столицу.

14 января конфедерація. Учрежденъ постоянный нарядъ въ войскѣ. Цѣклинскій, выбранный прежде старшимъ, утвержденъ теперь маршалкомъ. Полковниковъ оставили тѣхъ же. Къ маршалку назначены 7 депутатовъ: Гайдовскій, Сулишевскій, (бывшій вмѣстѣ войсковымъ судьею во все время конфедераціи), Гржилатковскій, Свижинскій, Липскій и Гонсѣвскій младшій. Мы рѣшились было немедленно выйти изъ Москвы, сдавъ ее пану гетману; но видя, что при немъ войска было мало, согласились, по убѣжденію его, оставить въ столицѣ своихъ товарищей до 14 марта; панъ же гетманъ далъ слово прибыть въ сей день къ Москвѣ и вывести ихъ оттуда; насъ они также обязали присягою, въ назначенный срокъ, будетъ ли, не будетъ ли панъ гетманъ, пріѣхать за ними съ конями.

18 января мы снова воротились въ Рогачевъ, оставивъ своихъ въ Кремлѣ. Жалованье за полевую службу назначено всему войску за ручательствомъ гетмана до того времени, когда выведемъ своихъ изъ столицы; а за стѣпную службу плата опре-

1612. дѣлена особенная, съ залогомъ: наше объявленіе лишало насъ права на жалованье во время конфедераціи.

26 января пустились мы изъ Рогачева въ хлѣбороднѣйшія области, почти къ границѣ. Панъ гетманъ шелъ съ нами нѣсколько миль, потомъ разлучился и сталъ въ Ѳедоровскомъ, въ 20 миляхъ отъ Москвы прямою дорогою; мы же, продолжая путь, прибыли правда въ обильный край надъ Волгою и расположились по деревнямъ, мили на 4 другъ отъ друга, а отъ пана гетмана на 12 миль; но мѣсто мы избрали весьма неудобное, среди пяти непріятельскихъ крѣпостей, наполненныхъ врагами, между Старицею, Ржевомъ, Погорѣлою, Волочкомъ и Козельскомъ. Каждая изъ нихъ была отъ насъ въ трехъ, или много въ пяти миляхъ. Такимъ образомъ намъ пришлось отдыхать среди непріятелей!

Я служилъ въ то время съ паномъ Струсемъ. Мы стояли въ деревнѣ надъ самою Волгою со всѣмъ полкомъ Струсевымъ, въ коемъ не было однакожъ и 200 человѣкъ: ибо другіе остались на стѣнахъ Московскихъ. Деревня эта называлась Роднею. Крестьяне, жившіе въ ней, вмѣсто всякой повинности, обязаны были ставить въ царскую кухню капусту; у каждаго мы нашли по 2 и по 3 кадки; она такъ бѣла и вкусна, что подобной рѣдко найдешь у насъ, или въ другомъ мѣстѣ. Въ особенности понравилась намъ кочанная, квашенная съ анисомъ и кишницомъ; мы не могли до-сыта наѣсться ей. Но за эту вкусную капусту мы заплатили своими боками.

Москвитяне насъ стерегли: узнавъ чрезъ лазутчиковъ, что товарищи разъѣхались въ коло, и что мы стоимъ безъ стражи, они нагрянули на насъ среди бѣлаго дня, частію на коняхъ, частію на лыжахъ. За нѣсколько дней предъ тѣмъ, мы отправили къ пану гетману послами брата моего Даніила и пана Хржонстовскаго, напомнить данное имъ слово вывести Товарищество изъ столицы; ибо 14 марта уже наступало. Панъ братъ, отъѣзжая, оставилъ мнѣ свои сундуки и всѣ вещи. Москвитяне такъ неожиданно напали на насъ, что наши едва успѣли сѣсть на коней, и

то многіе безъ сѣделъ. Отбить врага мы не могли: насъ не было и 1612.
50 человѣкъ; а онъ напалъ въ числѣ 4,000. Къ тому же намъ вредили глубокіе снѣга; мы не знали, какъ управиться съ лыжниками и отступили на Волгу, не имѣя ни одного ружья: ибо всѣ доспѣхи остались на стѣнахъ въ квартирахъ.

Русскіе, имѣя теперь все въ своей власти, захватили и мои вещи и братнины съ вещами другихъ товарищей: я остался съ одною клячею, на коей сидѣлъ. Къ моему горю, почти всѣ челядинцы мои хворали. Къ счастію добрая Москвитянка спрятала ихъ отъ враговъ въ банѣ подъ полъ: иначе они погибли бы. Я потерялъ однако убитыми двухъ: мальчика, именемъ Осипа Порембскаго изъ Подгуржа, и бывшаго при мнѣ портнаго Андрея изъ Цырына. Прочая же здоровая челядь моя во время тревоги, (ужь видно такъ Богу было угодно!) не попавъ на своихъ коней, ускакала на коняхъ другихъ товарищей: такимъ образомъ чужихъ спасла, а моихъ оставила въ конюшнѣ непріятелю, который увелъ ихъ съ собою. Между тѣмъ пріѣзжаетъ братъ мой съ отвѣтомъ, что панъ гетманъ не можетъ быть въ столицѣ къ назначенному дню: ибо не собралась челядь съ съѣстными припасами изъ за-Волги (гетманъ нарочно велѣлъ ей замедлить для того, что не имѣлъ еще войска, коимъ могъ бы занять столицу). Утѣшительно было бѣдному брату видѣть дымящіяся развалины деревни и свое добро въ рукахъ непріятеля!

Потерявъ все, я рѣшился остаться въ столицѣ и ждать тамъ королевича. И такъ, когда къ назначенному сроку, 14 марта, товарищи снарядили своихъ по условію въ Москву съ конями и съѣстными припасами, подъ начальствомъ полковника Косцюшкевича, я по доброй волѣ пустился съ ними въ путь, простившись съ братомъ и не сказывая никому, что думаю тамъ остаться. Послѣ я перемѣнилъ свое намѣреніе; а то пришлось бы ждать королевича едва ли не въ тюрьмѣ. Дорога намъ лежала чрезъ гетманскій лагерь: прибывъ туда, полковникъ и товарищи отправили меня съ паномъ Подгородыпскимъ къ гетману напомнить его обѣщанія; мы получили въ отвѣтъ, какъ и прочіе депутаты, что

1612. панъ гетманъ не имѣетъ челяди и проситъ насъ подождать въ лагерѣ, пока возвратится она изъ поиска. Онъ медлилъ нарочно, чтобы подоспѣло войско, которое должно было остаться въ столицѣ.

Мы не послушали его и пустились далѣе въ путь, хотя сами видѣли всю опасность своего похода, при столь слабыхъ силахъ: насъ было всего 300 человѣкъ, притомъ каждый пахоликъ велъ по 2 и по 3 коня, слѣдовательно какимъ же образомъ могъ сражаться? Едва отошли мы на милю или на двѣ отъ гетманскаго лагеря, напали на насъ шиши [83] и безъ труда одержали побѣду: ибо находившіеся при возахъ нашихъ Москвитяне тотчасъ передались къ своимъ; а другіе загородили путь повозками; дорога же была узкая, а снѣга безмѣрно глубокіе; и если кто съ трудомъ принуждалъ коня своротить съ тропинки, тонулъ въ снѣгу, какъ въ страшномъ болотѣ, откуда не могъ выбиться. Не было средствъ отстоять поля. Враги разорвали нашъ отрядъ надвое: одни изъ насъ воротились къ гетману, а другіе, шедшіе впереди, въ числѣ конхъ и я былъ, пробившись сквозь шишей, съ трудомъ достигли Можайска.

Тутъ, въ деревнѣ Вишенцѣ, [84] мы поймали стараго крестьянина и взяли его проводникомъ, чтобы не заблудиться и не набресть на Волокъ, гдѣ стоялъ сильный непріятель. Онъ велъ насъ въ одной милѣ отъ Волока; ночью же нарочно повернулъ къ тому мѣсту. Уже мы были отъ него въ одной только верстѣ: къ счастію попался намъ Руцкій, который въ то время, проводивъ товарищей, вышедшихъ изъ столицы къ пану гетману, возвращался подъ самыми стѣнами Волока на свои квартиры въ Рузу, гдѣ стоялъ съ казацкою ротою. Отъ него узнали мы, что сами идемъ въ руки непріятелю, и поспѣшили воротиться. Проводнику отсѣкли голову; но страха нашего никто не вознаградитъ.

Гетманъ былъ тому радъ: намъ по неволѣ пришлось ждать весны, однимъ въ гетманскомъ лагерѣ, другимъ въ Можайскѣ. Я жилъ въ Борисоловѣ [85] у казацкаго ротмистра Хвалибога, съ

нѣсколькими изъ нашихъ товарищей; мы лакомились кониною. 1612.
Когда стаяли снѣга и земля просохла, гетманъ, выступивъ изъ Ѳедоровскаго, пришелъ къ Можайску, и сталъ въ одной милѣ отъ него обозомъ. Мы соединились съ нимъ. Убѣжденный неотступными просьбами нашими, онъ двинулся наконецъ къ столицѣ, но медленно, все поджидая войска. Въ Можайскѣ въ это время умеръ панъ Зѣнковичъ, судья Новогродскій, послѣ семидневной болѣзни. Панъ гетманъ расположился лагеремъ надъ Москвою-рѣкою въ 6 миляхъ отъ столицы. Тутъ простояли мы 4 недѣли, ожидая пана Струся, который, разлучившись съ нами еще въ Рогачевѣ, пошелъ было къ Смоленску, въ намѣреніи уѣхать домой; но подстрекаемый славолюбіемъ, охотно согласился возвратиться съ отрядомъ въ Москву, чтобы удержать ее за королевичемъ.

Въ лагерь нашъ неоднократно пріѣзжали къ гетману товарищи изъ столицы и получили отъ него письменное ручательство въ уплатѣ жалованья всему войску отъ начала конфедераціи до выхода нашихъ изъ столицы. Это ручательство хранится у меня. Между тѣмъ мы съ большимъ успѣхомъ ловили стрижей, пташекъ, водящихся на берегахъ. Узнавъ наконецъ, что панъ Струсь уже въ Можайскѣ, мы двинулись къ столицѣ и въ праздникъ подошли подъ самыя стѣны ея. Чрезъ нѣсколько дней къ намъ присоединился панъ Струсь съ 3000 голоднаго войска. Мы расположились лагеремъ подъ Дѣвичьимъ монастыремъ, переправясь чрезъ Москву-рѣку. Панъ Струсь сталъ тамъ же въ особомъ лагерѣ.

Гонсѣвскій и панъ Струсь питали другъ къ другу зависть: оба искали чести сохранить Москву для королевича. Первый успѣлъ было убѣдить не малую часть столичнаго войска не покидать Москвы, гдѣ и самъ хотѣлъ остаться; послѣ однако долженъ былъ выступить; за нимъ послѣдовало все столичное войско, и слава Богу: если бы кто изъ нашихъ остался въ Москвѣ, я навѣрное не вышелъ бы изъ нея, и подобно другимъ попался бы въ западню.

1612. Войско Струсево вошло въ Москву, а наше вышло въ лагерь, переправясь чрезъ рѣку по живому мѣсту, сдѣланному изъ разломанныхъ домовъ. Мы простояли въ лагерѣ нѣсколько дней, договариваясь съ боярами о уплатѣ намъ стѣпнаго жалованья, на которое имѣли залогъ, какъ выше мною упомянуто; но увидѣвъ, что денегъ у нихъ нѣтъ, мы взяли залогъ; они же дали слово догнать насъ до перехода за границу съ деньгами и выкупить залогъ за 18.000 злотыхъ Польскихъ. И такъ, по милости Божіей, въ праздникъ Тѣла Господня, мы отправились къ границѣ. Тревожили насъ правда шиши, однако безъ успѣха: мы вездѣ ихъ прогоняли.

Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ столицы заслонили намъ дорогу въ лѣсу, на переправахъ, тысячъ восемь Москвитянъ, пѣшихъ, какъ шиши; мы ихъ то же разбили на-голову. У каждаго изъ нихъ было по 3 и по 4 кошеля изъ бараньей шкуры: «это мы взяли» говорили они «для денегъ, которыя везете изъ Москвы, «подобно Нѣмцамъ Понтусовымъ».[86] Всѣхъ плѣнниковъ велѣно посадить на колъ; только нѣкоторыхъ ремесленниковъ, коихъ было множество, мы раздѣлили между собою и вывезли въ Польшу. Чрезъ полторы недѣли мы прибыли въ Смоленскъ и, отдохнувъ здѣсь съ недѣлю, пустились далѣе, въ отечество. Я нарочно промедлилъ въ Смоленскѣ у брата папа Гавріила, чтобы не итти съ войскомъ чрезъ Литву. Спустя же нѣсколько дней по выходѣ его, отправился водою въ баркѣ[87] до Орши, а оттуда сухимъ путемъ на родину. Другое войско наше, бывшее подъ начальствомъ маршалка, какъ скоро отправились мы въ столицу за товарищами, само собою вышло изъ квартиръ и еще до праздника прибыло подъ Смоленскъ, откуда, дождавшись сухой дороги, пустилось далѣе. Въ этомъ войскѣ находился и братъ мой панъ Даніилъ.

Король, узнавъ о выходѣ нашемъ изъ столицы, чего никакъ не ожидалъ, не вѣря декларацiи нашихъ пословъ, велѣлъ объявить по всѣмъ городамъ универсалами, что изъ Россiи идутъ своеволь-

пики: ихъ вездѣ должно бить и никуда не пропускать. Но войско 1612.
Сапѣгино, возвратившееся въ Литву еще зимнимъ путемъ и занявшее Гродно, Брестъ и Могилевъ, узнавъ о нашей конфедераціи, также составило свою конфедерацію. Въ надеждѣ скорѣе получить жалованье за службу и удобнѣе противустоять универсаламъ, наши снеслись съ войскомъ Сапѣгинымъ и обѣщали помогать другъ другу въ случаѣ насилія. И такъ этими универсалами сдѣлали то, что Сапѣжинцы, не выслуживъ и двухъ или трехъ четвертей, получили плату за десять. Намъ также выдали жалованье вполнѣ; впрочемъ мы подарили республикѣ по 100 злотыхъ съ коня.

Братъ мой панъ Даніилъ, которому здоровье такъ хорошо служило въ Москвѣ, едва переступилъ за границу, вдругъ заболѣлъ; больной пріѣхалъ въ Сервечь къ матушкѣ, больной возвратился къ къ войску, и уже не всталъ: онъ умеръ въ сентябрѣ мѣсяцѣ въ Черномъ островѣ, мѣстечкѣ князя Константина Вишневецкаго, въ Подоліи. Смерть его приписываю перемѣнѣ воздуха: къ Московскому климату онъ привыкъ и наслаждался цвѣтущимъ здоровьемъ. Могло быть также, что онъ разстроилъ свое здоровье горѣлкою, при слѣдующемъ случаѣ: находясь въ полку Струсевомъ въ Борисовѣ въ 2 миляхъ отъ Можайска, онъ строилъ себѣ шалашъ; на закладку жилища пришло къ нему нѣсколько товарищей, и какъ не чѣмъ было угощать ихъ, кромѣ горѣлки, то братъ послалъ за нею. Сначала гости и хозяинъ пили по чаркѣ, а потомъ по цѣлому штофу однимъ духомъ. Уже всѣхъ сшибло съ ногъ, кромѣ брата, да какого-то Нѣдзвѣдскаго, также изъ роты Калиновскаго. Этотъ Нѣдзвѣдскій предложилъ пить вдвоемъ, съ условіемъ, что если одинъ ослабѣетъ, другой, крѣпчайшій, будетъ имѣть объ немъ попеченіе и приготовитъ ксенза съ цирюльникомъ. И такъ оба они пили до того, что тотъ упалъ за мертво; его вынесли и ухаживали за нимъ цѣлую ночь, ежеминутно ожидая смерти: душа въ немъ чуть чуть держалась. Братъ же устоялъ на ногахъ, и еще помня условіе, послалъ ко мнѣ въ столицу хлопца во весь

1612. опоръ за цирюльникомъ. Я немедленно отправилъ его: но уже поздно. Нѣзвѣдскій испустилъ духъ. Братъ похоронилъ его, и остался здоровъ; но такая жестокая попойка не могла не повредить ему.

Я пріѣхалъ въ Сервечь въ іюлѣ мѣсяцѣ, днемъ; матушку свою нашелъ въ добромъ здоровьѣ, только въ сильной тоскѣ по насъ. Пробывъ въ Сервечѣ съ недѣлю, я пустился къ своимъ и встрѣтилъ ихъ въ Слонимѣ. Тутъ мы отдыхали нѣсколько дней. Король прислалъ къ намъ Ланцкоронскаго, воеводу Подольскаго и Николая Францкѣвича-Радзиминскаго, старосту Мстиславскаго, съ предложеніемъ воротиться въ Москву, куда, послѣ долгихъ разсужденій, рѣшился итти и самъ король, чтобы сѣсть на престолъ Московскій. Имѣя нѣсколько тысячъ войска Польскаго и иноземнаго, слишкомъ слабаго въ сравненіи съ силами непріятеля, онъ надѣялся какъ на насъ, такъ и на тѣхъ изъ нашихъ, которые были въ Россіи; но надежда его обманула: мы не могли итти, терпя во всемъ недостатокъ; а наши товарищи вмѣстѣ съ паномъ Струсемъ, еще до прибытія короля къ столицѣ, сдались Москвитянамъ отъ нестерпимаго голода, на договоръ, котораго Русскіе однако не выполнили, такъ какъ и ни въ чемъ они не держатъ своего слова.[88] Посему король долженъ былъ воротиться ни съ чѣмъ. Съ нимъ былъ гетманъ Литовскій Янъ-Кароль Ходкѣвичъ; а коронный гетманъ Жолкѣвскій не хотѣлъ и съ мѣста тронутся: заключая договоръ съ Москвитянами, онъ подъ присягою обязался дать имъ въ цари королевича, во имя коего и успокоили Россію; о королѣ же и не упоминалъ. Объ этомъ договорѣ Жолкѣвскій объявилъ его величеству подъ Смоленскомъ, когда представилъ ему плѣннаго царя Василія Шуйскаго съ братьями. Но какъ скоро увидѣлъ, что король не намѣренъ исполнить заключеннаго условія, задумывая нѣчто другое, ему же за столь важныя услуги не изъявилъ никакой благодарности; то не желая дѣйствовать противъ совѣсти, *отрясъ прахъ ногъ своихъ.*

Были тогда при королѣ такіе добрые сенаторы, что ни въ чемъ не прекословили волѣ королевской: трудно совѣтовать тамъ,

гдѣ не слушаютъ. Вся война была дѣломъ интриги. Посему 1612.
многіе говорили: прежде разумъ уступалъ саблѣ; а тетерь сабля уступаетъ разуму. Какой же плодъ принесетъ интрига, время покажетъ. Носился слухъ, что король хотѣлъ овладѣть скиптромъ Московскимъ, чтобы передать его изъ рукъ своихъ сыну. Но до этого не дошло: дѣло запуталось.

Въ то же время Стефанъ Потоцкій, староста Феллинскій, зять Могилы, господаря Валахскаго, намѣреваясь по смерти его возвести на господарство шурина своего, съ немалымъ войскомъ Польскимъ отправился въ Валахію и вступивъ въ битву съ Турками, срамно проигралъ ее; самъ былъ взятъ въ плѣнъ, а войско все потерялъ къ великому безчестію народа Польскаго: чего непріятель не сгубилъ, погибло въ Прутѣ или Дѣжѣ. Изъ тысячи едва одинъ спасся. Во всей Польшѣ раздались вопли и проклятія матерей, которыхъ дѣти изъ академій и школъ пошли съ Потоцкимъ на войну, и тамъ погибли.

Изъ Слонима, разлучившись съ войскомъ, я поѣхалъ прямо къ брату моему, пану Подсудку, въ Жабчи, и пробывъ тамъ съ недѣлю, пустился за своею ротою, которую нагналъ на Волыни въ помѣстьѣ пана Носковскаго. На отдыхъ мы пришли въ Лышовцы съ хоругвію Ланцкоронскаго, въ коей были товарищи изъ полковъ Струся и Калиновскаго, служившія въ Москвѣ. Ланцкоронскій принялъ надъ нею начальство еще подъ Смоленскомъ, по смерти Гербурта. Мы простояли вмѣстѣ недѣль съ десятокъ; а потомъ разошлись по квартирамъ, гдѣ чья хоругвь находилась. Я съ паномъ Грабаніемъ отправился подъ свою хоругвь къ князю Порыцкому. Ее свернули было предъ окончаніемъ службы въ Самборѣ, гдѣ мы имѣли свои квартиры, но снова подняли, по случаю конфедераціи, для истребованія жалованья. Въ Тишовцахъ я получилъ горестное извѣстіе о смерти милаго брата пана Даніила; о чемъ немедленно далъ знать другому брату пану Подсудку. Въ Самборѣ стояли четыре роты Казановскаго, Скумина, князя Порыцкаго и казацкая Абрама Татарина. Отрядъ покойнаго брата

1612. пана Данiила я перевелъ изъ подъ хоругви старосты Брацлавскаго подъ хоругвь моего полковника князя Порыцкаго.

Въ Самборѣ мы составили коло, гдѣ раздѣлили между собою квартиры, на копя по 4 лана; мнѣ досталось на 12 коней 48 ланъ.[89] Мой участокъ находился въ горахъ, въ Безследзѣ, на самой границѣ Венгерской. Тамъ овса было вдоволь, ибо кромѣ овса ничего не сѣютъ; но перевозъ его былъ затруднителенъ: возовъ въ Самборъ не отправляютъ; весь торгъ ведутъ въ Венгрiи, а чрезъ горы ѣздятъ на подкованныхъ волахъ или на лошадяхъ. Мнѣ стали было доставлять овесъ вьюками, но и это средство оказалось столь неудобно, что я рѣшился брать отъ поселянъ лучше деньгами, расчитавъ, по чему продаются съѣстные припасы въ Самборѣ. Пришлось взять съ лана за первую четверть 18 злотыхъ, за вторую 10, а за третью только 4. Кромѣ отведеннаго участка, панъ Лавловскiй, нашъ ротный квартирьеръ, далъ мнѣ деревню въ самомъ предмѣстiи Лемберга, въ 6 лановъ, а пану Грабанiю другую такую же. И ты ни слова, и я ни слова! Эта деревня мнѣ очень пригодилась, во время поѣздокъ въ Лембергъ: я получалъ изъ нея все нужное, какъ изъ собственнаго помѣстья. Маршалъ и депутаты стали въ Кроснѣ на Подгорьѣ. Полки же наши расположились въ Великой Польшѣ, около Кракова, пока не пришли жолнеры Смоленскiе, коимъ мы уступили свои квартиры. Велико-Польскiй Маршалъ съ депутатами остановился въ Быдгощи.

1613. Лишь только мы прибыли въ сiи мѣста, панъ Опалинскiй, каштелянъ Познаньскiй, при помощи княжны Ярославской, отправилъ на тотъ свѣтъ Стадницкаго-Ланзуцкаго, прозваннаго дьяволомъ. Казакъ отсѣкъ ему голову. Жена его, вдовѣвъ одинъ только годъ, вышла за полковника нашего Людвига Понятовскаго.

Въ ротѣ пана Скумина служилъ нѣкто Бржезицкiй, изъ Люблина; былъ онъ гуляка страшный, пилъ горькую со всякимъ встрѣчнымъ, никогда не просыпался, не зналъ, что день, что ночь, не пѣремѣнялъ даже бѣлья и только въ одной епанчѣ щеголялъ по

улицѣ. Къ нему пришли однажды черти. Спалъ онъ по обыкно- 1613.
венію въ залѣ; тутъ же былъ нѣкто Ржепницкій родственникъ его, служившій на своемъ конѣ при отрядѣ, и слуга; послѣдній, какъ малый молодой, спалъ крѣпко, и не все слышалъ, только конецъ, а Ржепницкій не пропустилъ ничего, и, согласно съ Бржезицкимъ, разсказывалъ намъ слѣдующее: въ самую полночь, слышатъ они оба, какъ будто возъ ѣдетъ по улицѣ, подъѣзжаетъ къ дому, взбирается по лѣстницѣ прямо въ залу и останавливается подлѣ постели Бржезицкаго. Въ возу четыре коня. Кто-то слѣзаетъ съ него и говоритъ нашему гулякѣ: «я присланъ за тобою: садись!» «Нѣтъ, дьволъ», отвѣчаетъ хитрый Бржезицкій, не теряя бодрости, «я не ѣзжу четвернею». «Вотъ тебѣ и шесть коней»! Глядь, въ самомъ дѣлѣ въ возу чудесный цугъ шестернею. Думая, какъ нибудь отдѣлаться отъ бѣды. Бржезицкій опять возражаетъ: «возъ не красивъ; нѣтъ ковровъ Азіатскихъ». И все явилось, лишь махнулъ бѣсъ платкомъ. Тутъ уже нечѣмъ было отговариваться. Дьяволъ требуетъ неотступно; тому не хочется. Между тѣмъ привязываютъ къ ножкамъ кровати веревку и тащатъ ее вмѣстѣ съ Бржезицкимъ. Его обдало ужасомъ: онъ кричитъ изъ всей силы: «малой, малой»! А въ головахъ малаго стоитъ кто-то весь въ бѣломъ, не пускаетъ его и говоритъ: «оставь этого человѣка; онъ ѣдетъ въ адъ». «Какую ты жизнь ведешь»? молвилъ бѣсъ Бржезицкому. «Смотри, вотъ всѣ твои грѣхи отъ самаго «рожденья; вотъ всѣ твои любимыя забавы. Теперь ты зовешь «слугу своего; а не вчера ли прибилъ его за то, что онъ пошелъ «въ церковь къ вечернѣ?» Такимъ образомъ напомнивъ всѣ проказы, беретъ изъ воза копченаго карпа и подавая Бржезицкому: «ѣшь, говоритъ, съ полковниками своими». (Т. е. съ Понятовскимъ, съ Умоховскимъ и съ Кресемъ; эти господа, Богъ вѣсть, какой были вѣры: каждый имѣлъ свою). Между тѣмъ закричалъ пѣтухъ, и все изчезло; нашъ молодецъ ни живъ, ни мертвъ дождался дня, и лишь только разсвѣло, отправился къ отцамъ Бернардинамъ; не выходилъ изъ монастыря недѣли 2, исповѣдался,

1613. пріобщался св. таинъ, и все напрасно: куда не пойдетъ, бѣсъ вездѣ на глазахъ въ разныхъ видахъ, то прикинется псомъ, то кошкою; нигдѣ не было покою. И заклинанія читали надъ нимъ ксензы, и давалъ онъ обѣты не пить вина: все не помогало; наконецъ наслу очнулся онъ чрезъ полгода. Съ тѣхъ поръ бросилъ пить вино; но за то малвазію тянулъ пуще, чѣмъ прежде горѣлку.

Изъ прочихъ мѣстъ, отведенныхъ нашему полку на квартиры, назначены были Лембергъ Хелмъ, Бѣлскъ, Краснымставъ и Люблинъ. Для расписанія стацій,[90] отрядили изъ каждой роты по двое; изъ нашей пана Грабанія и меня, чего я самъ желалъ. Мы всѣ съѣхались въ Лембергъ, чтобы тамъ, какъ въ главномъ мѣстѣ, удобнѣе условиться, и потомъ разослать товарищей по отведеннымъ городамъ. Жители Лемберга, получивъ отъ прежнихъ королей не только свободу отъ платежа стацій даже самому королю, но и честь считать своего бургомистра въ числѣ Польскихъ шляхтичей, величались своими правами и отказывались принять насъ. Но въ то время закономъ была сабля. Мы не хотѣли слышать о ихъ правахъ. Не получая однако согласія на уплату стацій, я велѣлъ расписывать домы по ротамъ, для острастки вдвое болѣе, объявивъ, что войско займетъ ихъ постоемъ. Они струсили, и какъ скоро мы воротились на ночлегъ въ предмѣстье, гдѣ имѣли свою квартиру, тотчасъ заперли ворота, по обыкновенію; а въ слѣдующій день не хотѣли уже отворить ихъ. Разославъ товарищей по квартирамъ въ дальнія мѣста, самъ я остался съ паномъ Грабаніемъ въ Лембергѣ, и далъ знать своему полковнику. Между тѣмъ, какъ воротъ все не отпирали, и отворили только калитку, чрезъ которую получали съѣстные припасы и дрова изъ предмѣстья, то я поставилъ при ней 10 пахолковъ съ приказаніемъ не пропускать въ городъ съѣстныхъ припасовъ. Тамъ было 200 человѣкъ служивой пѣхоты и сверхъ того всѣмъ мѣщанамъ приказано быть въ готовности: но никто не смѣлъ отогнать насъ. Такъ морили мы ихъ трое сутокъ, до того, что хлѣбъ и дрова они стали

таскать чрезъ стѣны веревками. Вотъ что называется благоустро- 1613.
енный городъ! Намъ же вольно было входить въ него и выходить. Бывая тамъ, мы сами видѣли, что жители, вычистивъ рыбу, (это случилось постомъ), лотки и другую домашнюю посуду рубили на дрова. Что же будетъ, если подойдетъ непріятель? Заморитъ голодомъ!

Случилось намъ однажды промѣшкать въ городѣ до вечера. Мы велѣли сказать бургомистру, чтобы калитки не запирали, пока не возвратимся на квартиру. Онъ, видно, опасаясь какого-либо замысла, отвѣчалъ: «прикажу отпереть, когда поїдутъ паны». Мы отправляемся, давъ знать, чтобы отперли калитку; сами идемъ впереди со свѣчею, за нами слѣдуютъ два пахолика и одинъ слуга. Глядимъ, на всѣхъ улицахъ стоитъ народъ вооруженный. Челядинецъ, шедшій сзади насъ, завелъ ссору, неизвѣстно изъ-за чего: его начали бить. Мы бросились отбивать; но теперь дошло и до насъ. Намъ стало такъ жутко, что подобной грозы и въ Москвѣ мы не видали, Одного пахолика положили на мѣстѣ; другаго ранили. Пана Грабанія жестоко избили цѣпями; да еще и ногу ему переломили; онъ умеръ, такъ же, какъ и раненый челядинецъ. Я, по милости Божіей, остался невредимъ: меня спасъ хозяинъ того дома, въ коемъ мы гостили, портной Мосцицкій. Граждане одумались и старались примириться, еще до смерти Грабанія. Мировая стоила имъ 15.000 злотыхъ; намъ дали только 3000. Я взялъ не болѣе 100 злотыхъ, да и то даромъ. Я счелъ за лучшее подарить пановъ сенаторовъ, какъ-то гетмана, воеводу Русскаго, воеводу Познаньскаго и подскарбія. Заплативъ намъ, Лембергцы еще болѣе переплатили панамъ, чтобъ замять дѣло. Сверхъ того мы такъ наживались въ ихъ помѣстьяхъ, что вполнѣ удовлетворили себя и за стацію.

14 мая коло въ Красномъ. На этомъ колѣ былъ и я съ паномъ Боскимъ. Тамъ разсуждали о войсковомъ нарядѣ, о снабженіи каждаго полка съѣстными припасами, о рѣшеніи военносудныхъ дѣлъ, коихъ ни судья, ни полковникъ не могли рѣшить безъ

1613. генеральнаго кола; болѣе же всего о нашей безопасности, до уплаты намъ полнаго жалованья за службу. Мы, въ особенности нашъ полкъ, стоявшій на Руси, тщательно береглись отъ человѣка сильнаго и въ Руси и въ Польшѣ, Адама Стадницкаго изъ Змигрода, каштеляна Калишскаго, старосты Перемышльскаго: онъ обѣщалъ королю погубить насъ въ Руси, о чемъ мы получили самыя вѣрныя извѣстія отъ двора. Для предупрежденія такого умысла и другихъ опасностей, мы постановили: какъ скоро маршалокъ дастъ что либо знать полковнику, имѣвшему попеченіе о безопасности всего войска, каждый товарищъ долженъ приготовить столько пѣхоты, сколько обязанъ имѣть въ своемъ отрядѣ; по разосланіи же вторыхъ универсаловъ, всѣмъ становиться подъ хоругвь. Коннаго войска было у насъ 7000. Столько же положено имѣть и пѣхоты. Между тѣмъ мы переписывались съ Сапѣжинцами: иначе и быть не могло.

Послѣ Русской Пасхи, я ѣздилъ въ Ожуховецъ на конскую ярмарку; на обратномъ пути завернулъ въ Черный островъ, гдѣ умеръ братъ мой панъ Даніилъ, и выкупилъ тамъ сбрую пана подсудка, заложенную челядью по смерти покойнаго за 40 злотыхъ. Въ Самборѣ я не засталъ въ живыхъ пана Грабанія, моего друга задушевнаго: онъ умеръ послѣ Лембергской потѣхи чрезъ 4 недѣли, и похороненъ въ Самборѣ въ монастырѣ Бернардинскомъ. Все имѣніе Грабанія досталось брату, который принялъ начальство и надъ отрядомъ его.

8 іюня изъ Самбора мы отправились съ хоругвями подъ Лембергъ, для лучшей безопасности кола, которое уже 10 дней дѣйствовало съ успѣхомъ. Всему войску дано знать универсалами, чтобы шло къ Лембергу въ лагерь подъ Гродекъ.

1 іюля я вступилъ въ лагерь съ хоругвію. Въ Варшавѣ былъ сеймъ, тотчасъ послѣ Пасхи. Тамъ разсуждали о заплатѣ намъ за походъ Московскій. Между тѣмъ наши составили коло въ Люблинѣ (во время поѣздки моей въ Подолію къ Ожуховцу и Черному острову). Сеймъ Варшавскій опредѣлилъ нѣсколько побо-

ровъ; но и тѣми намъ не заплачено. Въ Люблинъ пріѣзжали 1613.
коммиссары для расчисленія, какъ много слѣдуетъ намъ за службу; они просили насъ именемъ короля и республики уступить что либо изъ нашего жалованья. Войско подарило республикѣ по 100 злотыхъ съ коня. Мы съ своей стороны отправили къ королю депутатовъ съ требованіемъ заплаты; насъ только тѣшили посулами, а платить ничего не платили. Войско, собранное въ одно мѣсто, съ трудомъ довольствовало себя съѣстными припасами; не менѣе тяжко было и деревнямъ, лежавшимъ въ окрестностяхъ лагеря. Пришлось намъ обратиться къ панскимъ помѣстьямъ, въ Подоліи. Я назначалъ квартиры на все войско съ Коморовскимъ изъ роты Скумина. Здѣсь меня замучили окрестные помѣщики жалобами на притѣсненія ихъ стоявшею тамъ ротою; болѣе же всѣхъ хлопоталъ панъ Волынскій каштелянъ, Ляходовскій, женатый на родственницѣ моей княжнѣ Вишневецкой, бывшей прежде за Чарторыйскимъ: тутъ приступили ко мнѣ съ родствомъ и свойствомъ. Сначала онъ сердился на меня за то, что я простоялъ съ ротою около недѣли въ его помѣстьѣ подъ Лембергомъ прежде, чѣмъ вступили мы въ лагерь, но я сдѣлалъ, что могъ, стараясь всѣми силами угодить ему, какъ родственнику.

Воевода Седмиградскій Габоръ Баторій приглашалъ насъ въ свою службу чрезъ нарочнаго посла, дворянина своего Бодая. Ему отвѣчали, что до заплаты намъ жалованья, мы не можемъ согласиться на его предложеніе, и что конституція запрещаетъ намъ выходить за границу съ хоругвями безъ позволенія королевскаго. Веламовскій, нашего войска ротмистръ, набравъ на присланныя Баторіемъ деньги до 3000 человѣкъ, впрочемъ не изъ нашихъ, отправился чрезъ Венгрію въ Седмиградскую землю и пришелъ было въ самую пору; но Турки, не надѣясь одолѣть силою, при помощи недовольныхъ Седмиградцевъ, подкупили собственныхъ слугъ Баторія: его убили въ каретѣ, когда онъ ѣхалъ осматривать Польское войско, находившееся только въ трехъ миляхъ. Баторій вооружилъ противъ себя подданныхъ

1613. жестокимъ правленіемъ; главнымъ же виновникомъ войны былъ Бетлемъ Габоръ, Седмиградецъ, у коего онъ отнялъ жену, славившуюся красотою. Бетлемъ удалился въ Турцію получилъ отъ Султана войско, нашелъ сообщниковъ между Седмиградцами, страдавшими отъ несправедливости Баторія, умертвилъ его, и при помощи Турокъ самъ сѣлъ на воеводство, принявъ прежде магометанскую вѣру. Наши воротились ни съ чѣмъ.

Въ то же время у пана подканцлера Литовскаго Гавріила Воины, бѣжалъ сынъ Янъ староста Опескій, подъ предлогомъ, что отецъ не хотѣлъ пустить его въ службу, и назвавшись Войновскимъ, ушелъ съ отрядомъ Веламовскаго въ Седмиградскую землю. Отецъ разослалъ всюду искать его и нигдѣ не могъ получить никакого свѣдѣнія. Этотъ поискъ стоилъ ему болѣе 3000 злотыхъ. Сынъ между тѣмъ воротился назадъ; пріѣхалъ въ Бечь на Подгорьѣ, и тамъ остановившись у Дудзинскаго, попалъ въ хоругвь Млоцкаго, въ которой служилъ пахоликомъ съ полгода. Въ Ясловцѣ у Дудзинскаго узналъ его слуга князя Троцкаго, нѣкто Жабка, и увѣдомилъ о томъ своего господина. Князь, поручивъ Дудзинскому имѣть тайно наблюденіе за нимъ, чтобы не бѣжалъ далѣе, за что посулилъ 200 злотыхъ, въ то же время далъ знать отцу. Сей послѣдній послѣ Пасхи прибылъ въ Люблинъ и взявъ сына, подарилъ Дудзинскому еще 300 злотыхъ. Такъ онъ нагрѣлъ себѣ руки. Бѣглецу же по смерти отца, дядя его Венедиктъ Воина, епископъ Виленскій, отдалъ Староство Мерецкое, въ замѣнъ Опескаго, которое досталось младшему Воинѣ, Стефану. Но помилуй Богъ жаль Яна: изъ него вышелъ большой дуракъ.[91] При отцѣ онъ бѣжалъ подъ предлогомъ службы, а теперь и въ люди не показывается.

Панъ Яковъ Боскій, скучая по родинѣ, уѣхалъ отъ меня изъ лагеря къ отцу, съ паномъ Яшлинскимъ. Со мною остались панъ Адамъ Овсяный, прибывшій изъ Ярославля, и панъ Гавріилъ Войноловичъ полковникъ его королевскаго величества. Зима уже наступила, время было разойтись по квартирамъ. Между тѣмъ

подошло войско Смоленское; мы уступили ему для постоя Вели- 1613.
кую Польшу до Самбора, и тѣмъ стѣснили сами себя. Въ лагерѣ мы условились: войску подъ смертною казнію не взыскивать съ крестьянъ стацій, а взять изъ столовыхъ доходовъ по 30 злотыхъ на коня, на четверть года. Если же въ теченіе сего времени не получимъ своего жалованья, снова выдать ему такую же плату деньгами, а не съѣстными припасами, изъ столовыхъ помѣстьевъ, которыя мы прибрали къ своимъ рукамъ, назначивъ къ нимъ своихъ управителей. Этимъ мы хотѣли устранить жалобы народа и въ то же время показать, что мы ищемъ только своего, а не чужаго.

11 октября хоругвь наша выступила изъ лагеря къ Перемышлю, для облегченія подвоза съѣстныхъ припасовъ. Мы двигались медленно: пути было всего 10 миль, а я достигъ Перемышля только 17 октября.

15 октября панъ Людвигъ Понятовскій женился на Стадницкой въ Ланцутѣ. Говорили, что онъ взялъ ее насильно; но это только для опекуновъ и родственниковъ: она вышла по доброй волѣ и жила съ нимъ хорошо. Не знаю только каково было падчерицѣ и тремъ пасынкамъ. Нѣсколько прежде, женился нѣкто Ратовскій, изъ нашего войска, на Осѣцкой, старостинѣ Олштынской, урожденной Мелецкой, и взялъ за нею обширныя помѣстья, изъ которыхъ одно имѣніе Ремень, извѣстное въ Польшѣ, приноситъ ежегодно 30.000. Самъ онъ былъ бѣднякъ. Женины родственники были весьма недовольны; однако ничего не могли ему сдѣлать во время конфедераціи. Онъ уѣхалъ въ Италію и прожилъ тамъ два года: между тѣмъ все успокоилось.

Въ Перемышлѣ я остановился на углу у Зайца. Панъ Феликсъ Гербуртъ часто бывалъ и гостилъ у меня; изъявляя всѣ знаки искренней дружбы, онъ не рѣдко разсуждалъ со мною о дѣлахъ важныхъ: я былъ уже полковникомъ послѣ того, какъ женился Понятовскій, и въ войскѣ имѣлъ вѣсъ. Въ немъ еще не простылъ жаръ рокошовый: онъ убѣждалъ насъ итти съ хоругвями къ Вар-

1613. шавѣ, гдѣ вскорѣ долженъ былъ собраться сеймъ. «Тамъ», говорилъ, «вы сладите съ королемъ, получите жалованье за службу и «вознаградите себя за все, чего не успѣли получить во время «рокоша. Шляхты у васъ не мало; мы же всѣ пойдемъ съ вами». Наши не соглашались, потому, что неминуемымъ слѣдствіемъ стеченія войска будутъ вопли бѣдныхъ людей и тяжкія обиды. «Святыя телушки! святыя курочки!» восклицалъ Гербуртъ; «не «вамъ возвратить покой и златую свободу отчизнѣ!» Но онъ ни въ чемъ не успѣлъ. Я также бывалъ у него въ домѣ, находившемся близъ Добромышля, въ 3 миляхъ отъ Перемышля. Тамъ я пировалъ на трехъ свадьбахъ: двое женились на дѣвицахъ, а одинъ на вдовѣ. Всѣ они сидѣли за однимъ столомъ, каждый съ своею молодою. Панъ Гербуртъ находился въ числѣ кандидатовъ на воеводство Седмиградское по смерти Баторія. Права онъ былъ надмѣннаго; не признавалъ никого подъ луною выше себя ни въ знатности рода, ни въ разумѣ; супруга его, Софія, урожденная княжна Заславская, не уступала въ высокомѣріи мужу.

Не имѣя надежды на близкую уплату заслуженнаго жалованья и скучая жалобами и упреками бѣдныхъ людей, мы искали средства къ скорѣйшему окончанію своего дѣла; наконецъ придумали слѣдующее: сосчитавъ доходы староствъ и помѣстьевъ королевскихъ, епископскихъ и монастырскихъ, находящихся въ Польшѣ, и увидѣвъ, что половина ежегоднаго сбора достаточна для вознагражденія всей нашей службы, мы опредѣлили послать во всѣ королевскія и епископскія имѣнія товарищей для сбора съ нихъ полугодовыхъ доходовъ, которыми намѣрпвались заплатить себѣ жалованье. Мнѣ велѣно было взыскать съ староства Перемышльскаго 10.000 злотыхъ. Встревоженные этою мѣрою папы сенаторы, всѣ владѣльцы коронныхъ имѣній и духовенство, приступили къ королю съ просьбою о созваніи сейма. Король согласился, и къ 3 декабря сеймъ, уже второй въ семъ году, созванъ былъ на три недѣли, единственно для рѣшенія вопроса о вознагражденіи жолнеровъ, участвовавшихъ въ Московскомъ походѣ. Мы остановились

исполненіемъ принятыхъ нами мѣръ до окончанія сейма; о чемъ 1613.
также писалъ ко мнѣ троекратно панъ Калишскій, съ убѣжденіемъ повременить, и съ обѣщаніемъ скораго вознагражденія.

Выступивъ изъ лагеря, все войско содержало себя наличными деньгами, не взыскивая стацій; кормовыя выдавали намъ коммиссары, съ вѣдѣнія и позволенія короля и республики, изъ тѣхъ же суммъ, которыя собирались на жалованье. Мы получили сполна за двѣ четверти, а въ счетъ третьей только за мѣсяцъ.

Послами на сеймъ войско наше отправило меня, Сципора, Бялачевскаго и Парычевскаго. Я не рѣшился принять на себя инструкціи, ибо она слишкомъ рѣзка была: ее исполнилъ предъ королемъ Сципоръ; я же предложилъ другія войсковыя требованія, болѣе умѣренныя. Пелыта Бялачевскій говорилъ рѣчь въ колѣ посольскомъ; а Парычевскій ни къ чему не касался. Намъ дано кормовыхъ по 300 злотыхъ. На сеймѣ насъ честили, какъ нельзя болѣе; не знали, гдѣ лучше посадить; другъ предъ другомъ приглашали на пиры за цѣлую недѣлю и болѣе, а пимъ не удалось угостить. Панъ канцлеръ Литовскій также весьма ласкалъ насъ, въ особенности меня, принявъ въ свой домъ какъ роднаго, съ увѣреніемъ въ постоянной пріязни. Но какъ онъ такъ и другіе, и теперь и прежде, если кто сдѣлалъ что либо для насъ, сдѣлали болѣе отъ страха, чѣмъ по доброй волѣ: лишь только рушилась конфедерація, все перемѣнилось. Канцлеръ же Литовскій... чтобъ ему всѣ люди, а чаще самъ Богъ такимъ являлся, какъ онъ мнѣ въ послѣдствіи! Обѣщали слишкомъ много, дали нуль. Одинъ Гонсѣвскій подарилъ мнѣ локтей восемь атласу. Мы возвратились съ добрымъ отвѣтомъ: на сеймѣ опредѣлено скоро и непремѣнно заплатить намъ жалованье; дозволено 6 податныхъ сборовъ; назначены коммиссары въ Лембергъ къ намъ, въ Быдгощь къ Смольянамъ, въ Брестъ къ Сапѣжинцамъ, для расчисленія войска, для сбора суммъ, для рѣшенія уголовныхъ дѣлъ, съ такимъ же полномочіемъ, какое имѣетъ сеймъ и для удовлетворенія всѣхъ жалованьемъ. Именъ ихъ я не упоминаю: они вписаны въ конституцію.

1613. Касательно письменнаго обезпеченія сеймовыхъ обѣщаній, мы встрѣтили нѣкоторыя затрудненія: во первыхъ, мы не могли согласиться въ самыхъ статьяхъ ассекураціи, во вторыхъ сеймъ не хотѣлъ вписать ее въ свою конституцію, и думалъ отдѣлаться отъ насъ однимъ ручательствомъ, какъ отъ Сапѣжинцовъ, подъ предлогомъ, что экстраординарный сеймъ, созванный только на три недѣли, не можетъ имѣть никакой конституціи. Но когда мы подали декларацію, что войско и по заплатѣ жалованья не разойдется безъ законнаго обезпеченія, еслибъ даже пришлось ждать и другаго сейма, паны сенаторы согласились исполнить все, чего мы требовали. И такъ мы получили ассекурацію болѣе удовлетворительную ассекураціи другихъ войскъ. Кто можетъ давать законы, тотъ можетъ и нарушать ихъ. Многіе испытываютъ это на себѣ, да не смѣютъ рта открыть. Впрочемъ сами виноваты. Hodie mihi, cras tibi (сегодня мое, завтра твое).

Во время сейма, наши составили 10 декабря коло въ Лембергѣ; король присылалъ туда пана Яна Францкевича и Радзимиискаго; а насъ задержалъ до возвращенія своихъ пословъ съ отвѣтомъ. На сеймѣ я видѣлся съ братомъ моимъ паномъ Аксакіемъ, судьею и посломъ Кіевскимъ. Изъ Варшавы я выѣхалъ въ послѣдній день декабря, какъ скоро полученъ королемъ отвѣтъ нашего кола; спутники же мои отправились впередъ. Для квартиры намъ отведенъ былъ королевскимъ чиновникомъ домъ шляхетскій на мостовой улицѣ, который, нанялъ для себя князь Корецкій за 100 червонныхъ злотыхъ. И такъ мы всѣ должны были стоять въ одномъ домѣ: въ немъ было пять комнатъ. Тутъ же остановились и товарищи наши, пріѣхавшіе на сеймъ по своимъ дѣламъ. Ихъ было не мало. На сеймѣ мы имѣли полную волю: ночью, въ полночь могли итти, куда хотѣли, дѣлали, что къ голову приходило, били, рубили, никто не смѣлъ слова сказать. Наши проказничаютъ, стража проходитъ мимо и будто не видитъ. Даже вошло въ пословицу говорить, когда замѣчали проказы кого-либо изъ нашихъ: «оставь его въ покоѣ; за нимъ идетъ 7000:», т. е. все

наше войско, коего было 7000. Наши убили королевскаго 1613.
драбанта; это случилось во время сеймa, подъ бокомъ королевскимъ: виновныхъ не смѣли наказать и сами предложили мировую, прося чего нибудь Христа ради. Дано 80 злотыхъ. Мы откланивались королю во дворцѣ. Панъ подканцлеръ коронный говорилъ рѣчь, въ коей между прочимъ были такіе слова: «Его «королевское величество, съ отеческою милостію желая вознагра«дить заслуги рыцарства, благоволилъ склонить оба народа къ «назначенію такихъ великихъ налоговъ, какихъ отцы наши не«видывали». Мы отправились съ доброю надеждою и съ обѣщаніемъ въ вѣрной уплатѣ жалованья.

24 января я возвратился въ Лембергъ съ отвѣтомъ, замѣ- 1614.
шкавъ нѣсколько времени въ Перемышлѣ. На первой недѣлѣ поста созвано генеральное коло для уплаты жалованья, для разсмотрѣнія счетовъ, для сужденія виновныхъ и для окончанія всѣхъ вообще дѣлъ. Сюда прибыли и коммиссары, назначенные сеймомъ. Но какъ они безъ насъ не могли судить уголовныхъ дѣлъ, въ числѣ которыхъ были важныя, тѣмъ менѣе разсматривать счеты, повѣрять суммы по росписямъ, расчислять отряды по ротамъ: то, согласно съ сеймовою конституціею, войско присоединило къ нимъ семь депутатовъ, по числу полковъ, назначивъ изъ каждой роты по одному товарищу. Въ числѣ депутатовъ находился и я. Приговоры наши имѣли такую же силу, какъ и декреты сейма. Самая честь была въ нашихъ рукахъ. Эти суды продолжались весь постъ до самой пасхи въ Лембергѣ. Часто бывалъ съ нами на судахъ панъ Янъ Швыковскій, пріѣхавшій изъ Литвы въ Лембергъ съ деньгами, собранными, съ позволенія пановъ Литовскихъ, съ королевскихъ имѣній въ числѣ 50.000, на уплату жолнерамъ Московскаго похода.

Вещи, данныя намъ въ Москвѣ залогомъ за стѣнную службу, мы хранили въ цѣлости; наскучивъ съ ними возиться и желая лучше имѣть наличныя деньги, мы продавали ихъ королю: онъ не хотѣлъ купить. Продавали императору христіанскому, герцогамъ

1614. Бранденбургскимъ, имперіи Нѣмецкой, Гданску, вездѣ, гдѣ думали найти покупателей, и все напрасно. Наконецъ стали торговаться на нихъ паны коммиссары, давали 100.000, а 80.000 просили уступить. Мы согласились бы и на эту цѣну, если бы могли получить наличныя деньги; но какъ намъ хотѣли заплатить фантами, за которыми надобно было еще послать въ Люблинъ, то мы и не рѣшились, опасаясь обмана: ибо съ уплатою денегъ, рушилась бы конфедерація и войску оставалось разойтись; между тѣмъ не всѣ имѣли право на полученіе части изъ залога: слѣдовательно насъ слабыхъ только покропили бы уксусомъ, а вещи взяли бы даромъ. И такъ мы рѣшились раздѣлить ихъ между собою: разломали двѣ короны Ѳеодорову и Димитріеву, сѣдло гусарское, оправленное золотомъ, съ драгоцѣнными каменьями, и три единорога; посохъ остался цѣлъ: его отдали вмѣстѣ съ яхонтомъ изъ короны, величиною въ два пальца, Гонсѣвскому и Дунковскому за стѣнную службу, въ 28.000 злотыхъ. Яхонтъ оцѣнили у насъ въ 4000 злотыхъ, а въ Москвѣ мы получили его за 10.000 рублей: ибо тамъ яхонты дороже самыхъ алмазовъ. Посохъ же единороговый оцѣнили въ 24.000 злотыхъ. Въ дѣлежѣ мы всѣ участвовали, и если не все, то по крайней мѣрѣ что нибудь получили; иным пришлось взять едва ли не десятую часть того, что слѣдовало. Мнѣ досталось: три алмаза острыхъ, четыре рубина, золота на 100 злотыхъ, единорога два лота. Я получилъ такъ много по особенной милости; другимъ же платили только единорогомъ, оцѣнивая лотъ въ 300 злотыхъ. Мы расчитались сполна въ Ѳомино воскресенье. Мое жалованье арестовали было за Шабловскаго. Я долженъ былъ заплатить мазурамъ, съ коими привязался ко мнѣ и Коссаковскій. Мы сожгли конфедерацію 8 апрѣля во вторникъ на Ѳоминой недѣлѣ въ приходской церкви. Я возвратился въ Перемышль на свою квартиру.

Къ празднику св. Альберта я отправился въ Ржешовъ на ярмарку, гдѣ купилъ возовиковъ на 500 злотыхъ, довольно выгодно, заплативъ по 65 злотыхъ за коня; а своихъ Самогитскихъ

лошадей я продалъ въ Перемышлѣ пану Драголовскому за 120 1614.
злотыхъ на наличныя деньги. Занялъ 70 злотыхъ у Татарина Александра Турчиновича. 3 марта я отправился изъ Перемышля домой; въ 3 миляхъ отъ Люблина встрѣтился съ Григоріемъ Сенковичемъ, Селянкою, Дродзинскимъ и Грицемъ Униховскимъ. 7 мая Дудзинскій привезъ въ Люблинъ къ князю Троцкому старосту Мерецкаго Войну, за что получилъ 200 злотыхъ. Князю назначенъ срокъ явиться въ судъ, за то, что пѣхота вступила въ городъ съ ружьями: опредѣлено взыскать пени 200 гривенъ; но ротмистръ княжой помирился отъ своего имени только за 50 гривенъ. Въ Краковскомъ предмѣстьи встрѣтился со мною подъ пьяный вечеръ нѣкто Маскѣвичъ, который однако не умѣлъ сказать, откуда онъ родомъ, и бѣжалъ, а я чуть не попался въ бѣду.

17 мая въ Люблинѣ дано намъ пятерымъ 100 злотыхъ отъ князя. Я ссудилъ Сенкевичу подъ росписку 100 злотыхъ; да заплатилъ за него долгу 108 злотыхъ. Изъ Люблина Сенкевичъ поѣхалъ въ Познань за имѣніемъ Свѣжинскаго. Мы отправились въ Литву и 23 мая прибыли въ Нивняцы; а панъ Немирый къ Бугу. 25 мая мы остановились въ Росомѣ у пана Дембинскаго. 31 мая пріѣхали въ Слонимъ. Дорогою канцлеръ прибилъ мою челядь. Чтобъ его самого тѣмъ же отпотчивалъ палачъ у позорнаго столба! 2 іюня изъ Слонима въ Полонки. 3 іюня у пана Рафаеля Роса съ паномъ Униховскимъ. 4 іюня въ Ятры; не засталъ никого. 5 іюня въ Сервечь. Тамъ нашелъ матушку, по милости Божіей, въ добромъ здоровьи. 14 іюня пріѣхалъ изъ Великой Польши братъ мой панъ Гавріилъ. Другой братъ панъ подсудокъ былъ уже въ Сервечѣ съ женою. Тутъ мы привели въ извѣстность долги покойнаго брата, пана Даніила; жалованье его было у меня. Я все расчелъ: взялъ прежде себѣ 120 злотыхъ, занятыхъ имъ подъ Смоленскомъ; часть отдалъ матушкѣ, остальное пану подсудку. Мы согласились построить въ Сервечѣ каменную часовню надъ тѣломъ покойнаго отца и брата, общими издержками. Панъ подсудокъ далъ на то 50 злотыхъ, вручивъ ихъ

1614. пану Гаврінлу, который обѣщалъ приложить своихъ 50 злотыхъ и наблюдать за строеніемъ. Я назначилъ также 50 злотыхъ. Мы старались погасить всѣ долги, бывшіе на имѣніи нашемъ, общими силами. Но мнѣ пришлось платить болѣе всѣхъ: я далъ пану подсудку за Ятры 300 копъ; да пану Лопатецкому шурину 600 копъ. Тогда же мы приступили къ раздѣлу отцовскаго имѣнія. Братъ панъ подсудокъ бралъ, что хотѣлъ, съ упорствомъ отвергая совѣты друзей и убѣжденія самой матери, по пословицѣ: Sic volo, sic jubeo (такъ хочу, такъ приказываю). Онъ взялъ по суду у пана Качановскаго наше родовое имѣніе въ Пинскомъ повѣтѣ, и не отдалъ въ раздѣлъ; между тѣмъ требовалъ и принудилъ вписать его на свою часть въ формальную запись. Сверхъ того, ни слушая ни расчетовъ, ни слезъ матери, ни совѣтовъ друзей, самъ себѣ отдѣлилъ двѣ родовыя отчины, Жабчицы въ Пинскомъ повѣтѣ и Ятры въ Новогрудскомъ; при чемъ не соблюлъ даже обыкновеннаго порядка, по коему старшій дѣлитъ, а младшій выбираетъ. Мы, младшіе, видя такую обиду себѣ, не хотѣли согласиться; наше несогласіе весьма огорчало матушку и разстроило слабое ея здоровье. Только въ утѣшеніе ей, (Богу то извѣстно), я убѣдилъ пана Гаврінла уступить до времени; мы дали запись и разобрали свои участки. Пану подсудку достались: Жабчицы въ Пинскомъ повѣтѣ, Ятры въ Новогрудскомъ съ пожизненнымъ правомъ матери, и общее наше помѣстье, отобранное у Качановскаго изъ трехъ деревень: Проташевичей, Тупчицъ, и Чернавъ. Мнѣ, Самуилу, Сервечь съ Скоровымъ; пану Гаврінлу, младшему: Узловицъ въ Слонимскомъ повѣтѣ и Тупалы фольварокъ отъ Сервеча въ Новогрудскомъ. Сей раздѣлъ засвидѣтельствованъ въ записи 5 октября 1614 года.

13 октября, по просьбѣ моей, панъ Янъ Прушчицкій ѣздилъ къ пану Окуню, чтобъ вывѣдать мысли его свояченицы. Я далъ пану Яну 20 злотыхъ на дорогу и своихъ коней съ повозкою. Онъ попалъ не во время.

Князь Клецкій пригласилъ меня съ собою въ Волынь на

свадьбу. Я выѣхалъ изъ дома 24 октября, изъ Клецка 26. 9 ноя- 1614.
бря была свадьба въ Корцѣ. Князь женился на княжнѣ Лувиніи. Мы ѣхали на Казань-грудекъ, имѣніе Подберезскаго, откуда до княжаго городка 4 мили. Послѣ свадьбы князь ѣздилъ въ Олыку, навѣстить брата, 18 ноября; возвратился 23. Онъ такъ спѣшилъ назадъ, что лошади попадали въ дорогѣ. Изъ Корца отправился съ княгинею 30 ноября; прибылъ въ свой городокъ 10 декабря. Я отправился домой 16 декабря. Князь далъ мнѣ 300 злотыхъ, да кормовыхъ 24 злотыхъ, на недѣлю. Я оставилъ городокъ во вторникъ, когда лишь стало морозить; а въ четвертокъ и въ пятницу цѣлыя озера переѣзжалъ по льду. 19 декабря прибылъ въ Жабчицы, гдѣ не засталъ брата пана подсудка; видѣлся только съ его женою. 23 декабря изъ Жабчицъ. 25 въ Обровѣ у пана Есмана: онъ былъ мнѣ радъ; также и супруга его приняла меня ласково. Танцовали за полночь; а на разсвѣтѣ панна Есманова родила сына.

24 февраля я отправился съ паномъ Михаиломъ Хрептови- 1615.
чемъ въ Подороскъ къ двоюродной сестрѣ моей паннѣ Овсяной. 1 марта въ Подороскѣ; панъ Хрептовичь дарилъ ее марципанами. 5 марта въ Намейки къ пану Лопатецкому. Пробылъ у него три недѣли. 21 умеръ панъ Филиппъ Сопоцко въ Дзеціоловичахъ. Мнѣ много было труда обмыть и одѣть покойнаго. Вдова меня очень ласкала; а тамъ, что дьяволъ велитъ. 29 марта сговоръ пана Хрептовича съ панною Овсяною. 5 апрѣля я поѣхалъ съ нимъ и съ шуриномъ паномъ Лопатецкимъ въ Ятру.

23 апрѣля, приглашеніе въ Вильну на сеймикъ конвокаціонный. Назначены послами: панъ Шеметъ подкоморій Виленскій, панъ Янъ Протасовичь земскій Новогрудскій писарь, панъ Янъ Керсновскій подвоевода Новогрудскій, панъ Янъ Францкевичь, панъ Прокубницкій и я шестой. Опредѣлены два сбора податей. Послы къ королю: панъ Пихарскій изъ Бреста и панъ Сципіонъ изъ Гродна. Во время сеймика озлился на насъ, пословъ Новогрудскихъ, панъ Волловичь подскарбій великаго княжества Литовскаго: неистовство его было неописанное: клялъ насъ, поносилъ,

1615. звалъ Неаполитанцами, а Новогрудскаго сборщика податей трясъ, какъ скорнякъ шубу. Причиною его злости было то, что мы, по своей инструкціи, не хотѣли поручить ему собранныхъ податей, а отдавали ихъ управителю въ своемъ повѣтѣ. Мы однако не устояли на своемъ, отъ собственныхъ прихотей; въ добавокъ испытали много непріятностей.

Въ томъ же году какой-то пахоликъ убилъ пана Яна Грегоровича Уніховскаго въ Новогрудкѣ. Этотъ пахоликъ шатался пьяный по улицѣ и забрелъ въ квартиру Уніховскаго. Панъ велѣлъ челяди схватить его, и отвести къ господину, а самъ пошелъ съ нимъ рядомъ, распрашивая дорогою, чей онъ: тотъ, пройдя нѣсколько шаговъ, хватилъ пана саблею и однимъ ударомъ срубилъ ему голову. И пахолику отрубили голову; но она не стоила головы Уніховскаго. Похоронили его въ Уніховѣ.

8 сентября назначена перепись въ повѣтахъ. Я поставилъ въ Новогрудкѣ 6 коней. Князь Клецкій приглашалъ меня съ собою въ Краковъ и прислалъ на дорогу 300 злотыхъ. 20 сентября я выѣхалъ изъ Сервеча, простившись съ матерью, сестрою и шуриномъ. Въ Сервечѣ я далъ работу Нѣмцу столяру и садовнику, заплативъ имъ впередъ. Нѣмецъ безъ меня тотчасъ далъ тягу; садовникъ почти ничего не сдѣлалъ, по крайней мѣрѣ не бѣжалъ.

Въ день выѣзда моего, т. е. 20 сентября, была свадьба пана Хрептовича. На дорогѣ я получилъ отъ брата пана подсудка письмо съ приглашеніемъ прибыть въ Нинскъ съ отрядомъ, для сопротивленія князю Дольскому. Я не поѣхалъ: ибо съ письмомъ меня догнали уже въ Рожанахъ. 30 сентября я прибылъ въ Люблинъ. 4 октября къ пану Кршижу. 7 въ Краковъ. Съ нами ѣхалъ панъ Окольскій съ дочерью на моленье; но чуть было вмѣсто благочестія не вышло нечестіе. 17 октября мы выѣхали изъ Кракова, 20 прибыли въ Ченстоховъ; 24 въ Глуховъ, къ пану Пукинскому; 29 въ Варшаву. Княгиня прямо отправилась въ Клецкъ; а князь остановился у Косицкаго на рынкѣ. Я былъ вмѣстѣ съ княземъ. Лошади же и челядинцы мои стали въ Краковскомъ предмѣстьи

надъ Вислою, въ домѣ пана князя подчашаго. 30 ноября Верещака 1615.
и Гроховскій ночью напали на меня изъ засады и слегка ранили;
за то и имъ досталось. Однакожъ на другой день, 1 декабря, мы
съ княземъ должны были выѣхать изъ Варшавы; 18 прибыли въ
Клецкъ. Я хотѣлъ тотчасъ отправиться домой; князь не пустилъ
меня, думая съѣздить въ Слуцкъ на свадьбу пана подчашаго. Я по-
бывалъ на княжескихъ лошадяхъ въ Ятрѣ, у матушки; а 27 декабря
возвратился въ Клецкъ. Здѣсь произошла перемѣна отъ своеволія
челяди, особенно отъ молодежи. Князь гнѣвался, всѣхъ разогналъ,
и оставивъ при себѣ только двухъ Пукинскихъ, никому не сказы-
вая, выѣхалъ изъ Клецка налегкѣ. 30 декабря подъ вечеръ, по со-
вѣту Пукинскаго, обратился въ Будзивишки къ Вильнѣ, въ намѣ-
реніи полечиться тамъ тайно отъ болѣзни, которую подарили ему
при дворѣ въ Варшавѣ; но вскорѣ объ насъ провѣдали: ибо въ
нѣсколькихъ миляхъ отъ Клецка, подъ Кареличами, ледъ на Сер-
вечѣ проломился, и карета княжая провалилась. Надобно было
согнать народъ побоями, чтобы вытащить князя изъ воды.

Панъ Янъ Онихимовичъ Унховскій женился на паннѣ Волод- 1616.
ковичевой. Свадьба была въ Минскѣ чрезъ двѣ недѣли по Рожде-
ствѣ Христовѣ. Я ѣздилъ туда по приглашенію. На дорогѣ кучеръ
мой отморозилъ себѣ тайный удъ, о чемъ узнали въ Минскѣ прежде
моего пріѣзда. Тамъ князь Огинскій заманивалъ меня въ службу
къ пану подчашему, князю Радзивилу: обѣщали 500 злотыхъ на
вексель. Я не дался въ обманъ. Въ семъ же году умеръ мужъ
исполненный высокихъ добродѣтелей, вельможа въ смиренномудріи,
благочестіи и превосходныхъ свойствахъ души, едва ли имѣвшій
себѣ подобнаго, для отечества же опора необходимая и твердая,
блаженной памяти Николай Христофоръ Радзивилъ воевода Виленс-
кій. Онъ завѣщалъ, похоронить себя безъ всякаго великолѣпія,
въ одеждѣ странника, гроба ни чѣмъ не покрывая. Несли его нищіе,
коихъ онъ называлъ своими братьями. Не было ни катафалокъ, ни
драгоцѣнныхъ покрывалъ, ни коней убранныхъ. Не ломали и копій.
Такъ завѣщалъ онъ, не желая никакихъ обрядовъ. И этотъ мужъ

1616. столь высокій родомъ, столь знаменитый, столь уважаемый въ отечествѣ, не требовалъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ локтей чернаго сукна для обивки своего гроба! Его похоронили вскорѣ по Пасхѣ въ Несвижѣ у езуитовъ. Тамъ былъ и я, по желанію князей Радзивиловъ.

Во время Срѣтенскихъ судовъ, я ѣздилъ, по волѣ князя пана Троцкаго, въ Новогрудекъ, гдѣ онъ велъ тяжбу съ Швейковскимъ, а оттуда къ пану Уніховскому въ Уніховъ на свадебный праздникъ. Всѣ трое Радзивилы, панъ Троцкій, панъ Албрехтъ и панъ Кавалеръ, уговорили меня вступить въ службу пана Кавалера, намѣревавшагося жить при дворѣ, за 400 злотыхъ жалованья, съ одеждою и кормомъ. Я поѣхалъ къ князю въ Несвижъ, для окончательнаго условія; но тамъ не нашелъ его, а встрѣтилъ въ Затурахъ у пана Пржевозскаго: здѣсь мы ударили по рукамъ; получивъ задатокъ съ подарками и великими обѣщаніями, я въ тотъ же день простился, чтобы собраться въ дорогу. Мы пріѣхали въ Варшаву къ концу сейма, около Духова дня. Князь остановился позади Бернардинскаго монастыря въ домѣ пана Клохницкаго; въ послѣдствіи перебрался на валъ въ домъ ксендза Жадзиковскаго, третій отъ канцлерскаго.

На праздникъ св. Іоанна, я отпросился у князя домой, для раздѣла моего имѣнія Сервеча съ Лиментовою, куда и Подкоморій поѣхалъ. Князь отпустилъ меня, съ тѣмъ, чтобы я поскорѣе возвратился на его лошадяхъ, а свои оставилъ бы, вмѣстѣ съ челядью, въ Крошинѣ: онъ хотѣлъ, чтобъ я жилъ при немъ какъ можно скромнѣе. Въ угожденіе князю я распустилъ всю свою челядь, и возвратился въ Варшаву на его лошадяхъ, оставивъ своихъ въ Крошинѣ, съ однимъ пахоликомъ, да съ мальчикомъ. Князь въ то время жилъ въ домѣ пана Краковскаго и уже собирался выѣхать въ Торнъ, по приглашенію князя Албрехта, для сватовства на паннѣ Плененской. Мы отправились на Брестъ Куявскій, и въ Ковалахъ встрѣтились съ княземъ Албрехтомъ, а оттуда вмѣстѣ съ нимъ продолжали путь къ Торну, куда въѣхали съ пышною церемоніею.

Пробывъ здѣсь полторы недѣли, мы ничего не сдѣлали и должны 1616.
были возвратиться ни съ чѣмъ, истративъ на дорогу до 14.000 злотыхъ: ибо вотчимъ дѣвицы, Нѣмоевскій, староста Старогрaдскій, не хотѣлъ ее выдать за князя, и чтобы отдѣлаться отъ него, уѣхалъ съ нею въ Гданскъ. Князь панъ Албрехтъ отправился въ Черновчицъ, а панъ Кавалеръ въ Варшаву. Тамъ мы наняли каменный домъ Ключниковой на рынкѣ, гдѣ стоялъ ксендзъ Воловичь. Князь получилъ званіе крайчаго ея величества королевы.

Мнѣ уже надоѣло служить при князѣ: расходовъ было много, дѣлъ бездна, а благодарности нисколько. Я разстался съ нимъ по слѣдующему случаю: пахоликъ мой Боблевскій, большой негодяй и картежникъ, забрался, во время отсутствія моего съ княземъ, въ господскій покой и началъ тамъ играть въ кости. Князь возвратившись ранѣе обыкновеннаго, засталъ игроковъ неожиданно, и выбранилъ меня за пахолика. Я не привыкъ слышать брани, и тѣмъ болѣе досадовалъ, что былъ не виноватъ. И такъ, ударивъ пахолика, велѣлъ ему съ глазъ долой; самъ же тотчасъ раскланялся съ княземъ Онъ правда присылалъ ко мнѣ своего кухмистра Пруцинскаго сказать, что прощаетъ пахолика, и проситъ меня не наказывать его. Я однако не хотѣлъ болѣе оставаться: получилъ 300 злотыхъ, кусокъ бархату на доломанъ и рысій лапчатый мѣхъ. Служилъ я всего полгода.

Во время пира, даннаго въ Варшавѣ въ день св. Мартына коронымъ епископомъ, гайдуки отдули палками одного мальчика поймавъ его съ кошелькомъ въ карманѣ. Онъ принадлежалъ моему сосѣду, коего имени не хочу сказать. Висла стала на праздникъ св. Мартына. Я выѣхалъ изъ Варшавы въ день св. Андрея по льду; но въ третій день послѣ моего отъѣзда рѣка вскрылась и снѣгъ на дорогѣ растаялъ. Во всю зиму была такая оттепель, что мы ѣздили на колесахъ Бывъ въ Варшавѣ, я упросилъ его величество назначить коммиссію для отвода мнѣ Сервечьскаго болота: коммиссары дали мнѣ привиллегію, но такую ограниченную, что я не получилъ никакой пользы.

1617. По случаю Богоявленскихъ судовъ, я ѣздилъ въ Намойки къ шурину, который имѣлъ тяжбу съ Кабицкимъ. Мы роспили медъ, сломали ногу сестрѣ (только не я, а панъ подсудокъ), и всѣ вмѣстѣ отправились въ Бялавичи къ пану Михельскому. Оттуда разъѣхались по домамъ.

Во время Срѣтенскаго сеймика, я былъ въ Новогрудкѣ, гдѣ выбрали меня депутатомъ на уголовный судъ вмѣстѣ съ Іосифомъ Голубемъ. Тогда же выбирали пословъ и на конвокацію. Назначены: панъ Скарбный и панъ Янъ, подвоевода Керсновскій. Въ мясопустъ я пировалъ въ Островкахъ у пана Протасовича на свадьбѣ падчерицы его пани Войноловичевой, вышедшей за Моклока. Меня уговорили остаться и на пиръ послѣсвадебный. Я долженъ былъ ѣхать къ молодому; земля распустилась какъ весною, колеса тонули выше ступицы; всѣ сваты заморили коней и пересѣли въ мою коляску, согнавъ челядь, съ уговоромъ однако слушаться меня.

Пана Гловацкаго я отправилъ въ Волынь къ пану Аксаку, по желанію пани Харлинской, давъ ему кормовыхъ 25 злотыхъ. Онъ все исправилъ, какъ надобно; и меня просили пріѣхать, но я раздумалъ, по причинѣ слишкомъ дальняго пути. 7 апрѣля я отправился въ Вильну на уголовные суды, которые съ помощію Божіею, производилъ исправно, уклоняясь партій и никому не потворствуя. На дорогѣ я встрѣтился и познакомился съ племянникомъ моимъ паномъ Аксакомъ, судьею Кіевскимъ, ѣхавшимъ съ похоронъ пана Станюковича, подкоморія Ковельскаго.

Измѣнникъ Форенсбахъ Волмаръ, отдалъ Шведамъ Діаментъ[92] и Пернау въ Лифляндіи. По сему случаю, мы должны были собирать подати. Полевой гетманъ князь Христофоръ-Радзивилъ вытѣснилъ Шведовъ изъ Лифляндіи и самого измѣнника захватилъ; но, неизвѣстно отъ чего, не отсѣкъ ему головы. Гетманъ будетъ жалѣть о томъ. Не знали, чему приписать освобожденіе Форенсбаха: воинской ли хитрости, или потворству; только то очевидно, что измѣнилъ онъ съ коварнымъ намѣреніемъ. Гетманъ великаго

княжества Литовскаго Карлъ Ходкѣвичъ возпялся съ Москвитянами. 1617.
Скиндеръ-паша предводительствуя Турецкимъ войскомъ, переправился чрезъ Дунай и устремился на Подолію, въ отмщеніе за великій вредъ, нанесенный Туркамъ нашими казаками Запорожскими, которые, переплывъ море на чайкахъ, опустошили и разграбили нѣсколько городовъ.[93] Станиславъ Жолкѣвскій великій гетманъ коронный заслонилъ дорогу Туркамъ, по ту сторону Днѣстра. До бою однако не дошло. Королевичъ Владиславъ, имѣя право на престолъ Московскій, на основаніи данной ему присяги отправилъ къ Москвѣ не малое войско, самъ же съ частію рати обратился въ Подолію, для устрашенія Турокъ, и тамъ заключилъ съ Скиндеръ-пашею договоръ, не слишкомъ для насъ выгодный: мы лишились права назначать господаря Валахскаго, потеряли Хотинъ и въ угожденіе султану, гетманъ велѣлъ отсѣчь голову невинному Иванѣ, градоначальнику Хотинскому Мы какъ будто не видѣли, что поганые подвигаются къ намъ подъ бокъ и вѣрно скоро захотятъ Каменца, который лежитъ близко, въ двухъ только миляхъ отъ Хотина.

Къ Троицыну дню, я отправился въ Новогрудекъ; въ судахъ же уголовныхъ я не присутствовалъ, имѣя тяжбу съ Лимонтовою. Со мною былъ и братъ мой панъ подсудокъ. Чрезъ три недѣли по выѣздѣ изъ Вильны, я снова отправился на судъ, а панъ подсудокъ остался въ Сервечѣ у матушки. По прибытіи въ Вильну, князь Албрехтъ Радзивилъ упросилъ меня съѣздить съ нимъ въ Крошинъ на встрѣчу королевичу. Я отправился впередъ и соединился съ обоими князьями въ Черниговцахъ. Поздравивъ королевича въ Крошинѣ, мы поспѣшили въ Несвижъ и тамъ встрѣтили его высочество на копяхъ. Князья имѣли при себѣ триста пріятелей и слугъ конныхъ, весьма красиво одѣтыхъ. Цехи вышли изъ города съ хоругвями; съ вала палили изъ пушекъ, когда королевичъ въѣзжалъ на плотину, въ городъ и въ крѣпость; а какъ стали пить за здоровье его королевскаго величества, раздался такой громъ изъ осадныхъ орудій, что едва окна въ домахъ уцѣлѣли. Панъ

1617. Троцкій, съ великою пышностію угостивъ королевича и весь дворъ, подарилъ его высочеству двѣ самыя большія пушки. Въ третій день королевичъ выѣхалъ изъ Несвижа; мы проводили его за городъ, а князь до Николаевщизны, гдѣ угощалъ цѣлую ночь.

Въ Минскъ я отправился на трибуналъ 25 августа; а 28 былъ тамъ на пропозиціи. Маршалкомъ мы избрали пана Николая Кишку, воеводу Дерптскаго: онъ все хворалъ, въ трибуналѣ не присутствовалъ, все лежалъ въ постелѣ, а въ Минскѣ и не былъ. Надѣясь однако на его прибытіе, мы не выбирали другаго директора, хотя много было желающихъ, только мы ихъ не хотѣли. Впрочемъ выбрали на время съ общаго согласія князя Яна Огинскаго, который исправлялъ должность маршалка и во все время трибунала. Тогда я легко могъ жениться; но злочестивая компанія отвлекла меня. И такъ время протекло даромъ; я упустилъ изъ рукъ благопріятный случай.

1618. 13 февраля общій сеймъ въ Варшавѣ; 2 января сеймики въ повѣтахъ. Послы на сеймъ изъ Новогрудка: панъ Керсновскій, подвоевода Новогрудскій, и панъ Янъ Францкевичъ. Главный съѣздъ въ Слонимѣ. Сеймъ назначилъ два сбора податей. Матушка поѣхала на мясопустъ въ Жабчицы, а я къ пану Лопатецкому. Панъ подсудокъ лишился въ одинъ годъ тронхъ дѣтей Констанціи, Катерины и сына. Предъ Пасхою умеръ Ѳедоръ Скумин воевода Новогрудскій. Похоронили его въ Вильнѣ 24 іюля подлѣ церкви святой Троицы въ новой часовнѣ, выстроенной сыномъ его старостою Брацлавскимъ. Того же числа въѣхалъ въ Новогрудекъ новый воевода панъ Николай Сапѣга, избравъ нарочно этотъ день для въѣзда, чтобы оторвать обывателей отъ похоронъ прежняго воеводы; въ чемъ и успѣлъ: никто изъ обѣщавшихся быть на похоронахъ, не сдержалъ слова. Я хотѣлъ лучше ѣхать въ домъ плача, нежели веселья, и отправился въ Вильну. Здѣсь, наканунѣ похоронъ, челядь моя поссорилась съ челядью старосты Брацлавскаго, и многихъ жестоко избила, въ томъ числѣ подстаросту Брацлавскаго. Поднялась страшная суматоха; мопмъ было жарко;

досталось впрочемъ одному Подоскому, коего ранили въ лобъ. 1618.
Виярскаго посадили было въ тюрьму: панъ староста велѣлъ его освободить. Раненые требовали съ меня за мировую 100 злотыхъ; я не далъ; они стали грозить судомъ. Тутъ я наскоро выбрался изъ Вильны подъ вечеръ, ничего не сдѣлавъ, за чемъ пріѣхалъ. Много пособилъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ панъ Адамъ Хрептовичъ, человѣкъ искусный и опытный.

Турки и Татары опять за казаковъ противъ насъ вооружились въ великой силѣ. Лагерь нашъ находился подъ Пригиномъ въ Подоліи или въ Валахіи. Главный вождь, коронный гетманъ Станиславъ Жолкѣвскій, былъ въ ссорѣ съ панами Украинскими, какъ разсказываютъ по слѣдующему случаю: гетманъ, завидуя славѣ и побѣдамъ князя Корецкаго, успѣвшаго получить въ прошедшемъ году начальство надъ войскомъ въ Валахіи, склонилъ его на свою сторону и довелъ дѣло до того, что когда надобно было вступить въ битву, Корецкаго оставили въ жертву непріятелю: онъ попался въ плѣнъ Туркамъ вмѣстѣ съ господаремъ, коего хотѣлъ возвести на воеводство, и съ матерью его. Господарь принялъ магометанскую вѣру; а Корецкій дивнымъ образомъ освободился изъ постыднаго плѣна вмѣстѣ съ женою. При гетманѣ былъ сынъ Богдана, управлявшаго Валахіею по смерти брата своего Іеремія за малолѣтствомъ племянника: гетманъ хотѣлъ возвести на господарство сына Богданова, вмѣсто Іереміева. Посему онъ опасался, чтобы Корецкій, имѣвшій съ собою много людей, не поймалъ его въ сѣти при помощи Татаръ; а князья Збаражскіе, Вишневецкіе, Сѣнявскіе, Чарторыжскіе, находившіеся въ лагерѣ, не хотѣли быть подъ начальствомъ гетмана. Онъ имѣлъ войско прекрасное и бодрое, неуступавшее ни въ силѣ, ни въ числѣ непріятельскому: но, Господи Боже! какую бѣду оно испытало! Враги, замѣтивъ наше несогласіе, среди бѣлаго дня прошли мимо лагеря и углубились въ нашу землю на 30 миль отъ него; а наши рыцари, какъ бабы, или лучше сказать блудницы, не смѣли выступить изъ лагеря, и какія вѣсти вскорѣ услышали! Мужья о плѣ-

1618. неніи женъ. дѣти о побіеніи отцевъ и матерей, братья о погибели сестеръ! Тѣмъ горестнѣе была эта потеря, что они своими глазами видѣли изъ лагеря, какъ уводили несчастныхъ плѣнниковъ, тяжко сѣтующихъ и одного Бога призывающихъ на помощь въ ужасной неволѣ. Не было тамъ ни одного брата или сына, столь храбраго, чтобы вонзить саблю если не въ непріятеля, по крайней мѣрѣ въ самого полководца, виновника такого несчастія. И такъ врагъ, не потерявъ ни одного волоса съ головы, ушелъ невредимо восвояси съ плѣномъ. Никогда бусурманы такъ не вредили намъ, какъ теперь: всѣ люди, бывшіе за лагеремъ, не брали никакихъ мѣръ осторожности, полагаясь на него, какъ на твердый оплотъ противъ непріятеля.

2 сентября свадьба пана Владислава Протасовича, писаря Пинскаго, съ панною Кадзекржавскою въ Ивацевичахъ: меня пригласили, и я былъ. 7 октября свадьба пана Павла Зенковича съ панною Ковечинскою, дочерью подкоморія Минскаго въ Кухцицахъ: я пировалъ и на этой свадьбѣ. 14 октября я былъ на крестинахъ у пана старосты Ржецицкаго въ Ковалевщизнѣ. Въ день св. Мартына ѣздилъ въ Вильну для покупки сукна на одежду челяди: заплатилъ за два постава англійскаго 56 злотыхъ, за два постава простаго 16 злотыхъ.

1619. Въ январѣ я ѣздилъ къ шурину своему, до Слонима на саняхъ, а оттуда на колесахъ: снѣгъ исчезъ. 31 января мы съ шуриномъ прибыли въ Бржозовы, гдѣ застали пана Жмудскаго и Маковецкаго. Переночевавъ, отправились назадъ въ Намейки; домой я возвратился 15 Марта. Повѣтамъ разосланы сеймовыя объявленія.

23 апрѣля королевичъ возвратился изъ Москвы, по милости Божіей, въ добромъ здоровьи, но ни съ чѣмъ. Онъ наскоро поѣхалъ въ Варшаву, чтобы застать сеймъ, въ саняхъ въ одну лошадь, оставивъ всѣхъ своихъ позади и взявъ съ собою только 50 казаковъ. Въ Варшавѣ привѣтствовали его король, королева и младшіе королевичи. Одинъ изъ принцевъ, Іоаннъ Карлъ, сынъ нынѣшней королевы, говорятъ сказалъ ему: «мы радуемся пріѣзду

«вашего высочества; но я желалъ бы лучше остаться въ Москвѣ, 1619.
«нежели возвратиться съ такимъ срамомъ». Съ Москвитянами заключенъ мирный договоръ.

15 августа я послалъ обязательство къ князю Христофору Радзивилу полевому гетману великаго княжества Литовскаго: жалованья положено 500 злотыхъ съ парою шелковаго платья на годъ. 13 сентября я поѣхалъ съ отрядомъ къ князю Радзивилу въ Догудовъ, гдѣ собирались всѣ служившіе ему, а оттуда въ Боржу для набора войска съ Фаренсбахомъ. Въ Догудовѣ я получилъ въ счетъ жалованья 250 злотыхъ. Отправивъ отрядъ, возвратился домой по дѣлу съ Мушичемъ, производившемуся въ Минскомъ трибуналѣ. 20 октября снова прибылъ въ Боржу. 21 іюня въ Новогрудкѣ происходилъ выборъ судьи; избирателями были панъ Янъ Рудомина, панъ Янъ Керсновскій, панъ Андрей Обрынскій. Выбрали прежняго, пана Григорія Володковича. 18 іюля выбирали подсудка панъ Янъ Керсновскій, панъ Ѳедоръ Протасевичъ, панъ Иванъ Выпловичъ и я, четвертый. Выбранъ прежній.

9 февраля я былъ на свадьбѣ пана Александра Хрептовича 1620.
съ княжною Жижемскою въ Вѣржковичахъ подъ Минскомъ. 24 іюня заложена часовня въ Сервечѣ на горѣ за домомъ, гдѣ покоятся тѣла моихъ родителей и благодѣтелей.

Въ семъ же году, не знаю съ какого повода, великій гетманъ и канцлеръ государственный Станиславъ Жолкѣвскій и полевой гетманъ Николай Конецпольскій отправились съ коронымъ войскомъ противъ Турокъ въ Валахію. Они расположились лагеремъ при Цецорѣ. Все войско ихъ состояло изъ 6000 человѣкъ, считая и нанятыхъ за деньги и выставленныхъ сенаторами и панами. Было въ немъ сверхъ того нѣсколько Украинскихъ Валаховъ. Догадывались, что паши двинулись въ Валахію, въ угожденіе цесарю для удержанія Турокъ, шедшихъ на помощь протестантамъ, съ коими онъ въ то время воевалъ. Турецкое войско также подступило къ Цецорѣ: имъ предводительствовалъ Скиндеръ-паша. Тутъ же много было и Татаръ подъ начальствомъ Галги. Паши

1620. сражались съ непріятелемъ нѣсколько дней, и хотя были гораздо слабѣе въ силахъ, однакожъ съ помощію Божіею, весьма успѣшно отбивали его напоръ. Только несогласіе, неминуемое слѣдствіе зависти и своеволія охотниковъ, которыхъ въ войскѣ было не мало, исторгло побѣду изъ нашихъ рукъ; а въ послѣдствіи довело насъ до погибели.

Послѣ нѣсколькихъ битвъ, когда силы непріятельскія были извѣстны, а въ нашемъ войскѣ господствовалъ уже раздоръ, паны гетманы лучше бы сдѣлали, если бы уклонились отъ рѣшительной битвы: утомивъ враговъ частыми вылазками и стычками, самою медленностію могли бъ побѣдить ихъ. Они поступили иначе: опасаясь, чтобы войско, обуреваемое распрями, не разбрелось въ разныя стороны, вывели его изъ лагеря, въ которомъ оставили одну стражу, и ударили на враговъ. Бой продолжался съ утра до вечера. Долго счастіе не склонялось ни на ту, ни на другую сторону: впрочемъ Турки болѣе насъ понесли урона. Уже подъ вечеръ враги всѣми силами устремились на правое крыло наше и смяли его: наши не могли устоять, обратились въ бѣгство, минували лагерь и вплавь пустились на коняхъ чрезъ Прутъ. Гетманы, видя, что правое крыло разсѣялось, свели прочее войско въ лагерь въ добромъ порядкѣ; вскорѣ наступила ночь, и съ нею всеобщая тревога. Между тѣмъ Калиновскій, староста Каменецкій, бывшій съ людьми своими въ томъ крылѣ, которое разбито, человѣкъ падмѣнный и спѣсивый, по видно не изъ числа храбрыхъ, какъ скоро наступилъ мракъ, тотчасъ съ отрядомъ своимъ удалился изъ обоза, безъ вѣдома и воли гетмана. Не знаю, онъ ли убѣдилъ своихъ людей, или люди принудили его къ такому поступку.

Удаленіе Калиновскаго произвело въ лагерѣ велпкую тревогу: думали, что и гетманы также намѣрены бѣжать, оставивъ лагерь въ жертву непріятелю; все войско взволновалось и бросилось на коней. Гетманъ, свѣдавъ о бѣгствѣ Калиновскаго и о всеобщемъ смятеніи, сѣлъ на коня и поѣхалъ по всему лагерю отъ полка къ

полку, отъ роты къ ротѣ, ободряя и утѣшая воиновъ; а чтобы 1620.
лучше его видѣли, приказалъ зажечь всѣ свѣчи, сколько ихъ было. Появленіе гетмана многихъ удержало отъ бѣгства; но большая часть ушла за Калиновскимъ. Въ слѣдующій день Жолкѣвскій удостовѣрился, что съ остальнымъ войскомъ не было надежды одолѣть столь многочисленнаго непріятеля; по сему рѣшился отступить табором къ Днѣстру. Онъ шелъ цѣлые шесть дней; наши день и ночь отбивались отъ враговъ, изнуренные голодомъ и еще болѣе безсонницею и трудами въ битвѣ безпрерывной. Наконецъ обезсилѣли совершенно, и только рука Всевышняго спасала ихъ.

До Днѣстра оставалось уже не болѣе одной мили. Тутъ крестьяне, бывшіе въ войскѣ, и пахолики, жадные добычи, замыслили какъ можно скорѣе перебраться: разграбили имѣніе гетмана, захватили коней товарищей, которые между тѣмъ пѣшіе сражались съ Турками, прорвали лагерь, чѣмъ открыли дорогу врагамъ, и пустились бѣжать. Такое самовольство погубило и людей злочестивыхъ и все войско. Въ лагерѣ некому было обороняться: всѣ бросились въ разсыпную, моля Бога о спасеніи. Легко вообразить, какъ ужасно было наше пораженіе, и какъ велико торжество непріятеля. Самъ гетманъ палъ въ битвѣ; Корецкій, Струсь, два сына Жолкѣвскаго, Фаренсбахъ и многіе другіе взяты въ плѣнъ; остальныхъ посѣкла сабля Турецкая. Изъ тысячи едва одинъ спасся. Такъ Господь Богъ караетъ лицемѣріе и лукавство!

3 ноября общій сеймъ въ Варшавѣ. Я отправился туда съ полевымъ гетманомъ, выѣхавъ изъ дома 29 октября. Въ Варшаву мы вступили 14 ноября безъ всякой церемоніи: ибо князь дорогою узналъ о смерти брата своего пана Вилепскаго, и такъ опечалился, что не хотѣлъ никакого торжества.

На другой день по нашемъ пріѣздѣ, 15 ноября, король едва не погибъ въ костелѣ. Нѣкто Некарскій имѣлъ двухъ сестеръ: одна была за Домашевскимъ, старостою Луховскимъ, другая за

1620. Плужею, градоначальникомъ Краковскимъ. Шурья выдали его за сумасшедшаго, надъ имѣніемъ учредили съ согласія короля опеку, а самому назначили самое скудное содержаніе. Некарскій чувствовалъ себя въ полномъ умѣ и негодуя на короля за согласіе на опеку, рѣшился отмстить ему; для исполненія же злодѣйскаго умысла воспользовался пріѣздомъ Домашевскаго въ Варшаву, при коемъ онъ въ то время находился.

Въ воскресенье король по обычаю отправился въ костелъ слушать обѣдню; гвардія, весь дворъ и сенатъ были впереди. Короля провожали два епископа; за нимъ слѣдовалъ королевичъ, также съ двумя епископами; паходики и молодые царедворцы заключали шествіе. Случилось, что при входѣ въ костелъ, на дверяхъ прибито было какое-то объявленіе: королевичъ остановился, чтобы прочесть его, и на минуту задержалъ шествіе; король же вступилъ въ храмъ, никого за собою не имѣя: ибо вся гвардія остановилась у дверей, а паходики и царедворцы не трогались съ мѣста за королевичемъ, читавшимъ объявленіе. Отъ того между его величествомъ и его высочествомъ оставалось довольно пустаго мѣста. Въ ту самую минуту Некарскій съ воплемъ выскочилъ изъ за дверей, гдѣ онъ притаился, съ чекапомъ въ рукѣ, и ударилъ короля обухомъ въ голову, къ счастію не прямо, а нѣсколько вкось; оправился, ударилъ вторично, и тоже мимо. Король упалъ; ксензы разбѣжались. Но между тѣмъ злодѣя схватили; а его величество поднялп. Вышла страшная тревога; каждый толковалъ этотъ случай по своему; сперва подозрѣвали вельможъ въ соучастіи; потомъ говорили, что это дѣло измѣнниковъ, подкупленныхъ Турками, и какъ еще не успѣли опомниться отъ ужаса, произведеннаго пораженіемъ гетмана, то вдругъ заговорили, что Татары уже въ Прагѣ и переправляются чрезъ Вислу. Всѣ бросились изъ костела, а городъ заперли, и только тогда отворили, когда узнали, что татарпнъ не трогался изъ орды.

Некарскаго заковали въ желѣза и, по рѣшенію сената, приговорили къ смерти. Казнь происходила такимъ образомъ: посадили

его вмѣстѣ съ палачами въ телѣгу, запряженную четверкою, на 1620
высокомъ, нарочно устроенномъ сѣдалищѣ, чтобы всѣмъ было видно, и повезли изъ крѣпости по городу, чрезъ валъ, Краковское предмѣстье и рынокъ къ Новомясту. При въѣздѣ на валъ, въ Краковскомъ предмѣстье, въ рынокъ и въ Новомясто, палачъ рвалъ его раскаленными клещами. Потомъ взвели на приготовленное въ Новомястѣ возвышеніе, связали руки на спинѣ, положили навзничь на сковороду, наполненную сѣрою, и жгли медленнымъ огнемъ, раздувая его мѣхомъ. Послѣ того свели съ возвышенія, выпрягли лошадей изъ телѣги и привязали ихъ постромками къ рукамъ и ногамъ преступника, чтобы разорвать его. Но какъ долго не могли этого сдѣлать, то одинъ палачъ надрубалъ ему жилы сѣкирою, а другіе погоняли лошадей, и такимъ образомъ вырвали правую ногу. Наконецъ положили его самого съ оторванными членами на костеръ и сожгли Говорили разные люди, а болѣе торговки, что послѣ на этомъ мѣстѣ, сряду нѣсколько ночей видно было сіяніе, какъ бы отъ горящей свѣчи. Правда ли, не знаю: самъ я не видалъ, а только слышалъ отъ многихъ.

Князь послалъ меня изъ Варшавы въ Дубно, давъ 500 злотыхъ, попытаться, нельзя ли занять этотъ городъ, гдѣ имѣлъ онъ тайныя связи. 9 декабря я въѣхалъ въ Дубно самъ-третей съ Кулаковскимъ и Пентковскимъ, а челяди приказалъ воротиться домой съ коляскою и лошадьми, поручивъ Сугайлову деньги и присмотръ за всѣми вещами. Мы прибыли не во время и воротились ни съ чѣмъ: конница предупредила насъ. Я засталъ князя въ Заблудовѣ; пробывъ здѣсь трое сутокъ, я взялъ отпускъ и пустился домой на крестьянскихъ подводахъ. Домашнихъ, слава Богу, нашелъ въ добромъ здоровьи: только самъ много потерялъ во время своей отлучки.

Не добрыя вѣсти изъ Турціи: тамъ готовятся противъ насъ. 1621.
По всей землѣ носится молва, что лѣтомъ будетъ походъ трудный. Вѣрныя свѣдѣнія присланы изъ Константинополя иноземными агентами и нашимъ агентомъ Отвиновскимъ. Турки вооружаются за двукратное вторженіе въ Валахію Стефана Потоцкаго

1621. и Самуила Корецкаго, которые хотѣли возвести господарчика на Валахскій престолъ, но не успѣли, двѣ битвы проиграли, непріятеля озлили, а себѣ на ноги оковы, на шею колоду падѣли. Къ тому же свѣжее пораженіе обоихъ гетмановъ ободрило непріятеля, раздраженнаго опустошительными набѣгами казаковъ на берега Черноморскіе. Все это убѣдило султана прекратить войну съ естественнымъ врагомъ, шахомъ Персидскимъ, и всѣ силы устремить на Польшу.

3 мая переписъ въ повѣтахъ; я вписался въ Новогрудкѣ. 21 мая видно было страшное затмѣніе, которое ничего добраго не предвѣщало. 30 мая я былъ на свадьбѣ: панъ Янъ Протасовичъ выдавалъ дочь свою Елену за пана Почоповскаго. 11 іюля я поѣхалъ въ Вильну. Дорога пренегодная. 21 іюля сеймики въ повѣтахъ. 23 августа общій сеймъ въ Варшавѣ къ великому вреду республики, о чемъ послѣ.

Вѣсти о грозящей опасности изъ Турціи оправдываются самымъ дѣломъ; страхъ всеобщій. Турецкій султанъ, Солиманъ, человѣкъ молодой, злобный, вспыльчивый, тиранъ неукротимый, непріятель христіанамъ жестокій, (трудно сказать Господь ли вооружилъ его, или мы сами подвигли его къ войнѣ), собравъ такое войско, какого болѣе имѣть не могъ, изъ всѣхъ царствъ и областей подвластныхъ, заключивъ миръ со всѣми сосѣдями, всѣ силы Оттоманскія сосредоточивъ въ одно мѣсто, устремилъ всю тяжесть своего могущества на злощастную Польшу. Лазутчики даютъ намъ знать, что мосты наводятъ на Дунаѣ, что султанъ тронулся изъ Царяграда, что онъ уже выступилъ изъ Адріанополя, что наконецъ Турки переходятъ Дунай, а мы не имѣемъ никакой защиты отъ погибели, кромѣ обороны и милосердія Всевышняго. Страхъ повсемѣстный. Уповая однако на Бога, сами не опускаемъ рукъ: дѣлаемъ, что можемъ. Сеймъ опредѣлилъ войну съ Турками на шесть лѣтъ и назначилъ вдругъ восемь податныхъ сборовъ, для найма регулярнаго войска на цѣлый годъ, въ числѣ 60.000, изъ гусаръ, рейтаръ, казаковъ, пѣхоты Нѣмецкой и Польской.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

съ 1605 года по 1608.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ПОЛЬСКОЙ РУКОПИСИ.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

Двѣ Польскія рукописи, помѣщенныя здѣсь въ Русскомъ переводѣ, подъ именемъ Дневника Марины Мнишекъ и Польскихъ пословъ, заимствованы изъ манускриптовъ ученаго Албетранди. Обѣ рукописи содержатъ въ себѣ ежедневныя замѣчанія двухъ Поляковъ, одинъ изъ нихъ находился въ свитѣ Марины Мнишекъ, а другой при послахъ Польскихъ, Олесницкомъ и Гонсѣвскомъ. Дневникъ перваго идетъ до конца 1607 года, а втораго до 15 іюня 1606. Описывая путешествіе Марины въ Москву, послѣдніе дни царствованія Лжедимитрія, низверженіе его, гибель Поляковъ и плѣнъ Марины, оба дневника имѣютъ именно тѣ достоинства, которыя требуются отъ сочиненій подобнаго рода: наблюдатели разсказываютъ просто, день за день, что они *сами* видѣли; отъ того показанія ихъ, за исключеніемъ двухъ нелѣпыхъ басней, въ высшей степени достовѣрны и любопытны; въ особенности они весьма занимательно описали переговоры Лжедимитрія съ послами Польскими, приводя неоднократно акты офиціальные и рѣчи пословъ, изъ коихъ мы узнаемъ много новаго.

Въ переводѣ этихъ рукописей я руководствовался тѣми же правилами, которыя наблюдалъ издавая въ свѣтъ записки Бера, Паерле, Маржерета, Де-Ту и Маскѣвича: т. е. старался передать подлинникъ со всѣми оттѣнками смысла и слога, не исключая ни одной идеи и объясняя въ примѣчаніяхъ извѣстія темныя или невѣрныя, которыхъ впрочемъ не много.

ДНЕВНИКЪ

МАРИНЫ МНИШЕКЪ

и

ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

ГЛАВА I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе царевича Димитрія отъ смерти докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мнишка съ Димитріемъ. Пиры. Въѣздъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о титулѣ цесарскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побіеніе Поляковъ.

1605—1606.

Димитрій Іоанновичъ, сынъ царя Іоанна Васильевича, оспротѣвъ еще въ младенчествѣ, воспитывался по волѣ брата своего, Ѳеодора Іоанновича, Государя Московскаго, въ княжествѣ Углицкомъ; при немъ было нѣсколько Московскихъ дворянъ съ отрядомъ тѣлохранителей. Царь Ѳеодоръ жилъ постоянно въ Москвѣ, не зналъ никакихъ заботъ, мало занимался правленіемъ; болѣе всего любилъ посѣщать монастыри и бесѣдовать съ монахами. Государствомъ же управлялъ конюшій его Борисъ Годуновъ, который, видя слабость царскаго здоровья и малолѣтство Димитрія, рѣшился погубить обоихъ, чтобы самому взойти на престолъ. Прежде всего онъ хотѣлъ умертвить невинное дитя, царевича, и исполнить поручилъ умыселъ надежнымъ клевретамъ,ославъ

имъ приказаніе въ Угличъ, находящійся отъ Москвы въ нѣкоторомъ разстояніи. При царевичѣ былъ докторъ, родомъ Волохъ;[95] свѣдавъ о зломъ умыслѣ, онъ принялъ для спасенія царскаго отрока слѣдующія мѣры: нашелъ мальчика, похожаго на Димитрія, и велѣлъ ему быть безотлучно при царевичѣ, даже спать на одной постелѣ. Когда же мальчикъ засыпалъ, осторожный докторъ переносилъ Димитрія на другую постель. Такъ прошло не мало времени. Злодѣи, нетерпѣливо желая исполнить замыселъ, ворвались во дворецъ, нашли царевичеву спальню, убили мальчика, лежавшаго въ постели, и унесли трупъ. Въ городѣ сдѣлалась тревога: немедленно послали въ погоню за убійцами; нѣсколько десятковъ ихъ умертвили, а тѣло отняли.[96]

Докторъ, зная сколь безпеченъ царь Ѳеодоръ и сколь сильна власть Борисова, для спасенія царевича отъ неминуемой смерти, вывелъ его тайно изъ Углича и бѣжалъ съ нимъ къ Ледовитому морю, гдѣ до самой смерти своей выдавалъ его за простаго мальчика. Предъ концемъ жизни, онъ совѣтовалъ Димитрію не открывать о себѣ до совершеннаго возраста и постричься въ монахи: что и было исполнено. Между тѣмъ коюшій Борисъ, увѣривъ царя Ѳеодора, что Димитрій скончался отъ удара, въ падучей болѣзни, велѣлъ казнить находившихся при царевичѣ служителей, чтобы скрыть слѣды своего предательства. Ѳеодоръ хотѣлъ привезти въ Москву тѣло своего брата и похоронить съ честію; но Борисъ убѣдилъ его оставить намѣреніе, сказавъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ занесена будетъ зараза въ столицу. И такъ мнимаго царевича похоронили въ Угличѣ. Наконецъ Борисъ отравилъ ядомъ самого Ѳеодора и овладѣлъ престоломъ.

Царевичъ Димитрій, скрываясь въ одеждѣ инока, достигъ зрѣлыхъ лѣтъ, и изъ монастыря своего перешелъ въ другой, ближайшій къ столицѣ, потомъ въ третій и такъ далѣе; напослѣдокъ, никѣмъ не знаемый, явился въ Москву, гдѣ предъ глазами самого Бориса, нѣсколько времени находился въ палатахъ Патріаршихъ. Здѣсь онъ еще никому не смѣлъ открыться и отправился

въ Польшу; училъ тамъ довольно долго дѣтей какого-то шляхтича, а отъ него перешелъ въ Бражию, мѣстечко князя Адама Вишневецкаго,[97] и тутъ впервые открылъ свое званіе игумну, который сказалъ о томъ князю. Князь призвалъ къ себѣ царевича, тщательно распросилъ его обо всемъ, чтобы удостовѣриться, точно ли онъ наслѣдникъ Московскаго престола, и убѣжденный въ истинѣ, снялъ съ него монашескую одежду, замѣнивъ ее богатымъ Польскимъ платьемъ; въ послѣдствіи явился съ нимъ къ князю Константину Вишневецкому, зятю воеводы Сендомирскаго.[98] Князь Константинъ представилъ Димитрія пану воеводѣ, а панъ воевода его королевскому величеству въ Краковѣ; по возвращеніи же оттуда, отправился съ царевичемъ въ походъ и повелъ его въ Москву съ нѣсколькими тысячами войска.

Во время похода, наши взяли приступомъ пограничную крѣ- 1605.
пость, Морависко, которую чернь сдала царевичу вмѣстѣ съ связанными воеводами; отсюда пошли подъ Черниговъ, гдѣ жители также выдали воеводъ и присягнули царевичу. Послѣ того, наши подступили къ третьей Русской крѣпости, Новгородку, которую стрѣльцы, числомъ до тысячи, обороняли упорно; осада крѣпости продолжалась восемь недѣль. Между тѣмъ 31 декабря 1604 года подошло на помощь Русскимъ до 40.000 человѣкъ: наши, при помощи Божіей, разбили ихъ.[99] Во время отдыха послѣ битвы, прислано извѣстіе изъ города Путивля, (который можетъ выставить до 40.000 войска), о желаніи жителей его покориться царевичу и сдать городъ: Путивльскіе воеводы были приведены, связанные. Съ такимъ же предложеніемъ явились посланные изъ сильныхъ крѣпостей, Кромъ, Рыльска, Орла, Сѣвска, и многихъ другихъ: всѣ онѣ присягнули царевичу, а воеводъ заключили въ оковы. Димитрій, даровавъ градоначальникамъ милость, освободилъ ихъ отъ узъ.[100] Между тѣмъ панъ воевода заболѣлъ и для поправленія здоровья, рѣшился возвратиться въ отечество; воины же Польскіе, не стерпѣвъ стужи и разныхъ недостатковъ, возмутились и также отправились восвояси, оставивъ Димитрія съ

1605. немногими людьми и осьмью тысячами Запорожцевъ.[101] Не взявъ Новгородка, Димитрій съ своею малочисленною дружиною пошелъ въ волость Комарницкую, гдѣ встрѣтилъ высланное противъ него войско Борисово, сразился съ нимъ и проигралъ битву: вполю неудачи были Запорожцы, которые безъ боя бѣжали отъ непріятеля.[102]

Потерявъ сраженіе, царевичъ спѣшилъ отступить къ Путивлю, гдѣ поджидалъ помощи отъ пана воеводы. Но прежде, чѣмъ успѣлъ панъ воевода подать ему помощь, Господь Богъ наказалъ Бориса скоропостижною смертію: принимая Датскаго посла, онъ вдругъ упалъ съ престола и умеръ, истекая кровью, которая хлынула изъ носу, глазъ и ушей. Узнавъ о кончинѣ Годунова, войско его, числомъ до 170.000, послало къ царевичу въ Кромы[103] свою присягу; многіе дворяне Московскіе также пріѣхали къ нему, съ изъявленіемъ покорности. Приверженцы Борисовы выдали сына, жену и дочь его Димитрію. Сынъ Годунова, уважая царевича, всѣми средствами убѣждалъ отца примириться съ нимъ, и говорилъ, что самъ Богъ свидѣтельствуетъ правоту Димитрія, который, не обнажая меча, овладѣлъ столь многими странами. Заключенная въ узы, вдова Борисова приготовила ядъ, и выпивъ стаканъ съ отравою, предложила его своему сыну, съ тѣмъ, чтобы онъ выпилъ за здоровье любимаго имъ царевича, и поподчивалъ бы свою сестру. Сынъ исполнилъ волю матери и вмѣстѣ съ нею умеръ; дочь же, поднося отраву къ устамъ своимъ, замѣтила, что матери и брату ея стало дурно; посему не рѣшилась пить. При всемъ томъ самый запахъ яда такъ заразилъ ее, что она едва излечилась при помощи медиковъ.[104] Димитрій прибылъ въ Москву, и послалъ за своею матерью, не желая безъ нея короноваться; встрѣтилъ ее за городомъ и съ полмили шелъ пѣшкомъ со всею гвардіею, придерживаясь за подножки ея кареты. Въ послѣдній день іюля царевичъ короновался.

Возсѣвъ на тронъ прародительскій, съ властію самодержавною, онъ спѣшилъ изъявить признательность пану воеводѣ Сендо-

мирскому исполненіемъ своего обѣщанія вступить въ священный 1605.
бракъ съ его дочерью Мариною; въ слѣдствіе того, отправилъ въ Польшу великаго посла своего, Аѳанасія Власьева. Власьевъ прибылъ въ Краковъ 9 ноября съ своею свитою, имѣя при себѣ нѣсколько сотъ лошадей. 11 числа привѣтствовали его королевскіе сановники и другія особы. Посолъ остановился въ домѣ пана воеводы и вручилъ ему царскіе подарки: 1) черноличью шубу и шапку; 2) золотую чарку, осыпанную жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями; 3) булаву, оправленную золотомъ съ каменьями; 4) коня въ яблокахъ; сѣдло, арчакъ и узду, украшенныя золотомъ и каменьями; вмѣсто поводовъ, золотую цѣпь; 5) часы въ хрусталѣ съ золотою цѣпью; 6) два ножа: одинъ осыпанный алмазами, а другой разными дорогими каменьями; 7) два Персидскіе ковра, вышитые золотомъ; 8) шесть сороковъ самыхъ лучшихъ соболей; одного соболя и одну куницу живыхъ, и 9) три кречета.

14 ноября, посолъ имѣлъ торжественную у короля аудіенцію; изъявивъ дружелюбіе своего государя и желаніе его воевать со всякимъ врагомъ Польской короны, онъ въ то же время вручилъ царскую грамоту. По окончаніи аудіенціи, представлены были его величеству самимъ посломъ и сыномъ его слѣдующіе подарки: 12 сороковъ соболей, 8 лисицъ; брилліантовый перстень; лукъ, колчанъ и стрѣлы, оправленные золотомъ; три коня: одинъ Нагайскій съ сѣдломъ, другой подъ Персидскою попоною, третій подъ бархатною. Вручивъ подарки, посолъ возвратился въ свою квартиру.

15 ноября панъ воевода увеселялъ Русскихъ сановниковъ великолѣпнымъ баломъ (кромѣ посла, который въ тотъ день былъ нездоровъ).

18 ноября посолъ вторично былъ во дворцѣ, гдѣ, въ присутствіи пана воеводы и всѣхъ сенаторовъ, просилъ его величество о дочери пана воеводы, объявивъ, что онъ наиболѣе присланъ для сватовства, съ повелѣніемъ немедленно донести своему государю о успѣхѣ порученія. Король изъявилъ согласіе.

1605. 19 ноября дочь пана воеводы пріѣхала въ Краковъ.

22 ноября посолъ обручился съ нею. Того же дня былъ у пана воеводы балъ, на которомъ присутствовали его величество король, съ сыномъ и дочерью, ксензъ кардиналъ Маціовскій, совершившій обрученіе, ксензъ легатъ, многіе сенаторы и другія знатныя особы. Король, сынъ его и царица были чрезвычайно веселы. Послѣ обрученія, немедленно поднесены были подарки: отъ царской матери, Маріи Ѳеодоровны, образъ св. Троицы, въ золотой ризѣ, осыпанной драгоцѣнными каменьями. Отъ царя: корабль цѣною въ 60.000; чарка гіацинтовая, немного меньшей цѣны; большіе часы въ футлярѣ, удивительнаго устройства, съ трубачами и барабанщиками, которые трубили и барабанили по пробитіи каждаго часа; перстень съ большимъ алмазомъ; запона; большая птица, съ алмазами и рубинами; бокалъ червоннаго золота, съ дорогими каменьями; серебряный вызолоченный сосудъ превосходной работы; крылатый звѣрь, оправленный золотомъ и дорогими каменьями; драгоцѣнное изображеніе богини Діаны, сидящей на золотомъ оленѣ; серебряный пеликанъ, достающій свое сердце для птенцовъ; павлинъ съ золотыми искрами; нѣсколько жемчужинъ, величиною въ мускатный орѣхъ; множество нитокъ не столь крупнаго жемчуга, вѣсомъ вообще 4018 лотовъ;[105] 18 кусковъ парчи и бархату. Всѣ подарки представлены были предъ обѣдомъ. Пиръ былъ великолѣпный. На другой день панъ Липницкій отправился въ Москву съ извѣстіемъ.

24 ноября посолъ представлялся дочери пана воеводы, какъ царицѣ и государынѣ своей. Въ тотъ же день отдалъ подарки брату ея, старостѣ Сапоцкому: 1) саблю и большой мечъ, оправленные въ золото съ драгоцѣнными каменьями; 2) золотой бокалъ; 3) дорогой ножъ; 4) пять сороковъ соболей; три черныя лисицы и одного кречета съ золотымъ колокольчикомъ. Панья воеводша и панья хоронжая, бабка царицына, также получили въ подарокъ много соболей и жемчугу.

3 декабря царица выѣхала изъ Кракова въ Промникъ;[106] 1605.
ее провожали панъ воевода и Русскій посолъ съ многочисленною свитою. При выѣздѣ царицы, собралось такое множество народа, что нельзя было окинуть его взоромъ. Посолъ и воевода, проводивъ ее до Промника, возвратились въ Краковъ. Король давалъ балъ, на которомъ и они присутствовали. Въ то же время прискакалъ изъ Москвы гонецъ къ послу съ свадебными подарками.

12 декабря, посолъ вручилъ подарки: ожерелье съ драгоцѣнными каменьями и часы. При чемъ панъ воевода отдалъ свои четыре бокала и часы, полученные имъ отъ царя въ подарокъ.

18 декабря посолъ выѣхалъ изъ Кракова. Воевода, съ супругою и дочерью царицею, остался въ Промникѣ.

3 января царь прислалъ въ Краковъ пану воеводѣ 300.000, 1606.
а сыну его старостѣ Саноцкому 50.000 злотыхъ.[107] Деньги доставлены Яномъ Бучинскимъ и Русскимъ сановникомъ Михайломъ Толчановымъ, которые привезли также подарки и отдали ихъ 5 января, а именно: 1) узорочье, съ изображеніемъ на одной сторонѣ имени *Іисуса*, а съ другой *Маріи*, въ брилліантахъ, которыхъ было на обѣихъ сторонахъ 96; 2) цѣпь червоннаго золота, осыпанная 136 брилліантами; 3) четки изъ жемчужинъ, величиною въ большой горохъ; 4) браслеты изъ алмазовъ, переплетенныхъ жемчугомъ; 5) золотой ларчикъ съ жемчугомъ; 6) три слитка золота, цѣною въ 15.000; 7) два большія золотыя блюда и двѣнадцать малыхъ; 8) гіацинтовая солонка, оправленная золотомъ; 9) гіацинтовый бокалъ съ крышкою, оправленный золотомъ; 10) золотой рукомойникъ и тазъ, съ искусными изображеніями, и 11) перстень съ тремя алмазами.

14 января прискакалъ изъ Москвы въ Краковъ Иванъ Безобразовъ съ письмами къ его величеству королю и пану воеводѣ,[108] а 22 числа, взявъ отпускъ, выѣхалъ изъ Кракова вмѣстѣ съ паномъ воеводою. За день предъ тѣмъ царица отправилась изъ Промника въ Самборъ.

1606. 1 февраля панъ Липницкій на дорогѣ въ Дембовцу вручилъ письма отъ царя, который просилъ его какъ можно скорѣе поспѣшить въ Москву. Въ слѣдствіе того панъ воевода, не теряя времени (отправивъ только мясопустъ въ Сановкѣ, а сыропустъ въ Олшанницѣ), 11 февраля прибылъ съ царицею въ Самборъ. Сюда пріѣзжали многіе гонцы изъ Москвы съ письмами отъ пановъ Денбицкаго, Склиньскаго и Горскаго, которые именемъ царя жаловались на медленный выѣздъ царицы. Наконецъ и самъ посолъ, Аѳанасій, воротясь съ дороги, прибылъ въ Самборъ съ упреками. При немъ было 50 коней.

22 февраля посолъ, сдѣлавъ привѣтствіе царицѣ и воеводѣ, объявилъ, что царю весьма прискорбна ихъ медленность.

2 марта панъ воевода съ царицею и Аѳанасіемъ отправился въ путь къ Москвѣ. Съ нимъ было нѣсколько пріятелей; другіе же воротились по причинѣ дурной дороги.

Дорога Московская. Отъ Самбора до Люблина 30 миль. 2 марта, первый ночлегъ въ Куповичахъ; 3 въ Мосцискахъ; 4 въ Любачевѣ; 5 въ Луховой; 6 въ Сѣбресинѣ; 7 въ Скроновѣ; 8 въ Люблинѣ. Тутъ простояли до 14 марта; прибытіе Склиньскаго съ письмомъ отъ царя побудило выѣхать того же дня изъ Люблина.[109]

Отъ Люблина до Бресця » » миль. 14 марта первый ночлегъ въ Ленчной; 15 въ Островѣ; 16 въ Парчовѣ; 17 въ Рощкѣ; 18 въ Бресцѣ; 19 тамъ же. Вербная недѣля.

Отъ Бресця до Слонима 27 миль. 20 марта первый ночлегъ въ Каменцѣ; 21 въ Шерешовѣ; 22 въ Новодворѣ; 23 въ Рожаной; 24 въ Слонимѣ; 25 и 26 тамъ же. Пасха. Праздновали ее у Литовскаго канцлера со всею пышностію.

Отъ Слонима до Минска 25 миль. 27 марта первый ночлегъ въ Мольчадзи. Отсюда отправили къ царю пана Денбицкаго, а отъ царя пріѣхалъ сюда панъ Казановскій.[110] 28 марта ночлегъ въ Цыренѣ, 29 подъ Миромъ и переѣздъ чрезъ Миръ; 30 въ Несвижѣ; 31 тамъ же. Великолѣпное угощеніе гостей Виленскимъ

воеводою. 1 апрѣля ночлегъ въ Микалаевщизнѣ; 2 въ Койдановѣ; 1606.
3 въ Минскѣ; 4 и 5 тамъ же. Тутъ мы получили присланные царемъ 35.000 злотыхъ на дорожныя издержки, и дождались Склиньскаго съ письмами отъ царя, который просилъ пана воеводу забыть оскорбительные упреки за медленность его выѣзда.[111]

Отъ Минска до Орши 38 миль. 6 апрѣля ночлегъ въ Смолевичахъ; 7 въ Борисовѣ; 8 въ Начи; 9 въ Бобрѣ; 10 въ Толочинѣ; 11 въ Кохановѣ. Угощеніе канцлеромъ Литовскимъ. 12 въ Оршѣ; 13 тамъ же. Переправа чрезъ Днѣпръ. Она продолжалась до 15 апрѣля, по причинѣ быстраго стремленія воды, которая уносила далеко отъ пристани перевозныя суда.

Отъ Орши до Баёва 8 миль. 16 апрѣля ночлегъ въ Сватовичахъ; 17 въ Баёвѣ. Сюда пріѣхало нѣсколько Русскихъ съ письмами. Отъ Баёва до границы ровно миля. 18 апрѣля переѣхали мы границу и мостъ чрезъ рѣчку. Насъ встрѣтили четыре знатные Русскіе сановника, которые, вручивъ послу Аѳанасію письма, привѣтствовали царицу и пана воеводу.[112]

Списокъ особъ, вступившихъ въ предѣлы Россіи: панъ воевода; при немъ свита конная и пѣшая, 445 человѣкъ; лошадей 411. Царица; въ свитѣ ея 251 человѣкъ, и столько же лошадей. Панъ староста Краснопставскій, при немъ 107 чел. и 115 лош.[113] Князь Вишневецкій съ 215 чел. на 255 лош.[114] Староста Саноцкій съ 415 человѣкъ на 411 лошадяхъ. Староста Луховскій съ 87 чел. на 96 лошадяхъ.[115] Панъ Тарло, хоронжій Пржемыслскій съ супругою; при немъ 21 человѣкъ и 69 лошадей.[116] Панъ Мартинъ Стадницкій съ 36 челов. на 33 лошад. Панъ Георгій Стадницкій съ 21 челов. на 24 лош.[117] Панъ Самуилъ Балъ съ 29 чел. на 30 лош.[118] Панъ Павелъ Тарло, сынъ старосты Сохачевскаго съ 9 челов. на 10 лош. Панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, съ 15 человѣкъ на 13 лош.[119] Ксензъ Помаскій, секретарь королевскій, съ 16 челов. на 17 лош.[120] Панъ Вольскій съ 20 челов. на 19 лош.[121] Панъ Броневскій съ 8 челов.

1606. на 7 лош. Панъ Помаскій съ 11 чел. на 12 лошад. Панъ Корытко съ 10 челов. на 10 лошад. Панъ Любомирскій съ 12 челов. на 12 лошад. Панъ Ясеновскій, бывшій приставомъ у Аоанасія, съ 11 чел. на 12 лош. Панъ Петръ Домарацкій съ 9 чел. на 15 лош. Пять монаховъ съ 16 служителей на 16 лош. Панья Тарлова, супруга старосты Сохачевскаго, съ свитою изъ 50 челов. на 45 лошад. Панья Казановская съ 19 челов. на 19 лошад. Панья Гербуртова съ 24 чел. на 17 лошад Сверхъ того при воеводѣ было 12 Армянъ и купцовъ на 16 лошадяхъ, кромѣ тѣхъ, которые ѣхали на своемъ коштѣ. Весь обозъ состоялъ изъ 1969 человѣкъ и 1961 лошади. Говоримъ только о числѣ тѣхъ, которые составляли свиту; сверхъ того можно было бы насчитать еще болѣе трехъ сотъ человѣкъ, съ такимъ же числомъ лошадей.

При переправѣ чрезъ границу, обозъ былъ расположенъ такимъ образомъ: впереди ѣхали спутники царицы; за ними панъ воевода, наконецъ она сама, окруженная своими гусарами и пѣхотинцами; каждый панъ имѣлъ при себѣ своихъ всадниковъ. Нѣсколько повозокъ и колясокъ въ двѣ лошади отправлено впередъ, для заготовленія съѣстныхъ припасовъ за границею. На каждой рѣкѣ были хорошіе мосты до самой Москвы. Впрочемъ на дорогѣ къ Смоленску, повозки неоднократно тонули въ болотахъ.

Отъ границы до Смоленска 15 миль. 18 апрѣля первый ночлегъ былъ въ Красномъ. Въ каждомъ селѣ священники встрѣчали насъ съ хлѣбомъ-солью, въ знакъ доброжелательства. Мы провели въ Красномъ время весьма безпокойно и непріятно, хотя въ слѣдствіе письма пана воеводы и старались улучшить наше положеніе. Для ночлега отвели намъ нѣсколько тѣсныхъ хижинъ; а царицѣ одну новую избу. Посему многіе расположились въ ближайшихъ деревняхъ; иные же раскинули палатки на болотѣ. На бѣду случилось ненастье. Сверхъ того надлежало подумать о лучшемъ заготовленіи съѣстныхъ припасовъ: все это заставило насъ провести 19 апрѣля въ Красномъ.

20 апрѣля ночлегъ въ Любливѣ.[122] Здѣсь также было тѣсно, 1606.
какъ и въ Красномъ. Царица помѣстилась въ двухъ комнатахъ; свитѣ ея дали нѣсколько хижинъ. Многимъ пришлось ночевать въ палаткахъ или въ ближайшихъ деревняхъ. Насъ встрѣтили до тысячи человѣкъ, которые уже около трехъ мѣсяцевъ ожидали пріѣзда царицы. Они привѣтствовали ее, по своему обычаю, низкими поклонами. Тутъ же находились Московскій князь Василій Михайловичъ Масальскій и Михайло Александровичъ Нагой, царскій дядя по матери. Оба они съ нѣсколькими своими дворянами встрѣтили царицу при входѣ ея въ комнату и поздравивъ земными поклонами, вручили ей и пану воеводѣ письма отъ своего государя. Царь прислалъ для своей супруги 34 бѣлыя лошади, съ бархатными шорами и три кареты съ окнами, обитыя внутри соболями. Въ одной каретѣ, подъ царицею, было 12 лошадей, въ другой 10, а въ третьей подъ дамами 8; остальныхъ лошадей вели на поводахъ.

21 апрѣля ночлегъ въ Смоленскѣ. Царицу встрѣтило все Смоленское Дворянство съ нѣсколькими десятками тысячъ простаго народа, который кланялся въ землю и дарилъ соболей. Монахи встрѣчали ее съ иконами и хлѣбомъ. На стѣнахъ обширной крѣпости Смоленской стояло до 2000 стрѣльцовъ. Отсюда также выходили монахи съ хлѣбомъ и иконами.

22 апрѣля царица обѣдала во дворцѣ своемъ; а панъ воевода съ своими пріятелями[123] былъ приглашенъ къ князю Масальскому. По окончаніи обѣда, всѣ разъѣхались по своимъ квартирамъ. Въ Смоленскѣ два раза пугалъ насъ огонь: сперва загорѣлась царицына кухня; потомъ слуга мой зажегъ въ моей квартирѣ нѣсколько фунтовъ пороху; опалилъ себѣ лице и выжегъ глаза. Это было предвѣщаніемъ нашего злополучія. Слуга мой умеръ вскорѣ, въ Москвѣ; а мы, по благости Божіей, остались еще невредимы.

23 апрѣля, воскресенье. Мы провели и сей день въ Смоленскѣ, по случаю болѣзни пана воеводы. Русскіе съ удивленіемъ

1606. слушали музыку при отправленіи Божественной службы, и такъ толпились, что ломали перила.

Отъ Смоленска до Вязмы 28 миль. 24 апрѣля ночлегъ въ Пневѣ, гдѣ на каждыя 10 лошадей выдано намъ по полторы четверти овса и по возу сѣна. 25 апрѣля ночлегъ въ Дубкахъ. Переправа чрезъ Днѣпръ. Здѣсь было довольно паромовъ; но при великомъ разлитіи Днѣпра и впадающей въ него рѣки Вопи, отъ тѣсноты людей, одинъ паромъ опрокинулся и нѣсколько человѣкъ потонуло. А въ ротѣ пана старосты Саноцкаго, товарищъ отсѣкъ палецъ другому товарищу, тѣснясь на паромъ. Отъ перевоза, дорога идетъ лѣсомъ ровная, вымощенная; всѣхъ мостовъ 26. На пути мы встрѣтили Москвитянина Бориса Михайловича Лыкова, крайчаго, съ царскими письмами. Димитрій, изъявляя радость о счастливомъ прибытіи пана воеводы и царицы въ предѣлы государства своего, увѣдомлялъ, что онъ повелѣлъ кому слѣдуетъ доставлять имъ всевозможныя удобства, а самъ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ ихъ пріѣзда. 26 апрѣля ночлегъ въ Дорогобужѣ. Дорога поправлена, а по лѣсамъ вымощена. 27 тамъ же. Наши грубо обходились съ Русскими. Для обузданія своевольныхъ, у насъ назначены судьи и предписаны правила, коихъ никто однако не исполнялъ. Янъ Бучинскій посланъ къ царю. 28 апрѣля ночлегъ въ Колпичѣ. Дорога прегадкая: однихъ мостовъ было 45. Того жъ дня прискакалъ отъ царя съ письмами панъ Горскій, а за нимъ прибылъ царскій посолъ Аоанасій, уѣхавшій напередъ изъ Смоленска. Димитрій проспилъ пана воеводу поспѣшить пріѣздомъ въ Москву съ нѣкоторыми изъ родственниковъ его, по крайней мѣрѣ на 100 лошадяхъ, чтобы условиться въ приготовленіяхъ къ свадьбѣ и въ разныхъ обрядахъ. Здѣсь Аоанасій вручилъ царицѣ драгоцѣнные подарки, а именно: алмазную корону, брилліантовую повязку на шляпу, алмазную запону, 4 сиурка крупнаго восточнаго жемчугу, нѣсколько десятковъ нитокъ мелкаго жемчугу, и двое золотыхъ часовъ: одни въ баранѣ, а другіе въ верблюдѣ. 29 апрѣля ночлегъ въ Вязмѣ. День Пасхи у Русскихъ. Этотъ

праздникъ они проводятъ не въ бездѣйствіи: освобождаютъ изъ 1606.
темницъ узниковъ, а боярамъ, по обыкновенію своему, дарятъ хорошіе платки Панъ воевода разстался съ своею дочерью и отправился впередъ.

Отъ Вязмы до Москвы 36 миль. 30 апрѣля ночлегъ въ Заозерьѣ. Панъ воевода, съ княземъ Вишневецкимъ, папомъ старостою Саноцкимъ и папомъ хоронжимъ, ночевалъ въ Чаровѣ,[124] имѣя при себѣ небольшое число служителей. 1 мая ночлегъ царицы въ Добромъ; а панъ воевода ночевалъ въ Можайскѣ. Въ семъ городѣ три церкви. Изъ нихъ наиболѣе уважается церковь Св. Николая, котораго Русскіе признаютъ чудотворцемъ. Въ день праздника его, также и въ другое время, сюда стекаются толпы народа. 2 мая царица имѣла свой ночлегъ въ Можайскѣ, а панъ воевода въ селеніи Вязомѣ, въ 6 миляхъ отъ Москвы. Это селеніе принадлежало умершему царю Борису. Въ немъ есть дворецъ, довольно обширный, обнесенный палисадникомъ и окопанный рвомъ съ рогатками.[125] Подлѣ дворца каменная церковь, очень изрядная; иконы и подсвѣчники въ ней богаты и прекрасной работы. Сюда прислано изъ Москвы 6 лошадей для пана воеводы; а намъ, что всего важнѣе, привели цѣлый царскій табунъ. 3 мая царица оставалась въ Можайскѣ, а панъ воевода имѣлъ ночлегъ подъ деревнею Маначиномъ, въ царскихъ палаткахъ, весьма богатыхъ и нарочно для него поставленныхъ: ихъ было 12. Сюда прислана за нимъ изъ Москвы великолѣпная карета въ 6 лошадей. 4 мая ночлегъ царицы въ Дровачевѣ, а пана воеводы въ самой Москвѣ.

Въѣздъ его въ Москву происходилъ такимъ образомъ: въ день Вознесенія Господня, царь выслалъ четырехъ осѣдланныхъ лошадей, одну для пана воеводы, съ сѣдломъ, богато оправленнымъ въ золото, а другихъ трехъ для ближайшихъ родственниковъ его. За четверть мили отъ столицы, ихъ встрѣтилъ Басмановъ, верхомъ, въ богатой гусарской одеждѣ, окруженный знатными боярами и панами Московскими, числомъ до полуторы тысячи. Всѣ они провожали гостей до самой квартиры. Переѣхавъ чрезъ

1606. Москву рѣку по мосту, искусно устроенному безъ свай, на канатахъ, мы вступили въ тріумфальные ворота, между двухъ рядовъ множества Москвитянъ, довольно опрятно одѣтыхъ; тутъ находился скрытно и самъ царь. Панъ Домарацкій стоялъ съ Польскою ротою; за мостъ, на другую сторону, никого не пускали. Такъ проводили пана воеводу до самой квартиры его, бывшей въ городѣ. Не успѣли мы сойти съ коней, какъ намъ уже принесли изъ царской кухни разнаго кушанья; подавали его въ дорогихъ золотыхъ блюдахъ. Болѣе всего было пирожнаго, только невкуснаго: оно приготовлялось безъ соли. Напитковъ также было вдоволь. По окончаніи обѣда, царь прислалъ князя Ивана Ѳедоровича Хворостина навѣстить воеводу и изъявить свою радость о благополучномъ прибытіи его въ царскія владѣнія. Въ сей день воевода не былъ у Димитрія потому, что царь ѣздилъ, по обыкновенію своему, къ матери въ монастырь, находящійся у воротъ крѣпости. Одежда на немъ была бѣлая; а конь подъ нимъ съ каштановыми излучинами. Нѣсколько сотъ алебардщиковъ и довольное число всадниковъ окружали его.

5 Мая царица имѣла ночлегъ въ Вязомѣ. Въ сей день воевода представлялся Димитрію, такимъ образомъ: отъ самаго дома, гдѣ онъ на ту пору жилъ, провожало его безчисленное множество стрѣльцовъ, до большихъ дворцовыхъ сѣней, которые были наполнены боярами, пышно одѣтыми. Изъ сѣней мы вошли въ палаты. Царь сидѣлъ на тронѣ, въ одеждѣ, унизанной жемчугомъ, съ высокою на головѣ короною, осыпанною драгоцѣнными каменьями, имѣя въ правой рукѣ скипетръ. Весь тронъ былъ изъ чистаго золота, вышиною въ три локтя, подъ балдахиномъ изъ четырехъ щитовъ, крестообразно составленныхъ, съ круглымъ шаромъ, на которомъ стоялъ орелъ великой цѣны. Отъ щитовъ надъ колонами висѣли двѣ кисти изъ жемчугу и драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ числѣ ихъ находился топазъ величиною болѣе грецкаго орѣха. Колоны утверждались на двухъ лежащихъ серебряныхъ львахъ, величиною съ волка. На двухъ золотыхъ подсвѣчникахъ

стояли грифы, касаясь колонъ. Къ трону вели три ступени, по- 1606.
крытыя золотою парчею. Съ обѣихъ сторонъ трона стояло по два сановника, съ желѣзными бердышами на золотыхъ рукояткахъ, въ бархатной бѣлой одеждѣ, подбитой и обложенной горностаями, въ бѣлыхъ сапогахъ, опоясанные золотыми цѣпями. По лѣвую руку царя стоялъ Димитрій Шуйскій съ обнаженнымъ мечемъ, въ парчевой одеждѣ, подбитой соболями, а за царемъ слуга въ богатомъ кафтанѣ, съ платкомъ въ рукахъ. Справа сидѣлъ Московскій патріархъ, предъ нимъ держали крестъ на золотомъ блюдѣ. Ниже его сидѣли епископы и другія духовныя особы; а за ними сенаторы и дворяне; на лѣвой сторонѣ также сенаторы и дворяне.

Воевода, поцѣловавъ руку у царя, говорилъ рѣчь, которая такъ тронула его, что онъ плакалъ, какъ бобръ, поминутно утирая платкомъ глаза свои. За царя отвѣчалъ посолъ Аѳанасій. Послѣ чего воевода сѣлъ предъ тропомъ въ нѣсколькихъ шагахъ; пріятели его помѣстились на лавкахъ, между ними проходили мы къ цѣлованію царской руки. По окончаніи обряда, Димитрій подозвалъ воеводу и просилъ его къ себѣ на обѣдъ, а пріятелей его приглашалъ чрезъ Басманова. Выходя изъ дворца, воевода повстрѣчался на крыльцѣ съ духовными особами и патріархомъ, который, сдѣлавъ привѣтствіе ему и родственникамъ его, далъ имъ поцѣловать крестъ, но только безъ благословенія. За духовенствомъ вышелъ царь: бояре вели его подъ руки въ церковъ; предъ нимъ несли державу, т. е. золотое яблоко съ крестомъ. Воевода слѣдовалъ за нимъ въ ту же церковь и сталъ у боковыхъ дверей на паперти, откуда пристально смотрѣлъ на обряды Богослуженія. Между тѣмъ принесли царю меньшую корону. Послѣ обѣдни, Димитрій, поговоривъ съ воеводою на паперти, сидя, возвратился съ нимъ въ покои.

Дворецъ его деревянный, но красивый и даже великолѣпный. Дверные замки въ немъ вызолочены червоннымъ золотомъ; печки зеленыя, а нѣкоторыя обведены серебряными рѣшетками. Предъ

1606. столовою, въ сѣняхъ стояло множество золотой и серебряной посуды, между прочимъ, семь бочекъ серебряныхъ съ вызолоченными обручами, величиною въ сельдяные боченки. Вся столовая посуда золотая; множество было серебра, рукомойниковъ, тазовъ и прочаго. Столовая обита Персидскою голубою тканью; занавѣсы у оконъ и дверей парчевые; тронъ покрывала черная ткань, вышитая золотыми узорами.

Царь сѣлъ за отдѣльный столъ серебряный съ позолотою, накрытый скатертью, вышитою золотомъ. По лѣвую руку его, за другимъ столомъ сидѣлъ воевода съ своими пріятелями; а подлѣ него за третьимъ столомъ, противъ царскаго, помѣстили насъ слугъ попарно съ Русскими, которые насъ подчивали. Тарелокъ намъ не подали: дали ихъ только четыремъ панамъ, да и то, сказалъ Димитріи, онъ сдѣлалъ это противъ обычая. По правую руку царя сидѣли сенаторы, коихъ по-Русски называютъ думными боярами. Воды не подавали. Изъ огромнаго, вышиною въ человѣка, серебрянаго съ позолотою сосуда вода лилась кранами въ три таза: но никто не мылъ рукъ. Вся комната до самаго потолка была наполнена столовою посудою, по большей части золотою и серебряною: она представляла львовъ, драконовъ, единороговъ, оленей, грифовъ, ящерицъ, лошадей и тому подобное. Когда усѣлись за столы, принесли кушанье, разнаго сорта, рыбное: это случилось въ пятницу. Сначала уставили блюдами одного сорта весь столъ, вдоль его такъ, что одно блюдо было отъ другаго не далѣе трехъ четвертей аршина. Снявъ первое блюдо, ставили такимъ же образомъ другое; потомъ третье и т. д. Хлѣба на столѣ не было; но когда сѣли, царь разослалъ каждому по большому ломтю бѣлаго хлѣба, изъ коего мы сдѣлали себѣ тарелки. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. Подавали весьма много вкуснаго пирожнаго, разнымъ способомъ приготовленнаго. Наконецъ дошло до напитковъ. Сначала выпилъ царь, сперва за здоровье воеводы, потомъ за здоровье родственниковъ его; намъ же изъ царской милости пожаловано по чаркѣ вина. Послѣ того поставили на столъ въ

золотыхъ сосудахъ множество меда, подслащеннаго пива и дру- 1606.
гихъ напитковъ, чего кто хотѣлъ. Прислуживаютъ за царскими столами просто, безъ поклоновъ: даже стольники не снимаютъ шапокъ, и только слегка наклоняютъ голову. Въ половинѣ обѣда, пану воеводѣ сдѣлалось дурно: онъ вышелъ изъ-за стола въ царскій покой, съ двумя служителями. По удаленіи его, явилось 20 Японцевъ съ луками.[127]

Японцы живутъ около *Индіи* у Ледовитаго моря; ѣздятъ на оленяхъ и платятъ дань царю Московскому. Кто только можетъ изъ нихъ владѣть топоромъ, даетъ царю по десяти соболей въ годъ: въ это самое время они привезли свой оброкъ Обыкновенною пищею ихъ сырое мясо и рыба. Господствующей вѣры нѣтъ у нихъ: каждый поклоняется чему хочетъ: солнцу, мѣсяцу, деревьямъ, медвѣдямъ. Женъ покупаютъ малолѣтнихъ и ждутъ ихъ возраста. Разстояніе отъ Москвы до Японіи такъ велико, что на проѣздъ надобно употребить цѣлый годъ. Домовъ не имѣютъ: проживъ нѣсколько недѣль на одномъ мѣстѣ въ степи, они переходятъ на другое за нѣсколько десятковъ миль, и такимъ образомъ проводятъ всю жизнь. Обыкновенная забава ихъ состоитъ въ стрѣляніи изъ лука звѣрей; тѣмъ же достаютъ и пищу себѣ.

Послѣ обѣда закусокъ не было; только принесли небольшое блюдо съ сливами, которыя царь своеручно раздавалъ стольникамъ, въ знакъ своего благоволенія къ ихъ службѣ. Таковъ обычай царей Московскихъ! Наконецъ Димитрій удалился въ свои палаты; а гости разъѣхались по назначеннымъ для нихъ домамъ. Пана же воеводу привезли на квартиру уже вечеромъ.

6 мая почлегъ царицы былъ по прежнему въ Вязомѣ. Панъ Бучинскій снова привезъ ей подарки: восемь драгоцѣнныхъ ожерельевъ и столько же кусковъ самой лучшей парчи.

Панъ воевода, отобѣдавъ сего числа въ своей квартирѣ, ѣздилъ во дворецъ, гдѣ нашелъ царя очень веселымъ. 40 музыкантовъ пана старосты Саноцкаго играли въ царскихъ комнатахъ,

1606. изъ конхъ одна была обита тканью, шитою золотомъ, другая парчею, а третья, гдѣ сидѣлъ самъ царь, также богато вышитою золотомъ тканью. Русскіе чрезвычайно удивлялись музыкѣ. Въ сѣняхъ предъ первымъ покоемъ стояли золотые и серебряные сосуды, изображавшіе баснословныхъ боговъ и птицъ, только въ другомъ порядкѣ и въ гораздо большемъ количествѣ, нежели въ столовой. Напитковъ подавали очень много. Царь выслалъ къ намъ Басманова, приглашая веселиться. Самъ онъ нѣсколько разъ переодѣвался, то по-гусарски, то по-Московски. Гусарскій нарядъ состоялъ изъ парчеваго полукафтанья, изъ краснаго бархатнаго доломана, унизаннаго жемчугомъ, съ краснымъ исподнимъ платьемъ и сафьянными башмаками. Такъ онъ веселился до самаго вечера. Музыкантамъ выдано въ сей день по его приказанію 2000 злотыхъ. Князь Вишневецкій танцовалъ предъ нимъ съ паномъ старостою Саноцкимъ. Панъ же воевода, съѣздивъ на свою квартиру и посѣтивъ царскую мать въ ея монастырѣ, возвратился къ царю на ужинъ и пробылъ во дворцѣ до бѣлаго дня.

7 мая. Царица провела сей день по прежнему въ Вязомѣ. Туда пригнали табунъ прекрасныхъ лошадей, изъ которыхъ до 80 она раздарила своимъ дворянамъ и слугамъ. Польскіе паны ужинали у царя и были очень веселы.

8 мая. Въ Вязомѣ, откуда царица еще не выѣзжала, по неосторожности Русскихъ сдѣлался пожаръ, превратившій нѣсколько домовъ въ пепелъ.

Царь ѣздилъ съ паномъ воеводою на охоту. Въ числѣ разныхъ звѣрей, выпустили медвѣдя: когда никто изъ пановъ не отваживался вступить съ нимъ въ бой, вышелъ самъ царь, и однимъ ударомъ рогатины убивъ медвѣдя, саблею отсѣкъ ему голову, при радостныхъ восклицаніяхъ Москвитянъ. Ударъ рогатиною такъ былъ силенъ, что рукоятка разлетѣлась въ дребезги. Послѣ чего, тутъ же всѣ гости обѣдали въ палаткахъ.

Въ палаткахъ, на другой день, 9 мая, ночевала царица, выѣхавъ изъ Вязомы. Тамъ же она провела 10 и 11 мая. Купцы

и мѣщане поднесли ей въ подарокъ: пять огромныхъ бокаловъ, 1606.
пять кусковъ парчи и пять сороковъ соболей. Между тѣмъ въ столицѣ готовили ей встрѣчу.

12 мая былъ въѣздъ царицы въ Москву. Обозъ отправили впередъ; порядкомъ встрѣчи наблюдалъ самъ царь, который выѣзжалъ для того только съ десятью всадниками, не желая быть узнаннымъ. Давъ наставленіе тѣмъ лицамъ, которые назначены были присутствовать при вшествіи, или находиться при двухъ шатрахъ, раскинутыхъ у самой столицы надъ Москвою рѣкою, онъ самъ разставилъ въ два ряда стрѣльцовъ и аллебардщиковъ, числомъ около тысячи человѣкъ. Королевскій посолъ Малогоскій [128] въѣхалъ въ Москву однимъ часомъ ранѣе царицы. Какъ скоро она приблизилась къ городу, окруженная панами, немедленно тысяча гусаръ изъ царской конницы выстроилась по сторонамъ вышеозначенныхъ наметовъ: царица вошла въ нихъ и приняла поздравленіе воеводъ, князей, думныхъ бояръ и всѣхъ царедворцевъ, привѣтствовавшихъ ее, по своему обыкновенію, съ счастливымъ и радостнымъ прибытіемъ въ столицу. Послѣ того представлена ей отъ имени царя карета, оправленная серебромъ, съ царскими гербами, въ 12 лошадей, съ бѣлыми и черными пятнами; каждую велъ особенный конюхъ. По окончаніи поздравленій, она тотчасъ сѣла въ карету и отправилась.

Аллебардщики и стрѣльцы шли около кареты, офицеры нашей гусарской роты ѣхали своимъ порядкомъ, а Русскіе предъ каретою. При выѣздѣ въ старый городъ, за третью каменную стѣну, ударили въ литавры и барабаны, собранные въ великомъ числѣ предъ крѣпостью на площади, въ знакъ счастливаго окончанія путешествія. Этотъ громъ не умолкалъ, пока царица не вступила во дворецъ, жилище царской матери, гдѣ сдѣлала привѣтствіе какъ ей, такъ и царю. Тутъ оставалась она до свадьбы съ своею каммерфрейлиною при царской матери. Димитрій уѣхалъ въ свой дворецъ; а всѣ гости удалились въ квартиры, отведенныя въ разныхъ мѣстахъ города.

*

1606. 13 мая утромъ, въ аудіенцъ-залѣ, въ присутствіи Московскихъ сенаторовъ, поздравляли царя съ титуломъ полнаго государя и съ будущимъ бракомъ. Мартинъ Стадницкій, какъ царицинъ гофмейстеръ, привѣтствовалъ Димитрія отъ всего двора и пановъ Польскихъ слѣдующими словами: «Родственники и весь дворъ «ея свѣтлости, нареченной супруги вашего царскаго величества, «привѣтствуютъ чрезъ меня, въ числѣ ихъ находящагося, ваше «царское величество: низко кланяемся вамъ, утѣшителю народовъ «христіанскихъ, карателю нечестивыхъ. Чудесными путями судебъ «достигнувъ родительскаго престола, вы, государь, поддержите «славу предковъ своихъ, во всемъ свѣтѣ знаменитыхъ. Въ то же «время ваше царское величество пожелали вступить въ тѣсный «союзъ съ народомъ, мало различнымъ отъ вашихъ подданныхъ «въ языкѣ и обыкновеніяхъ, равно сильнымъ, равно храбрымъ, «воинственнымъ, издревле достославнымъ. По волѣ Всемогущаго, «удалясь въ Польшу, вы искали дружбы королевства Польскаго, «гдѣ былъ путеводителемъ вашимъ его королевскаго величества «сенаторъ, панъ воевода Сендомирскій, заслужившій такую ми«лость и довѣренность его величества, какою никто не пользуется «ни въ Польскомъ королевствѣ, ни въ великомъ княжествѣ Ли«товскомъ: изъ его семейства вашему царскому величеству угодно «было взять себѣ супругу. Если кого изумитъ этотъ бракъ съ «Полькою, то пусть заглянетъ въ минувшее время: тамъ уви«дитъ онъ, что Богъ издавна благословлялъ такіе союзы. Прадѣдъ «вашъ или дѣдъ, сколько я знаю, имѣлъ за собою Витовтовну; [129] «и не изъ дома ли Глинскихъ была супруга родителя вашего цар«скаго величества? [130] Раждались ли какія либо несчастія изъ сей «крови вашимъ предкамъ? И такъ мы ожидаемъ благословенныхъ «плодовъ отъ этого союза: самъ Богъ чудеснымъ образомъ обра«тилъ сердце вашего царскаго величества къ тому народу, съ «которымъ предки ваши были въ родствѣ и вы сами теперь за«ключаете союзъ кровный. Отнынѣ не будетъ притворной дружбы «между обоими народами, между Русскими и Поляками; не ста-

«немъ съ варварскимъ жестокосердіемъ проливать кровь свою; 1606.
«соединимъ общія силы, и съ Божіею помощію, обратимъ ихъ
«противъ невѣрныхъ. Этого ждутъ съ нетерпѣніемъ всѣ народы
«христіанскіе. Да подастъ Господь Богъ вашему царскому величе-
«ству столько счастія въ предпріятіяхъ, сколько онъ даровалъ
«вамъ могущества; да возвыситъ тронъ вашъ и величіе его, что-
«бы вы, государь, ниспровергли луну въ краяхъ полночныхъ,
«возсіяли славою въ странахъ полуденныхъ,[131] и въ глубо-
«кой старости на престолѣ предковъ своихъ узрѣли своихъ
потомковъ».

На привѣтствіе отвѣчалъ, по царскому повелѣнію, дьякъ Аѳанасій. Между тѣмъ пригласили королевскихъ пословъ, которые и прибыли немедленно. Царскій окольничій встрѣтилъ ихъ въ сѣняхъ предъ большею палатою, ввелъ въ залу, и когда они вошли, сказалъ предъ царемъ слѣдующія слова: «Всепресвѣтлѣйшій и «могущественнѣйшій самодержецъ, великій государь Димитрій «Іоанновичъ, Божіею милостію великій цесарь, князь всея Россіи, «многихъ Татарскихъ царствъ и государствъ, Московской державѣ «подвластныхъ, государь, царь и обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго «и великаго государя Сигизмунда третьяго, Божіею милостію «короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, послы Николай «Олесницкій и Александръ Гонсѣвскій бьютъ челомъ у престола «вашего царскаго величества».

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее: «Всепресвѣтлѣйшій великій государь Сигизмундъ третій, Божіею «милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Прусскій, «Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лиф- «ляндскій, Эстляндскій и другихъ, наслѣдный король Шведскій, Гото- «скій, Вандальскій, князь Финляндскій и иныхъ земель, благово- «лилъ послать насъ, пословъ своихъ, меня, Николая Олесницкаго «изъ Олесницы, каштеляна Малогоскаго, и пана Александра Кор- «вина Гонсѣвскаго, секретаря и дворянина своего, старосту «Велижскаго, помѣщика Конюховскаго, съ тѣмъ, чтобъ именемъ

1606. «его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего, «вашему господарскому величеству, Божіею милостію, всепре- «свѣтлѣйшему великому государю, Димитрію Іоанновичу, князю «всея Россіи, Владимірскому, Московскому, Новгородскому, Казан- «скому, Астрахапскому, Псковскому, Тверскому, Югорскому, «Пермскому, Вятскому, Болгарскому, и другихъ многихъ земель «царю, отдать братскій поклонъ, освѣдомиться о здравіи вашего «господарскаго величества, поздравить васъ съ благополучнымъ «восшествіемъ на прародительскій престолъ и засвидѣтельствовать «вашему господарскому величеству братскую любовь его коро- «левскаго величества».

Сказавъ сіи слова, Малогоскій вручилъ письмо царскому дьяку Аоанасію Ивановичу Власьеву, который представилъ его Димитрію и тихо прочиталъ ему надпись. Какъ въ сей надписи не было упомянуто о цесарскомъ титулѣ, то Димитрій велѣлъ Власьеву отвѣчать посламъ слѣдующимъ образомъ: «Николай и «Александръ! вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому и «великому самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Сигизмунда короля «Польскаго и великаго князя Литовскаго письмо, въ коемъ нѣтъ «титула цесарскаго величества: оно писано къ нѣкоторому князю «всея Россіи, а Димитрій Іоанновичъ есть цесарь въ своихъ «преславныхъ государствахъ. И такъ возмите письмо обратно и «отвезите къ своему государю».

Панъ Малогоскій, взявъ письмо, сказалъ: «Съ благоговѣніемъ «беру письмо его королевскаго величества, государя нашего. Еще «никто изъ христіанскихъ вѣнценосцевъ такъ не оскорблялъ его «королевскаго величества и рѣчи посполитой! Явивъ прежде «вашему господарскому величеству пріязнь въ своихъ владѣніяхъ, «государь нашъ и теперь свидѣтельствуетъ вамъ свое благорасно- «ложеніе: для сей единственно цѣли мы и спѣшили въ Россію съ «искреннею радостію. Едва прибывъ сюда, не успѣвъ еще стря- «сти съ себя пыль, мы спѣшили явиться къ вашему господар- «скому величеству, чтобы съ неописанною радостію увидѣть вашу

«особу, и вотъ награда нашему усердію и ожиданію! Вы прене- 1606.
«брегаете письмомъ королевскимъ, не хотите даже распечатать
«его, и, вопреки всей справедливости, приказываете умалчивать
«главный королевскій титулъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ
«всѣми вѣнценосцами признаваемый. Это оскорбляетъ не только
«его королевское величество, но въ лицѣ насъ, пословъ его, и
«всю рѣчь посполитую».

На сіи слова отвѣтствовалъ самъ царь: «Необыкновенное и
«неслыханное дѣло, чтобы монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили
«съ послами; но король Польскій, опуская наши титулы, принуж-
«даетъ насъ къ сему. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Ве-
«лижскаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ спорившаго о
«нашихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не
«только князь, не только господарь, не только царь, но также
«*императоръ* въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Самъ Богъ да-
«ровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его не одними словами,
«подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по всей справедливости,
«когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монархи, ни самые цесари
«Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ права и преимущества.
«Мы не можемъ довольствоваться титуломъ княжескимъ или
«господарскимъ: ибо не только князья и господари, но, Божіею
«милостію, и короли состоятъ подъ скипетромъ нашимъ и намъ
«служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полночныхъ: никто нами
«не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ. Къ тому же всѣ
«признаютъ насъ *императоромъ*: одинъ король Польскій не
«соглашается».

Посолъ возразилъ: «Ваша всепресвѣтлѣйшая господарская
«милость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное
«дѣло монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ послами:
«точно такъ; столь же необыкновенно, чтобъ послы осмѣлива-
«лись говорить о томъ, чего не предписано имъ въ наказѣ; но
«какъ ваше господарское величество сами къ тому принуждаете
«меня: то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на

1606. «сіи рѣчи вашему господарскому величеству, однакожъ какъ «Полякъ, человѣкъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. «Вспомните, ваше господарское величество! или прикажите спра«виться въ коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей, «Московской, даже спросите сихъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, «какой титулъ употребляли предки вашего господарскаго величе«ства? Всепресвѣтлѣйшіе короли, государи наши, никогда не при«писывали имъ цесарскаго титула, который ваше господарское «величество неправильно себѣ присвояете. Предки ваши никакого «цесарства подъ свою державу не покорили, и употребляли тотъ «самый титулъ, который признаетъ чрезъ насъ его королевское «величество, всепресвѣтлѣйшій и непобѣдимый государь. Развѣ «иначе писывалъ къ вамъ король Польскій, когда онъ, обласкавъ «въ своихъ владѣніяхъ ваше всепресвѣтлѣйшее господарское «величество, съ усердным желаніемъ помогалъ вамъ отыскать «корону прародительскую? И теперь, оставаясь въ прежней «искренней пріязни, не тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее вашему все«пресвѣтлѣйшему господарскому величеству, когда вы видите сви«дѣтельство тому не въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ «дѣлѣ? Между тѣмъ всякому очевидно, какъ вы платите за все это «его королевскому величеству! Скоро забыли ваше пресвѣтлѣйшее «господарское величество, что на этотъ престолъ (*указавъ на «него рукою*) вы взошли чудеснымъ образомъ по благости Божіей, «по милости его королевскаго величества, всемилостивѣйшаго «государя нашего, съ помощію нашихъ братьевъ Поляковъ, «проливавшихъ кровь свою за ваше всепресвѣтлѣйшее господар«ское величество! Вы платите вмѣсто благодарности неблагодар«постію, вмѣсто пріязни непріязнію; доброе расположеніе и «дружелюбіе его величества государя нашего пренебрегаете, и «сами даете поводъ къ разлитію крови человѣческой. Съ чрезвы«чайною горестію пріемля участіе въ таковой его королевскому «величеству обидѣ, мы свидѣтельствуемся, предъ вами, всепре«свѣтлѣйшій господарь! самимъ Богомъ и сими думными боярами,

«что не король Польскій, государь нашъ, а ваше господарское 1606.
«величество разрываете дружбу съ его величествомъ и рѣчью пос-
«политою. Теперь мы готовы возвратиться къ нашему государю».

Царь отвѣчалъ: «Очень намъ извѣстно, какіе титулы имѣли «наши предки: мы можемъ показать ихъ вамъ на бумагѣ. Мы «велимъ думнымъ боярамъ переговорить съ вами и тогда сами «укажемъ вамъ титулы нашихъ предковъ. Теперь же король «Польскій оскорбляетъ не только насъ, но и самого Бога, и всѣхъ «христіанъ. Мы объявили королю Польскому, что онъ имѣетъ въ «насъ сосѣда, брата и друга, какого еще никогда у короны Поль- «ской не было: теперь же намъ должно опасаться короля болѣе, «чѣмъ самаго непріязненнаго изъ невѣрныхъ государей».

Посолъ: «Не желалъ бы я, чтобы за титулы проливалась кровь «христіанская, и вашему всепресвѣтлѣйшему господарскому величе- «ству нѣтъ причины оскорбляться: въ дѣлахъ важныхъ монархи «обыкновенно объясняются чрезъ пословъ своихъ. Староста Ве- «лижскій, бывшій прежде сего въ Москвѣ посломъ королевскимъ, «могъ требованіе вашего господарскаго величества объявить и не «объявить своему государю. Вашему царскому величеству слѣдовало «бы именно для этой цѣли отправить своихъ пословъ на сеймъ коро- «левскій; только онъ можетъ рѣшить такое дѣло: вашему царскому «величеству извѣстно, что король Польскій царствуетъ въ вольной «рѣчи посполитой, гдѣ, безъ согласія всѣхъ сословій, нельзя ничего «ни прибавить, ни отмѣнить противъ древняго обыкновенія. Мы же «посланы не отъ сейма: я былъ на немъ только одинъ день».

Царь: «Я очень знаю, что сеймъ кончился, и что вы отправ- «лены сеймомъ. Знаю, что вы замедлили выѣздомъ, что васъ «догнали въ Оршѣ. Мнѣ также извѣстно, что нѣкоторые изъ «вашихъ совѣтовали королю не признавать моихъ титуловъ: но «будетъ время подробнѣе переговорить съ вами объ этомъ пред- «метѣ. Спрашиваю васъ, панъ Олесницкій, примите ли вы письмо, «къ вамъ писанное, на которомъ не было бы означено вашего «шляхетскаго титула? Впрочемъ, испытавъ въ областяхъ Поль-

1606. «скихъ вашу приверженность къ намъ и видя ваше доброжела-
«тельство, мы хотимъ принять васъ въ нашихъ владѣніяхъ не
«какъ посла, а какъ пріятеля нашего. Подойдите къ нашей рукѣ,
«не посломъ, а нашимъ пріятелемъ». Сказавъ это, Димитрій
протянулъ руку, чтобы Малогоскій ее поцѣловалъ.

Посолъ возразилъ: «Всепресвѣтлѣйшій, милостивѣйшій госу-
«дарь! всенижайше благодарю за милость, которую ваше царское
«величество изъявляете лицу моему. Но если ваше величество
«принимаете меня не какъ посла, то я не могу исполнить
«вашего желанія». «Цѣлуй, какъ посолъ», сказалъ Димитрій. Панъ
Малогоскій поцѣловалъ его руку; за нимъ староста Велижскій,
панъ Гонсѣвскій

Послѣ того дьякъ взялъ письмо, прочиталъ его царю, впро-
чемъ не вслухъ, и по царскому повелѣнію, отвѣчалъ посламъ:
«Хотя королевскаго письма безъ цесарскаго титула принимать не
«слѣдовало бы; однакожъ его цесарское величество, для свадьбы
«своей забывая обиду, нанесенную опущеніемъ титуловъ его, при-
«нимаетъ письмо и васъ, пословъ короля Польскаго. По возвра-
«щеніи же къ государю своему, вы должны сказать ему, чтобы
«впредь онъ не присылалъ подобныхъ писемъ, не прописавъ въ
«нихъ полнаго титула цесарскаго. Его цесарское величество
«именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь ни отъ короля Сигиз-
«мунда, ни отъ кого либо другаго, никакихъ писемъ безъ полнаго
«цесарскаго титула онъ принимать не прикажетъ. Теперь же, если
«имѣете какое либо порученіе отъ короля Сигизмунда, госу-
«даря своего, исполняйте долгъ посольства предъ царскимъ
«престоломъ».

По отправленіи посольства,[132] пословъ пригласили сѣсть.
Аоанасій, занявъ мѣсто подлѣ нихъ, по царскому наставленію
сказалъ: «Николай и Александръ всепресвѣтлѣйшему самодержцу
«и великому государю Димитрію Іоанновичу, Божіею милостію
«цесарю и великому князю всея Россіи, Татарскихъ царствъ и
«многихъ господарствъ, Московской монархіи подвластныхъ, го-

«сподарю, царю и обладателю, здравія желаютъ отъ имени всепре- 1606.
«свѣтлѣйшаго и великаго государя Сигизмунда третьяго, Божіею
«милостію короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, Прус-
«скаго и другихъ.[133] Мы говорили при отправленіи посольства,
«чтобы всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ король Польскій дозволилъ
«его свѣтлости Георгію Мнишку воеводѣ Сендомирскому прово-
«дить свѣтлѣйшую дочь свою къ всепресвѣтлѣйшему и непобѣди-
«мому самодержцу, и ея цесарское величество, по Божіей милости,
«прибыла сюда въ добромъ здравіи. Его цесарское величество изъ-
«являетъ за то королю государю вашему свою благодарность, а васъ
«будетъ жаловать своею царскою милостію. Сверхъ того, Алек-
«сандръ! ты объявилъ, что всепресвѣтлѣйшій Сигизмундъ король
«Польскій и великій князь Литовскій повелѣлъ вамъ посламъ сво-
«имъ переговорить съ думными боярами царскаго величества о
«взаимныхъ правахъ державы Московской и короны Польской: его
«царское величество, по милосердію своему, охотно изъявилъ на
«то свое согласіе и велѣлъ думнымъ боярамъ переговорить съ
«вами о дѣлахъ государственныхъ».

Послы сказали: «По старинному обыкновенію, господари Мо-
«сковскіе всегда спрашивали о здравіи его величества короля,
«вставъ съ своего мѣста». Царь услышавъ сіе, спросилъ, не вста-
вая съ мѣста: «Его королевское величество государь вашъ въ доб-
«ромъ ли здоровьи?» Панъ Малогоскій отвѣчалъ: «Его королевское
«величество государь нашъ былъ въ добромъ здравіи и счастливо
«царствовалъ, когда мы выѣхали изъ Варшавы. По вашему царскому
«величеству надлежало привстать, спрашивая о здравіи его коро-
«левскаго величества». Царь возразилъ: «Панъ Малогоскій! У насъ
«обыкновеніе вставать, спросивъ прежде о добромъ здравіи» и
приподнявшись немного съ трона, сказалъ: «Мы радуемся, что
«король, вашъ государь, а нашъ другъ, находится въ добромъ
«здравіи» За тѣмъ отдаривалиословъ; реэстръ подаркамъ
читалъ Григорій Ивановичъ Микулинъ. Панъ Малогоскій получилъ
коня Турецкаго, коня Неаполитанскаго, золотую цѣпь, 13 боль-

1606. шихъ кубковъ, 2 рукомойника вызолоченные, Британскую собаку, которую взяли обратно на другой день, давъ въ замѣнъ ея два сорока соболей, и 100 злотыхъ. Пану Гонсѣвскому дали коня Турецкаго. Аоанасій сказалъ въ заключеніе: «Его цесарское вели-«чество жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ». Пословъ проводили на квартиру; а паны родственники остались у царя обѣдать.

Въ тотъ же день царица просила царя, чтобы для нея готовили особенное кушанье: ибо приносимаго изъ дворца она ѣсть не могла. Царь немедленно призвалъ кухмистера и поваровъ Польскихъ, и велѣлъ имъ готовить для царицы всего вдоволь: имъ отданы были ключи отъ кладовыхъ и погребовъ съ напитками. Каммерфрейлинамъ также приказано было прислуживать царицѣ. Онѣ весьма грустили, опасаясь вѣчной неволи: царь обѣщалъ каждой свободу возвратиться въ отечество, если только сами пожелаютъ.

Въ воскресенье 14 мая свадьбы еще не было по нѣкоторымъ причинамъ. Царь великолѣпно угощалъ во дворцѣ пановъ родственниковъ.

15 мая Димитрій подарилъ царицѣ шкатулку съ дорогими вещами, цѣною, какъ сказывали, въ 500.000 рублей, дозволивъ ей дарить, что кому пожелаетъ. Воеводѣ же далъ 100.000 злотыхъ, велѣвъ отослать ихъ въ Польшу на уплату долговъ. Но прежде, чѣмъ успѣли увезти эту сумму, мы нѣсколько облегчили ее. Сверхъ того воевода получилъ отъ царя въ подарокъ сани, обитые пестрымъ бархатомъ; покрывало на нихъ красное, по угламъ вышитое жемчугомъ; коверъ и одѣяло подбиты соболями; крылья и оглобли увиты бархатомъ, а по мѣстамъ серебромъ; у хомута развѣшено сорокъ соболей; лошадь запряжена бѣлая; козлы серебромъ окованы; капоръ унизанъ жемчугомъ. Царица много вещей изъ своей шкатулки раздарила родственникамъ. Того же дня во второмъ часу ночи, она переѣхала въ царскій дворецъ, въ каретѣ, избравъ ночное время, чтобы не было давки. Дѣти боярскіе и аллебардщики шли передъ каретою.

18 мая царица была коронована. Предъ выходомъ изъ дворца, 1606.
царь и царица троекратно цѣловали крестъ и корону; потомъ, окропленные святою водою, пошли въ церковь. На дорогѣ была разостлана парча по красному сукну. Церемонія началась перенесеніемъ изъ дворца въ церковь большой короны: предъ нею шли два архіерея въ полномъ облаченіи, а за нею несли золотыя блюда и другіе церковные сосуды. На встрѣчу коронѣ вышелъ изъ церкви патріархъ съ нѣсколькими епископами, и сотворивъ молитву, внесъ ее въ церковь. Чрезъ полчаса отправился и царь съ супругою: впереди ихъ шли до полутораста дворянъ въ парчевой одеждѣ; въ слѣдъ за ними родственники съ бердышами, четыре господина, которые обыкновенно стоятъ при царѣ, и одинъ панъ съ мечемъ. Тутъ несли другую корону, крестъ и скипетръ. Царь шелъ съ короною на головѣ, въ драгоцѣнной одеждѣ. Подъ правую руку велъ его посолъ панъ Малогоскій, а подъ лѣвую князь Мстиславскій. За нимъ шла царица въ Русской бархатной одеждѣ, вишневаго цвѣта, усыпанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Подъ правую руку велъ ее панъ воевода, отецъ, а подъ лѣвую княгиня Мстиславская. За нею шли паны родственники и шесть Русскихъ боярынь. По входѣ въ церковь, двери заперли; нашихъ впустили не много, болѣе Русскихъ. Священнослуженіе совершалось по Русскому обряду. Панъ воевода, за слабостію здоровья, скоро вышелъ изъ церкви. По окончаніи литургіи, бракъ былъ подтвержденъ, и молодые обмѣнялись перстнями. Въ слѣдъ за тѣмъ была коронація съ мѵропомазаніемъ, по Греческому обряду. Наконецъ всѣ бывшіе на лице бояре и сенаторы присягали, скрывая въ душѣ вѣроломство: ихъ впускали въ церковь по порядку. По окончаніи присяги, они цѣловали руку у царя и царицы: патріархъ же прикладывался къ коронамъ надъ челомъ ихъ величествъ. Церемонія продолжалась нѣсколько часовъ. При выходѣ изъ церкви, бросали народу золотыя деньги; Русскіе дрались за нихъ палками. Нашимъ, особенно изъ свиты посольской, досталось довольно палочныхъ ударовъ. Съ огорченіемъ принявъ такіе подарки,

1606. они разъѣхались по квартирамъ и не провожали царя во дворецъ. Подходя къ палатамъ, Димитрій замѣтилъ толпу знатныхъ пановъ и приказалъ бросить между ними нѣсколько Португальскихъ червонцевъ, къ коимъ однако никто изъ нихъ не прикоснулся: даже когда два червонца упали одному пану на шляпу, онъ сбросилъ ихъ. Русскіе же кидались за деньгами, и производили тѣснотy: царь, видя то, не велѣлъ болѣе бросать монеты. Въ сей день, кромѣ коронаціи, ничего не было.

19 мая, въ пятницу, утромъ собрался совѣтъ. Еще на разсвѣтѣ ударили въ барабаны и заиграли въ трубы, коихъ было чрезвычайно много. Громъ этотъ продолжался до самаго полудня. Панъ воевода съ родственниками приглашенъ былъ къ обѣду. Когда всѣ пошли къ столу, онъ, проводивъ царя и царицу въ столовую, возвратился на свою квартиру, ибо увидѣлъ, что королевскаго посла тамъ не было. Панъ воевода неотступно просилъ царя посадить съ собою за столъ посла Польскаго, въ изъявленіе благодарности его королевскому величеству, не отказавшему въ такой чести послу Русскому; но не получивъ согласія на свою просьбу, и самъ не хотѣлъ быть за царскимъ столомъ. За обѣдомъ ничего особеннаго не было. Царь въ гусарской одеждѣ сидѣлъ на тронѣ, а царица возлѣ него, на другомъ меньшемъ; за царскимъ столомъ, кромѣ ихъ, никого не было По правую руку царя стояли бояре съ обнаженными сѣкирами и мечами: прислуживали ему Московскіе сенаторы. По лѣвую руку царицы стояли хоронжая [134] и княжна Косырская. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ царскаго стола сидѣли за своими столами паны родственники; далѣе, почти у самыхъ дверей за третьими столами, люди свиты ихъ. Среди избы, вокругъ пилястра, на четырехъ трехсаженныхъ столахъ поставлено было посуды золотой и серебряной до самаго потолка. Сверхъ того въ сѣняхъ три длинные стола уставлены были такою же посудою; въ ней носили кушанье и напитки. Послѣ обѣда свита разошлась по квартирамъ, а паны родственники удалились въ царскія палаты, чтобы веселиться музыкою. Въ это время приходилъ

къ царю панъ воевода, съ изъявленіемъ своего прискорбія за по- 1606.
сла; онъ скоро ушелъ.

20 мая утромъ, снова загремѣли трубы. Предъ обѣдомъ патріархъ и духовенство поднесли царю подарки: мѣха рысьи, собольи, бокалы, парчу. Въ то же время былъ у царя и воевода, который, представивъ ему, сколъ обидно будетъ для короля неуваженіе къ послу его, просилъ не дѣлать того впредь и посадить пана Малогоскаго за царскій столъ. Царь, послѣ долгаго прѣнія, согласился; но какъ этого нельзя было исполнить въ тотъ же день, то панъ воевода опять не пошелъ къ столу, и обѣдалъ дома съ посломъ. Не было ничего отмѣннаго въ кушаньи, церемоніалѣ и музыкѣ. За царскими столами обѣдали жолнеры. Димитрій пилъ за здоровье всего Польскаго войска. Царица была въ Польскомъ нарядѣ, а царь въ Русскомъ. Жолнеры приносили ему поздравленіе: имъ назначено было по 100 рублей на коня, но они не получили денегъ по какой-то отмѣнѣ. Въ сей же день поднесли подарки и Японцы: рысьи мѣха и бѣлыя выдѣланныя собачьи шкуры.

21 мая посолъ отдалъ въ палатахъ королевскіе подарки, въ числѣ которыхъ были 33 рѣдкія вещи: разные фигурные сосуды, золотая цѣпь и проч. Въ сей день его пригласили къ столу, и онъ обѣдалъ во дворцѣ, только не за тѣмъ столомъ, за коимъ сидѣлъ самъ царь на тронѣ, а за другимъ столикомъ по правую руку царя, вмѣстѣ съ паномъ воеводою. Его свита была также угощаема. Царь и царица были одѣты по-Польски, и въ коронахъ.

22 мая у стола служили Поляки; былъ за обѣдомъ и посолъ, но сидѣлъ за отдѣльнымъ столомъ. Послѣ обѣда гости танцовали. Царь, переодѣвшись въ гусарское платье, танцовалъ сперва съ царицею, а потомъ съ паномъ воеводою. При чемъ наблюдалась такая церемонія: всѣ паны, желавшіе танцовать, подходили прежде къ царской рукѣ, и потомъ шли попарно, снявъ шапки. Панъ воевода съ посломъ былъ въ послѣдней парѣ. Паны родственники танцовали также съ открытою головою; но посолъ былъ въ шапкѣ, которую снималъ только проходя мимо царя. Панъ воевода, тан-

1606. цуя съ своею дочерью, велъ ее подъ лѣвую руку; когда же царь танцовалъ съ воеводою, царица съ княжною служили имъ. Напитковъ подносили очень много. Никого изъ Русскихъ не было, кромѣ Аоанасія и Масальскаго. Разъѣхались по захожденіи солнца.

24 мая царица угощала Московскихъ пановъ въ своихъ палатахъ. Въ ту же ночь Русскіе бродили толпами по улицамъ, обнаруживая свою злобу на Поляковъ. Жолнеры были въ готовности стать подъ ружье. Донесли о томъ царю, предостерегая его отъ мятежа, о которомъ явно говорили. Но онъ такого былъ духа, что ничего не хотѣлъ слышать, а доносчиковъ велѣлъ наказать. Опасаясь подобной награды, другіе молчали о томъ, что видѣли.

25 мая, въ день Божіяго Тѣла,[135] волненіе затихло, но только для того, чтобы усыпить нашихъ. Между тѣмъ въ ту же ночь составленъ заговоръ. Москвитяне жаловались царю, что одинъ Полякъ изнасповалъ на дорогѣ боярскую дочь. Поляка привели къ пыткѣ: онъ не признался. Доносъ былъ ложный: Москвитяне взвели на бѣдняка напраслину, для того, чтобы не дать царю времени замѣтить ихъ волненіе и принять строгія мѣры. Въ ту же ночь поймано шесть лазутчиковъ, прокравшихся въ крѣпость для развѣдыванія. Трое изъ нихъ убиты, остальные замучены.

26 мая въ пятницу, жолнеры явились къ пану воеводѣ и объявили, что опасность очевидна. Воевода тотчасъ сказалъ о томъ царю; но царь смѣялся надъ нимъ, и дивился малодушію Поляковъ. Впрочемъ для охраненія ихъ, велѣлъ ночью разставить по улицамъ стрѣльцовъ. Обнаруживались всѣ признаки мятежа. Въ ту самую ночь впущено въ столицу разными воротами 18.000 человѣкъ войска, стоявшаго за милю отъ Москвы, безъ вѣдома царя, который думалъ, что оно уже отправилось въ Крымъ. Вооруженные мятежники заняли всѣ 12 городскихъ воротъ и никого не пропускали изъ города, особливо ночью. Тутъ сбылась пословица: береженаго Богъ бережетъ. Наши видѣли предъ собою погибель, но такъ были безпечны, что ни о чемъ не заботились и спали спокойно, ничего не видя и не слыша, какъ будто въ собственномъ домѣ.

27 мая вспыхнулъ несчастный бунтъ, давно уже приготовлен- 1606.
ный. Начальникомъ мятежниковъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій, который въ награду своимъ помощникамъ обѣщалъ раздать города, царства, и доставить другія выгоды. Они склонили на свою сторону знатнѣйшихъ купцовъ и много простаго народу, сверхъ того много бояръ и воиновъ изъ великаго Новагорода, чтобы одержать верхъ надъ Русскими, преданными Димитрію. Цѣль замысла извѣстна была только главнымъ заговорщикамъ.

Въ субботу утромъ ударили тревогу; раздался крикъ: *въ Кремль, въ Кремль! Горитъ Кремль!* Молвою о пожарѣ хотѣли отвлечь вниманіе Поляковъ отъ мятежа. Между тѣмъ, какъ одни обступили Польскія квартиры, и никого изъ нихъ не выпускали, другіе ворвались въ крѣпость. Ударили во всѣ колокола; на ревъ набата сбѣжалось безчисленное множество вооруженнаго народа. Прежде всего разсѣяли аллебардщиковъ: потомъ вломились во дворецъ. Самъ Шуйскій съ своими клевретами вбѣжалъ въ сѣни и тамъ умертвилъ Басманова, который спалъ при царѣ.

Царица была еще не одѣта; ея каммерфрейлины не причесаны: онѣ успѣли только надѣть юбки, бросились къ окнамъ, увидѣли тревогу и спѣшили узнать, что случилось. Скоро свѣдала царица о смерти Димитрія. Не зная, на что рѣшиться, она сбѣжала внизъ подъ своды, но видя, что здѣсь грозила ей опасность, воротилась въ палаты: ее не узнали и столкнули съ лѣстницы; однакожъ она добралась до своихъ комнатъ и тутъ осталась съ придворными дамами. Скоро бунтовщики бросились къ палатамъ и стали ломать двери. Царицынъ камердинеръ Янъ Осмульскій бросился на нихъ съ саблею и до тѣхъ поръ сражался въ тѣснотѣ, удерживая напоръ мятежниковъ, пока не выбился изъ силъ: его изрубили въ куски. Ружейный выстрѣлъ ранилъ старую панью Хмѣлевскую: она умерла чрезъ нѣсколько дней. Вломившись въ комнату, гдѣ была царица съ дамами, мятежники прекратили убійства и бросились грабить спальни. Между тѣмъ подоспѣли сюда старшіе бояре, которые, разогнавъ чернь, приставили стражу, чтобы никто

1606. не оскорблялъ каммерфрейлинъ. Всѣ вещи ихъ спрятали въ кладовыя за печатью; царицу же со всѣми дамами отвели въ другую комнату и старались увѣрить въ безопасности.

Между тѣмъ, какъ это происходило во дворцѣ, другая толпа овладѣла конюшнями, бывшими также въ крѣпости, за дворомъ паны воеводы чрезъ улицу: тамъ побито 25 форейторовъ и кучеровъ панскихъ и челядинскихъ; а лошади числомъ 95 уведены. Одна лошадь была хромая; ее убили, кожу содрали и, разсѣкши на четыре части, унесли съ собою.

Панъ воевода еще ничего не зналъ о царѣ; но весьма безпокоился какъ объ немъ, такъ и о царицѣ, тѣмъ болѣе, что не могъ подать имъ помощи. Ворота его двора съ улицы были завалены всякою всячиною; а мы заперлись изнутри. Насъ было весьма немного: караулъ, состоявшій изъ 50 человѣкъ пѣхоты, съ разсвѣтомъ дня разошелся по квартирамъ. Мятежники, выставивъ предъ нашимъ домомъ знамя, старались въ него войти: мы ихъ не пустили. Жолнеры наши выстроились въ боевой порядокъ подъ штандартомъ и хотѣли пробиться на коняхъ въ крѣпость, но никакъ не могли: улицы заставлены были рогатками и усѣяны многочисленнымъ народомъ, который однако не смѣлъ напасть на жолнеровъ. Чернь бросилась въ ихъ квартиры, захватила лошадей, слугъ и всѣ вещи. Воевода имѣлъ при себѣ немногихъ слугъ, комориковъ и другихъ дворовыхъ людей; мы рѣшились, при всей малочисленности, защищаться, ожидая и себѣ того же, что дѣлали съ другими въ глазахъ нашихъ. Уже наведены были на насъ пушки, одне въ окна, другія въ стѣну; но какъ въ нашемъ дворѣ были каменные подвалы, то безъ великихъ усилій нельзя было одолѣть насъ. Между тѣмъ посыпались камни на дворъ, и нѣсколько стрѣльцовъ готовились войти къ намъ изъ монастыря чрезъ проломы, о коихъ мы ничего не знали, какъ вдругъ прискакали къ воротамъ нашимъ бояре, требуя, чтобы панъ воевода послалъ кого нибудь изъ старшихъ для переговоровъ съ думными боярами. Мы не вѣрили; но когда они дали намъ въ залогъ одного боярина, началь-

ствовавшаго 500 стрѣльцовъ, панъ воевода послалъ старшаго слу- 1606.
жителя своего, Станислава Гоголинъскаго. Мы пересадили его черезъ заборъ, не смѣя отпереть ворота. Русскіе, увидѣвъ Гоголинъскаго, обвѣшаннаго оружіемъ, заключили, что у насъ много людей вооруженныхъ.

Его привели къ думнымъ боярамъ. Одинъ изъ сенаторовъ, не послѣдній зачинщикъ заговора и предводитель бунтовщиковъ, по имени Татищевъ,[136] сказалъ Гоголинъскому: «Всемогущій Богъ «взираетъ на всѣ царства и по волѣ своей располагаетъ ими; безъ «воли же Его ничто не можетъ быть. Сіе должно сказать и о на«стоящемъ происшествіи. Господь не восхотѣлъ, чтобы хищникъ, «не царской крови, овладѣвъ нашимъ государствомъ, долго утѣ«шался своею добычею. Господство его кончилось. И твой панъ, «по всей справедливости, заслуживаетъ равной участи: онъ по«кровительствовалъ Самозванцу, привелъ его въ наше государство, «былъ виною всѣхъ минувшихъ бѣдствій и кровопролитія; нако«нецъ въ спокойной землѣ нарушилъ миръ и произвелъ мятежъ. «Но Богъ сохранилъ его до настоящаго часа; да восхвалитъ теперь «благость Господню: опасность его миновала. Дочь его со всею «челядью спасена. Иди и возвѣсти о томъ господину твоему».

По возвращеніи Гоголинъскаго, мы удостовѣрились, что царь убитъ. Мы вмѣстѣ и печалились и радовались, получивъ надежду на безопасность. Чернь, между тѣмъ, опять стала приступать къ нашему двору: многіе уже лѣзли на заборы. Панъ воевода снова выслалъ Гоголинъскаго сказать, чтобы чернь удалилась отъ дома; въ противномъ же случаѣ онъ умретъ съ оружіемъ въ рукахъ. Мятежниковъ разогнали, и около дома поставили стрѣльцовъ.

Едва мы успокоились, какъ вдругъ ударили тревогу во всѣ колокола: толпы народа вламывались въ домъ князя Вишневецкаго. Князь, не зная что̀ дѣлать, съ своими слугами и дворовыми людьми сѣлъ на коней и хотѣлъ ускакать въ крѣпость, или ускользнуть въ поле; но свѣдавъ о смерти царя и гибели многихъ Поляковъ, рѣшился остаться въ домѣ, и упорною защитою спасти себя.

1606. Между тѣмъ подоспѣлъ небольшой отрядъ Русскихъ, которому велѣно было оберегать домъ. Не смотря на стражу, чернь нахлынула и прорвалась на дворъ, чтобы разграбить домъ и умертвить князя. Храбрый панъ приказалъ слугамъ стрѣлять по ней: толпы отхлынули, но навели пушки и открыли пальбу. Наши защищались и до трехъ сотъ Русскихъ положили на мѣстѣ. Много помогалъ Московскій пушкарь, который, не умѣя управлять орудіемъ, такъ понизилъ его, что вмѣсто стѣны ударилъ по своимъ, и вырѣзалъ цѣлый рядъ Русскихъ. Самъ князь не давалъ промаха изъ лука. Между тѣмъ прискакалъ Шуйскій (тотъ самый, который овладѣлъ престоломъ), и видя, какъ много пало народу, кричалъ, чтобы князь успокоился, обѣщая ему безопасность; въ удостовѣреніе чего вынулъ крестъ и поцѣловалъ. Его впустили въ домъ. На дворѣ лежали трупы многихъ Москвитянъ, хотѣвшихъ явно и тайно ворваться въ домъ для грабежа и бывшихъ жертвою своей дерзости. Взглянувъ на нихъ, Шуйскій горько заплакалъ и, чтобы избавить князя отъ ярости народной, проводилъ его въ другой домъ, куда перебралась и челядь панская со всѣми лошадьми и лучшими вещами. Обороняясь отъ Русскихъ, князь лишился 17 челядинцевъ и одного слуги.

Въ то же самое время толпы народа приступали къ дому старосты Краснославскаго: лѣзли въ окна, подкапывали стѣны. Поляки не сдавались. Наконецъ подоспѣли бояре, усмирили чернь и поставили кругомъ дома стражу. Между тѣмъ, уже много пало нашихъ, наболѣе въ той улицѣ, гдѣ свита царицына имѣла свои квартиры. Тутъ жило нѣсколько сотъ Поляковъ; но могло ли пособить имъ число, когда нельзя было подать помощи другъ другу? Многіе еще спали, а квартиры ихъ уже были окружены: каждый домъ оборонялся отдѣльно. Очень немногіе сосѣди успѣли соединиться, чтобы совокупными силами отражать мятежниковъ. Иные, разстрѣлявъ всѣ патроны, выскакивали на улицу только съ холоднымъ оружіемъ. Тутъ легло много Русскихъ, ибо наши бились отчаянно, много легло и Поляковъ, но болѣе обманомъ: полагаясь

на обѣщаніе безопасности, они выдавали свое оружіе и немедленно были убиваемы. Если же нѣсколько десятковъ рѣшались обороняться, Русскіе оставляли ихъ въ покоѣ. 1606.

Жертвами Москвитянъ были: Андрей Комаровскій, долго и храбро защищавшійся мечемъ, Самуилъ Стрызовскій, Якубъ Городецкій, слуга пана воеводы, Станиславъ Лагевницкій, Янъ Забавскій, Войцехъ Перхлинскій, Станиславъ Сумовскій, Якубъ Солецкій; (именъ прочихъ не знаю): Преклавскій, Глиньскій, Крушиньскій, Марциньковскій, Готардъ, Ганьчикъ, Куноскій, Мяковскій, Витовскій, Галеръ, Боболя. Изъ царскихъ слугъ: Склиньскій, Станиславъ Липницкій, Боршай, Чаповицкій, Ивановскій, Храпковскій, Венсовичъ, Пелчинскій, Гарабурда, Головня. Несчастные, повѣривъ клятвеннымъ обѣщаніямъ Русскихъ, сдались безъ всякаго сопротивленія, и погибли въ жесточайшихъ мукахъ. Когда они положили оружіе, мятежники спросили: кто изъ нихъ старшій? Лишь только отозвался Склиньскій, схватили его и растянувъ на столѣ крестообразно, отрубили ему руки, ноги и распороли брюхо. Также поступили и съ Липницкимъ; иныхъ терзали разнымъ образомъ.

Одинъ Борза палъ съ оружіемъ въ рукахъ: онъ храбро защищался въ другомъ домѣ, нѣсколько разъ выбѣгалъ съ мечемъ на мятежниковъ, наконецъ былъ застрѣленъ въ сѣняхъ. Свирскаго убили на улицѣ со многими пахоликами и кучерами; тутъ же погибъ Пѣхота, гражданинъ Кросненскій, съ сыномъ, самъ четвертъ. Спасшіеся отъ смерти были обнажены, изранены, чуть живы. Жестокосердіе Русскихъ не знало предѣловъ: они съ звѣрскимъ удовольствіемъ пороли, рубили, четвертовали бездыханныхъ и, вырѣзавъ изъ труповъ жиръ, бросали ихъ въ болота, въ рѣку, въ навозъ. Въ этой улицѣ они получили большую добычу: тамъ имѣли свои квартиры люди богатые и роскошные.

Другая шайка изъ толпы, осаждавшей князя Вишневецкаго, овладѣла домомъ Сигизмунда Тарло, хоронжаго Перемышльскаго, который по малолюдству не могъ обороняться. Сама Тарлова за-

1606. стрѣлена;[137] 18 служителей побиты и все разграблено. Тѣ же, которыхъ пощадили отъ смерти, остались въ однѣхъ рубахахъ. Подобная участь постигла панью Гербуртову и пана Любомирскаго. Отъ Тарла мятежники вломились въ домъ ксёнза Помасскаго, королевскаго секретаря; онъ въ то время служилъ обѣдню и лишь только произнесъ: Ite, missa est, разлетѣлись въ дребезги послѣднія двери. Русскіе прострѣлили икону Богородицы, сорвали съ Помасскаго ризы и убили его предъ алтаремъ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ. Изъ служителей не многіе остались въ живыхъ. Всѣ вещи были расхвачены.

Ксёнзъ Александръ, каноникъ Шендецкій, спасся бѣгствомъ въ Нѣмецкомъ платьѣ. Русскіе приняли его за Нѣмца и не тронули; а если бы знали, что онъ ксёнзъ, безъ сомнѣнія убили бы и его. На старосту Саноцкаго не нападали, видя, что у него много жолнеровъ, къ которымъ присоединились для надежнѣйшей обороны панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, панъ Корытко, панъ Вольскій. Русскіе не смѣли напасть на нихъ, и только одинъ дерзкій пустилъ изъ лука стрѣлу, которая пролетѣла надъ головою пана старосты и чуть не попала въ него. При томъ же квартира его была оберегаема отрядомъ стрѣльцовъ, поставленныхъ боярами. Панъ староста Луховскій, предугадавъ мятежъ, заранѣе ушелъ къ послу для совѣта, и тамъ спасся со многими другими.

Панъ Малогоскій, по человѣколюбію своему, принималъ въ свой домъ всѣхъ искавшихъ защиты его, содержалъ ихъ по минованіи мятежа на своемъ иждивеніи, и только вынужденный необходимостію, рѣшился выдать ихъ Русскимъ. Посольскій дворъ оставался въ покоѣ. Нападали и на пановъ Стадницкихъ, но безъ успѣха: мужественною обороною они принудили мятежниковъ удалиться. Смерти ихъ желали наиболѣе тѣ люди, которымъ они отворили, такъ сказать, двери темницы, которыхъ питали и одѣвали въ узахъ, и за все получили такую благодарность! Но Богъ спасъ ихъ.

Панья старостина Сохачевская при началѣ бунта заперлась на чердакѣ своего дома: ея не тронули; но все въ домѣ расхитили.

Въ другомъ домѣ отбивался отъ черни сынъ старосты Сохачевска- 1606.
го Павелъ Тарло съ паномъ Самуиломъ Баломъ. Русскіе, видя, что безъ большой потери не льзя одолѣть ихъ, обѣщали имъ съ клятвою безопасность. Балъ, повѣривъ клятвѣ, вышелъ изъ дома и отдалъ свое оружіе: его тотчасъ изрубили съ бывшими при немъ слугами. Тогда Тарло рѣшился защищаться до послѣдняго издыханія, и остался невредимъ. Подобнымъ же обманомъ выманили изъ дома пана Петра Домарадскаго и убили на улицѣ. Слуги его хотѣли было обороняться, но онъ самъ отобралъ у нихъ оружіе и заперъ его. Ихъ ограбили до чиста. Иванъ Голуховскій, королевскій дворянинъ, надѣялся укрыться отъ опасности въ царскомъ дворцѣ; но надежда его была тщетная: его схватили, растянули на крестъ, кололи ножами и наконецъ замучили.

Въ то же время убитъ панъ Есёновскій, бывшій въ Польшѣ приставомъ у Русскаго посла Аоанасія. Панъ Цековскій младшій погибъ въ своей квартирѣ; но Якубъ Бронёвскій, вмѣстѣ съ нимъ отражавшій чернь, спасся особеннымъ счастіемъ, или лучше сказать, Божіимъ промысломъ: онъ пустился бѣжать между толпами бунтовщиковъ и благополучно добрался самъ-четвертъ до квартиры пана воеводы.

Целарія, Краковскаго купца, убили, а товары его, состоявшіе изъ дорогихъ женскихъ уборовъ, расхитили. Другаго купца, Баптиста, оставили чуть жива. Сей послѣдній со временемъ выздоровѣлъ, но впалъ въ нищету, потерявъ великія суммы золота и серебра. Многіе другіе купцы лишились всего богатства, товаровъ и самой жизни. Оставшіеся въ живыхъ разорились, особливо тѣ, которые отпускали царю товары, и не успѣли получить за нихъ платы. Изъ царской роты убиты командиръ Стромыка самъ-десятъ и два брата Зверхлевскіе; сверхъ того изъ сей же роты пало, сказываютъ, до 30 челядинцевъ, бывшихъ съ лошадьми въ полѣ. Всѣхъ нашихъ погибло, по достовѣрному счету труповъ, до 500 человѣкъ;[138] Русскихъ легло вдвое болѣе.

Около полудня мятежъ затихъ; но чернь еще нѣсколько разъ

1606. нападала на Поляковъ съ свойственнымъ ей остервенѣніемъ. Ее подстрекали монахи и попы, которые, одѣвшись въ крестьянское платье, и сами были нашихъ и народу бить приказывали, говоря, что Литва хочетъ истребить православіе. Пагубныя внушенія были виною ужаснаго кровопролитія и безчисленныхъ бѣдствій. А у насъ и у пановъ нашихъ Богъ отнялъ разумъ, чтобъ мы не предусмотрѣли опасности. Если бы мы жили вмѣстѣ, въ квартирахъ близкихъ одна къ другой, Русскіе вѣрно не отважились бы напасть на насъ, ибо ничего не могли бы сдѣлать намъ, и нашихъ не погибло бы такое множество. Но видно такъ Богу было угодно! Утопая въ роскоши, мы едва не забыли Его, и получили возмездіе за свои беззаконія.

Цѣлый день полуобнаженные и разтерзанные трупы лежали на улицахъ; на другой день ихъ убрали, похоронивъ въ могилахъ за городомъ, или бросивъ въ болота, въ навозъ, въ рѣку. Слуги Польскихъ пановъ, разбѣжавшіеся во время бунта, были отысканы и отведены въ Земскій дворъ, гдѣ записывали ихъ имена и должности. Тѣ, которыхъ господа уцѣлѣли, были имъ возвращены; прочимъ отвели квартиры и дали содержаніе. Не имѣя почти ничего, кромѣ одѣхъ рубахъ, они подѣлились другъ съ другомъ остатками своей одежды.

Въ тотъ же день былъ у пана воеводы Аѳанасій посолъ; а за нимъ навѣстили его сенаторы Татищевъ и Голицынъ, главные предводители мятежниковъ: они старались утѣшить его. Воевода съ согласія бояръ былъ во дворцѣ у царицы, только самъ-четвертъ, и едва не лишился тамъ жизни: чернь, бродившая въ крѣпости, завидѣвъ воеводу, бросилась за нимъ; бояре велѣли было запереть двери, но уже поздно. Чернь была сильнѣе бояръ и не позволила исполнить приказанія. Должно замѣтить, что въ Московіи народъ всегда имѣетъ болѣе силы, чѣмъ сенатъ, особенно при избраніи царя и во время бунтовъ.

Воевода, навѣстивъ царицу, возвратился въ свой домъ, съ отчаяніемъ въ душѣ, между волнующимися толпами вооруженныхъ

мятежниковъ, которые глядѣли на него, какъ на чудо. На площа- 1606.
ди лежали изуродованные трупы, надъ которыми Русскіе, по свое-
му обычаю, въ теченіе трехъ дней ругались всякимъ образомъ:
бросали песокъ, плевали, рѣзали, пачкали дегтемъ съ безстыдны-
ми насмѣшками, къ вѣчному сраму своему. Туда приволокли и Ба-
сманова. Его сожгли вмѣстѣ съ другими. Сперва было похорони-
ли ихъ; но какъ вдругъ сдѣлался холодъ, подули сѣверные вѣтры
и надъ могилами черни увидѣла горящія свѣчи, то по совѣту мо-
наховъ и поповъ, тѣла вырыли и сожгли.[139] Замѣтили и другое
чудо: когда тащили трупы въ послѣдніе ворота, незапно поднялся
страшный вихрь и сорвалъ съ нихъ три щита, которые, упавъ на
землю невредимы, стали подлѣ дороги такъ точно, какъ они стоя-
ли на воротахъ.

ГЛАВА II.

Избраніе Шуйскаго. Перенесеніе мощей св. Димитрія въ Москву. Переговоры пословъ Польскихъ съ думными боярами. Рѣчь Мадагоскаго. Волненіе Москвы. Молва о спасеніи Димитрія. Вишневецкій сосланъ въ Кострому. Путешествіе Марины въ Ярославль. Прибытіе туда на житье. Бояринъ Салтыковъ. Слухи о Димитріи и о войнѣ съ нимъ Шуйскаго. Грамматы царя. Новая вѣсти о войнѣ междоусобной. Опасенія Поляковъ. Тягость неволи. Письмо капелана де-Мело о Димитріи. Слухи о Болотниковѣ и Лжепетрѣ. Прибытіе новыхъ пословъ Польскихъ въ Москву.

1606—1607.

29 мая избрали царемъ князя Василія Ивановича Шуйскаго: избирателями были весьма немногіе бояре и низшаго класса люди, которые, безъ дальняго совѣщанія съ государственными чинами, объявили въ народѣ о восшествіи его на престолъ. Новый царь не замедлилъ прислать къ воеводѣ увѣренія въ безопасности. Царица имѣла во дворцѣ все нужное; съѣстные припасы для ея стола доставляемы были въ кухню воеводы, потому, что она не могла ѣсть кушанья изъ дворцовой поварни.

31 мая, въ слѣдствіе разосланныхъ по всему государству извѣстій о избраніи Шуйскаго царемъ, Москвитяне начали съѣзжать-

1606. ся въ столицу для принесенія ему присяги. Жолнеры пана воеводы и пѣхота убіеннаго царя выведены изъ Москвы и отправлены къ границѣ. При воеводѣ приказано оставить только 230 человѣкъ. Всѣхъ же насъ, вмѣстѣ съ панскою и царицыною челядью, осталось въ Москвѣ до 300 человѣкъ.

2 іюня, царица перебралась въ квартиру воеводы, покинувъ во дворцѣ все, что было подарено царемъ ей и дамамъ ея. Утромъ 3 іюня прислали ей пустые сундуки, шкатулки и нѣсколько платья; уборы же драгоцѣнные, парядныя одежды, жемчугъ, лошади, повозки, задержаны. 9 іюня пригласили пана воеводу во дворецъ; онъ отправился самъ-десятъ и имѣлъ разговоръ съ думными боярами. Они долго спорили и жаловались другъ на друга. Бояре весь мятежъ и кровопролитіе приписывали воеводѣ, какъ главному виновнику пришествія въ Москву Димитрія, вѣроломнаго, по ихъ словамъ, обманщика; панъ же воевода оправдывалъ себя и доказывалъ свою невинность. Бояре отпустили его съ такими словами: «Господинъ воевода! Благодари Бога за чудесное спасеніе твое; безъ «Его благости не миновать бы и тебѣ того же, что было съ Раз«стригою.»

11 іюня день коронаціи новаго царя. Она совершилась безъ пышныхъ обрядовъ, въ присутствіи болѣе черни, нежели бояръ. 12 іюня ввезли въ Москву свѣжее, мертвое тѣло, и разгласили, что это трупъ Димитрія, убитаго за 20 предъ симъ лѣтъ по приказанію Бориса. 13 іюня поставили его съ великолѣпными обрядами въ церкви, гдѣ погребаются Московскіе цари. Между тѣмъ разнесся слухъ, что тѣло творило чудеса: въ слѣдствіе сего установили празднество и крестный ходъ съ колокольнымъ звономъ. Подкупленный мужикъ притворился слѣпымъ (какъ мы узнали) и, бывъ приведенъ къ гробу чудотворца, прозрѣлъ: что весьма естественно. Но хромые и больные не исцѣлялись. Крестные ходы и обманы ослѣпляли народъ только до слѣдующаго дня.[140]

23 іюня послы были у думныхъ бояръ. Москвитяне обвиняли его величество короля, рѣчь посполитую и пана воеводу въ нару-

шеніи всеобщаго спокойствія Московской державы и въ пролитіи 1606.
крови Россіянъ подъ Новымгородомъ (Сѣверскимъ). Панъ же Ма-
логоскій на всѣ упреки думныхъ бояръ отвѣчалъ слѣдующимъ об-
разомъ: «Извѣстно было и у насъ, въ Польшѣ, что по смерти ве-
«ликаго господаря вашего Ивана Васильевича, остался малолѣтній
«сынъ Димитрій, воспитывавшійся въ Угличѣ; потомъ разнесся
«слухъ, что Борисъ велѣлъ умертвить царевича, о чемъ мы, По-
«ляки, сердечно жалѣли по долгу христіанскому. Чрезъ нѣсколько
«лѣтъ явился у насъ тотъ, кого вы называли Лжедимитріемъ: въ
«доказательство своего царскаго рода, ссылаясь на тѣлесные зна-
«ки и другія примѣты, онъ разсказывалъ, какимъ чудеснымъ об-
«разомъ Богъ спасъ его отъ рукъ Борисовыхъ, какъ хитро и ко-
«варно этотъ измѣнникъ погубилъ великаго господаря Ѳедора Ива-
«новича вмѣстѣ съ сыномъ, котораго царь имѣлъ отъ сестры Бо-
«рисовой, какъ истреблялъ онъ знатнѣйшія Русскія поколѣнія и
«тиранствовалъ до того, что и вы, думные бояре, не знали, чѣмъ
«облегчить свою горькую участь. Въ жестокосердіи и коварствѣ
«Борисовомъ мы не сомнѣвались, ибо не только многіе Москвитя-
«не, но и вы, господа бояре, говаривали намъ о вѣроломномъ без-
«человѣчіи и дерзкомъ умыслѣ его на жизнь своего государя. Но
«ни его величество, всепресвѣтлѣйшій государь нашъ, ни народъ
«Польскій не вѣрили словамъ неизвѣстнаго странника и не обраща-
«ли на него никакого вниманія, пока не собралось къ нему изъ раз-
«ныхъ мѣстъ вашего государства нѣсколько десятковъ Москвитянъ,
«единогласно признавшихъ его Димитріемъ Ивановичемъ, истин-
«нымъ царевичемъ. Съ такими свидѣтелями онъ явился къ ко-
«ролю.

«Его величество, хотя и не былъ удостовѣренъ въ справедли-
«вости его дѣла, однакожъ не хотѣлъ болѣе сомнѣваться, зная все-
«могущество Божіихъ судебъ и помня изъ исторіи много примѣ-
«ровъ чуднаго спасенія царскихъ дѣтей отъ рукъ вѣроломныхъ
«честолюбцевъ. Его величеству также извѣстно было зложелатель-
«ство Бориса, который доказалъ къ нему свое недоброхотство дол-

1606. «говременною неволею Польскихъ пословъ и нарушеніемъ мир-
«ныхъ договоровъ: вопреки имъ, Борисъ велѣлъ своимъ поддан-
«нымъ нечаянно напасть въ королевствѣ нашемъ на принадлежащій
«Вишневецкимъ городъ Прилуки, гдѣ злодѣи умертвили до 300
«мирныхъ, безоружныхъ жителей, не давая пощады ни женщи-
«намъ, ни дѣтямъ. Приказавъ войску своему вступить въ нашу
«землю на восемь миль отъ границы, чтобы занять Велижскую
«область, онъ самъ былъ виною обоюднаго кровопролитія. Да и
«въ другихъ мѣстахъ пограничныхъ, Московитяне въ слѣдствіе ра-
«споряженій его, разбойничали и вредили нашимъ единоземцамъ
«такъ, что его королевское величество не имѣлъ покоя отъ жа-
«лобъ и слезъ своихъ подданныхъ; о чемъ ихъ высокомочія наши
«сенаторы переписывались съ вами, думными боярами. При столь
«явныхъ знакахъ Борисовой непріязни, его королевское величество
«не разсудилъ выдать Димитрія своему недоброжелателю и врагу
«рѣчи посполитой; а съ другой стороны не хотѣлъ объявить вамъ
«и войны за него: ибо, какъ христіанскій государь и добрый со-
«сѣдъ, онъ свято соблюдаетъ мирные договоры съ Московскою
«державою; посему предоставилъ все дѣло суду Божію, въ томъ
«предположеніи, что если Димитрій въ самомъ дѣлѣ истинный ца-
«ревичъ, чудеснымъ образомъ спасенный отъ смерти, то легко
«самъ, при помощи Всевышняго, получитъ престолъ своихъ пред-
«ковъ. Разсуждая такимъ образомъ, его величество не помогалъ
«ему своими войсками и не объявлялъ вамъ войны. Народъ же
«Польскій въ то время почиталъ Димитрія не царевичемъ, а бѣд-
«нымъ странникомъ, и нѣкоторые добрые люди дѣлали ему подая-
«ніе, Христа-ради, какъ и у васъ бываетъ. Только одинъ панъ вое-
«вода, человѣкъ сострадательный и добродушный, повѣривъ сло-
«вамъ его, и убѣжденный просьбою Русскихъ, согласился прово-
«дить его съ малочисленнымъ отрядомъ до Московскихъ предѣ-
«ловъ, гдѣ, какъ увѣряли приверженцы Димитрія, народъ встрѣ-
«титъ своего царевича еще за границею съ хлѣбомъ-солью и до-
«бровольно сдастъ ему Русскія крѣпости; въ противномъ же слу-

«чаѣ, панъ воевода Сендомирскій могъ воротиться отъ границы, 1606.
«чтобы не нарушить мирныхъ трактатовъ.

«И въ самомъ дѣлѣ, Москвитяне, свѣдавъ о приближеніи ца-
«ревича къ Русскимъ предѣламъ, спѣшили встрѣтить его съ хлѣ-
«бомъ-солью[1] еще въ Польскихъ владѣніяхъ; города же Моравскъ
«и Черниговъ сдались добровольно. Все увѣряло нашихъ, что онъ
«истинный царевичъ. Хотя послѣ того получены были письма отъ
«имени думныхъ бояръ къ сенаторамъ Литовскимъ и отъ имени
«Московскихъ святителей къ коронному духовенству; но какъ ок-
«ружавшіе Димитрія увѣряли, что эти письма присланы самимъ
«Борисомъ безъ вѣдома думныхъ бояръ и Московскаго духовен-
«ства, то его королевское величество и паны сенаторы, не помо-
«гая ни той, ни другой сторонѣ, смотрѣли издали на борьбу Ди-
«митрія съ Борисомъ и ожидали рѣшенія при Новѣгородѣ-Сѣвер-
«скомъ отъ справедливаго суда Божія. Когда же Борисъ чрезъ по-
«сла своего Огарева увѣдомилъ короля Польскаго, что мнимый Ди-
«митрій есть Отрепьевъ и упрекалъ Поляковъ въ нарушеніи мир-
«наго договора: его величество немедленно приказалъ послать къ
«воеводѣ и спутникамъ его, находившимся при Новѣгородѣ, стро-
«гое повелѣніе оставить сего человѣка и какъ можно скорѣе выѣ-
«хать изъ Московскихъ предѣловъ. Панъ воевода возвратился въ
«Польшу со всѣми людьми своими; онъ же, оставшись въ Россіи
«съ вашими Донскими и Запорожскими казаками и нѣкоторыми
«Русскими былъ признанъ законнымъ государемъ многими горо-
«дами, уже по удаленіи пана воеводы.

«Вскорѣ послѣдовала смерть Борисова: вы имѣли полную во-
«лю избрать себѣ государемъ, кого хотѣли. Король Польскій ожи-
«далъ, что, избавившись отъ Бориса, вы не пожелаете покорить-
«ся Самозванцу и дадите его величеству подробное о семъ дѣлѣ
«извѣстіе. Вмѣсто того, лучшее ваше войско, бывшее подъ Кро-
«мами, съ князьями, воеводами, знатными людьми и дворянствомъ,
«явилось къ Димитрію и признало его своимъ законнымъ госуда-
«ремъ. Еще онъ былъ далеко отъ Москвы, когда вы, думные боя-

1606. «ре, заключили въ темницу жену Борисову и сына его, а сами съ «знатнѣйшими вельможами, съ княземъ Шуйскимъ и другими, «добровольно отправились къ Димитрію въ Тулу, за 30 миль отъ «Москвы, присягнули ему въ вѣрности, какъ истинному государю, «проводили его въ столицу и короновали. Сами вы, чрезъ пословъ «своихъ и другихъ сановниковъ, пріѣзжавшихъ въ наше королев- «ство, доказывали намъ, сколь несправедливо думать, будто бы «народъ Польскій далъ вамъ государя. По вашему добровольному «избранію, Димитрій вступилъ на престолъ Московскій; съ ваше- «го согласія онъ прислалъ къ его королевскому величеству пись- «мо за Московскою печатью, чрезъ Аоанасія Власьева, природна- «го Русскаго, бывшаго прежде неоднократно посломъ отъ Бориса «Годунова при королѣ Польскомъ, при христіанскимъ цесарѣ и «при другихъ государяхъ: въ этомъ письмѣ Димитрій благодарилъ «его королевское величество за хлѣбъ-соль и за всѣ ласки народа «Польскаго; изъявлялъ особенное желаніе отъ имени Московской «державы заключить вѣчный дружественный союзъ съ рѣчью по- «сполитою и просилъ согласія его королевскаго величества на же- «ланіе свое вступить въ бракъ съ дочерью его свѣтлости воеводы «Сендомирскаго. Государь нашъ, не сомнѣваясь въ правахъ Димит- «рія на престолъ, засвидѣтельствованныхъ вами, господа бояре, «и надѣясь въ союзѣ съ Московскимъ господарствомъ найти твер- «дый оплотъ противъ враговъ св. Креста, изъявилъ свое согласіе «на бракъ Димитрія съ дочерью пана воеводы. Въ слѣдствіе сего «Аоанасій обручился съ нею именемъ своего государя. Были у «насъ и другіе ваши гонцы: всѣ они единогласно утверждали, что «Димитрій есть истинный царевичъ. Этотъ самый Аоанасій, так- «же и ваши гонцы неоднократно благодарили пана воеводу за пріи- «язнь къ нему въ землѣ Польской. Наконецъ панъ воевода отпра- «вился сюда съ своею дочерью, а его королевское величество по- «слалъ насъ, пословъ, для присутствованія на царской свадьбѣ и «для заключенія вѣчной дружбы между Россіею и Польшею. Мо- «сковскіе сенаторы, князь Василій Масальскій и Михайло Нагой,

«съ многочисленнымъ отрядомъ Русскаго войска, встрѣтили пана 1606.
«воеводу съ дочерью на границѣ и проводили ихъ до самой Мо-
«сквы. Вы же, думные бояре, еще за городомъ привѣтствовали ее,
«какъ свою государыню, и присягали ей въ вѣрности. Послѣ то-
«го съ вашего согласія, она была коронована патріархомъ и епис-
«копами по Славянскому обряду. Насъ, пословъ, встрѣтили ваши
«приставы, по обычаю, предъ Смоленскомъ и проводили до самой
«столицы. Тутъ мы исполнили долгъ посольства торжественно,
«имѣли съ вами совѣщанія о заключеніи договора, и ни отъ кого
«не слышали, чтобы царь вашъ былъ не истинный Димитрій. Да-
«же, когда нѣкоторые изъ нашихъ изъявили сомнѣніе о семъ пред-
«метѣ, вы, Русскіе, торжественнымъ свидѣтельствомъ уничтожили
«оное, и предъ всѣмъ свѣтомъ признали его своимъ законнымъ го-
«сударемъ.

«Теперь, забывъ свои свидѣтельства и присяги, вы сами себѣ
«противорѣчите, и несправедливо обвиняете его королевское вели-
«чество и нашу рѣчь посполитую; пеняйте сами на себя! О смер-
«ти его мы не споримъ, не имѣя причины объ немъ жалѣть. Вы
«сами видѣли, какъ онъ поступалъ съ нами обоими, какъ требо-
«валъ необыкновенныхъ цесарскихъ титуловъ, какъ оскорблялъ го-
«сударя нашего, запрещая называть его королемъ, какую изъяв-
«лялъ гордость и надмѣнность. Посему, для насъ весьма удиви-
«тельно, что вы, господа бояре, люди столь разумные, сами себѣ
«противорѣчите и безъ всякаго повода упрекаете государя наше-
«го, а того и видѣть не хотите, что человѣкъ, который называлъ
«себя Димитріемъ и котораго вы именуете Самозванцемъ, былъ
«вашъ Русской; что не наши единоземцы, а ваши признали его
«царевичемъ, встрѣтили за границею съ хлѣбомъ-солью, добро-
«вольно впустили въ свои города, проводили въ Москву, провоз-
«гласили государемъ, короновали, и сами же умертвили. Словомъ,
«Русскіе начали, Русскіе и кончили. И такъ вы не имѣете права
«ни упрекать, ни обвинять кого либо: все, что ни случилось, при-
«писывайте своимъ грѣхамъ и Божію гнѣву.

1606. «Не можемъ выразить своей горести, воспоминая о побіеніи «такого множества единоземцевъ нашихъ, которые не спорили съ «вами о семъ человѣкѣ, не поддерживали его своимъ оружіемъ, «не были хранителями жизни его, ввѣренной вашему попеченію, «и которыхъ вы убили, замучили, ограбили. Сами виновные въ «кровопролитіи, вы же и упрекаете насъ! Вмѣсто утѣшенія, вы «усиливаете печаль нашу. Если все сіе отдать на судъ злѣйшему «недругу нашего государя, короля, и отечества, рѣчи посполитой, «то нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній простолюдинъ обвинитъ васъ: «мы не нарушили трактатовъ. Убійство же братьевъ нашихъ, при- «писываемое вами черни, было, какъ намъ кажется, слѣдствіемъ «желанія вашего наказать виновныхъ. Впрочемъ мы не сомнѣвались «бы въ семъ извиненіи и согласились бы, что насъ постигло бѣд- «ствіе за наши грѣхи по волѣ Всевышняго, если бы вы какъ мож- «но скорѣе отпустили съ нами въ отечество его свѣтлость воеводу «Сендомирскаго, съ дочерью и другими особами, возвративъ имъ «людей и имущество: въ такомъ случаѣ мы стали бы ходатайство- «вать у короля о сохраненіи вѣчнаго мира; но какъ, вопреки пра- «вилъ христіанскихъ государей, даже вопреки обыкновеніямъ «бусурманскимъ, вы доселѣ насъ задерживаете, оскорбляя тѣмъ и «его королевское величество, и рѣчь посполитую, нашу Польскую «державу, и великое княжество Литовское; то очевидно, что не «черпь должна быть обвиняема, и что за кровь нашихъ братій бу- «детъ отвѣчать не она, а нынѣшній великій господарь вашъ, вмѣ- «стѣ съ вами, думные бояре. Миръ между Польшею и Россіею на- «рушенъ: Богъ отмститъ вамъ за наше бѣдствіе!»

Выслушавъ отвѣтъ, бояре не хотѣли долѣе спорить и только сказавъ: «вамъ, присланнымъ послами не къ нынѣшнему государ- «рю нашему, великому князю Василію Ивановичу, а къ Разстри- «гѣ, не для чего такъ много и вольно говорить», отпустили ихъ на квартиру.

25 іюня собралось нѣсколько тысячъ черни съ оружіемъ и камнями у Кремлевскихъ воротъ, на Лобномъ мѣстѣ, гдѣ царь

обыкновенно показывается народу. Мы не знали причины волненія. 1606.
Носился слухъ, что нѣкоторые бояре, безъ вѣдома царя и боярской думы, взволновали чернь, сказавъ, что царь велѣлъ побить остальную Литву. Самъ великій князь выходилъ къ народу и узнавъ, для чего онъ собрался, приказалъ ему разойтись по домамъ, а виновныхъ казнить. Мы безпокоились нѣсколько дней и цѣлыя ночи проводили безъ сна.

Съ 1 іюля стали доходить до насъ слухи, что Димитрій спасся отъ смерти: мы не вѣрили имъ. 8 іюля перевели пана воеводу съ царицею дочерью его и со всею прислугою изъ Борисова дома за крѣпостную стѣну въ домъ Аоанасія, сосланнаго, по смерти Димитрія, въ Сибирь. 15 іюля въ первый разъ допустили къ воеводѣ на нѣсколько часовъ старосту Сапоцкаго, брата царицына. 22 іюля и въ слѣдующіе дни, бояре, имѣвшіе болѣе власти, чѣмъ самъ царь, выѣзжали за городъ въ поле, и тамъ убѣждали народъ довершить истребленіе Поляковъ. Народъ не согласился: «Бейте ихъ «сами! Пусть и вамъ достанется то же, что нашему брату», говорила чернь. Бояре рѣшились разлучить насъ и дали намъ квартиры въ разныхъ мѣстахъ. Въ продолженіе сихъ дней мы находились въ великомъ страхѣ.

1 августа открылся въ столицѣ мятежъ, по случаю подкинутыхъ писемъ отъ имени Димитрія. Сначала ихъ не хотѣли читать; въ послѣдствіи созвали всѣхъ дьяковъ, чтобы сличить ихъ почеркъ съ письмами; однакожъ не могли открыть виновнаго. Между тѣмъ выслали изъ Москвы войско для усмиренія мятежей въ Путивлѣ и въ другихъ пограничныхъ городахъ. Носилась молва, что народъ толпами стекается то къ боярскому сыну Петрушкѣ, то къ Димитрію, то къ обоимъ вмѣстѣ, и присягаетъ имъ. По вѣстямъ, силою отправляли ратныхъ людей противъ мятежниковъ. Въ тотъ же день въ первый разъ дозволено князю Вишневецкому навѣстить пана воеводу.

2 августа разобрали мостъ у крѣпостныхъ воротъ и поставили много огнестрѣльныхъ орудій. 3 числа староста Краснопавскій

1606. былъ у пана воеводы довольно долго. 8 августа князь Вишневецкій со всею свитою своею, также съ слугами и жолнерами старосты Саноцкаго, высланъ изъ Москвы въ Кострому, за 54 мили отъ столицы; его везли на подводахъ; лошадей же ни ему, ни челядинцамъ его не возвратили. Староста Саноцкій съ 11 служителями присоединенъ къ отцу, воеводѣ Сендомирскому. 10 августа хоронжій Перемышльскій Тарло былъ у воеводы.

Царь ѣздилъ за городъ въ монастырь на богомолье, и тамъ ночевалъ; а въ слѣдующій день, по случаю празднества Преображенія Господня, купался въ рѣкѣ. По Русскому обычаю, каждый обязанъ въ сей день купаться, въ воспоминаніе креста Искупителева. Въ монастырѣ царь угощалъ бояръ и провожавшихъ его стрѣльцовъ до тысячи человѣкъ. Онъ возвратился верхомъ; за нимъ ѣхала карета въ 6 лошадей, которыхъ вели за поводья. 14 августа высланы изъ Москвы въ Ростовъ за 35 миль оба пана Стадницкіе Мартынъ и Андрей, панъ Нѣмоевскій, подстолій коронный, паны Вольскій и Корытко. Изъ Ростова ихъ скоро перевели въ другой городъ.

16 августа, близъ дома пана воеводы сгорѣли три кузницы. Мы чрезвычайно встревожились, подозрѣвая въ пожарѣ злой умыселъ. 17 числа староста Саноцкій, братъ царицы, съ остальною свитою присоединенъ къ воеводѣ. 18, панъ Тарло съ женою сосланъ въ Тверь, укрѣпленный городъ, за 40 миль отъ столицы. Туда же вмѣстѣ съ нимъ отправлены панья старостина Сохачевская съ сыномъ и панья Гербуртова. 20 числа въ городскихъ лавкахъ загорѣлся порохъ; три каменныя лавки и нѣсколько деревянныхъ разрушены; до 40 человѣкъ убито; до ста тяжело ранено. Громъ взрыва перепугалъ царя. Онъ велѣлъ запереть крѣпость: въ сей день была въ Москвѣ тревога, по случаю извѣстія, что войско Шуйскаго проиграло сраженіе, а Димитрій, спасшійся отъ смерти, окруженъ сильною, преданною ему ратью. Тогда же приказано пану воеводѣ готовиться къ отъѣзду въ Ярославль, за 42 мили отъ Москвы, съ царицею дочерью его, съ паномъ старостою

Краснославскимъ и сыномъ его, съ старостами Луковскимъ и 1606.
Сапоцкимъ. Для путешествія возвратили имъ нѣсколько цуговъ худыхъ лошадей; изъ верховыхъ же и лучшихъ не дано ни одной. И такъ царь измѣнилъ своему слову не тревожить пана воеводу, по слабости его здоровья.

26 августа, приготовляясь къ выѣзду, мы пересмотрѣли всѣ вещи по реэстру, составленному послѣ мятежа, и внесли въ него имена всѣхъ господъ и служителей ихъ. Сверхъ того записали 58 шляхтичей и купцовъ, забранныхъ во время бунта въ такъ называемомъ Глинскомъ дворѣ. Къ нимъ прибавили еще, по просьбѣ воеводы, съ согласія царя, Запорскаго и Дворжицкаго. Всѣхъ насъ было, не исключая благородныхъ женщинъ и царицыныхъ фрейлинъ, 375 человѣкъ. Насъ отправили того же дня подъ вечеръ, при 300 стрѣльцахъ.

За милю отъ Москвы, или по Русскому счету въ 5 верстахъ, мы ночевали на берегу Яузы въ селѣ Растокинѣ. 27 августа доѣхали до села Здвиженскаго въ 9 миляхъ отъ ночлега. Ночью сгорѣла въ Москвѣ часть Борисова дома, гдѣ стоялъ панъ воевода, съ монастырскимъ дворомъ и ближайшею церковью. Въ двухъ миляхъ отъ села Здвиженскаго находится каменный монастырь св. Троицы на весьма веселомъ мѣстѣ; тамъ работаютъ корневыя чашки и ковши. 28 числа ночлегъ въ Дубнахъ. Здѣсь мы слышали разныя вѣсти о Димитріи, большею частію невѣроятныя. 29 числа ночлегъ въ селѣ Глѣбовскомъ, въ 7 миляхъ отъ Дубнъ. Въ сей день обогнала насъ подвода, на которой весьма поспѣшно везли въ Переславскую тюрьму Донскаго казака, пойманнаго изъ войска мятежниковъ. Одному изъ нашихъ удалось поговорить съ нимъ: казакъ увѣрялъ, что Димитрій точно живъ. 30 августа ночлегъ въ Переславлѣ, въ 7 миляхъ отъ Глѣбовскаго. Тутъ, въ квартирѣ царицы, схватили старуху, которая, облупивъ лягушку, начала было что-то проказничать: ее подстерегли заблаговременно. 31, ночлегъ въ Петровскомъ селѣ, за 8 миль. Стрѣльцы зарѣзали одного изъ своихъ товарищей. Отъ Петровскаго до Ростова 4

1606. мили. Тамъ заключены паны Стадницкіе. Мы проѣзжали чрезъ городъ, но не могли видѣться съ ними.

1 сентября, переправясь чрезъ рѣку Усье, мы ночевали въ селѣ Задовицѣ, въ 28 верстахъ отъ Ростова. 2 сентября господа имѣли ночлегъ въ селѣ Сыдосковѣ, на берегу Которосли; а половина слугъ и челяди остановилась за рѣкою, въ селѣ Кузминскомъ. Въ воскресенье по утру всѣ снова соединились и молились Богу. Отъ Сыдоскова до Кузминскаго 6 миль. 3 числа, проѣхавъ три мили, мы ночевали въ предмѣстіи Ярославля, называемомъ слободою: въ городъ не хотѣли насъ везти того же дня. Отъ Москвы до Ярославля всего 213 верстъ, а по нашему счету 42 мили. Дорога почти вездѣ ровная. Въ сей день провезли чрезъ Ярославль боярина Ивана Томалчана въ Сибирь на каторгу, въ наказаніе за совѣтъ его развѣдать, живъ ли Димитрій, что бы въ такомъ случаѣ, не губя народа, вручить ему снова государство. [141] Съ нимъ везли изъ Москвы какого-то Семенка Бѣлька Ватамана, Донскаго казака и другихъ. Ни одному изъ нашихъ нельзя было къ нимъ подойти и поговорить: Русскіе никого не допускали. 4 числа мы переправились чрезъ рѣку Которосль.

Для господъ нашихъ назначено четыре двора; три вмѣстѣ и одинъ отдѣльный. Въ одномъ остановился панъ воевода съ нѣкоторыми служителями; другой подлѣ него заняла царица съ камерфрейлинами; въ третьемъ, насупротивъ, помѣстились старосты Луховскій и Саноцкій, въ четвертомъ отдѣльномъ староста Краснославскій съ сыномъ своимъ и прислугою. Для свиты отвели квартиры, недалеко отъ господскихъ дворовъ. Дорогою мы получали самое скудное содержаніе; лошадямъ же корма не отпускалось. Въ Ярославлѣ есть крѣпость довольно обширная, но слабая. Каменныхъ зданій нѣтъ, кромѣ одного монастыря, обнесеннаго каменною же стѣною. Замокъ сгнилъ; ограда его обвалилась. Стоитъ онъ при впаденіи Которосли въ великую рѣку Волгу. Крѣпость обнесена низкимъ валомъ, за которымъ мы остановились.

7 числа въ полночь открылся пожаръ въ царицыномъ покоѣ

отъ новой печки, которую отапливали. Пламя уже пробивало. Мы 1606.
были въ ужасѣ и великомъ смятеніи. Ударили тревогу. Русскіе сбѣжались тушить. Если бы стрѣльцы не упяли ихъ, не знаю, чѣмъ бы кончилась суматоха. Принужденные защищаться и отъ нихъ и отъ огня, мы намѣревались бросить свои вещи, и спасали одно оружіе, чтобы дорого продать свою жизнь. Къ счастію вскорѣ огонь загасили. 9 числа отобрали у насъ лошадей для выгона на паству. Господа желали сами содержать ихъ, но не получили на то дозволенія. Впрочемъ намъ оставлено нѣсколько десятковъ. 13 числа насъ привели въ ужасъ, сказавъ, что царь повелѣлъ умертвить всѣхъ оставшихся въ Россіи Поляковъ, по случаю вторженія Польскаго войска въ Московскіе предѣлы. Но молва была столь же неосновательна, какъ и толки о Димитріи. 17 числа воевода получилъ извѣстіе, что за Ельцомъ войско Шуйскаго, въ числѣ пяти тысячъ, разбито на-голову. [142]

18 числа въ полночь былъ пожаръ недалеко отъ нашихъ квартиръ: сгорѣло 12 домовъ. 21, пріѣхалъ изъ Москвы, съ нѣсколькими сотнями стрѣльцовъ, думный боярпнъ Михайло Михайловичъ Салтыковъ, тотъ самый, котораго при Новгородкѣ привели къ покойному царю и пану воеводѣ на веревкѣ, привязанной къ бородѣ его. Пріѣздъ такого гостя, и притомъ вечернею порою, чрезвычайно встревожилъ насъ. Мы тѣмъ болѣе робѣли, что скорѣе ожидали зла, чѣмъ добра. Даже нѣкоторые изъ жителей Ярославля оплакивали нашу участь и совѣтовали быть осторожными, говоря, что завтре вѣрно нападутъ на насъ. Мы не спали всю ночь; поручили себя покровительству Божію, и съ горячими слезами возсылая къ нему мольбы о спасеніи, съ ужасомъ ожидали наступленія дня.

23 марта. [143] Все утро мы были между страхомъ и надеждою. 1607.
Боярпнъ Салтыковъ велѣлъ объявить намъ, что, пріѣхавъ нарочно по царскому дѣлу, онъ желаетъ видѣться съ паномъ воеводою; почему и проситъ его пожаловать съ своими пріятелями безъ слугъ къ нему на квартиру, въ городъ. Услышавъ это, мы еще

1607. болѣе оробѣли, опасаясь, что Салтыковъ, заручивъ господъ нашихъ, нападетъ на насъ, или другимъ коварствомъ ускоритъ нашу погибель. Долго разсуждали мы, на что рѣшиться: ѣхать или нѣтъ? Наконецъ, по зрѣломъ размышленіи, панъ воевода, поручивъ себя волѣ Божіей, отправился съ панами старостами Краснославскимъ и Луховскимъ, съ нѣсколькими слугами пѣшими и съ двумя конными на хорошихъ лошадяхъ, для предосторожности въ случаѣ опасности. Панъ староста Саноцкій остался при царицѣ. Всѣ служители были готовы стать подъ ружье.

Боярин принялъ нашихъ пановъ ласково, воеводу спрашивалъ царскимъ именемъ о здоровьи, и объявивъ ему, съ обыкновеннымъ исчисленіемъ царскихъ титуловъ, великокняжескую милость, сказалъ: «Посолъ великаго государя моего князь Григорій Волконскій «возвратился изъ Ляцкой земли съ желаннымъ успѣхомъ; мы со «дня на день ожидаемъ пріѣзда Польскаго посла князя Богдана «Огинскаго съ добрыми вѣстями. Какъ скоро онъ пріѣдетъ и дѣла, «разстроенныя Самозванцемъ, приведены будутъ въ порядокъ, царь «немедленно отпуститъ тебя со всѣми единоземцами изъ своихъ «владѣній. А какъ Польскій король весьма скучаетъ безъ тебя и «безпокоится о твоемъ здоровьи; то царь, жалуя васъ своею ми«лостію, дозволяетъ тебѣ отправить въ Польшу 70 человѣкъ слу«жителей съ паномъ старостою Краснославскимъ и со всѣми на«ходящимися при васъ купцами, чтобы они возвѣстили въ Польшѣ «о добромъ вашемъ здоровьи».

26 марта Салтыковъ донесъ царю о повиновеніи пана воеводы. Приставы наши доселѣ представляли все въ превратномъ видѣ: писали о нашихъ насильственныхъ поступкахъ, о ссорахъ и дракахъ съ стрѣльцами, о намѣреніи отдать непріятелямъ городъ, которымъ мы будто бы завладѣли и управляли цѣлый день. Писали и о другихъ важнѣйшихъ нелѣпостяхъ; въ слѣдствіе чего такъ поспѣшно присланъ изъ Москвы бояринъ Салтыковъ, чтобы усмирить насъ. Граждане Ярославскіе единогласно засвидѣтельствовали, что мы жили мирно и спокойно, и что сами приставы

обижали какъ пасъ, такъ и гражданъ, насплуя женъ и дѣвицъ. 1607.
Выслушавъ показаніе свидѣтелей, Салтыковъ обо всемъ донесъ царю. Нѣкоторые говорили, что онъ присланъ защищать городъ и крѣпость, и поджидалъ нужное для того войско. Въ самомъ дѣлѣ, по его приказанію, съѣхались всѣ окружные бояре; пушки были приготовлены; народу роздано нѣсколько тысячъ рогатинъ, взятыхъ изъ монастыря.

26 числа отправили нашихъ въ дорогу, но въ Польшу ли, мы не знаемъ. Изъ свиты пана воеводы взято 37 служителей. Трое шляхтичей желали участвовать въ путешествіи, но ихъ не приняли, хотя многіе изъ дворянъ согласились бы назваться холопами, чтобы только вырваться изъ неволи. Изъ свиты пана Краснославскаго отправлено 18 слугъ и 9 купцовъ; всего 64 человѣка. Имъ возвратили лошадей, отобранныхъ въ Ярославлѣ; но все, что взято въ Москвѣ, не отдано; не вознаграждены также убытки, особливо тѣхъ купцовъ, которые отпустили Димитрію на нѣсколько сотъ тысячъ женскихъ уборовъ, не получивъ за нихъ платы. Простившись съ нами, они заѣхали въ городъ къ боярину Салтыкову, который напоилъ ихъ до-пьяна виномъ и медомъ, и давъ каждому по рублю, приказалъ везти ихъ въ столицу.

Чрезъ нѣсколько дней, мы тайно получили отъ нихъ письмо изъ Троицкаго монастыря, въ 12 миляхъ отъ Москвы, слѣдующаго содержанія: «Если вы здоровы, слава Богу. Мы всѣ здоровы. «Ожидаемъ васъ въ монастырѣ св. Троицы. Свѣтлѣйшій панъ «воевода только съ немногими пріѣдетъ въ Москву. У насъ довольно «добрыхъ вѣстей: Татары Крымскіе и Казанскіе ведутъ войну; «есть вѣрная надежда, что мы не погибнемъ». Это письмо чрезвычайно обрадовало насъ; но какъ при всемъ томъ ничего добраго мы не видали, то и радость наша скоро исчезла.

27 марта Салтыковъ приглашалъ пана воеводу къ себѣ на квартиру: его свѣтлость не поѣхалъ, отговорившись тѣмъ, что принимаетъ лекарство. Боярин чрезъ приставовъ объявилъ ему царскую волю, перевезти въ другой городъ людей Глиньскихъ, т. е.

1607. всѣхъ, ставшихъ на Татарскомъ дворѣ. Поводомъ къ этому распоряженію, говорили приставы, была трудность доставать съѣстные припасы для такого множества Поляковъ. Панъ воевода, съ нашего согласія, безъ прекословія исполнилъ приказаніе боярина. Русскіе могли теперь воспользоваться нашимъ неосновательнымъ легкомысліемъ и нѣсколькими сотнями одолѣть насъ. Сего же числа въ 4 часу ночи былъ пожаръ въ нашей квартирѣ отъ неосторожности мальчика, забывшаго погасить на стѣнѣ свѣчу. Сгорѣла изба съ сѣнями: два товарища едва успѣли выскочить. Опасность была большая: рядомъ съ горѣвшею избою находилась тѣсная квартира пана старосты Красноставскаго. Но Богъ спасъ насъ: огонь не распространился.

29 марта мы получили отъ своихъ извѣстіе, что панъ воевода съ старостами Красноставскимъ и Луховскимъ долженъ будетъ ѣхать въ Москву для переговоровъ; а другіе Поляки останутся въ Ярославлѣ съ царицею. Въ слѣдующіе дни мы много безпокоились: носились разные слухи. Одни утѣшали насъ скорою свободою; а другіе говорили, что насъ ожидаетъ ужаснѣйшая неволя. Мы тѣмъ болѣе горевали, что отданъ былъ приказъ везти нашихъ въ другіе города. Мало того: намъ дали знать, что Москва по случаю жестокой войны находится въ великомъ смятеніи и что единоземцы наши, которыхъ обѣщали отправить въ Польшу, задержаны въ столицѣ. 1 апрѣля 1607 года вывезли изъ Ярославля въ Вологду за 20 миль Дворжицкаго съ товарищемъ его и со всѣми людьми, бывшими подъ начальствомъ его, числомъ 37 человѣкъ. Панъ Комаровскій и Владиславъ Мутына оставлены при воеводѣ, по просьбѣ его, съ однимъ пахоликомъ, однимъ товарищемъ и съ нѣсколькими слугами.

Въ сей день мы узнали, что какіе-то люди идутъ на Ярославль. Городъ спѣшили привести въ оборонительное положеніе, разставили пушки; множество бояръ [144] съѣхалось для защиты его. Такая предосторожность продолжалась около недѣли; потомъ всѣ опять разъѣхались. 6 апрѣля заплачены пану воеводѣ издержанные

имъ на съѣстные припасы, въ 22 дня, 278 злотыхъ и 2 гроша, 1607.
да на пиво 470 и вино 17 ведеръ. Панамъ старостамъ уплачено особенно по ихъ счетамъ. Сегодня мы переписали всѣхъ людей, оставшихся при насъ и сосланныхъ въ другіе города.

12 апрѣля утромъ была большая пальба, для исполненія по словамъ Русскихъ, обрядовъ вѣры. Это случилось въ великій четвертокъ. Такая же пальба происходила за 4 дня предъ тѣмъ въ праздникъ Благовѣщенія пресвятой Дѣвы, по Русскому календарю. Николай Салтыковъ [145] выѣхалъ на Пасху въ деревню. 13 апрѣля взяли отъ насъ пристава Романа, а на мѣсто его опредѣлили Аоанасія Малекеховича. 15 апрѣля была Пасха Христова; праздновали ее не блистательно. Вмѣсто куличей мы ѣли хлѣбъ, а другимъ и хлѣба недосталось. По крайней мѣрѣ мы были спокойны, не слыша никакихъ вѣстей. 18 апрѣля пришло изъ Корели 150 стрѣльцовъ на смѣну тѣхъ, которые стерегли насъ. Бѣжавшіе изъ нихъ сѣчены кнутомъ. Съ перемѣною стрѣльцовъ исчезла надежда наша на скорую свободу, тѣмъ болѣе, что намѣревались вырвать изъ насъ еще нѣсколькихъ и сослать въ другіе города. Михайло Салтыковъ возвратился изъ деревни въ Ярославль. 25 апрѣля вскрылись рѣки Волга и Которосль. Невозможность переправы лишила насъ живности: намъ давали только дурную солонину. Сначала мы не хотѣли употреблять ее; но голодъ скоро наскучилъ, и мы брали, что намъ давали. Кармапы наши опустѣли; у пановъ было серебро; но что въ немъ, когда запрещали продавать его! Можно было сбывать только тайно, съ опасностію для покупщиковъ: у нихъ отнимали наше серебро. Наконецъ вода спала: намъ снова стали давать свѣжую говядину и баранину.

Около 30 апрѣля наступила чрезвычайно холодная погода, какъ обыкновенно случается въ сихъ странахъ. Лишь только сойдетъ снѣгъ, тотчасъ лѣто. Въ день св. Юрья Русскаго, солнце такъ жжетъ, какъ у насъ въ іюнѣ. Однакожъ лѣтомъ гораздо несноснѣе стужа, чѣмъ зной. Если поднимется облако отъ Ледовитаго моря, настаетъ жестокій холодъ; если пригрѣетъ солнце,

1607. бываетъ чрезмѣрный жаръ. При перемѣнной погодѣ настоящая осень. Лѣто и весна слишкомъ кратки. Зима становится рано; продолжается съ великими морозами. Отъ начала до конца ея можно въ волю накататься въ саняхъ.

4 мая бояринъ Салтыковъ велѣлъ собраться городской судебной избѣ, куда привели нѣсколько лазутчиковъ. Мы не могли узнать, какимъ образомъ и гдѣ поймали ихъ. Сего же числа мы видѣли въ городѣ нѣсколько стройныхъ Поляковъ, вѣроятно изъ числа тѣхъ, которые передались на сторону царскую. Тутъ былъ нѣкто Садовскій, камердинеръ и писарь пана Криковскаго. Бѣжавъ изъ Польши, онъ долго скитался по разнымъ странамъ; въ послѣдствіи пріѣхалъ съ паномъ Стадницкимъ въ Россію, надѣлалъ ему много непріятностей, какъ намъ сказывали, и остался въ Ростовѣ, гдѣ видѣли его тѣ изъ нашихъ товарищей, которые ушли зимою въ Ростовъ и были тамъ пойманы.

8 числа, въ день св. Станислава вечеромъ, одинъ изъ нашихъ, вѣрно съ умысломъ, выстрѣлилъ въ конюшнѣ изъ ружья и чуть не утеръ пулею носа Русскому стрѣльцу; другаго стрѣльца ударилъ въ рожу кучеръ пана старосты Луховскаго. Такія проказы не имѣли дурныхъ слѣдствій. 12 числа былъ ровно годъ несчастному въѣзду царицы въ Москву. 17 числа мы были на молитвѣ 40 часовъ, прося у Бога свободы. Русскіе очень дивились, какъ мы всѣ вмѣстѣ бичевали себя цѣлую ночь, возглашая дражайшія имена: *Езусъ! Маріа!* До насъ дошли слухи, что сторона Шуйскаго, проигравъ сраженіе, ослабѣла. 18 мая было днемъ коронованія царицы, а 19 днемъ ея свадьбы. Въ прошломъ году сего числа была пятница, а въ нынѣшнемъ суббота. 24 мая въ день Вознесенія Христова вся Москва волновалась; поминутно высылали свѣжія войска. Съ 27 мая, въ продолженіе нѣсколькихъ дней, бояре и другіе люди въ великомъ множествѣ проѣзжали чрезъ Ярославль: въ городѣ нашемъ была тревога. Стража, стоявшая у перевоза, отводила проѣзжающихъ другою стороною вала, чтобъ мы ни съ кѣмъ не могли видѣться.

3 іюня, по милости Всевышняго, наступили праздники, кото- 1607.
рые мы провели спокойно и весело, хваля Бога. 4 числа утромъ получено извѣстіе, что въ послѣднихъ числахъ мая изъ войска Шуйскаго до 14.000 человѣкъ пало на сраженіи. [146] Какъ въ семъ дѣлѣ, такъ и въ другихъ съ обѣихъ сторонъ было великое кровопролитіе. По наступленіи зимы сосчитали войско и нашли, что съ той и другой стороны побито до 40.000. Столь бѣдственныя слѣдствія междоусобной брани привели всю Москву въ волненіе, такъ что самъ Шуйскій долженъ былъ выступить противъ непріятеля. Бояре и другіе служивые люди отвсюду писали въ Москву, чтобъ правительство спѣшило успокоить государство. Они присылали письма съ гонцами, которые здѣсь ѣздятъ весьма быстро, перебѣгая по 50 миль въ сутки. Скоро пронесся слухъ, что или царя изберутъ новаго, или всѣми силами ударятъ на непріятеля.

10 іюня намъ позволено продать лошадей и оружіе, въ коемъ Русскіе нуждались. Нѣкоторыхъ лошадей мы продали, а оружія не выпускали изъ рукъ, не довѣряя Русскимъ. 15 числа два Нѣмца, Богъ вѣсть откуда взявшіеся, проходя мимо нашего дома, тихо говорили намъ, что Димитрій точно живъ. 19, Шуйскій прислалъ въ Ярославль указъ съ повелѣніемъ отправить на войну опредѣленное число соховняковъ, по нашему присяжныхъ. [147] Выслушавъ указъ, они съ ропотомъ говорили, что безъ Шуйскаго не было бы такого кровопролитія. 20, получено извѣстіе, что Шуйскій опять потерялъ 6000 человѣкъ въ сраженіи. Стали поговаривать о Димитріи и желать ему успѣха; приставы обходились съ нами гораздо ласковѣе прежняго; мы впрочемъ и вѣрили и не вѣрили разсѣяваемымъ слухамъ.

24 іюня въ день св. Іоанна уже въ сумерки встревожили насъ извѣстіемъ о прибытіи къ Ярославлю князя Голицына съ отрядомъ войска. Голицынъ, одинъ изъ числа знатнѣйшихъ вельможъ Московскихъ, былъ тотъ самый, который въ Москвѣ во время бунта навѣстилъ пана воеводу. Съ нимъ дѣйствительно было

1607. нѣсколько сотъ человѣкъ, которыхъ наши видали въ продолженіе немногихъ дней: скоро они ушли опять къ Москвѣ. Наши опасенія исчезли; молва замолкла, и намъ сказано, что мы будемъ отправлены въ Польшу по первой зимней дорогѣ. Мы не очень обрадовались сему извѣстію, имѣя причины бояться зимы: большая часть насъ обнищала.

3 іюля пришли вѣсти несогласныя съ прежними. Шуйскій писалъ къ жителямъ Ярославля о совершенномъ пораженіи измѣнниковъ, изъ коихъ, по словамъ его, 5000 взято въ плѣнъ, вмѣстѣ съ гетманомъ ихъ Болотниковымъ. Многіе считали извѣстіе ложнымъ. Впрочемъ дѣйствительно было жестокое сраженіе, которое продолжалось день и ночь. (Надобно замѣтить, что въ Россіи лѣтнею порою ночь бываетъ не долѣе 4 часовъ, и заря не гаснетъ). 29 іюня было новое сраженіе, въ которомъ также легло не мало людей съ обѣихъ сторонъ. Потеря Шуйскаго была особенно значительна, простираясь, какъ сказывали намъ, до 25.000 человѣкъ. Самъ Шуйскій въ то время находился въ Серпуховѣ. О Димитріи говорили, что онъ живъ и съ великимъ войскомъ идетъ на соединеніе съ Болотниковымъ. Было много и другихъ вѣстей, которыя однакожъ не заслуживали никакого вѣроятія.

9 іюля возвратился стрѣлецъ, котораго посылали отъ себя приставленные къ намъ стрѣльцы. Онъ сказывалъ намъ, что Димитрій дѣйствительно живъ и съ многочисленнымъ войскомъ идетъ на Шуйскаго, который съ своей стороны собралъ страшную силу, оставивъ въ Москвѣ съ роднымъ братомъ своимъ Дмитріемъ весьма немного людей военныхъ. Другіе, напротивъ того, утверждали, что царь возвратился въ Москву, расположивъ свое войско на берегахъ Оки. Вѣсти смѣнялись вѣстями и такъ рѣдко сбывались, что мы перестали имъ вѣрить. Извѣстіе, будто Шуйскій возвратился въ Москву, было совершенно ложно. 10 іюля мы узнали, что товарищей нашихъ, Дворжицкаго и другихъ, сосланныхъ въ Вологду, стерегутъ весьма строго, а скудное содержаніе ихъ уменьшили до половины, за открывшееся намѣреніе ихъ

бѣжать тайнымъ образомъ. Они поговаривали о томъ, находясь 1607.
еще съ нами.

12 іюля Испанскій монахъ, ордена св. Августина, Николай де-Мело, тайно доставилъ намъ письма для врученія пану воеводѣ. Этотъ монахъ слишкомъ 20 лѣтъ былъ проповѣдникомъ Божіяго слова въ Восточной Индіи, а въ послѣдствіи начальникомъ всѣхъ находящихся тамъ миссіонеровъ. Возвращаясь оттуда по приказанію папы и короля Испанскаго, онъ заѣхалъ къ шаху Персидскому: былъ хорошо принятъ и взялъ отъ шаха письма къ отцу папѣ и королю Испанскому. Какъ военныя безпокойства не дозволили ему отправиться изъ Персіи моремъ, то онъ рѣшился ѣхать чрезъ Россію, имѣя паспорты отъ шаха и другихъ государей. Это случилось еще въ царствованіе Бориса Годунова. Русскіе, постоянные враги Римской религіи и проповѣдниковъ ея, увидѣвъ изъ писемъ, отобранныхъ у Николая де-Мело, сколь преданъ шахъ вѣрѣ католической, и опасаясь, чтобы такой сильный государь не принялъ ея и не распространилъ во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, заключили монаха въ тяжкія оковы и сослали въ городъ Соловки. По смерти Борисовой, Димитрій, узнавъ о благочестивомъ мужѣ, приказалъ немедленно освободить его и привезти въ Москву, намѣреваясь дать ему порученіе къ королю Испанскому. Монахъ уже былъ въ дорогѣ, когда послѣдовалъ несчастный переворотъ. Возвращенный по приказанію Шуйскаго въ Москву, онъ объяснилъ свое дѣло чрезъ Англійскаго переводчика царю и думнымъ боярамъ. Объясненіе кончилось тѣмъ, что царь, по старанію живущихъ въ Москвѣ Англичанъ, главныхъ враговъ католической вѣры и народа Испанскаго, приказалъ снова заключить его въ оковы и сослать въ Борисовъ монастырь, въ трехъ миляхъ отъ Ростова. Отсюда прислалъ онъ къ пану воеводѣ пространное письмо на Французскомъ языкѣ, въ которомъ описавъ свое горестное положеніе, свидѣтельствовалъ предъ всѣмъ свѣтомъ о своихъ трудахъ для пользы католической вѣры въ Америкѣ, въ Индіи, въ Персіи, и просилъ пана воеводу, по возвращеніи въ отечество, извѣстить

1607. короля Испанскаго чрезъ папу, сколь важны могли быть слѣдствія его трудовъ для религіи. Доказательствомъ доброй души этого монаха служитъ заботливость объ освобожденіи молодаго Индѣйца, знатной и богатой фамиліи, который поѣхалъ съ нимъ къ Испанскому двору и попалъ въ ту же петлю. Въ благочестіи же его свидѣтельствуетъ непоколебимость въ вѣрѣ, среди всѣхъ мученій, которыми Русскіе старались принудить его къ отреченію отъ религіи Католической и къ принятію своихъ вздоровъ. [148] Вмѣстѣ съ письмомъ доставлена записка изъ Ростова отъ пана Андрея Стадницкаго, который увѣдомлялъ о возникшихъ въ Польшѣ раздорахъ между королемъ и панами. Эта вѣсть увеличила нашу грусть.

30 іюля найдены въ городѣ подкинутыя письма, съ увѣщаніемъ народу отъ имени войска не печалиться, а ожидать вскорѣ новаго царя и съ нимъ спокойствія. Подозрѣваемый въ семъ поступкѣ холопъ былъ замученъ. 14 числа присоединилось къ Шуйскому до 700 всадниковъ съ луками: это такіе рыцари, что полсотня отважныхъ гусаръ разсѣетъ въ прахъ весь отрядъ ихъ. 15 числа приставы навѣстили пана воеводу и между прочимъ сказывали о набожномъ путешествіи царя въ разные монастыри. Съ другой же стороны было слышно, что жители Серпухова, наскучивъ пребываніемъ Шуйскаго, зажгли нарочно городъ, и какъ во время пожара кромѣ другихъ вещей сгорѣло до 70 палатокъ, то Шуйскій принужденъ былъ выступить изъ Серпухова.

17 іюля панъ Янъ Березанскій, камеръ-юнкеръ воеводы, утонулъ, купаясь въ рѣкѣ Которослѣ (намъ дозволяли купаться, подъ надзоромъ приставовъ): увлеченный быстротою воды на глубокое мѣсто, онъ поглощенъ волнами. Смерть его надѣлала много шума между приставами. Трупъ похоронили за городомъ вмѣстѣ съ тѣми Поляками, которые, наскучивъ долговременною неволею, бросались въ Волгу. Березанскій погибъ случайно; другой же Полякъ, слуга одного пана изъ числа бѣжавшихъ зимою, находясь подъ строгимъ карауломъ, никого изъ насъ не допускавшимъ къ

нему, принужденъ былъ умереть частію съ тоски, частію отъ 1607.
неимовѣрно скуднаго содержанія. Въ тотъ же день утонули двое Русскихъ. А между нашею братьею одинъ товарищъ перешибъ другому ногу саблею, въ шутку. 23 числа Михаилъ Венгерецъ спустился въ окно и бѣжалъ къ прежнему своему хозяину. Приставы были въ большихъ хлопотахъ, тщательно искали бѣглеца и скрытно развѣдывали объ немъ между нашими.

22 іюля переписаны имена тѣхъ, которые провожали покойнаго Березанскаго; у гроба было пять сторожей. 23 числа стрѣльцы обязались клятвенно не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. 24 дворъ нашъ огородили заборомъ въ три жерди, какъ у насъ огораживаютъ пажити: неизвѣстно, что побудило къ тому Русскихъ, извѣстіе ли о дошедшихъ до насъ письмахъ, или бѣгство предателя нашего Венгерца? И такъ надежда на скорую свободу исчезла, а печаль наша увеличилась. 28, мы узнали, что Шуйскій двадцать два раза приступалъ къ Тулѣ и потерялъ 20,000 войска; не смотря на то, поджидалъ изъ Новагорода и другихъ мѣстъ вспомогательныя войска, чтобы взять Тулу непремѣнно. Въ сей же день одинъ изъ нашихъ во время новолунія, по захожденіи солнца, увидѣлъ на небѣ мечъ и окровавленную метлу. Устрашенный такимъ явленіемъ, онъ прибѣжалъ домой, съ ужасомъ разсказывалъ намъ о видѣніемъ, и съ тѣхъ поръ рѣшился постричься въ монахи Бернардинскаго ордена. 29 числа усилили нашу стражу. Мы не могли узнать тому причины. Одни говорили, что Шуйскаго уже нѣтъ на свѣтѣ (но это ложь); другіе утверждали, что разнесся слухъ о доставленныхъ намъ 12 числа письмахъ. Повсюду разосланы лазутчики.

2 августа насъ увѣдомили о переправѣ чрезъ Волгу нѣсколькихъ тысячъ ратниковъ, возвратившихся изъ арміи. Намъ грозили большею опасностію, говоря, что Шуйскій въ случаѣ неудачи, по совѣту своихъ приверженцевъ, намѣренъ поморить всѣхъ насъ голодомъ. Но голодъ былъ намъ не новостью. 6 августа, всемогущій Богъ поразилъ всѣхъ насъ не малою скорбію, взявъ отъ насъ

1607. недостойныхъ, во славу свою, отца Венедикта Анерыпа, изъ ордена св. Франциска, каплана Бернардиновъ. Сей благочестивый мужъ, бывъ въ Польшѣ провинціаломъ и коммиссаромъ Бернардинскихъ монастырей, въ томъ же званіи присланъ и въ Москву. Онъ скончался 62 лѣтъ, въ десятомъ часу, когда мы, по обыкновенію, были на вечерней службѣ и оканчивали молитву: «въ руцѣ твои» и проч. Неизъяснимая горесть овладѣла нами; мы плакали неутѣшно. Дѣти, потерявъ нѣжно любимаго отца, не могутъ плакать болѣе. Съ душевною горестью соединилась ужасная мысль, что мы лишились мужа, котораго молитвы, можетъ быть, доселѣ сохраняли насъ отъ неминуемой погибели. Мы съ трепетомъ ожидали великаго несчастія. Упокой, Господи, съ миромъ душу его!

11 августа скончался Симонъ Островскій, слуга Загорскаго, казначея пана старосты Саноцкаго. Его похоронили за городомъ, тамъ же, гдѣ и Березанскаго. За тѣломъ дозволено было итти только одному каплану и четыремъ товарищамъ, къ великому неудовольствію нашихъ. 12 числа стража весьма тщательно стерегла насъ. Стрѣльцы вторично присягали не переносить къ намъ никакихъ вѣстей. По мужику дать клятву все равно, что проглотить ягоду. Имъ велѣно строго наблюдать, чтобы никакія письма не доходили до насъ, и не вѣрить грамматамъ отъ имени Димитрія, котораго нѣтъ на свѣтѣ. Воевода Салтыковъ занялъ квартиру за рѣкою при въѣздѣ въ городъ, приказавъ своимъ людямъ осматривать каждаго проѣзжающаго изъ Москвы и провожать его или чрезъ городъ или чрезъ перевозъ, такъ чтобы никто не говорилъ съ нимъ, даже не зналъ о прибытіи его. Въ сей же день схватили одного изъ приставленныхъ къ намъ боярскихъ дѣтей и скованнаго отвезли въ Москву. Чѣмъ провинился онъ, мы не могли придумать, и только догадывались, что бѣжавшій отъ насъ Венгерецъ оклеветалъ его предъ царемъ въ Москвѣ или въ другомъ мѣстѣ.

13 числа носились разные слухи: 1) что Шуйскій возвратился въ Москву для обороны, не успѣвъ одолѣть мятежниковъ; но это

ложно; 2) что насъ вышлютъ изъ Ярославля, гдѣ намѣрены содер- 1607.
жать Малогоскаго, который былъ уже за рѣкою: и это вздоръ; 3) что насъ уморятъ голодомъ, въ отмщеніе Полякамъ, вторгнувшимся въ Россію и опустошившимъ окрестности Смоленска: такая же сказка. Вѣроятно вѣсти родились отъ того, что за рѣкою везли до 200 человѣкъ, думать надобно, Донскихъ казаковъ, которыхъ Русскіе считали Поляками. Наши вѣстовщики, сами ничего достовѣрнаго не зная, слушали небылицы и пересказывали ихъ намъ.

Октябрь. Помѣщаемъ здѣсь содержаніе письма, присланнаго вышеупомянутымъ капланомъ де-Мело: въ немъ описаны достовѣрно происшествія отъ 12 мая по день доставленія. «Войско царя Димитрія, бывшее близь Калуги, имѣло сраженіе съ войскомъ Шуйскаго; потеря съ обѣихъ сторонъ была значительна: Димитрій лишился 6000, а Шуйскій 13.000 человѣкъ. Предводительствовалъ въ битвѣ Иванъ Болотниковъ, военный гетманъ Димитрія. Въ слѣдствіе кровопролитной битвы, многіе изъ сановниковъ Шуйскаго, какъ военныхъ, такъ и духовныхъ, передались на сторону побѣдителя, между прочими князь Долгорукій, князь Андрей Телятевскій и одинъ знатнѣйшій вельможа, управлявшій при Димитріи всѣми дѣлами въ государствѣ (имени его сказать не смѣю) [149] Послѣ того Болотниковъ имѣлъ съ Шуйскимъ и другія стычки, въ которыхъ всегда оставался побѣдителемъ. Раздраженные неудачею царя во всѣхъ предпріятіяхъ, пришли къ нему 10 знатнѣйшихъ бояръ, изобразили бѣдствія его правленія, невѣроятное кровопролитіе, опустошеніе государства, ропотъ всего народа, и въ заключеніе сказали, что одни явно ведутъ съ нимъ войну, другіе передаются непріятелю, третьи скрытно дѣйствуютъ за одно со врагами, вѣрные же престолу остаются при немъ не по любви или преданности, а въ надеждѣ спасти свои имущества и семейства, и избѣжать тѣхъ бѣдствій, которыя угрожаютъ ему самому и братьямъ его. Въ слѣдствіе сего, бояре уговаривали царя постричься въ монахи и передать престолъ тому, кого спра-

1607. ведливость возведетъ на него. Раздраженный такими словами, Шуйскій приказалъ заключить ихъ въ оковы, а имѣнія отобрать въ казну. Другіе, видя, что совѣтами и правдою ничего нельзя выиграть, начали тайно подкидывать письма, съ угрозами тирану и приверженцамъ его. Чтобы устранить очевидную опасность, Шуйскій, по совѣту клевретовъ, составилъ отъ имени патріарха, своего родственника, опредѣленіе, въ которомъ, осыпая ругательствами царя Димитрія и опровергая право его на престолъ, съ гордостію называлъ его Гришкою Отрепьевымъ Разстригою, несправедливо присвоившимъ себѣ имя Димитрія, убіеннаго еще въ дѣтствѣ, по злому умыслу Бориса Годунова. Далѣе Шуйскій именемъ патріарха писалъ, какъ тѣло истиннаго царевича, съ великою честію перевезенное въ столицу и погребенное при всѣхъ, вмѣстѣ съ прахомъ предковъ, ознаменовано явными чудесами, исцѣленіемъ слѣпыхъ, хромыхъ и разслабленныхъ, то всякъ, не вѣрующій симъ чудесамъ, будетъ отлученъ отъ церкви, равно и тотъ, кто признаетъ Димитріемъ Разстригу, убитаго въ минувшемъ году въ Москвѣ, за коварное присвоеніе царскаго престола и за приверженность къ папѣ, главѣ Латинской вѣры. При семъ случаѣ помѣщены противъ католической религіи и служителей ея такія поносныя ругательства, что безъ оскорбленія стыдливаго слуха и сказать невозможно. Отлучены сверхъ того всѣ приверженцы и помощники втораго Лжедимитрія, а Болотниковъ и всѣ мятежники преданы проклятію. Обнародовавъ опредѣленіе, Шуйскій разослалъ по всему государству указы, призывая къ себѣ всѣхъ на помощь противъ непріятелей святой вѣры и угрожая смертною казнію ослушникамъ. Монастырскимъ людямъ, способнымъ владѣть оружіемъ, также велѣно ѣхать на войну, а всякую монастырскую живность везти въ столицу или къ войску. Даже всѣмъ монахамъ приказано быть въ готовности, по первому требованію, вооружиться за вѣру. Потомъ Шуйскій самъ выступилъ съ войскомъ и подъ Серпуховымъ далъ клятвенный обѣтъ возвратиться въ Москву только съ побѣдою, или положить свою голову

на мѣстѣ сраженія. Болотниковъ, узнавъ о силахъ его, немедленно 1607.
соединился съ Петрушкою, для лучшей безопасности перешелъ изъ Калуги въ Тулу, и снабдивъ этотъ крѣпкій городъ оружіемъ и съѣстными припасами на 6 лѣтъ, выступилъ противъ Шуйскаго сразился съ нимъ и одержалъ побѣду. Царь долженъ былъ отступить, но не хотѣлъ возвратиться въ Москву, какъ совѣтовали его приверженцы, стыдясь нарушить клятву и опасаясь новой бѣды въ столицѣ. Болотниковъ, предъ выходомъ изъ Калуги, освободилъ всѣхъ колодниковъ и взялъ съ нихъ присягу на вѣрность Димитрію. Шуйскій, за день до выѣзда изъ Москвы, велѣлъ заключить въ оковы Антонія и двухъ докторовъ, Давида и Криштофа; [150] для ободренія же своей стороны, забавлялъ Москву ложными извѣстіями о счастливыхъ успѣхахъ своего оружія, о пораженіи, разстройствѣ и безсиліи непріятеля: все это должно разумѣть наоборотъ».

Далѣе въ письмѣ упомянуто о пріѣхавшемъ изъ Польши въ Путивль капитанѣ Еліомагѣ, который сказывалъ, что Шуйскій побуждалъ Татаръ и Шведовъ къ войнѣ съ Польшею для развлеченія силъ ея, что сіи народы дѣйствительно вторглись въ Польскіе предѣлы, но безъ успѣха: Татары разсѣяны, а Шведы побиты на-голову. Это можетъ служить доказательствомъ, что Польша не помогала Димитрію овладѣть престоломъ. Въ заключеніи письма Николай де-Мело извѣщалъ о тайномъ свиданіи своемъ съ пріятелемъ пана воеводы, Московскимъ бояриномъ Ѳедоромъ Княжининымъ. По словамъ боярина, во время отъѣзда его изъ Путивля, чему прошло 18 дней, царь Димитрій, имѣя до 9000 войска, писалъ къ Шуйскому, что при такихъ многочисленныхъ силахъ онъ могъ бы завоевать царство мечемъ, но, какъ законный наслѣдникъ, жалѣя кровь христіанскую, безъ пощады проливаемую, совѣтуетъ ему оставить престолъ добровольно, пока есть еще время, и поручить себя милосердію своего государя. Гонецъ, посланный съ сими письмами, заѣхавъ сперва въ Тулу, явился въ Москву и, при многочисленномъ собраніи бояръ и военныхъ людей, отдалъ четыре письма Шуйскому. Его отправили въ Путивль съ

1607. отвѣтами; а между тѣмъ до времени обѣ стороны остались въ покоѣ. Наконецъ Николаи де-Мело пишетъ, ссылаясь на слова боярина, что вышеупомянутый капитанъ привелъ къ Димитрію 12.000 Татарскаго войска, и увѣдомляетъ о безмѣрной печали пана Андрея Стадницкаго, который безпрерывно горюетъ, не взирая на всѣ утѣшительныя вѣсти.

Податель этого письма вручилъ отъ себя пану воеводѣ записку, въ которой говорилъ, что не будь онъ Томасъ, если не живъ царь Димитрій. Самъ между тѣмъ скрылся и мы его болѣе не видали. Нашу стражу усилили нѣсколькими монастырскими служителями, съ приказаніемъ, какъ можно крѣпче смотрѣть за нами.

31 октября ~~13~~ октября во всѣхъ церквахъ былъ колокольный звонъ. Одни говорили, что Шуйскій, взявъ въ плѣнъ Болотникова и Петрушку, возвратился въ Москву: въ самомъ дѣлѣ такого содержанія читали царскія грамоты всему народу, согнанному въ крѣпость. Другіе, напротивъ того, утверждали, что Шуйскій въ очевидной опасности и проситъ народъ молиться Богу о спасеніи своей державы. Мы не вѣрили ни тому, ни другому.

1 ноября носились разные слухи. Всѣ утѣшали насъ близкою свободою. Каждый говорилъ, что на умъ взбрело: съ вралей пошлины не берутъ. 11 числа наши люди, поѣхавъ за водою, видѣли нѣсколько десятковъ бояръ, которые, возвращаясь изъ войска домой, переправлялись чрезъ рѣку. Одинъ изъ нихъ подскакалъ къ водовозу и хотѣлъ стегнуть его плетью, говоря: «вы, «блядины дѣти, съ своимъ Разстригою, столько надѣлали намъ «хлопотъ и столько пролили крови въ землѣ нашей!» Водовозъ отвѣчалъ, что онъ въ томъ не виноватъ. Однакожь бояринъ стегнулъ его плетью, сказавъ: «вотъ тебѣ на дорогу! Вы скоро «поѣдете отсюда. Разстрига съ ворами у чорта; и великій посолъ «вашъ отправляется».

14 числа пронесся слухъ, что царь одних воровъ перебилъ, а другихъ взялъ живьемъ; самъ же возвращается въ Москву,

велѣвъ своимъ занять мятежные города. 16 числа говорили о 1607.
новыхъ послахъ, о панѣ Конецпольскомъ и князѣ Островскомъ. [151]
Мы не вѣрили, ибо довольно наслушались разныхъ вздоровъ, и
рѣшились поручить себя Божьему милосердію. 20 числа намъ
объявлено: «Послы ваши дѣйствительно въ Москвѣ; но ни вамъ,
«ни имъ не выѣхать изъ Россіи: ибо король вашъ строитъ ковы
«нашему государю. Посолъ его въ Москвѣ, а на границѣ стоитъ
«войско, готовое соединиться съ Разстригою, лишь только осво-
«бодимъ съ вами воеводу. Но царь все предвидѣлъ и велѣлъ за-
«держать какъ васъ, такъ и пословъ». Мы не хотѣли болѣе слу-
шать, испытавъ неоднократно, какъ ложны подобныя вѣсти.

25 ноября доставлено намъ тайно письмо отъ одного изъ нашихъ товарищей, который содержался въ Ярославлѣ же, но въ другомъ домѣ, подъ особеннымъ карауломъ, за нѣкоторое дѣло. Получая вѣрнѣйшія свѣдѣнія, онъ писалъ обо всемъ, что могъ узнать, и между прочимъ увѣдомлялъ нашихъ пановъ о царѣ Димитріи такими словами: «Дай Богъ, чтобъ мнѣ также хорошо
«было въ домѣ отца моего, какъ ему въ Путивлѣ. Въ этомъ не
«сомнѣвайтесь!» 2 ноября Болотниковъ и Петрушка дѣйствитель-
но были въ Москвѣ. Болотниковъ, сказываютъ, хотѣлъ поймать
Шуйскаго въ сѣти, но не успѣлъ, и самъ остался въ тенетахъ, а
войско его, заключивъ съ царемъ договоръ, вышло изъ Тулы.
Получено сверхъ того извѣстіе, что прошло уже три недѣли, какъ
посолъ нашъ пріѣхалъ въ Москву, но до сихъ поръ не можетъ
получить аудіенціи и находится подъ крѣпкою стражею, такъ,
что лишенъ всѣхъ средствъ видѣться и поговорить съ прежнимъ
посломъ. Царя въ Москвѣ не было до 4 ноября. 5 числа Петрушка
и Болотниковъ были уже въ оковахъ. Войскамъ снова велѣно
собираться къ Николину дню. Это доказываетъ, что Димитрій
живъ.

Декабря 1 числа. Снѣгъ покрылъ землю. Всемогущій Богъ дивнымъ попеченіемъ своего промысла доселѣ согрѣвалъ насъ. 3 числа наши водовозы, выѣхавъ рано за водою, видѣли на берегу

1607. рѣки между Русскими одного Поляка, который спрашивалъ нашихъ людей о панѣ воеводѣ и другихъ лицахъ; болѣе ничего сказать не могъ. Монахи отвели его въ сторону; на вопросы ихъ онъ отвѣчалъ громко, дабы наши могли слышать, что съ обѣихъ сторонъ, т. е. съ Русской и Польской, собрались несмѣтныя войска, какихъ доселѣ не бывало, и что еслибъ Русскіе не защищались крѣпостями, то никогда не одержали бы побѣды, ибо всѣ бѣгутъ стремглавъ при первомъ появленіи непріятеля. Мы не хотѣли тому вѣрить.

9 декабря насъ увѣдомили, что посолъ уже имѣлъ аудіенцію, и требовалъ у царя отвѣта, для чего онъ безъ всякой вины такъ долго держитъ въ неволѣ королевскаго посла, сенатора воеводу и многихъ другихъ знатныхъ особъ? Они пріѣхали въ Россію не грабить, не воевать, а привезли законному государю супругу, о которой онъ просилъ у короля и рѣчи посполитой, и желали заключить между обоими народами вѣчную дружбу. Царь и думные бояре отвѣчали, что воевода и другіе Поляки пріѣхали не къ истинному Русскому государю, а къ Разстригѣ, губителю отечества своего, получившему должное возмездіе. Посолъ сталъ доказывать право Димитрія на престолъ, утверждая свои доводы на томъ, что Русскіе сами признали его своимъ государемъ и короновали. «Какъ бы то ни было» сказалъ посолъ, «вы покрыли себя стыдомъ и безславіемъ предъ всѣмъ свѣтомъ. И если ты», продолжалъ онъ, обращаясь къ царю, «не отправишь нынѣ же всѣхъ Поляковъ въ отечество, и притомъ не оборванными, какъ прежде ты выпустилъ другихъ, то государь мой приказалъ отдать тебѣ сей мечь и объявить войну». Царь, взявъ мечь, велѣлъ посла задержать, приставивъ къ нему крѣпкую стражу, а своего посла отправилъ въ Польшу. [152]

ГЛАВА III.

Путешествіе пословъ въ Москву. Неудовольствія. Грубое письмо Власьева Въѣздъ пословъ въ Москву. Вшествіе Марины. Аудіенція. Жаркій споръ о титулѣ цесарскомъ. Предложеніе о войнѣ съ Турками. Дары. Описаніе коронаціи. Высокомѣріе Димитрія. Споры о мѣстѣ за столомъ. Посредничество воеводы Сендомирскаго. Свадебный пиръ. Частная аудіенція въ покояхъ царицы. Переговоры о войнѣ Турецкой. Признаки мятежа. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Опасность Марины. Убіеніе Поляковъ. Избраніе Шуйскаго. Списокъ плѣнныхъ и убитыхъ Поляковъ. Переговоры съ боярами. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Послы оправдываютъ Поляковъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи.

1606.

Апрѣля 25, во вторникъ, выѣхавъ изъ Орши, послы ночевали въ Домбровиѣ, въ 4 миляхъ отъ Орши. 26 въ среду изъ Домбровны пріѣхали въ Баёвъ; дорога дурная; идетъ лѣсомъ, всего шесть миль. Покормивъ лошадей въ Баёвѣ, мы переступили границу и остановились ночевать въ селеніи св. Николая, откуда 27 числа прибыли въ Дѣдово, въ 9 миляхъ. Дорога по мѣстамъ лѣсистая и дурная. 28 пріѣхали въ Лубны въ 2 миляхъ отъ Дѣдова. На дорогѣ встрѣтилъ пана старосту Московскій дворянинъ Лаврентій Родіоновичъ съ нѣсколькими всадниками и сказалъ слѣдующее: «Боярин, воевода и намѣстникъ Смоленскій, князь Иванъ Семеновичъ Куракинъ съ товарищемъ, по царскому повелѣнію, выслалъ за границу людей для встрѣчи васъ, великихъ пословъ Сигизмунда III, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. Они возвратились въ Смоленскъ, проводивъ посланныхъ паномъ Николаемъ Олесницкимъ, каштеляномъ Малогоскимъ. А тебѣ, панъ Александръ, не было встрѣчи для того, что въ то время ты еще не пріѣхалъ съ товарищемъ своимъ за границу, какъ о томъ писалъ къ Смоленскому воеводѣ староста Оршинскій». Сказавъ сіе, дворянинъ поскакалъ подлѣ кареты его вельможности и провожалъ ее до самыхъ Лубнъ. Тутъ нагнала пана старосту свита изъ Варшавы.

29 въ субботу, проѣхавъ отъ Лубнъ двѣ мили по хорошей дорогѣ, мы переправились чрезъ рѣку и вступили въ Смоленскъ.

1606. Нѣсколько Русскихъ всадниковъ провожали насъ до квартиры, отведенной въ городѣ. Намъ не дали ни одной бѣлой избы, даже и пану Малогоскому. Русскіе, по обычаю своему, торговались съ нимъ, продавая съѣстные припасы: для обоихъ пословъ такъ мало отпускалось жизненныхъ потребностей, что и одному было недостаточно; надобно было еще покупать на чистыя деньги. Овса и сѣна не давали вовсе: мы принуждены были сами искать лошадямъ корма, чтобы не изнурить ихъ голодомъ. 30 апрѣля въ день свѣтлаго Христова Воскресенья, по Русскому календарю, былъ у его милости приставъ Иванъ Борисовичъ Мокшеевъ. За издержки намъ не заплатили и подводъ не дали: и такъ мы, взявъ только самыя необходимыя вещи, отправились на Оршинскихъ подводахъ въ Инѣвъ, разстояніемъ въ 8 миляхъ отъ Смоленска. Чрезъ нѣсколько часовъ прислали къ его милости оставленныя въ Смоленскѣ вещи. Въ Инѣвѣ дали намъ только овса и сѣна; съѣстныхъ припасовъ не отпустили.

Мая 1, въ понедѣльникъ, мы въѣхали въ Дорогобужъ, въ 10 миляхъ отъ Инѣва. Дорога была изрядная; только частые мосты безпокоили насъ. Въ двухъ миляхъ за Инѣвомъ перевозъ чрезъ Днѣпръ. Разлитіе рѣки принудило насъ промедлить нѣсколько часовъ; до ночлега оставалось еще довольно далеко. На половинѣ пути послы захотѣли ѣсть; у насъ не чѣмъ было утолить ихъ голодъ, потому, что съѣстныхъ припасовъ не отпускалось въ достаточномъ количествѣ. Послы рады были купить; но негдѣ. И такъ надлежало брать, что давали. Впрочемъ панъ Малогоскій и панъ староста не хотѣли взять присланныхъ имъ телятъ, потому, что они было слишкомъ тощи. Для пана старосты Велижскаго отпускался слѣдующій кормъ на 150 человѣкъ и на такое же число лошадей: 150 ржаныхъ хлѣбовъ, 10 куръ, 2 гуся, 2 утки, 3 зайца, 3 тетерева, 3 куска солонины, полчетверти крупъ, полпуда меду, ведро сметаны, полпуда соли, полтора ведра уксуса, ведро патоки, кружка меду малиноваго; 15 четвертей овса, 15 ношъ сѣна, 8 ношъ соломы и 30 подводъ; въ постный день нѣсколько

свѣжихъ щукъ и разнаго рода рыбы; четыре съ половиною лосо- 1606.
ся; блюдо паюсной икры, блюдо икры свѣжепросольной. Для челяди: 50 ведръ меду, 56 ведръ пива, по кружкѣ вина и водки, и немного кореньевъ. 2 мая во вторникъ лошади посольскія отдыхали въ Дорогобужѣ.

3 мая изъ Дорогобужа мы пріѣхали на почлегъ въ Колпитъ. На 6 миляхъ, мы насчитали 45 мостовъ. 4 числа остановились почевать въ Вязьмѣ, переѣхавъ 8 миль. На дорогѣ было 95 мостовъ. 5 числа въ пятницу ночевали въ Заезерьѣ, въ 8 миляхъ отъ Вязьмы. Дорога мѣстами покойна; индѣ тряско, особливо лѣсомъ. 6 числа прибыли въ Доброе, въ 6 миляхъ отъ Заезерья. Дорога не слишкомъ хороша. 7 числа изъ Добраго въ Можайскъ 10 миль. Приставъ убѣждалъ пословъ остановиться въ томъ селеніи, гдѣ обыкновенно останавливаются послы, потому, что въ городѣ много пьянаго народа, и не обойдется безъ драки. Ихъ высокомочія не согласились, сказавъ въ отвѣтъ, что люди ихъ должны же ходить въ городъ для покупки съѣстныхъ припасовъ на выдаваемыя, вмѣсто полной провизіи, деньги. Приставъ просилъ по крайней мѣрѣ запретить посольской челяди шататься по городу; въ чемъ ихъ высокомочія не прекословили и подъ смертною казнію запретили своимъ людямъ отлучаться изъ квартиры. Между тѣмъ гайдукъ пана Малогоскаго, получившій деньги на покупку разной провизіи, пошелъ самъ-другъ въ кабакъ за пивомъ для себя и для другихъ. Но какъ цѣловальникъ не хотѣлъ брать Литовскихъ денегъ, то вышла ссора: гайдуковъ стали бить; одного изъ нихъ подняли на ножахъ, такъ что онъ тутъ же упалъ на землю; его связали и хотѣли утопить. Другой едва убѣжалъ, чтобы извѣстить пана Малогоскаго. Его высокомочіе тотчасъ послалъ гайдука отыскать, а челяди велѣлъ собраться, опасаясь всеобщаго бунта. Затрубили тревогу. Призвали пристава, объяснили ему все, какъ было, сказали свое мнѣніе и требовали расправы. Приставъ отложилъ дѣло до слѣдующаго дня.

8 мая, въ понедѣльникъ приставъ принесъ его высокомочію

1606. пану старостѣ Велижскому письмо отъ бывшаго недавно въ Польшѣ посломъ Аѳанасія Власьева, слѣдующаго содержанія: «Всепре-
«свѣтлѣйшаго, непобѣдимаго самодержца и великаго государя Ди-
«митрія Іоанновича, Божіею милостію цесаря всея Россіи, Татар-
«скихъ царствъ и другихъ многихъ государствъ, Московской дер-
«жавѣ подвластныхъ, государя, царя и самодержца, отъ его цар-
«скаго величества казначея и думнаго дьяка Аѳанасія Ивановича
«Власьева, Александру Корвину Гонсѣвскому, секретарю и дворя-
«нину его королевскаго величества. Приказные люди его цесарска-
«го величества и приставъ нашъ, посланный по цесарскому пове-
«лѣнію къ Смоленскому воеводѣ князю Ивану Семеновичу Кураки-
«ну съ указомъ давать кормъ вамъ, всѣмъ вашимъ людямъ и ло-
«шадямъ, по объявленному тобою числу, донесли мнѣ, что при
«тебѣ находится людей и лошадей болѣе опредѣленнаго числа
«(отъ чего и недостаетъ отпускаемаго корма), и что ты всего тре-
«буешь втрое и вчетверо, желая обогатить тѣмъ самаго послѣдня-
«го холопа. Я не могу надивиться твоему поступку. Извѣстна
«тебѣ взаимная дружба и любовь, существующая между нашими
«государями, между великимъ государемъ цесаремъ, великимъ
«княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ и Сигизмундомъ королемъ
«Польскимъ, великимъ княземъ Литовскимъ. Мы, подданные, не
«должны терять изъ виду сего союза. Долгъ требуетъ отъ насъ
«поведенія пристойнаго и ревности къ пользѣ государя. Ты, Алек-
«сандръ, болѣе всѣхъ другихъ былъ обязанъ поступать осторожно:
«ибо тебѣ его цесарское величество явилъ такую милость, какой
«не удостоенъ въ Москвѣ еще ни одинъ изъ важнѣйшихъ пословъ.
«Забывъ все сіе, ты позволилъ себѣ многіе неприличные поступ-
«ки и склонилъ на оные старшаго товарища своего. Предупреж-
«дая разрывъ братской любви и дружбы, существующей между
«нашими великими государями, я прошу тебя не дѣлать впредь
«никакого безчинія. Въ противномъ случаѣ, я донесу его цесар-
«скому величеству, и тебѣ будетъ стыдно. Напоминаю тебѣ о
«тѣхъ царскихъ милостяхъ, коихъ, кромѣ тебя, едва ли кто удо-

«стоивался, напоминаю съ тѣмъ, чтобы забвеніемъ ихъ ты не нав- 1606.
«лекъ на себя справедливаго гнѣва его господарскаго величества.
«Писано при державѣ великаго государя въ царствующемъ градѣ
«Москвѣ, 1606 года, мая 4 дня».

Ихъ высокомочія, посовѣтовавшись другъ съ другомъ, отвѣчали Власьеву слѣдующимъ образомъ: «Всепресвѣтлѣйшаго, вели«каго государя Сигизмунда III, Божіею милостію короля Польска«го, великаго князя Литовскаго, Русскаго, Прусскаго, Жмудскаго, «Мазовецкаго, Кіевскаго, Волынскаго, Подольскаго, Подляшскаго, «Лифляндскаго, Эстляндскаго и другихъ, наслѣднаго короля Швед«скаго, Готоскаго, Вандальскаго и проч., отъ посла, секретаря, «дворянина, старосты Велижскаго, владѣтеля Конюховскаго, Аѳа«насію Ивановичу Власьеву казначею и писарю царскому. При«ставъ Иванъ Мокшеевъ доставилъ мнѣ сегодня твое письмо, въ «коемъ пишешь, что приказные люди и приставъ нашъ извѣстили «тебя, будто бы боярин и воевода князь Иванъ Куракинъ съ то«варищемъ велѣлъ выдать намъ; посламъ, кормъ на то число лю«дей и лошадей, которое самъ я объявилъ тебѣ. На сіе отвѣт«ствую: пріѣхавъ въ Смоленскъ съ товарищемъ моимъ, ясневель«можнымъ паномъ Николаемъ Олесницкимъ, каштеляномъ Мало«госкимъ, я немедленно отдалъ, по прежнему обыкновенію, при«ставу реэстръ, въ которомъ показалъ, сколько при мнѣ находит«ся людей и лошадей: ни болѣе, ни менѣе. По пріѣздѣ нашемъ въ «Москву, ты узнаешь, справедливо ли объявленное мною число «людей, составляющихъ мою свиту. Приказные люди и приставъ «донесли тебѣ неосновательно. Въ самомъ Смоленскѣ намъ не вы«дали корму въ полномъ количествѣ, такъ, что его было для насъ «весьма недостаточно. Я просилъ пристава доложить о томъ вое«водѣ, и въ отвѣтъ получилъ другой реэстръ. Мы были бы совер«шенно довольны, если бы намъ отпускали кормъ вполнѣ, согла«сно съ даннымъ тобою реэстромъ: мы не требуемъ ничего из«лишняго и просимъ только необходимаго.

«Наблюдая это, мы выѣхали немедленно изъ Смоленска въ

1606. «Пнёвъ, гдѣ дали намъ только сѣна и овса, болѣе ничего: съѣст-
«ные припасы мы купили на собственныя деньги. Въ Дорогобужѣ
«мы взяли все, что намъ выдали по Смоленскому реэстру, кромѣ
«тощихъ телятъ, вовсе негодныхъ для нашей кухни. Увидѣвъ ихъ,
«ты самъ удивился бы, чѣмъ насъ кормятъ; при всемъ томъ мы
«не обнаружили своего негодованія. Тебѣ извѣстна братская лю-
«бовь и пріязнь государя моего къ твоему господарю: въ королев-
«скихъ владѣніяхъ не только тебя, но и людей твоихъ довольство-
«вали наилучшимъ образомъ, даже неоднократно до пріѣзда твое-
«го все было готово для тебя въ Краковѣ. Я говорилъ товарищу сво-
«ему, что въ недостаткѣ корма должно винить не его господарское ве-
«личество, а Смоленскаго воеводу и приказныхъ людей; приставу
«же говорили, что намъ мало выдаютъ съѣстныхъ припасовъ, и
«что онъ долженъ представить о томъ боярамъ въ Москву, откуда мы
«съ часу на часъ ожидали удовлетворенія, какъ то и прежде бывало.

«Не удивляюсь твоему письму: тебѣ неправильно донесли; для
«того-то я пишу такъ пространно. Когда же Богъ дастъ намъ уви-
«дѣться въ Москвѣ, ты самъ узнаешь, много ли со мною людей и
«сколько чего намъ даютъ. Ни на что не похоже подозрѣніе твое,
«будто мы хотимъ отъ вашего корма наживаться: тебѣ извѣстны
«прежніе обычаи. Странно также, что мнѣ, королевскому послу,
«ты грозишь своимъ государемъ: для насъ и для всякаго другаго,
«кромѣ тебя, удивительно, какъ можетъ гнѣваться твоій всепре-
«свѣтлѣйшій господарь на великихъ пословъ королевскихъ и тѣмъ
«болѣе не понятно, какъ могло это притти тебѣ въ голову. Мнѣ
«грозить господаремъ! Ему не прилично гнѣваться на великихъ го-
«сударей христіанскихъ, своихъ братьевъ, и тѣмъ менѣе на ихъ по-
«словъ. Не грози мнѣ своимъ гнѣвомъ: ты говоришь не съ Алексан-
«дромъ, а съ его королевскимъ величествомъ, государемъ моимъ.
«Слова твои странны и неблагоразумны. Ты, кажется, не обдумалъ
«ихъ, иначе не писалъ бы къ посламъ такихъ упрековъ, которые
«оскорбляютъ его королевское величество и грозятъ разрывомъ
«взаимной дружбѣ».

8 мая мы отдыхали въ Можайскѣ. 9 во вторникъ выѣхавъ на 1606.
разсвѣтѣ, чтобы ночевать въ Кубинскѣ въ 8 миляхъ отъ Можайска, еще до полудня прибыли въ великую Волгу,[153] въ 4 миляхъ отъ него. Мы не хотѣли имѣть ночлега въ этомъ мѣстѣ, гдѣ было нѣсколько избъ, но приставы объявили, что на это есть царское повелѣніе. 10 мая мы прибыли въ Вязёму, въ 8 миляхъ отъ Волги. Наканунѣ нашего пріѣзда, царица Московская выѣхала изъ Вязёмы. Незагашенный по отъѣздѣ ея огонь, какъ сказывали намъ Русскіе, былъ причиною пожара, который обратилъ въ пепелъ 30 дворовъ. Въ Вязёмѣ есть каменная церковь; ограда ея, съ шестью острыми деревянными башнями, похожа на крѣпость. Послы хотѣли войти въ монастырь; но ихъ не впустили. 11 мая въ четвертокъ приставъ объявилъ царскій указъ, чтобъ послы ѣхали. Мы отправились въ Мамоново въ 3 миляхъ отъ Вязёмы, хорошею дорогою, между полями и кустарниками. 12 числа мы поѣхали въ Москву, до косей отъ Мамонова только три мили.

На половинѣ пути, царица остановилась въ полѣ, въ шатрахъ, большихъ и красивыхъ, расположенныхъ въ видѣ городка. Она простояла тамъ двое сутокъ, окруженная множествомъ Москвитянъ и Поляковъ, которыхъ мы видѣли, проѣзжая мимо. За милю отъ столицы мы сѣли на лошадей и до самаго города ѣхали верхомъ между ротами пана воеводы Сендомирскаго, разставленными по обѣимъ сторонамъ. Изъ Русскихъ, одни скакали на красивыхъ лошадяхъ, другіе стояли рядами. Близъ моста, приготовленнаго для насъ чрезъ Москву рѣку, мы увидѣли два великолѣпные шатра, въ которыхъ царица останавливалась и принимала поздравленія думныхъ бояръ, или сенаторовъ, привѣтствовавшихъ ее именемъ своего государя. Подлѣ шатровъ стояла огромная карета, необыкновенной величины, запряженная жеребцами бѣлыми въ яблокахъ; конюхи вели ихъ попарно за поводья. Внутри кареты былъ устроенъ стулъ, на подобіе трона, для царицы. За мостомъ стояли въ два ряда 700 Русскихъ всадниковъ, всѣ въ парчевой одеждѣ.

1606. Насъ встрѣтили два Москвича, князь Григорій Константиновичъ Волконскій и Андрей Яворовичъ дьякъ. Князь Григорій сказалъ посламъ слѣдующее привѣтствіе: «Всепресвѣтлѣйшій, непо«бѣдимый самодержецъ, великій государь, Димитрій Ивановичъ, «Божіею милостію цесарь, великій князь всея Россіи и многихъ «Татарскихъ царствъ обладатель, повелѣлъ: васъ пословъ его ко«ролевскаго величества, всепресвѣтлѣйшаго, великаго государя «Сигизмунда III, короля Польскаго, великаго князя Литовскаго, «Русскаго, Прусскаго, Жмудскаго, Мазовецкаго и иныхъ, встрѣ«тить, спросить о вашемъ здоровье и быть при васъ приставами». Ихъ высокомочія, давъ приличный отвѣтъ на привѣтствіе, отправились на посольскій дворъ, гдѣ послы обыкновенно останавливаются.

Въѣздъ царицы въ Москву. При входѣ въ крѣпость, на лѣвой сторонѣ стояли оружеосцы; подлѣ нихъ Турки, Арабы и Персы, съ приготовленными для всадниковъ лошадьми. За ними у воротъ были два полка жолнеровъ. Вшествіе происходило такимъ образомъ: впереди ѣхали царскіе дворяне, боярскіе дѣти, паны Мнишки младшіе (старосты Краснославскій, Львовскій и Саноцкій), три брата Стадницкихъ Мартинъ, Андрей и Георгій, панъ подстолій Нѣмоевскій, паны Лаврыны, князь Вишневецкій, панъ Любомирскій и многіе другіе. За ними его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій, съ арабомъ пышно одѣтымъ по-персидски; наконецъ царица: она сидѣла въ вышеупомянутой каретѣ, запряженной чубарыми лошадьми; [154] каждую изъ нихъ велъ особенный конюхъ. Въ каретѣ противъ царицы сидѣла ея милость панья старостина Сохачевская. По обѣимъ сторонамъ шли аллебардщики, а у самой кареты шесть лакеевъ въ зеленыхъ бархатныхъ кафтанахъ и въ алыхъ суконныхъ плащахъ. При выѣздѣ въ крѣпость, на воротахъ загремѣла музыка. [155] За каретою, въ которой сидѣла царица, слѣдовала ея собственная, запряженная восмью бѣлыми лошадьми и обитая снаружи краснымъ бархатомъ, а внутри красною парчею; въ ней стояли четыре стула, покрытые также красною парчею, съ

богатою золотою оправою. Кучера были въ красныхъ атласныхъ 1606.
жупанахъ и ферезяхъ; а лошади въ красныхъ бархатныхъ шорахъ. Въ этой каретѣ никого не было. Въ третьей каретѣ, запряженной восмью бѣлыми лошадьми, съ красными бархатными шорами, оправленными серебромъ съ позолотою, сидѣли княжна Косырская, панья Тарлова хоронжина, панья Гербуртова, панья Казановская. Возницы ихъ были въ черныхъ бархатныхъ жупанахъ и въ красныхъ атласныхъ ферезяхъ. За госпожами ѣхали двѣ паньи въ раззолоченной линѣйкѣ рѣзной работы, внутри обитой краснымъ бархатомъ, съ золотою бахрамою, въ шесть чубарыхъ лошадей, съ бархатными зелеными шорами; возницы были въ зеленомъ атласномъ платьѣ. Въ другой линѣйкѣ, обитой чернымъ бархатомъ съ вызолоченными украшеніями, въ шесть карихъ лошадей, коими правили возницы въ черныхъ камчатныхъ ферезяхъ, сидѣли комнатныя паньи воеводши. За ними ѣхало еще нѣсколько каретъ съ старыми паньями и каммерфрейлинами.

При входѣ въ крѣпость, на правой сторонѣ есть церковь Вознесенія Господня, при которой недавно построенъ деревянный монастырь для Димитріевой матери: царица вышла изъ кареты въ монастырь и жила въ немъ съ царскою матерью пять дней. Димитрій посѣщалъ ее нѣсколько разъ. Здѣсь царица должна была забыть свою набожность: ибо не только въ будни, но и въ праздники не допускали къ ней каплана для совершенія литургіи; навѣщать родителя также не дозволяли. Однѣ только каммерфрейлины могли ходить для слушанія богослуженія на квартиру панъи старостины Сохачевской. Его свѣтлости пану воеводѣ Сендомирскому отвели дворецъ Бориса Годунова, построенный въ крѣпости. Другихъ пановъ разставили въ городѣ по разнымъ мѣстамъ.

Тогожъ дня вечеромъ Иванъ Грамотинъ объявилъ ихъ высокомочіямъ посламъ, что завтре они должны быть у руки его царскаго величества; для чего просилъ означить на бумагѣ, кто именно будетъ привѣтствовать государя, и какіе поднесутъ они подарки. Послы, составивъ списокъ, отдали его Грамотину.

1606. 13 мая послы были на аудіенціи. Отъ самой квартиры своей до крѣпости они ѣхали между двумя рядами вооруженныхъ стрѣльцовъ; въ крѣпости слѣзли съ лошадей въ назначенномъ мѣстѣ и шли пѣшкомъ между аллебардщиками и тремя сотнями Лифляндскихъ Нѣмцевъ, у которыхъ капитаномъ былъ Французъ Маржеретъ. Не доходя до дверей аудіенцъ-залы, послы встрѣтили пана воеводу Сендомирскаго, который вышелъ къ нимъ отъ царя, чтобы переговорить съ ихъ высокомочіями о нѣкоторыхъ дѣлахъ. Узнавъ о несогласіи Димитрія принять королевское письмо, послы просили пана воеводу убѣдить царя взять его. Его свѣтлость, давъ слово отвратить зло, удалился; а мы продолжали шествіе. Встрѣченные въ сѣняхъ Григоріемъ Ивановичемъ Микулинымъ окольничимъ съ товарищемъ, послы вступили въ залу.

На высокомъ вызолоченномъ, серебряномъ тронѣ, къ коему вели четыре ступени, сидѣлъ царь, съ золотою на груди цѣпью, съ скиптромъ въ рукѣ, въ богатой бѣлой одеждѣ, унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. По сторонамъ его стояли шестеро Русскихъ: четверо съ сѣкирами, обращенными остріемъ къ верху; пятой съ обнаженнымъ мечемъ; а шестой съ державою, которую иногда подавалъ царю и принималъ отъ него скипетръ. По лѣвую руку царя въ отдаленіи сидѣли думные бояре; по правую, подлѣ трона, сидѣлъ патріархъ съ крестомъ въ рукѣ. На той же сторонѣ находилось и прочее духовенство, только вдали; далѣе Русскіе дворяне, изъ которыхъ одни сидѣли на скамьяхъ, а другіе стояли. Пословъ посадили противъ царя, вдали отъ трона, почти на срединѣ палаты; многочисленная свита стала за ними. Вся аудіенцъ-зала обита была разными коврами. Панъ воевода Сендомирскій сидѣлъ на своемъ мѣстѣ, противъ пословъ.

Окольничій Микулинъ, ставъ подлѣ ихъ высокомочій, сказалъ господарю: «Всепресвѣтлѣйшій и могущественнѣйшій самодержецъ, «великій государь Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію великій «цесарь, князь всея Россіи, многихъ Татарскихъ царствъ и госу«дарствъ, Московской державѣ подвластныхъ, государь, царь и

«обладатель! Всепресвѣтлѣйшаго и великаго государя Сигизмунда 1606.
«третьяго, Божіею милостію короля Польскаго, великаго князя
«Литовскаго, послы Николай Олесницкій и Александръ Гонсѣв-
«скій бьютъ челомъ у престола вашего царскаго величества».

Панъ Малогоскій, сдѣлавъ поклонъ, говорилъ слѣдующее:
«Всепресвѣтлѣйшій, великій государь Сигизмундъ третій, Божіею
«милостію король Польскій, великій князь Литовскій, Прусскій,
«Жмудскій, Мазовецкій, Кіевскій, Волынскій, Подольскій, Лиф-
«ляндскій и иныхъ земель, благоволилъ послать насъ, пословъ
«своихъ, меня, Николая Олесницкаго изъ Олесницы, каштеляна
«Малогоскаго, и пана Александра Корвина Гонсѣвскаго, секретаря
«и дворянина своего, старосту Велижскаго, помѣщика Копюхов-
«скаго, съ тѣмъ, чтобы именемъ его королевскаго величества, все-
«милостивѣйшаго государя нашего, вашему господарскому величе-
«ству, Божіею милостію всепресвѣтлѣйшему, великому государю
«Димитрію Іоанновичу, князю всея Россіи, Владимірскому, Мос-
«ковскому, Новгородскому, Казанскому, Астраханскому, Псков-
«скому, Тверскому, Югорскому, Пермскому, Вятскому, Болгар-
«скому, и другихъ многихъ земель царю, отдать братскій поклонъ,
«освѣдомиться о здравіи вашего господарскаго величества, поздра-
«вить васъ съ благополучнымъ восшествіемъ на прародительскій
«престолъ и засвидѣтельствовать вашему господарскому величе-
«ству братскую любовь его королевскаго величества».[156]

Въ продолженіе рѣчи, я пристально смотрѣлъ на царя, чтобы видѣть собственными глазами, какъ онъ приметъ посольство. Когда панъ Малогоскій произнесъ слово *князь*, не упомянувъ титула цесарскаго, Димитрій всталъ съ мѣста, поднялъ очи вверхъ и, подозвавъ одного сенатора, велѣлъ снять съ себя корону, намѣреваясь самъ говорить съ послами. По окончаніи рѣчи, панъ Малогоскій вручилъ письмо Аѳанасію Власьеву, который тихо прочиталъ царю надпись; и какъ въ ней не было ни слова о цесарскомъ титулѣ, то Димитрій далъ Аѳанасію наставленіе, какъ должно отвѣчать. Власьевъ подошелъ къ посламъ и сказалъ слѣдующее:

1606. «Николаи и Александръ! Вы доставили всепресвѣтлѣйшему, непо-
«бѣдимому и великому самодержцу отъ всепресвѣтлѣйшаго Си-
«гизмунда короля Польскаго и великаго князя Литовскаго письмо,
«въ которомъ нѣтъ титула цесарскаго величества. Оно писано къ
«нѣкоторому князю всея Россіи, а Дмитрій Іоанновичъ есть це-
«сарь въ своихъ преславныхъ государствахъ. И такъ возьмите
«письмо обратно и отвезите къ своему государю».

Панъ Малогоскій возразилъ: «Съ тѣмъ же благоговѣніемъ, съ
«которымъ вручили мы Аѳанасію Ивановичу письмо его королев-
«скаго величества, пріемлемъ его обратно, чтобы возвратить госу-
«дарю нашему, когда ваше господарское величество гнушается
«имъ. Изъ всѣхъ государей христіанскихъ только ваше царское
«величество не признаетъ древняго титула его королевскаго вели-
«чества и, не принимая отъ насъ письма, оскорбляетъ его коро-
«левское величество и всю рѣчь посполитую. Возсѣвъ на тронъ
«дивнымъ Божіимъ промысломъ, по милости его величества ко-
«роля, при помощи народа Польскаго, ваше господарское велича-
«ство скоро забыли это благодѣяніе! И не только его королевское
«величество, государь нашъ, вся рѣчь посполитая, мы послы ея,
«но и всѣ сіи знаменитые Поляки, стоящіе предъ очами вашего
«господарскаго величества, оскорблены униженіемъ достоинства
«нашего государя и рѣчи посполитой. И такъ мы не можемъ ис-
«полнить королевскихъ порученій, о которыхъ ваше господарское
«величество узнали бы изъ письма, вами отвергнутаго. Просимъ
«дозволенія возвратиться на квартиру».

На эту рѣчь отвѣтствовалъ самъ царь: «Необыкновенное и не-
«слыханное дѣло, чтобы монархи, возсѣдая на тронѣ, спорили съ
«послами; но король Польскій, опуская наши титулы, принуж-
«даетъ насъ къ тому. Отъ пословъ нашихъ и отъ старосты Велиж-
«скаго, бывшаго здѣсь недавно и подобно вамъ споривша о на-
«шихъ титулахъ, королю Польскому уже извѣстно, что мы не
«только царь, но также императоръ въ своихъ обширныхъ владѣ-
«ніяхъ. Самъ Богъ даровалъ намъ сей титулъ, и мы носимъ его

«не одними словами, подобно другимъ, но самымъ дѣломъ, по 1606.
«всей справедливости, когда ни Ассирійскіе, ни Мидійскіе монар-
«хи, ни самые цесари Римскіе, не имѣли на него болѣе насъ пра-
«ва и преимущества. Мы не можемъ довольствоваться титуломъ
«княжескимъ и господарскимъ: ибо не только князья и господари,
«но, Божіею милостію, и короли состоятъ подъ скиптромъ на-
«шимъ и намъ служатъ. Намъ нѣтъ равнаго въ краяхъ полноч-
«ныхъ; никто нами не управляетъ, кромѣ Бога и насъ самихъ.
«Къ тому же всѣ государи признаютъ насъ императоромъ: одинъ
«король Польскій на то не соглашается».

Посолъ возразилъ: «Ваша всепресвѣтлѣйшая господарская ми-
«лость въ началѣ своей рѣчи упомянули, что необыкновенное дѣ-
«ло монархамъ, сѣдящимъ на тронѣ, спорить съ послами: точно
«такъ; столь же необыкновенно, чтобъ послы осмѣливались гово-
«рить о томъ, чего не предписано имъ въ инструкціи; но какъ
«ваше господарское величество сами къ тому принуждаете меня:
«то я хотя и не имѣю дара безъ приготовленія отвѣчать на сіи
«рѣчи вашему господарскому величеству, однакожъ, какъ Полякъ,
«человѣкъ народа вольнаго, привыкъ говорить свободно. Вспомни-
«те, ваше господарское величество! или прикажите справиться въ
«коронныхъ канцеляріяхъ, въ Литовской и въ своей Московской,
«даже спросите отъ престарѣлыхъ думныхъ бояръ, какой титулъ
«употребляли предки вашего господарскаго величества, всепресвѣт-
«лѣйшіе короли, государи наши, никогда не приписывали имъ цесар-
«скаго титула, который ваше господарское величество неправиль-
«но себѣ присвояете. Предки ваши никакого цесарства подъ свою
«державу не покорили, и употребляли тотъ самый титулъ, ко-
«торый признаетъ чрезъ насъ его королевское величество, все-
«пресвѣтлѣйшій и непобѣдимый государь. Развѣ иначе писывалъ
«къ вамъ король Польскій, когда онъ, обласкавъ въ своихъ вла-
«дѣніяхъ ваше всепресвѣтлѣйшее господарское величество, съ
«усернымъ желаніемъ помогалъ вамъ отыскивать корону праро-
«дительскую? И теперь, оставаясь въ прежней искренней пріязни,

1606. «не тѣмъ ли болѣе доказываетъ ее вашему всепресвѣтлѣйшему го-
«сподарскому величеству, когда вы видите свидѣтельство ея не
«въ однихъ пустыхъ словахъ, а на самомъ дѣлѣ? Между тѣмъ
«всякому очевидно, какъ вы платите за все то его королевскому
«величеству! Скоро забыли ваше пресвѣтлѣйшее господарское ве-
«личество, что на сей престолъ *(указавъ на него рукою)* вы
«взошли чудеснымъ образомъ, благостію Божіею, по милости его
«королевскаго величества, всемилостивѣйшаго государя нашего,
«съ помощію нашихъ братьевъ, Поляковъ, проливавшихъ кровь
«свою за ваше всепресвѣтлѣйшее господарское величество! Вы
«платите вмѣсто благодарности неблагодарностію, вмѣсто пріязни
«непріязнію; доброе расположеніе и дружелюбіе его величества
«государя нашего пренебрегаете, и сами даете поводъ къ разлитію
«крови человѣческой. Съ чрезвычайною горестію пріемля участіе въ
«таковой его королевскому величеству обидѣ, мы свидѣтельствуем-
«ся предъ вами, всепресвѣтлѣйшій господарь! самимъ Богомъ и сими
«думными боярами, что не король Польскій, государь нашъ, а ваше
«господарское величество разрываете дружбу съ его величествомъ
«и рѣчью посполитою. Теперь мы готовы возвратиться съ симъ
«къ нашему государю, и просимъ проводить насъ на квартиру».

Царь: «Я знаю, какіе титулы имѣли наши предки, и показалъ
«бы ихъ на бумагѣ, но теперь не время. Вы сами увидите ихъ,
«когда велимъ нашимъ думнымъ боярамъ вступить съ вами въ
«переговоры. Король же, умалчивая употребляемый нами титулъ,
«оскорбляетъ не только насъ, но самого Бога и все христіанство.
«Если бы кто нибудь не назвалъ васъ папомъ Олесницкимъ, вы
«вѣрно не отвѣчали бы тому? Равнымъ образомъ и я не могу при-
«нять письма, потому, что въ надписи его нѣтъ моего полнаго
«титула. Мы обѣщали королю быть для него братомъ и такимъ
«другомъ, какого до сихъ поръ не имѣла корона Польская; а те-
«перь мы должны остерегаться короля болѣе, чѣмъ самаго не-
«пріязненнаго изъ невѣрныхъ государей. Знаю, что нѣкоторые изъ
«вашихъ единоземцевъ убѣждаютъ его величество короля не приз-

«навать нашихъ титуловъ; но мы не хотимъ вступать съ вами въ 1606.
«обширные споры».

Панъ Малогоскій: «Не желаемъ и мы на сей разъ продолжать «разговоровъ съ вашимъ господарскимъ величествомъ. Вы обѣ- «щали повелѣть думнымъ боярамъ переговорить съ нами о своемъ «титулѣ: тогда будетъ время подробно разсудить о семъ предметѣ, «вмѣстѣ съ другими порученіями его королевскаго величества».

Мы хотѣли итти; но господарь сказалъ его высокомочію: «Панъ Малогоскій! Испытавъ въ областяхъ Польскихъ вашу ко «мнѣ привязанность и зная, что вездѣ вы желали мнѣ добра, хочу «принять васъ въ государствѣ моемъ не какъ посла, а какъ прія- «теля моего. Подойдите къ рукѣ нашей». Димитрій протянулъ руку, чтобы посолъ поцѣловалъ ее.

Панъ Малогоскій отвѣчалъ: «Всепресвѣтлѣйшій, великій госпо- «дарь! нижайше благодарю за милость, которую ваше господар- «ское величество изъявляете моему лицу; но какъ вы принимаете «меня не посломъ, то я не могу ею пользоваться, и прошу ваше «господарское величество не оскорбиться моимъ отказомъ. Осы- «панный милостями вашего господарскаго величества, я старался «доказать вамъ въ Польшѣ свою доброжелательную услужливость: «да позволено мнѣ будетъ доказать теперь свою преданность и «вѣрность его королевскому величеству».

Царь повторилъ свои слова; а панъ Малогоскій только покло- нился и не хотѣлъ подойти къ рукѣ, говоря, что не можетъ исполнить царскаго желанія. Наконецъ Димитрій сказалъ: «Подой- «ди, вельможный панъ, какъ посолъ!» «Подойду», возразилъ Малогоскій, «если ваше господарское величество возметъ письмо «королевское». «Возму» отвѣчалъ царь. Тогда оба посла поцѣло- вали его руку.

Царскій дьякъ принялъ письмо и прочиталъ предъ тропомъ, стоя нѣсколько поодаль отъ него; потомъ, по царскому наставле- нію, сказалъ посламъ: «Хотя королевскаго письма безъ цесарскаго «титула принимать не слѣдовало бы; однакожъ его цесарское

1606. «величество, для свадьбы своей забывая обиду, нанесенную опу-
«щеніемъ титуловъ своихъ, принимаетъ письмо и васъ, пословъ
«короля Польскаго. По возвращеніи же къ государю своему, вы
«должны сказать ему, чтобы впредь онъ не присылалъ подобныхъ
«писемъ, не прописавъ въ нихъ полнаго титула цесарскаго. Его
«цесарское величество именно вамъ повелѣлъ сказать, что впредь
«ни отъ короля Сигизмунда, ни отъ кого-либо другаго, никакихъ
«писемъ безъ полнаго цесарскаго титула онъ принимать не при-
«кажетъ. Теперь же, если имѣете какое-либо порученіе отъ короля
«Сигизмунда государя своего, исполняйте долгъ посольства предъ
«цесарскимъ престоломъ».

Панъ Малогоскій отправилъ свое посольство слѣдующею рѣчью:
«Вашему господарскому величеству угодно было чрезъ посла сво-
«его Аѳанасія Ивановича Власьева объявить, что ваше господарское
«величество, по благости Божіей, при помощи народа Польскаго,
«возсѣли на свой наслѣдственный прародительскій престолъ Мос-
«ковскій; что бывъ во владѣніяхъ Польскихъ, ваше господарское
«величество испытали доброжелательство и одолженіе ясневель-
«можнаго пана Георгія Мнишка воеводы Сендомирскаго, старосты
«Львовскаго и Самборскаго, и что, въ изъявленіе предъ всѣмъ
«свѣтомъ своей благодарности, предлагая руку свою ясневельмож-
«ной панѣ Маринѣ, дочери его свѣтлости ясневельможнаго пана
«воеводы Сендомирскаго, ваше господарское величество просите у
«нашего всемилостивѣйшаго государя на то согласія и дозволенія
«пану воеводѣ проводить свою дочь къ вашему величеству. Его
«королевское величество съ радостію узналъ о такомъ намѣреніи,
«въ надеждѣ на миръ и любовь вашего величества, а его свѣтлость
«панъ воевода Сендомирскій согласился выдать въ супружество
«свою дочь и проводить ее въ Московское государство. Въ слѣд-
«ствіе сего, по принятому порядку и обыкновенію, посланникъ
«Аѳанасій Ивановичъ, именемъ вашего господарскаго величества,
«обручился съ ясневельможною панною Мариною Мнишковною
«воеводовною Сендомирскою, въ присутствіи самого короля, также

«сына его, королевича Владислава, и сестры, королевны Шведской. 1606.
«Въ удостовѣреніе же дружбы и братской любви, его королевское
«величество отправилъ насъ, пословъ своихъ, на свадьбу вашего
«господарскаго величества и велѣлъ намъ присутствовать на ней
«вмѣсто своей особы».

Панъ староста Велижскій продолжалъ: «Всепресвѣтлѣйшій
«великій государь Сигизмундъ III, Божіею милостію король Поль-
«скій и иныхъ, вашему господарскому величеству, всепресвѣт-
«лѣйшему брату своему, Божіею милостію великому государю и
«великому королю всея Россіи, Димитрію Іоанновичу повелѣлъ
«сказать: посолъ вашъ Аѳанасій Ивановичъ Власьевъ объявилъ,
«что ваше господарское величество, вступивъ на престолъ пред-
«ковъ, сердечно сожалѣете о бѣдствіяхъ христіанства и намѣрены
«употребить всѣ мѣры для освобожденія его отъ ига невѣрныхъ.
«Его королевское величество, похваляя такое попеченіе о благѣ
«христіанства, готовъ повелѣть совѣту своему переговорить о
«томъ съ великими послами, которыхъ ваше господарское вели-
«чество уже назначили къ его королевскому величеству и дали
«знать объ нихъ чрезъ гонца своего Ивана Пребрашова. [157] Но
«какъ прежде необходимо устроить нѣкоторыя дѣла, то его коро-
«левское величество поручилъ намъ, посламъ своимъ, доложить
«объ нихъ вашему господарскому величеству и переговорить съ
«думными боярами, съ тѣмъ, чтобы ваше господарское величество,
«не тратя времени въ переговорахъ, могли дать полномочіе вели-
«кимъ посламъ своимъ для окончанія дѣлъ, во славу всевышняго
«Бога, для утвержденія истинной тѣсной дружбы и братской любви
«между государемъ нашимъ и вашимъ величествомъ, къ безсмерт-
«ному прославленію васъ обоихъ всепресвѣтлѣйшихъ вѣнценосцевъ,
«къ благоденствію знаменитыхъ народовъ, надъ коими Господь
«Богъ поставилъ васъ своими помазанниками, къ утѣшенію всего
«христіанскаго міра, къ трепету и гибели всѣхъ ордъ поганскихъ
«и бусурманскихъ».

По отправленіи посольства, пословъ пригласили сѣсть. Григо-

1606. рій Ивановичъ Микулинъ прочиталъ списокъ подаркамъ: «Божіею «милостію всепресвѣтлѣйшему и великому королю всея Россіи «Димитрію Іоанновичу отъ пословъ его королевскаго величества, «государю нашему всемилостивѣйшему. Отъ пана Малогоскаго: «большая золотая цѣпь на кольчугу, одиннадцать большихъ се- «ребряныхъ бокаловъ, по мѣстамъ вызолоченныхъ, два большіе «складные бокала, гнѣдой жеребецъ подъ попоною, большой Пер- «сидскій коверъ, бѣлый Турецкій конь подъ попоною, небольшой «Персидскій шелковый коверъ, комнатная Англійская собака, годная «и для звѣриной травли. Отъ пана Александра Корвина Госев- «скаго, старосты Велижскаго, тому жъ господарю: большой се- «ребряный бокалъ съ крышкою вызолоченный, другой серебряный «большой бокалъ съ крышкою вызолоченный, гнѣдой жеребецъ «подъ попоною. Отъ князя Александра Масальскаго: два серебря- «ные съ двойною позолотою бокала, одна большая золотая цѣпь».

По отданіи подарковъ, посольская свита привѣтствовала господаря. Потомъ Аѳанасій сказалъ посламъ: «Цесарское величество «жалуетъ васъ своимъ обѣдомъ». Послы отправились на квартиру. Чрезъ нѣсколько часовъ прибылъ къ нимъ чашникъ Василій Бутурлинъ съ различными яствами и напитками, принесенными въ золотыхъ сосудахъ.

14 мая пріѣхалъ къ ихъ высокомочіямъ посольскій дьякъ Иванъ Тарасовичъ Грамотинъ и сказалъ слѣдующее привѣтствіе: «Всепресвѣтлѣйшій непобѣдимый самодержецъ Димитрій Іоанно- «вичъ, Божіею милостію цесарь, по любви къ брату своему Сигиз- «мунду, королю Польскому и великому князю Литовскому, послалъ «меня къ вамъ, посламъ его, навѣстить васъ и узнать о здоровьи, «о твоемъ, панъ Николай! и о твоемъ, панъ Александръ! Какъ «поживаете въ его преславномъ, великомъ государствѣ?» Послы отвѣчали: «Чувствуемъ милость, которую его господарское вели- «чество оказываетъ намъ, посламъ его королевскаго величества, и «благодаримъ за нее. Чего же намъ недостаетъ, о томъ мы дали «знать приставамъ нашимъ, съ увѣренностію, что по милости его

«господарскаго величества, у насъ всего будетъ достаточно». 1606.
Грамотинъ возразилъ: «всего будетъ много, по приказанію цесар-
«скаго величества. Онъ самъ желаетъ говорить съ вами;» и по-
томъ продолжалъ:

«Извѣстно вамъ, какъ жили между собою наши прежніе вели-
«кіе государи: заключали союзы на краткое время и то болѣе для
«вида, а въ душѣ всегда оставались непріятелями. И вы и ваши,
«и мы и наши опасались другъ друга, какъ злѣйшихъ враговъ.
«Еще въ свѣжей памяти царствованіе Бориса Годунова, когда
«послы его королевскаго величества были здѣсь въ такой неволѣ,
«что не только посламъ, но и самому послѣднему изъ посольской
«свиты не дозволялось выти изъ квартиры. Самъ панъ староста
«Велижскій это засвидѣтельствуетъ. Теперь же, въ правленіе все-
«пресвѣтлѣйшаго, непобѣдимаго цесаря нашего Димитрія Ивано-
«вича всея Россіи, вы, послы, со всѣми людьми своими пользуетесь
«въ Москвѣ совершенною свободою; мы любимъ народъ вашъ,
«какъ своихъ единоземцевъ, и въ разговорахъ разсуждаемъ съ
«вами вольно, ничего не опасаясь; никогда въ Москвѣ не было
«такъ много Поляковъ, какъ нынѣ. Вы сами видите. А все это
«отъ того, что нашъ православный, великій государь цесарь лю-
«битъ его величество короля Польскаго. Желая жить съ вашимъ
«государемъ въ тѣсной дружбѣ, онъ пишетъ въ своихъ письмахъ
«полный титулъ королевскій, именуя Сигизмунда не только коро-
«лемъ Польскимъ, но и наслѣднымъ королемъ Шведскимъ,
«Готоскимъ, Вандальскимъ и княземъ Финляндскимъ. Борисъ
«напротивъ того не признавалъ его королемъ Шведскимъ, и даже
«въ мирномъ договорѣ не употреблялъ такого титула. [158] Посему,
«какъ его королевское величество Сигизмундъ обѣщалъ быть дру-
«гомъ и братомъ цесарю, нашему государю, то пусть прикажетъ
«не опускать полныхъ титуловъ его цесарскаго величества. Допе-
«сите о томъ въ свое время государю своему и панамъ его, чтобы
«изъ того не послѣдовалъ разрывъ дружбы между его королев-
«скимъ величествомъ и великимъ государемъ нашимъ».

1606. Отвѣтъ пословъ: «Если доселѣ не было истинной дружбы «между нашими государями и пролилась кровь христіанская, «это должно приписать грѣхамъ нашимъ. Борисъ, человѣкъ сла- «бый и непостоянный, съ самаго начала своего правленія, никогда «и ничего не дѣлалъ добраго: сперва замышлялъ на жизнь нынѣш- «няго великаго господаря, законнаго государя своего; потомъ, «овладѣвъ посредствомъ коварства столь обширною державою, не «умѣлъ править ею, и бывъ прежде вашимъ братомъ, во всемъ «вамъ равнымъ, до того забылся, что тиранствовалъ надъ вами и «проливалъ вашу кровь. Если уже съ вами не умѣлъ онъ обхо- «диться, тѣмъ болѣе съ великими государями: надмѣнный гор- «достію, онъ поступалъ съ послами его королевскаго величества, «вопреки обыкновенію всѣхъ государей, какъ съ невольниками, «и держалъ ихъ подъ стражею; а въ письмахъ къ его величеству «не хотѣлъ упоминать о титулѣ наслѣднаго короля Шведскаго, и «вообще дѣлая болѣе зла, чѣмъ добра, получилъ за все возмездіе: «умеръ не христіанскою смертью. Нынѣшній господарь вашъ, «будучи изъ пановъ панъ и законный наслѣдникъ предковъ своихъ, «обходится съ нами, послами его королевскаго величества, по «примѣру другихъ христіанскихъ государей; что самое взаимно «дѣлаетъ и будетъ дѣлать его королевское величество въ своихъ «владѣніяхъ посламъ вашего государя. Касательно же ходатайства «нашего предъ его королевскимъ величествомъ о согласіи его на «титулъ господаря вашего, мы съ удовольствіемъ донесемъ о томъ «его величеству и надѣемся, что король не откажетъ въ своемъ «согласіи, если то будетъ сообразно съ достоинствомъ его коро- «левскаго величества, государя нашего».

17 мая въ среду, въ третьемъ часу ночи, Русскіе проводили царицу изъ того монастыря, гдѣ она жила пять дней, въ покои, приготовленные для нея вмѣстѣ съ царскими. Проводники несли въ рукахъ льняныя свѣчи, похожія на наши похоронныя. Того же дня предъ вечеромъ дано знать посламъ, что завтре будетъ коронація и что ихъ приглашаютъ присутствовать.

18 мая въ четвертокъ, предъ коронаціею, царь прислалъ пану 1606.
воеводѣ Сендомирскому вызолоченныя сани, обитыя внутри парчею, съ парчевыми подушками, съ алымъ суконнымъ верхомъ на парчевомъ подбоѣ. Въ нихъ запряженъ былъ бѣлый жеребецъ; упряжь на немъ красная бархатная; возжи бобряныя; дуга и оглобли обтянуты краснымъ бархатомъ, обиты серебряною проволокою, съ серебряными посрединѣ бляхами, съ такими же по концамъ шишками, и съ красными шелковыми кистями. На хомутѣ по обѣимъ сторонамъ висѣло по сороку красивыхъ самыхъ лучшихъ соболей. Попона была богато унизана жемчугомъ. Въ этихъ саняхъ его свѣтлость панъ воевода Сендомирскій того же дня отправился къ царю. [159] Не доѣзжая дворца, конь вдругъ упалъ, хотя дорога была ровная. Этотъ случай былъ какъ будто предзнаменованіемъ грядущаго несчастія.

18 мая была коронація. Въ полдень послы отправились во дворецъ. По пріѣздѣ въ крѣпость, мы сошли съ коней и проводили пословъ въ золотую палату, гдѣ умеръ Борисъ. Въ сѣняхъ было множество Русскихъ, которые сидѣли по обѣимъ сторонамъ. Въ палатѣ мы увидѣли не мало Польскихъ пановъ, родственниковъ его свѣтлости воеводы Сендомирскаго. Съвъ съ ними, послы ожидали царя. Вскорѣ онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ съ богатою на головѣ короною, въ червленной бархатной мантіи, такъ унизанной жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, что самаго бархата мало было видно; въ одной рукѣ онъ имѣлъ скиптръ, а въ другой державу, осыпанную брилліантами, съ алмазнымъ крестомъ. Ему предшествовали нѣсколько сотъ Русскихъ, въ великолѣпныхъ одеждахъ, и два Польскіе пана староста Саноцкій и Тарло хоронжій Перемышльскій. Сзади шелъ панъ Бучинскій старшій. Панъ воевода Сендомирскій и князь Масальскій вели царя подъ руки. Царица шла вмѣстѣ съ нимъ, въ Русской одеждѣ съ широкими рукавами, красной бархатной, унизанной алмазами, рубинами, жемчугомъ, и въ подкованныхъ сапогахъ, также осыпанныхъ жемчугомъ. На головѣ у ней была корона такая, какія

1606. носятъ всѣ Русскія паньи, только богато убранныя каменьями. Вели ее подъ руки двѣ Московскія боярыни, съ одной стороны супруга князя Мстиславскаго, а съ другой, княгиня Шуйская. За нею шли Польскія паньи старостина Сохачевская, Тарлова, Гербуртова и Казановская. Прочія остались съ каммерфрейлинами и не присутствовали при выходѣ.

Царь, вступивъ въ палату, гдѣ принимаются послы, сѣлъ на тронъ; ниже его, по лѣвую руку, на другомъ меньшемъ тронѣ сѣла царица. Пригласили пословъ. Когда они вошли, Григорій Ивановичъ Микулинъ, по царскому повелѣнію, благодарилъ его королевское величество за дозволеніе пану воеводѣ Сендомирскому проводить свою дочь въ Москву и за присылку знатныхъ пановъ для присутствованія на свадьбѣ. Послѣ того сказано посламъ сѣсть. Въ слѣдъ за тѣмъ патріархъ принесъ на блюдѣ (держа его надъ головою) корону, которую царь поцѣловалъ и велѣлъ поднести царицѣ: она также приложилась. Корону вынесли, и всѣ, посидѣвъ немного, отправились въ церковь на коронацію.

Панъ Малогоскій велъ царя подъ руку съ правой стороны, а панъ староста шелъ предъ нимъ. Тутъ же несли скипетръ и державу. Отъ самыхъ палатъ до соборной церкви Богородицы, гдѣ происходила коронація, послань былъ для царя по мосткамъ фіолетовый бархатъ, низшаго разбора въ двѣ половинки. Церковь, по входѣ царя, немедленно заперли, для избѣжанія тѣсноты. Среди храма на амвонѣ, вышиною въ полтора человѣка, обитомъ краснымъ Англійскимъ сукномъ, были поставлены три трона: съ правой стороны для патріарха, въ срединѣ для царя, съ лѣвой стороны для царицы. Царскій тронъ былъ украшенъ золотомъ, бирюзою, смарагдами; царицынъ былъ серебряный, мѣстами вызолоченный; патріаршій не имѣлъ такого великолѣпія.

Когда они взошли по ступенямъ на амвонъ и всѣ трое сѣли, послы, тщетно ожидавшіе, что имъ также укажутъ мѣста, сами ихъ потребовали. Но царь сказалъ имъ чрезъ Лоанасія: «У насъ нѣтъ «обыкновенія сидѣть въ церквахъ; я и самъ сижу только по слу-

«чаю коронаціи». И такъ, принужденные стоять, послы, уже по 1606.
окончаніи церемоніи, отошли въ сторону и сѣли.

Въ продолженіе обряда коронаціи, принесли сперва на блюдѣ какой-то царскій уборъ, который патріархъ, вставъ съ своего мѣста, возложилъ на царицу; потомъ также на блюдѣ подали діадиму, въ которой, кромѣ множества мелкихъ дорогихъ каменьевъ и крупнаго жемчуга, было шесть смарагдовъ, величиною въ большое куриное яйцо. Патріархъ возложилъ ее *на плеча* царицы. Въ заключеніе принесли на золотомъ блюдѣ царскій вѣнецъ, т. е. корону: патріархъ, надѣвъ его на голову царицы, благословилъ ее и поцѣловалъ ея руку, обвернутую въ одежду. За нимъ подходили другъ за другомъ къ царицыной рукѣ всѣ духовныя особы; а сенаторы привѣтствовали ее чрезъ князя Мстиславскаго, какъ свою государыню: они цѣловали ей крестъ, т. е. присягали, прежде въ теченіе двухъ дней, въ понедѣльникъ и вторникъ.

Послѣ продолжительнаго пѣнія и разныхъ церемоній, царь сошелъ съ трона и сѣлъ, въ полномъ облаченіи, у Царскихъ дверей, гдѣ цари обыкновенно садятся; а царица отошла въ придѣлъ на молитву. Не умолчу здѣсь, какъ царь, сидя на тронѣ, во время совершенія коронаціи, хотѣлъ показать королевскимъ посламъ свое величіе: подозвавъ почетнѣйшаго сенатора князя Василія Шуйскаго, велѣлъ ему подставить себѣ скамейку и положить на нее свои ноги, одну за другою. Потомъ, подозвавъ князя Дмитрія Шуйскаго, приказалъ сдѣлать такую же честь и царицѣ. Бояре повиновались. Далѣе: будучи уже въ полномъ облаченіи, онъ снова подозвалъ тѣхъ же Шуйскихъ и велѣлъ имъ держать себя подъ руки; спустя нѣсколько времени, отослалъ ихъ съ какими то порученіями и призвалъ другихъ бояръ.

Между тѣмъ, окончивъ молитву, царица вышла изъ придѣла; царь всталъ съ своего мѣста и сѣлъ съ нею противъ Царскихъ дверей. Тутъ началась церемонія брака, съ разными обрядами, изъ коихъ я помню только два: во-первыхъ, попъ сказалъ царю, чтобы онъ взялъ царицу за руку, и обвелъ ихъ три раза вокругъ налоя;

1606. во-вторыхъ, тотъ же попъ отвѣдавъ краснаго вина изъ стекляной чаши, троекратно давалъ пить его понемногу царю и царицѣ; потомъ поставилъ чашу на землю; а царь разбилъ ее, толкнувъ ногою. На вопросъ мой, чтобы это значило, мнѣ отвѣчали, что это дѣлается въ воспоминаніе брака въ Канѣ Галилейской.

По совершеніи бракосочетанія, царь и царица сѣли, имѣя на головѣ богатыя короны; въ рукахъ царя были скипетръ и держава, усыпанные каменьями, отъ коихъ лучи сіяли по всему храму. Занявъ свое мѣсто, царь снова приказалъ сенаторамъ держать себя и жену подъ руки, подставлять скамейки и давалъ имъ разныя другія низкія порученія, какихъ его величество король не потребуетъ не только отъ сенатора, но и отъ самаго послѣдняго служителя своего. Взирая на сіе съ изумленіемъ, послы и многіе другіе Поляки благодарили Бога, который избавилъ ихъ отъ такой неволи, даровавъ свободу нашему отечеству. [160]

Уже предъ вечеромъ вышли изъ церкви. Въ дверяхъ царь и царица остановились; князь Мстиславскій бросалъ изъ блюда Португальскія монеты въ 20, въ 10 и въ 5 червонныхъ золотыхъ. По выходѣ изъ храма, Димитрій велѣлъ подозвать пословъ и сказалъ имъ: «Сегодня мы не можемъ пригласить васъ на пиръ: мы «устали отъ продолжительныхъ церемоній; къ тому жъ и поздно. «Но завтре вы будете у нашего стола». И такъ послы, раскланявшись съ нимъ, поѣхали на квартиру. Въ церкви, гдѣ происходила коронація, стоятъ два гроба Русскихъ чудотворцевъ св. Петра и св. Іоанна. Говорятъ, что тѣла ихъ невредимы, какъ бы недавно похороненныя, что земля ихъ не пріемлетъ, что каждый разъ гробы выходятъ наружу, лишь только опустятъ ихъ въ могилу. Впрочемъ тѣла закрыты и никому не показываются. По возвращеніи нашемъ на квартиру уже вечеромъ, пріѣхалъ къ посламъ царскій стольникъ, а за нимъ принесено множество разнаго кушанья и напитковъ въ золотыхъ сосудахъ.

19 мая, въ пятницу назначенъ свадебный пиръ. Въ сей день былъ праздникъ св. Николая, весьма уважаемый на Руси. Послы,

зная, что ихъ будутъ просить на пиръ, требовали отъ приставовъ 1606.
свѣдѣнія, какое назначено имъ мѣсто, и хотѣли сидѣть за однимъ столомъ съ Димитріемъ. Въ тотъ же день царь, прислалъ къ посламъ дьяка Грамотина съ приглашеніемъ на свою хлѣбъ-соль, велѣлъ объявить, что они узнаютъ отъ приставовъ о назначенномъ имъ мѣстѣ, достойномъ пословъ великаго государя, и что его царское величество приметъ ихъ съ честію, уважая дружбу своего брата. Послы отвѣчали: «Мы не сомнѣваемся, что государь «вашъ приметъ насъ, какъ пословъ великаго короля, брата своего, «и дастъ намъ за собственнымъ столомъ то самое мѣсто, какимъ «его королевское величество удостоивалъ Русскаго посла Аѳанасія». Грамотинъ возразилъ: «У насъ никому нельзя сидѣть за однимъ «столомъ съ цесаремъ, кромѣ нашей царицы». Послы изумились, и сказали въ отвѣтъ: «Ни одинъ изъ прежнихъ пословъ вашихъ «не сидѣлъ за однимъ столомъ съ его королевскимъ величествомъ. «Государь нашъ, для радости своей, удостоплъ такой чести вашего «посланника, вопреки обычаю, бывъ увѣренъ, что и вашъ государь «сдѣлаетъ то же самое. Посему имѣя повелѣніе его величества «требовать такого же мѣста за столомъ царскимъ и, въ случаѣ «отказа, не присутствовать на свадебномъ пирѣ, мы просимъ до«нести о томъ думнымъ боярамъ. Отвѣта же будемъ ждать въ «своей квартирѣ, изъ которой не можемъ выѣхать, пока не увѣ«римся, что намъ дадутъ мѣсто за столомъ господарскимъ, со«гласно съ достоинствомъ его королевскаго величества. Въ про«тивномъ случаѣ, мы принуждены были бы возвратиться въ свою «квартиру; такъ лучше условиться заблаговременно». Грамотинъ, давъ обѣщаніе донести слова пословъ царю и увѣдомить ихъ объ отвѣтѣ, отправился во дворецъ.

Вскорѣ онъ возвратился и проговоривъ весь царскій титулъ, объявилъ: «Его цесарское величество, любя короля своего брата «и васъ пословъ его, приглашаетъ васъ къ столу на свою свадьбу». «Съ удовольствіемъ поспѣшимъ на свадьбу вашего государя», отвѣчали послы; «только ждемъ отъ тебя извѣстія, какое мѣсто

1606. «за его столомъ дано будетъ въ нашемъ лицѣ особѣ короля, «государя нашего?» Грамотинъ: «Ваши слова я донесъ великому «цесарю: великій цесарь велѣлъ сказать вамъ, что вы будете «приняты съ честію, какъ послы великаго государя. А думные «бояре поручили объявить вамъ, что тебѣ, панъ Малогоскій, сидѣть «по правую руку цесаря за особеннымъ столомъ, согласно съ «тѣмъ, какъ принялъ король вашъ цесарскаго посланника; тебѣ же, «панъ староста Велижскій, дадутъ мѣсто за другимъ столомъ, «сообразно съ достоинствомъ короля и съ старинными обычаями. «Обоихъ васъ примутъ лучше, чѣмъ прежнихъ пословъ». Послы: «Королевскимъ наказомъ предписано обоимъ намъ сидѣть за однимъ «столомъ съ вашимъ государемъ; если же царь, принявъ въ раз- «сужденіе, что у королевскаго стола былъ одинъ посолъ, захочетъ «посадить съ собою только одного изъ насъ: его величество, пре- «доставляя то волѣ царской, повелѣлъ, безъ дальнихъ споровъ, «старшему изъ насъ сѣсть за однимъ столомъ съ вашимъ госуда- «ремъ, а младшему за обыкновеннымъ. Мы на то согласны; одинъ «изъ насъ сядетъ за царскимъ столомъ, а другой за обыкновен- «нымъ, какъ прежде бывало. Иначе мы не ѣдемъ во дворецъ». Грамотинъ удалился.

Чрезъ полчаса пріѣхалъ царскій казначей, Аѳанасій Власьевъ, бывшій посланникомъ въ Польшѣ на свадьбѣ его королевскаго величества. Прочитавъ весь титулъ своего государя, онъ сказалъ слѣдующее: «Его цесарское величество, любя *полубрата* своего, «а васъ пословъ жалуя, присылалъ къ вамъ думнаго дьяка Ивана «Грамотина звать васъ къ столу на свою царскую радость, назна- «чивъ вамъ мѣста приличныя; по этихъ мѣстъ вы не принимаете, «желая чтобы одинъ изъ васъ сидѣлъ за собственнымъ столомъ «великаго цесаря. Правда, я, бывъ посланникомъ, имѣлъ мѣсто «за однимъ столомъ съ королемъ вашимъ, но это случилось по- «тому, что за тѣмъ же столомъ сидѣли послы папскій и цесар- «скій; слѣдовательно меня посадить за другимъ столомъ было не «возможно. Нашъ цесарь не только не менѣе папы и Римскаго

«цесаря, но еще болѣе: у нашего преславнаго цесаря каждый «попъ — папа.»

Съ великимъ изумленіемъ и прискорбіемъ слушали послы столь грубыя рѣчи, неприличныя не только въ домѣ посольскомъ, но и во всякомъ порядочномъ мѣстѣ: ибо, кромѣ другихъ нелѣпостей, Аѳанасій сказалъ, что его господарь выше всѣхъ монарховъ христіанскихъ! Приписывая такой вздоръ высокомѣрію и гордости, послы признали за лучшее оставить его безъ вниманія; на замѣчаніе же Аѳанасія, что онъ сидѣлъ вмѣстѣ съ другими послами, отвѣчали довольно пространно: «Король посадилъ тебя съ «собою не для другихъ пословъ, а въ доказательство братской «дружбы къ твоему государю: иначе онъ отправилъ бы тебя на «квартиру, или помѣстилъ бы не за своимъ столомъ, а за другимъ, «согласно съ прежними обыкновеніями; послы же папскій и цесар«скій сидѣли бы съ королемъ, такъ, какъ и его величества послы «сидятъ вмѣстѣ съ папою и цесаремъ; тебѣ не было бы сей чести, «если бы король не дорожилъ дружбою твоего государя. Но вопреки «обыкновенія, посадивъ тебя вмѣстѣ съ собою, онъ былъ увѣренъ, «что твой государь не откажетъ ему въ подобной чести и не только «двухъ пословъ, но и десять посадитъ вмѣстѣ съ собою. Впрочемъ, «какъ ты былъ одинъ за столомъ королевскимъ, то его величество «въ своемъ наказѣ предписалъ, въ случаѣ спора, быть одному изъ «насъ за столомъ господарскимъ, а другому сѣсть на обыкновен«номъ мѣстѣ, какъ прежде бывало». Аѳанасій не умѣлъ отвѣчать на эти слова и, оставшись при своихъ грубыхъ рѣчахъ, только спрашивалъ пословъ, желаютъ ли они ѣхать къ цесарю? «Не «ѣдемъ», отвѣчали послы: «мы не довольны тѣмъ мѣстомъ, которое «ты намъ объявилъ именемъ своего государя». И такъ ихъ высокомочіямъ досталось въ сей день обѣдать въ своей квартирѣ.

20 мая въ субботу въ два или три часа по полуночи, [161] послы ѣздили къ воеводѣ Сендомирскому, давъ ему прежде знать о своемъ желаніи видѣться съ нимъ. Воевода, по просьбѣ ихъ, немедленно созвалъ всѣхъ пановъ, своихъ знаменитыхъ родствен-

1606. никовъ, въ числѣ коихъ находился панъ подстолій его королевскаго величества. Послы жаловались предъ ними на свое приключеніе и просили совѣта, что дѣлать имъ въ семъ случаѣ. По долговременномъ совѣщаніи, панъ воевода согласился съѣздить къ царю, не взирая на свою болѣзнь, и немедленно отправился во дворецъ. Часа чрезъ два онъ возвратился съ царскимъ отвѣтомъ. Димитрій ничего опредѣлительнаго не сказалъ, только подалъ нѣкоторую надежду назначить посламъ мѣсто почетнѣе, чѣмъ было объявлено, отложивъ приглашеніе, съ согласія воеводы, до слѣдующаго дня, потому, что уже наступало обѣденное время. На пиршество сего дня царь звалъ панов жолнеровъ нашихъ и, угощая ихъ, приглашалъ въ свою службу: каждому изъ нихъ, кто хотѣлъ брать деньги, даритъ по сту злотыхъ на коня гусарскаго и по четверти быка; а товарищамъ по сороку соболей и по одному куску парчи, обнадеживая всѣхъ особеннымъ своимъ благоволеніемъ. Послы, возвратившись отъ пана воеводы, и въ сей день не были у царскаго стола.

21 мая въ воскресенье, панъ воевода прислалъ пана Стрембоша спросить пословъ: имѣютъ ли они сегодня время вручить царю подарки его величества, чтобы найти поводъ къ свиданію съ господаремъ. Послы, удивляясь, что панъ воевода спрашиваетъ ихъ совсѣмъ о другомъ, между тѣмъ какъ дѣло шло о мѣстѣ, отвѣчали ему слѣдующимъ образомъ: «Мы увѣрены, что этотъ «вопросъ предложенъ намъ не отъ самого пана воеводы, а по волѣ «господаря, который, не назначая намъ мѣста, сообразно съ до«стоинствомъ короля, требуетъ подарковъ, чтобы только заманять «насъ во дворецъ. Прежде онъ долженъ пригласить насъ къ столу «и оказать такую же честь особѣ короля, какою удостоилъ его «величество посланника Аоанасія. Посему, не бывъ вопреки обы«кновенія у стола, мы не намѣрены представлять подарковъ» Панъ Стрембошъ возразилъ отъ имени пана воеводы: «По справедли«вости, слѣдовало бы вашимъ высокомочіямъ прежде быть у стола, «а послѣ отдать подарки. Но теперь не до того. Панъ воевода

«проситъ и убѣждаетъ васъ отправиться теперь же съ подарками, 1606.
«чтобы, споря о церемоніяхъ, не упустить изъ вида важнѣйшихъ
«дѣлъ его королевскаго величества и не пресѣчь благопріятнаго
«теченія ихъ, ко вреду рѣчи посполитой. Панъ воевода тѣмъ болѣе
«убѣждаетъ васъ устранить затрудненіе, что самъ господарь про-
«силъ васъ на свою хлѣбъ-соль и обѣщалъ оказать всякую почесть
«его величеству въ вашей особѣ».

Послы долго размышляли, что имъ дѣлать? Непомѣрная гордость сего человѣка и состояніе дѣлъ въ отечествѣ принудили ихъ уступить; но рѣшившись отдать подарки, они не хотѣли присутствовать на пиршествѣ, если царь не захочетъ посадить ихъ за своимъ собственнымъ столомъ, и съ тѣмъ отпустили пана Стрембоша, который вскорѣ опять возвратился съ убѣдительною просьбою пана воеводы не тратить времени въ спорахъ и поспѣшить представленіемъ подарковъ. И такъ мы отправились во дворецъ.

Пословъ ввели въ особенныя палаты, приготовленныя для царицы; въ самомъ дальнемъ покоѣ сидѣлъ царь съ супругою. На царѣ былъ красный бархатный плащъ, вышитый жемчугомъ и подбитый соболями; красный бархатный кафтанъ, также вышитый жемчужными узорами въ видѣ коронованныхъ орловъ; сапоги были изъ гладкаго бархата подкованные. Царица, одѣтая по-Польски, въ красный телетъ, унизанный жемчугами, на головѣ имѣла ту самую корону, которую возложили на нее за нѣсколько предъ тѣмъ дней. Покой былъ обитъ гладкимъ краснымъ бархатомъ, а полъ устланъ сѣрыми бобровыми коврами. Вмѣстѣ съ царемъ и царицею находились въ томъ покоѣ три Польскія дамы, панья хоронжина Тарлова, панья старостина Сохачевская и панья Казановская; да сверхъ того нѣсколько Москвитянокъ. Отдавая подарки царицѣ, панъ каштелянъ Малогоскій говорилъ рѣчь. Они были слѣдующіе: большой золотой бокалъ съ кубкомъ; два кубка большіе, двойные; три складные бокала; семь кубковъ; семь виноградныхъ кистей, украшенныхъ цвѣтами; корабликъ съ серебряною пушкою; двѣ

1606. жемчужины въ раковинахъ; дерево съ тремя виноградными кистями. Все это было принято Аѳанасіемъ Власьевымъ; онъ же и благодарилъ. Вручивъ королевскіе подарки, панъ Малогоскій отъ себя и супруги своей поднесъ царицѣ: корону, украшенную жемчугомъ, алмазами и рубинами; два ожерелья изъ рубиновъ и алмазовъ; брилліантовыя серги съ рубинами; цѣпь изъ литаго золота съ алмазами и жемчугомъ.

По представленіи подарковъ, Аѳанасій, по царскому повелѣнію, сказалъ посламъ: «Цесарь приглашаетъ васъ, какъ пословъ короля «Польскаго, къ своему столу, кушать хлѣба-соли». «Охотно желаемъ «исполнить волю вашего господарскаго величества», отвѣчалъ панъ Малогоскій; «мы давно готовы вкусить вашу хлѣбъ-соль: мы ею не «пренебрегаемъ. Но какъ ваше величество не хотѣли даже мнѣ «одному дать мѣста за столомъ своимъ, хотя такою честію король «Польскій удостоилъ посланника Аѳанасія; то по сей причинѣ мы «не могли доселѣ быть у стола вашего господарскаго величества; «не можемъ и теперь воспользоваться приглашеніемъ, если ваша «господарская милость не удостоите насъ, изъ уваженія къ особѣ «короля, посадить за однимъ столомъ съ собою».

На сіи слова отвѣчалъ самъ господарь: «Я не просилъ короля «Польскаго на свадьбу: только въ такомъ случаѣ я почтилъ бы «васъ мѣстомъ въ особѣ его королевскаго величества; а теперь вы «садитесь за мой столъ, какъ послы». Панъ Малогоскій началъ было возражать; но царь, подозвавъ пана воеводу Сендомирскаго, сталъ съ нимъ разговаривать. Когда разговоръ ихъ кончился, панъ воевода подошелъ къ посламъ и царскимъ именемъ объявилъ, что по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя объяснены прежде, панъ Малогоскій не можетъ сидѣть за царскимъ столомъ, но что ему поставятъ особенный столикъ по правую руку царя, близъ трона. Объявивъ сіе, панъ воевода тихо сказалъ посламъ, что царь проситъ ихъ болѣе не спорить о мѣстѣ, и что онъ намѣренъ говорить съ ними о дѣлахъ важнѣйшихъ, относящихся къ особѣ короля и къ рѣчи посполитой. Послы не соглашались уступить,

ссылаясь на королевскій наказъ, въ коемъ именно сказано, чтобы 1606.
по крайней мѣрѣ одинъ панъ Малогоскій, какъ старшій посолъ, домогался мѣста у царскаго стола. Панъ Сендомирскій снова просилъ и уговаривалъ ихъ прекратить столь горячій споръ о мѣстѣ, удостовѣряя, что упорство повредитъ рѣчи посполитой и что отъ царя его королевское величество можетъ ожидать много добраго.

Наконецъ послы, поговоривъ другъ съ другомъ, дали такой отвѣтъ: «Сами собою мы не можемъ отступить отъ королевскаго «наказа. Если же его господарское величество дастъ намъ пись-«менное свидѣтельство, что мы рѣшились нарушить статью о «мѣстѣ, только въ слѣдствіе убѣжденій и обѣщанія всего лучшаго «для рѣчи посполитой, и если панъ воевода согласится ходатай-«ствовать за насъ предъ королемъ, когда станутъ обвинять насъ «въ униженіи королевскаго достоинства; въ такомъ случаѣ мы, не «желая затруднять спорами другихъ дѣлъ его королевскаго вели-«чества и рѣчи посполитой, исполнимъ вашу волю и примемъ тѣ «мѣста, которыя для насъ назначены». Господарь и панъ воевода согласились на требованіе пословъ, и они тотчасъ пошли къ столу.

Панъ Малогоскій сидѣлъ по правую руку царя за особеннымъ столикомъ, немного ниже царскаго мѣста. Кушанья и напитки подавали ему Москвитяне. Панъ староста Велижскій сидѣлъ за тѣмъ столомъ и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ прежде обыкновенно сажали великихъ пословъ. За паномъ старостою сидѣли свояки господаря, паны Мнишки; за ними другіе родственники, наконецъ посольская свита. По правую руку его находились дамы: княгиня Мстиславская, княгиня Шуйская и нѣкоторыя Польскія панны. Княжна Косырская сидѣла у окна, недалеко отъ царицы; а панья хоронжина Тарлова во все время обѣда стояла предъ царицею; равнымъ образомъ и панъ воевода, старецъ, больной, въ продолженіе цѣлаго обѣда ни разу не присѣлъ, и какъ слуга, безъ шапки, стоялъ предъ царемъ и царицею. Такое неуваженіе къ пану воеводѣ всѣхъ удивляло.

1606. Обѣдъ длился нѣсколько часовъ съ разными Московскими обрядами, при звукахъ царицыной музыки; но кушанья такъ были негодны, что никто изъ насъ не могъ ѣсть ихъ. Въ продолженіе обѣда господарскіе стольники по нѣскольку разъ подносили каждому изъ гостей разные напитки съ сими словами: «Цесарское величество жалуетъ тебя». Среди залы около пилястра поставлено было множество серебряной столовой посуды, отъ пола до самаго потолка; ея не трогали, а всѣ яства и напитки подавали на золотѣ. Царь пилъ за здоровье его королевскаго величества: послы, по желанію его, должны были встать съ своихъ мѣстъ, подойти къ тропу и тутъ, принявъ изъ царскихъ рукъ по полной чарѣ, осушить ее. Равнымъ образомъ каждому изъ насъ онъ давалъ изъ рукъ своихъ по полной чарѣ. Была еще одна церемонія: предъ царемъ поставили блюдо сухихъ Венгерскихъ сливъ; всѣ думные бояре и дворяне, вставъ съ своихъ мѣстъ, пошли къ господарю, и каждый, получивъ изъ рукъ его по парѣ сливъ, тотчасъ ихъ проглатывалъ. Это продолжалось до тѣхъ поръ, пока господарь всѣхъ обдѣлилъ. По окончаніи обѣда, Русскіе послы, отправлявшіеся въ Персію, цѣловали руку у царя и царицы. Послѣ того Димитрій съ супругою удалился въ свои покои; а послы возвратились на квартиру, куда вскорѣ по пріѣздѣ нашемъ, принесли имъ по обыкновенію царскій ужинъ.

23 мая, во вторникъ, панъ Малогоскій былъ во дворцѣ на пиршествѣ у царицы; а панъ староста Велижскій оставался дома. По пріѣздѣ во дворецъ, насъ проводили въ думные царскіе покои; въ первомъ изъ нихъ сѣлъ панъ Малогоскій и около получаса забавлялся разговорами съ царскими дворянами; наконецъ вышелъ панъ Бучинскій и пригласилъ посла въ покои царицы Столъ былъ убранъ въ Польскомъ вкусѣ по-королевски. Урядники и буфетчики были такіе же, какихъ имѣетъ его королевское величество. На этомъ пиршествѣ было много ближнихъ родственниковъ пана воеводы Сендомирскаго; всѣ веселились и танцовали при звукахъ царицыной музыки. Панъ Малогоскій получилъ отъ царя и царицы

по большой золотой чарѣ съ каменьями, и уже вечеромъ возвра- 1606.
тился на квартиру, куда вскорѣ принесли ему отъ господаря разныхъ напитковъ.

24 мая въ среду, послы желая видѣться съ паномъ воеводою Сендомирскимъ, поѣхали къ нему сами, изъ уваженія къ его старости и слабости здоровья; но панъ воевода не хотѣлъ, чтобы ихъ высокомочія безпокоились, и самъ отправился къ нимъ. Они встрѣтили другъ друга въ крѣпости. Послы просили его свѣтлость возвратиться на квартиру, желая сами навѣстить его; но панъ воевода никакъ не соглашался на всѣ убѣжденія, и послы должны были ѣхать вмѣстѣ съ нимъ домой.

25 мая въ день Божіяго тѣла, послы были во дворцѣ. Насъ проводили въ деревянныя палаты, вновь построенныя Димитріемъ надъ Москвою рѣкою, позади другихъ палатъ. Тамъ мы увидѣли самого царя: онъ сидѣлъ на стулѣ въ голубой одеждѣ, въ высокой шапкѣ, съ посохомъ въ рукѣ. По обѣимъ сторонамъ его сидѣло много бояръ и дворянъ. Какъ скоро вошли послы, Аѳанасій доложилъ объ нихъ царю; имъ подали скамью и они сѣли. Потомъ тотъ же Аѳанасій, по царскому повелѣнію, пригласилъ пословъ въ отворенную палату для переговоровъ съ думными боярами. Послы вступили въ палату, оставивъ государя на томъ же мѣстѣ, гдѣ его застали. Вскорѣ вошли къ нимъ думные бояре: князь Дмитрій Шуйскій, князь Михайло Масальскій, Михайло Игнатьевичъ Татищевъ, Аѳанасій Власьевъ и Иванъ Грамотинъ.

Аѳанасій сказалъ посламъ: «Николай и Александръ! вы гово-
«рили всепресвѣтлѣйшему, непобѣдимому самодержцу Димитрію
«Іоанновичу (здѣсь упомянутъ весь титулъ его), что король госу-
«дарь вашъ прислалъ васъ сюда для переговоровъ о добрыхъ дѣ-
«лахъ. Его цесарское величество, по своему цесарскому милосер-
«дію, повелѣлъ думнымъ боярамъ своимъ (назвавъ каждаго) пере-
«говорить съ вами. И такъ объявите, какое вы имѣете порученіе
«отъ короля государя своего».

Послы, изъяснивъ достаточно на словахъ цѣль своего прибы-

1606. тія, подали на бумагѣ слѣдующую ноту: «Не нужно пространно «доказывать, сколь мило и пріятно братское согласіе Господу «Богу нашему: это извѣстно всѣмъ народамъ христіанскимъ; объ «этомъ говорили въ св. Писаніи евангелисты, апостолы и пророки, «поучавшіе народъ Божій хранить миръ и любовь. Согласіемъ мы «заслуживаемъ Божію милость и въ царствѣ небесномъ приготов- «ляемъ блаженство душамъ своимъ; а здѣсь, на семъ свѣтѣ, со- «дѣйствуемъ благоденствію отечества, прославляемъ христіанство, «чествуемъ Господа Бога, Искупителя нашего. Гдѣ же господ- «ствуютъ раздоры, ненависть, вражда, особливо въ великихъ госу- «дарствахъ христіанскихъ, тамъ гибнетъ религія, забываютъ Бога, «возникаетъ идолослуженіе и язычество. Такъ во время раздоровъ «христіанскихъ государей (отъ чего да сохранитъ насъ Господь!) «не только великія царства, но и святыя мѣста, ознаменованныя «стопами Господа Бога, Искупителя нашего, достались въ руки «невѣрныхъ, бусурманъ, къ невыразимой горести всего христіан- «ства. Нынѣ, Божіею милостію, всепресвѣтлѣйшій господарь вашъ «и великій князь всея Россіи Димитрій Іоанновичъ, волею и про- «мысломъ Всевышняго возведенный на престолъ прародительскій, «намѣреваясь освободить христіанство отъ тяжкаго ига, присылалъ «къ его королевскому величеству посланника своего казначея и «думнаго дьяка Аѳанасія Ивановича Власьева; а потомъ, назначивъ «и великихъ пословъ, о коихъ уже далъ знать чрезъ своего гонца, «изъявилъ всемилостивѣйшему государю нашему желаніе общими «силами стать противъ враговъ св. креста и избавить христіанъ «отъ рукъ невѣрныхъ. Его королевское величество, съ благодар- «ностію внявъ такому желанію, согласенъ не только жить съ нимъ «въ братской любви, но и свое государство соединить тѣснымъ «союзомъ съ Русскою державою, чтобы общими силами воору- «житься противъ мусульманъ. Не откладывая вдаль столь великаго, «для христіанъ необходимаго дѣла, всемилостивѣйшій государь «поручилъ намъ, посламъ своимъ, переговорить съ пресвѣтлѣй- «шимъ государемъ вашимъ и съ вами, думными боярами, о томъ,

«чтобы вы, братья наши, именемъ своего государя объявили 1606.
«намъ: какимъ образомъ, какъ скоро и съ какою силою онъ на-
«мѣренъ ополчиться противъ невѣрныхъ? Всепресвѣтлѣйшій госу-
«дарь вашъ, самъ предпринявъ это дѣло и увѣдомивъ о томъ его
«королевское величество, самъ можетъ объявить и средства къ
«успѣшному окончанію; а мы, получивъ чрезъ васъ нужныя свѣ-
«дѣнія отъ всепресвѣтлѣйшаго государя вашего, рады вступить съ
«вами въ переговоры и дадимъ вамъ знать, что можемъ сдѣлать
«съ своей стороны, дабы не тратя времени въ пересылкахъ отъ
«вашего государя къ нашему, тѣмъ скорѣе и надежнѣе, на проч-
«номъ основаніи, довершить столь великое и вожделѣнное для
«всего христіанства предпріятіе. Если же теперь не согласимся въ
«мѣрахъ къ исполненію, ваши послы при всякомъ новомъ пунктѣ,
«неопредѣленномъ въ царскомъ наказѣ, должны будутъ или отно-
«ситься къ своему государю и просить разрѣшенія, или отклады-
«вать все дѣло до другаго времени, и тѣмъ длить его безконечно.
«Посему гораздо лучше для васъ переговорить съ нами въ брат-
«ской любви и пріязни».

Прочитавъ бумагу, бояре посовѣтовались другъ съ другомъ и чрезъ Михайла Татищева отвѣчали посламъ слѣдующимъ образомъ: «Мы слышали отъ васъ, что король Сигизмундъ желаетъ
«ополчиться вмѣстѣ съ непобѣдимымъ цесаремъ нашимъ противъ
«невѣрныхъ, только тѣми средствами, о которыхъ наказомъ коро-
«левскимъ поручено вамъ объявить намъ. Нашъ всепресвѣтлѣйшій,
«непобѣдимый цесарь намѣренъ воевать съ погаными единственно
«по ревности къ славѣ Бога и святой вѣрѣ, безъ всякихъ другихъ
«видовъ. Если же король поручилъ вамъ только выѣдать наши
«мысли, чтобы послѣ самому ничего не дѣлать, то это будетъ
«коварствомъ и обманомъ».

На такія слова, довольно грубыя, послы отвѣчали сурово и пристыдили Татищева. Послѣ пана Малогоскаго, сталъ говорить староста Велижскій: «Вамъ самимъ извѣстенъ порядокъ догово-
«ровъ: кто предлагаетъ какое либо важное дѣло и требуетъ чего

1606. «либо отъ другаго, тотъ самъ прежде изъявляетъ свои способы и «средства. Вашъ всепресвѣтлѣйшій господарь и великій князь всея «Россіи Димитрій Іоанновичъ, вступивъ на престолъ предковъ «своихъ, далъ знать его королевскому величеству сперва чрезъ «казначея Аѳанасія Власьева, а потомъ чрезъ гонца своего Ивана, «что, сожалѣя о упадкѣ христіанства и желая возстановить его, «онъ намѣренъ ополчиться на султана Турецкаго и другихъ бусур- «манъ; для сего назначилъ къ его королевскому величеству съ «требованіемъ помощи великихъ пословъ дворецкаго князя Василія «Ивановича Масальскаго и окольничаго Михаила Игнатьевича Тати- «щева. Король, какъ государь христіанскій, съ благодарностію «принявъ такое предложеніе, хочетъ не только соединиться съ «вашимъ государемъ, но и обѣ обширныя державы связать любовію «христіанскою, чтобы общими силами ударить на невѣрныхъ. «Какъ скоро прибудутъ въ Польшу назначенные вашимъ государе- «ремъ послы, его величество повелитъ совѣту своему перегово- «рить съ ними о такомъ предпріятіи; а какъ прежде необходимо «привести въ порядокъ нѣкоторыя дѣла, то его величество, по- «славъ насъ на свадьбу великаго господаря вашего, повелѣлъ «узнать о способахъ, которыми онъ намѣренъ вести войну съ по- «гаными, для того, чтобы съ своей стороны объявить условія «мира, дружбы и наступательнаго союза. Въ королевскомъ наказѣ «намъ именно предписано переговорить подробно съ вами, думные «бояре, а потомъ ваши послы должны будутъ предложить условія «его величеству королю и рѣчи посполитой. Не зная о мѣрахъ и «способахъ вашего государя, мы не можемъ, вопреки наказу, про- «должать переговоровъ».

Князь Димитрій Шуйскій, Татищевъ и Аѳанасій отвѣчали посламъ: «Мы доложимъ ваши рѣчи всепресвѣтлѣйшему цесарю «нашему и дадимъ вамъ отвѣтъ». Съ этимъ словомъ отошли. Вскорѣ Татищевъ, Аѳанасій и Грамотинъ возвратились; первый сказалъ посламъ: «Мы донесли ваши слова всепресвѣтлѣйшему, «непобѣдимому самодержцу Димитрію Іоанновичу. Его цесарское

«величество, повелѣвъ намъ подумать о способахъ войны, вскорѣ 1606.
«самъ будетъ говорить съ вами въ присутствіи ближнихъ бояръ».
Тѣмъ кончились переговоры.

Послы поѣхали прямо на обѣдъ къ пану Тарлу, хоронжему Львовскому, который пригласилъ также князя Вишневецкаго, пана подстолія короннаго и многихъ другихъ пановъ. Послѣ обѣда забавлялись танцами; время текло среди веселостей. Между тѣмъ кто-то сказалъ, что Поляки подрались съ Русскими. Въ ту самую минуту звонили къ вечернѣ: нашимъ послышалась тревога; забыли пиръ и разбѣжались. Паны послы, имѣя уже въ головѣ, поспѣшили на свою квартиру; а князь Вишневецкій, паны Стадницкіе и панъ подстолій остались, желая узнать причину тревоги. Наконецъ сказали намъ, что пьяный гайдукъ князя Вишневецкаго прибилъ Русскихъ, а Русскіе прибили его; отъ чего и вышла тревога.

Намъ совѣтовали быть осторожными, говоря, что бояре сговорились съ народомъ погубить царя и всѣхъ Поляковъ. Въ самомъ дѣлѣ уже былъ заговоръ: положено было напасть на насъ ночью съ середы на четвертокъ; болѣе всѣхъ злились на князя Вишневецкаго; около квартиры его собралось до четырехъ тысячь черни съ намѣреніемъ начать бунтъ; но въ эту ночь что-то помѣшало ей. Насъ предостерегали Нѣмцы, болѣе расположенные къ намъ, нежели къ Русскимъ: они удостовѣряли, что Москвитяне рѣшились погубить насъ всѣхъ до послѣдняго. Въ слѣдствіе сего, послы объявили единоземцамъ своимъ, въ случаѣ какой либо опасности укрываться въ посольскомъ домѣ. Увѣдомили и царицу о безпокойствѣ пословъ. Царь, узнавъ о семъ, въ тотъ же день два раза присылалъ къ посламъ пана Бучинскаго и совѣтовалъ имъ не тревожиться. «Я», говорилъ царь, «такъ хорошо взялъ въ «руки свое государство, что безъ воли моей ничего быть не мо«жетъ». Въ тотъ же вечеръ панъ воевода и панъ староста Саноцкій расположили на своемъ дворѣ, въ сторонѣ отъ квартиры, всю пѣхоту свою съ хоругвями и барабанами. Мы также, въ слѣдствіе

1606. случившейся тревоги, поставили стражу на посольскомъ дворѣ, и каждый изъ насъ съ людьми своими принужденъ былъ цѣлый день и всю ночь поочередно караулить дворъ.

Москвитяне уже давно замыслили мятежъ. Нѣсколько дней сряду бояре внушали народу, что царь, при помощи Поляковъ, намѣренъ истребить знатнѣйшія въ Москвѣ семейства и заселить ее Поляками и Литовцами. Все это, по словамъ бояръ, должно было совершиться въ наступающее воскресенье, т. е. 28 мая. Къ сему дню Польскіе рыцари готовились ломать копья, по случаю царской свадьбы: нѣсколько пушекъ было отправлено въ поле для пальбы; бояре же говорили народу, что Поляки готовились не къ ристанію, а къ избіенію Москвитянъ, что царь намѣревается истребить Русскую вѣру и ввести въ Россію еретическую (т. е. католическую), что самый нарядъ гусарскій, имъ любимый, служитъ тому доказательствомъ, что безъ намѣренія уничтожить вѣру не было причины старинную Русскую одежду замѣнять новою чужеземною, что кромѣ того онъ расточаетъ собранныя предками его сокровища и раздаетъ ихъ Полякамъ. Много было и другихъ обвиненій, которыми бояре вооружали простодушныхъ на царя, называя его не царевичемъ Димитріемъ, а Гришкою Богдановымъ разстригою Отрепьевымъ. Всѣ твердили это; всѣ желали видѣть на престолѣ кореннаго Русскаго. Усерднѣе всѣхъ распространялъ подобныя вѣсти Михайло Ивановичъ [162] Татищевъ, едва не казненный царемъ за измѣну, сосланный въ дальній острогъ, потомъ помилованный и по прежнему членъ сената. Самъ царь лучше всѣхъ насъ зналъ о заговорѣ; но не хотѣлъ и слышать объ немъ. Онъ досадовалъ, если кто изъ нашихъ предостерегалъ его, и таилъ свое безпокойство отъ его королевскаго величества, въ надеждѣ скоро устранить всякій поводъ къ опасенію.

Кончивъ переговоры съ послами его королевскаго величества, царь старался развѣдать о заговорщикахъ между своими сенаторами. Обыкновенно при немъ всегда была стража, состоявшая изъ 300 Нѣмцевъ, вооруженныхъ аллебардами. Бояре, участвовавшіе

въ заговорѣ, распустили этихъ тѣлохранителей, однихъ въ пят- 1606.
ницу вечеромъ, а другихъ въ субботу, сказавъ, что царь повелѣлъ имъ разойтись по квартирамъ. Увѣренные въ царскомъ повелѣніи и не подозрѣвая никакого умысла, Нѣмцы удалились. Предъ покоями осталось только 30 аллебардщиковъ, а въ самыхъ покояхъ было съ царемъ нѣсколько слугъ изъ Поляковъ и немного музыкантовъ. Разсказываютъ, что Димитрій въ ночь на 27 мая не спалъ и все веселился. Рано въ субботу онъ вышелъ изъ своихъ покоевъ на крыльцо, гдѣ увидѣвъ Аѳанасія Власьева и князя Григорія Волконскаго, нашего пристава, спросилъ: не говорятъ ли чего объ немъ Польскіе послы? Князь Волконскій, кажется, не знавшій о заговорѣ, сказалъ нѣсколько словъ въ отвѣтъ и сошелъ съ крыльца; между тѣмъ заговорщики дали знать другъ другу; вскорѣ собралось до 200 бояръ и дворянъ Московскихъ: они вломились въ крѣпостные ворота и ударили въ колоколъ, называемый *Палдъ*, въ который обыкновенно звонятъ при всякой тревогѣ. Царь, услышавъ тревогу, спросилъ князя Дмитрія Шуйскаго: для чего звонятъ? «Пожаръ,» отвѣчалъ Шуйскій. Въ слѣдъ за тѣмъ ударили въ набатъ.

Часть народа была приготовлена къ бунту; многіе ничего не знали: имъ сказали, что Литва бьетъ бояръ. И такъ зазвонили во всѣ колокола, сколько ихъ было въ городѣ. Чернь бросилась въ крѣпость на помощь боярамъ съ рогатинами, съ ружьями, съ топорами, съ саблями, со всемъ, что попалось въ руки. Между тѣмъ, пока народъ еще не сбѣжался, князь Василій Шуйскій совѣтовалъ дворянамъ напасть на дворецъ и довершить дѣло, говоря, что Гришка Отрепьевъ приказалъ въ тотъ же вечеръ отсѣчь имъ головы и что только смерть злодѣя спасетъ ихъ. Изъ 30 Нѣмцевъ аллебардщиковъ, оставшихся при дворцѣ, одни бросили аллебарды, когда въ нихъ начали стрѣлять, а другіе выскочили изъ палатъ и бѣжали. Въ царскомъ покоѣ былъ въ то время Петръ Басмановъ; услышавъ тревогу и увидѣвъ бунтовщиковъ, онъ закричалъ царю: «Мятежъ! я умру, а ты спасайся», и ставъ въ дверяхъ, отражалъ

1606. Русскихъ до послѣдняго издыханія: его убили вмѣстѣ съ другими, которые также оборонялись.

Говорятъ, царь, надѣвъ свое платье, выскочилъ изъ окна; но одинъ Москвитинъ догналъ его и ранилъ саблею въ ногу, въ добавокъ къ тому, что досталось ему при скачкѣ изъ окна. Упавъ на землю, царь лишился чувствъ; къ нему подбѣжали стрѣльцы, отлили его водою и перенесли на каменный фундаментъ деревяннаго дома Борисова, сломаннаго по его приказанію. Очнувшись, онъ сталъ молить стрѣльцовъ о защитѣ, обѣщая въ награду имъ боярскихъ женъ и боярскія помѣстья. Стрѣльцы рѣшились оборонять его и когда заговорщики бросились къ нему, нѣкоторыхъ застрѣлили; бояре и дворяне, принужденные отступить, закричали: «Пойдемъ въ городъ, въ стрѣлецкіе домы, и перебьемъ «всѣхъ женъ и дѣтей ихъ!» Устрашенные угрозою, стрѣльцы бросили ружья на землю; а бояре и дворяне приступили къ царю съ бранью, называя его Гришкою Отрепьевымъ. Онъ ссылался на свою мать; но князь Голицынъ отвѣчалъ, что царица не признаетъ его своимъ сыномъ, что сынъ ея Димитрій убитъ въ Угличѣ, что тамъ лежитъ и тѣло его. Въ продолженіе сихъ разговоровъ, протѣснился между народомъ боярскій сынъ Григорій Волуевъ, выстрѣлилъ изъ подъ армяка и убилъ Димитрія.

Стрѣльцы разбѣжались; Москвитяне же кинулись на трупъ, и излившъ свою злобу сабельными ударами, повлекли его къ воротамъ, близъ которыхъ въ монастырѣ жила царица — мать. Ее спрашивали: точно ли убитый сынъ ея? Она отвѣчала, говорятъ: «Объ этомъ надобно было спросить, когда онъ былъ живъ; а теперь онъ уже не мой». Отсюда потащили тѣло за ворота, на рынокъ, среди котораго, на одномъ столѣ положили царскій трупъ, а на другомъ, нѣсколько пониже, тѣло Басманова, такъ, что ноги перваго свѣсившись, касались груди втораго. На царя бросили маску, а въ ротъ воткнули дудку: о маскѣ говорили мятежники народу, что она стояла въ комнатѣ его на мѣстѣ иконъ, которыя найдены подъ кроватью; для чего же дали ему дудку, не знаю. Въ

такомъ видѣ оба тѣла пролежали на рынкѣ трое сутокъ, субботу, 1606.
воскресенье и понедѣльникъ, до самаго вторника. Въ продолженіе сихъ дней, Русскіе толпились около нихъ, и никто не отходилъ, не сдѣлавъ надъ ними какого нибудь ругательства: иной пороль брюхо, другой рвалъ мясо на куски; тотъ выкалывалъ глаза, этотъ волочилъ трупъ съ мѣста на мѣсто. Такъ поступали съ тѣмъ, кто называлъ себя непобѣдимымъ!

Въ то самое время, какъ царь былъ умерщвленъ одною толпою мятежниковъ, другая бросилась въ покои царицы. При ней было нѣсколько женщинъ; а изъ мущинъ находился одинъ только Матвѣй Осмольскій. Ставъ въ дверяхъ царицына покоя, онъ мужественно отражалъ народъ, не взирая на многія раны свои, доколѣ ружейные выстрѣлы не положили его на землю. Стрѣляя въ Осмольскаго, мятежники ранили панью Хмѣлевскую, которая чрезъ нѣсколько дней умерла отъ раны; а царицу и бывшихъ при ней женщинъ ограбили до-чиста, оставивъ ихъ въ однѣхъ только сорочкахъ.

Дворъ пана воеводы окружили стражею, такъ что изъ него нельзя было подать никакой помощи и узнать объ участи царя. Наши совершенно ничего не вѣдали; только толпы народа, бѣжавшаго въ крѣпость, давали поводъ догадываться, что не даромъ бьютъ въ колокола. Воспоминаніе прежнихъ тревогъ умножило опасенія. Служители наши, рано вышедшіе изъ квартиръ для покупки разныхъ вещей, были убиты и ограблены. Никто не предугадалъ бунта; иначе мы соединились бы вмѣстѣ или у пословъ, или у пана воеводы. Видно Богъ хотѣлъ отнять у насъ умъ, чтобы всѣхъ насъ покорать за гордость, надменность и наглые поступки жолнеровъ изъ царицыной свиты: на пути къ Москвѣ, они грабили подданныхъ его королевскаго величества и отвсюду слышали проклятія; теперь же ходили съ поникшею головою, потерявъ копей, оружіе и все, что имѣли. Во всякомъ случаѣ мы могли бы соединиться безъ труда, по крайней мѣрѣ съ княземъ Вишневецкимъ, который защищался мужественно.

1606. По убіеніи царя, чернь бросилась грабить Поляковъ на квартирахъ, и не довольствуясь добычею, рубила въ куски кого только изъ нашихъ могла захватить. Особенно много погибло достойныхъ молодыхъ людей въ той улицѣ, гдѣ стояли царицыны пахолики. Тамъ пали: панъ Глуховскій, дворянинъ его королевскаго величества, панъ Перхлинскій, панъ Склинскій, панъ Венсовичъ, панъ Иваницкій, панъ Борса, панъ Самуилъ Балъ, панъ Цизовскій, панъ Коморовскій съ Зывца, панъ Ходорадкевичъ, панъ Сумоньскій, панъ Ясеновскій, и многіе другіе. Панъ Смольскій имѣлъ свой дворъ, близь посольскаго, подаренный ему покойнымъ царемъ, который отнялъ его у Татищева. Панъ Смольскій, выѣхавъ изъ владѣній королевскихъ, съ женою и дѣтьми, поселился въ семъ домѣ, и уже не могъ возвратиться въ Польшу. Ворвавшись къ нему, Русскіе захватили все, что нашли въ домѣ. Напитки, медъ и вино тотчасъ выпили: это придало имъ еще болѣе охоты грабить. Въ четверть часа все было расхищено; хозяина, жену, дѣтей и слугъ его оставили въ однѣхъ рубахахъ. Самого Смольскаго привязали къ лошади и мимо посольскаго двора отвели въ крѣпость. Панъ Тарло, хоронжій Перемышльскій, заперся было въ своей квартирѣ съ паномъ Любомирскимъ. Увѣренные въ безопасности крестнымъ цѣлованіемъ Русскихъ, они выдали свое оборонительное оружіе, полагаясь на клятву. Русскіе нарушили ее: убили 30 служителей, многихъ переранили; самую панью Тарлову и вдовствующую панью Гербуртову больно прибили, а всю одежду сняли съ нихъ безъ всякаго стыда. Обобравъ самого пана Тарла съ паномъ Любомирскимъ, отвели ихъ всѣхъ обнаженныхъ вмѣстѣ съ паньями въ крѣпость. Двѣ же паньи, взятыя въ семъ домѣ, едва могли возвратиться уже на третій день. Въ той же самой улицѣ имѣлъ квартиру ксензъ Помаскій: услышавъ о бунтѣ, онъ велѣлъ запереть двери своего дома и началъ служить обѣдню. Мятежники ворвались въ домъ, когда онъ лишь только кончилъ священнослуженіе и не успѣлъ еще скинуть ризъ: священную одежду съ него сорвали, а самого такъ избили, что онъ на третій день отдалъ

душу свою Богу. Тамъ же умертвили родного брата его и боль- 1606.
шую часть служителей; остальныхъ изранили, а домъ разграбили.

Мы, посольскіе, при первомъ знакѣ мятежа, тотчасъ осмотрѣли и заперли дворъ; около заборовъ, со всѣхъ сторонъ, поставили гайдуковъ для стражи, а сами приготовились къ смерти, не надѣясь дожить до слѣдующаго дня, и только молили Бога даровать намъ благій конецъ. Трупы нашихъ братьевъ лежали вокругъ посольскаго двора; видя ихъ, мы рѣшились обороняться до послѣднихъ силъ, и того только ждали, что Русскіе бросятся на насъ. Противъ посольскаго двора, чрезъ улицу, въ домѣ Степана Годунова, отданномъ Голицыну, стоялъ панъ староста Саноцкій: къ нему ускользнулъ изъ своей квартиры панъ подстолій коронный, предостереженный своимъ хозяиномъ предъ самымъ бунтомъ, вмѣстѣ съ паномъ Корыткою и съ паномъ Коморовскимъ, ночевавшими на квартирѣ пана подстолія. Всѣ вещи также успѣли перенести къ пану старостѣ, имѣвшему при себѣ много людей. Мы сообщались съ нимъ посредствомъ записокъ, которыя, привязавъ къ стрѣламъ, бросали изъ лука.

Съ другой стороны посольскаго двора на углу, въ домѣ Безобразова, стоялъ панъ староста Луховскій: при началѣ бунта онъ успѣлъ убѣжать къ намъ въ одномъ только жупанѣ, бросивъ имущество и служителей, которые безъ него заперлись. Москвитянамъ весьма хотѣлось опустошить оба дома; особливо злились на старосту Саноцкаго, за проказы, какъ видно, слугъ и жолнеровъ его; но опасаясь помощи съ нашей стороны, они не смѣли напасть на нихъ, и только стрѣляли сквозь щели въ Поляковъ на дворѣ старосты Луховскаго. Приставы наши, усмиряя черни на улицѣ, отводили ее отъ смежныхъ съ дворомъ нашимъ домовъ старосты Луховскаго и пановъ Стадницкихъ, говоря, что тамъ посольскіе люди, что ихъ не приказано трогать, и что надобно дать имъ покой. И такъ сихъ домовъ не тронули.

За нашимъ домомъ чрезъ улицу, на небольшомъ дворѣ, стояли два брата Казановскіе: не надѣясь отбиться отъ злодѣевъ, паны

1606. просили насъ посредствомъ условныхъ знаковъ пустить ихъ въ посольскій дворъ; съ ними былъ и панъ ротмистръ Домарадскій, который, бросивъ свою лошадь, едва успѣлъ къ нимъ убѣжать. Мы не рѣшались подать имъ помощь, опасаясь навлечь на себя большую бѣду; но кровь братьевъ убѣдила насъ: сдѣлавъ въ стѣнѣ отверстіе, которымъ можно было пролѣзть въ посольскій дворъ, мы дали знакъ Казановскимъ; въ то же время нѣсколько нашихъ стали на кровлѣ конюшни, готовясь ружейными выстрѣлами разогнать Русскихъ, если бы они вздумали препятствовать Казановскимъ перебѣжать къ намъ чрезъ улицу. И такъ оба пана вмѣстѣ съ Домарадскимъ и нѣсколькими слугами побѣжали чрезъ улицу. Русскіе бросились было съ обѣихъ сторонъ, чтобы схватить ихъ и не допустить къ отверстію; но взглянувъ на нашихъ и услышавъ угрозы, поспѣшили отступить. Только одинъ Москвичъ застрѣлилъ предъ самымъ отверстіемъ слугу пана Домарадскаго и рогатиною прикололъ его къ землѣ; за то и самъ получилъ тою же монетою: одинъ изъ нашихъ влѣпилъ ему пулю въ самый лобъ. Тутъ Русскіе начали стрѣлять и бросать каменьями въ Поляковъ, стоявшихъ на конюшнѣ; но, слава Богу, никого не ранили.

Между тѣмъ нѣсколько сотъ Москвитянъ ворвались въ домъ, гдѣ жили Казановскіе, расхитили всѣ вещи ихъ и убили 22 служителя; отсюда хлынули къ другимъ отдѣльнымъ квартирамъ Польскимъ, ближайшимъ къ крѣпости, разграбили ихъ, и наконецъ подступили къ двору Стефана господаровича Волошскаго, гдѣ стоялъ князь Константинъ Вишневецкій. Князь, имѣя при себѣ отборныхъ людей, принялъ всѣ мѣры къ безопасности. Долго приступали къ нему Русскіе, съ великою для себя потерею, поражаемые ружейными выстрѣлами изъ домовъ. Наконецъ навели пушку: но выстрѣлъ ея не сдѣлалъ нашимъ вреда, потому, что орудіе было за горою.

Тѣмъ временемъ прискакали къ посольскому двору два боярина, Борисъ Пашкинъ съ товарищемъ, желая видѣться съ послами. Панъ староста Велижскій вышелъ къ нимъ и сталъ въ воротахъ;

а они, сидя на лошадяхъ, вооруженные колчанами и саблями, 1606.
поклонились ему и сказали: «Князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, князь Василій и князь Дмитрій Шуйскіе и другіе бояре «велѣли сказать вамъ, посламъ Сигизмунда короля Польскаго и «великаго князя Литовскаго. Въ королевствѣ государя вашего «было извѣстно, что по смерти царя Ивана Васильевича остался «малолѣтный сынъ его Димитрій Ивановичъ, истинный царевичъ: «злые люди лишили его жизни. Спустя довольно послѣ того вре«мени, монахъ Гришка Богдановъ, изъ дьячка ставъ чернокнижни«комъ и опасаясь за то наказанія, бѣжалъ въ область вашего госу«даря въ Литву, и тамъ, назвавшись царевичемъ Димитріемъ «Ивановичемъ, обманулъ и насъ и васъ. Единоземцы ваши при«шли съ нимъ въ государство Московское; народъ взволновался и, «по смерти Бориса Ѳедоровича, избралъ Гришку своимъ государомъ. Сѣвъ на престолъ, онъ разорялъ наше государство, жилъ «безчинно, хотѣлъ истребить вѣру христіанскую и замѣнить «еретическою. Царица, которую онъ называлъ матерью, объявила «о томъ боярамъ: узнавъ обманъ, никто не хотѣлъ терпѣть его. «Теперь нѣтъ болѣе вора. Вы, послы королевскіе, не опасайтесь «ничего; бояре приказали тщательно охранять жизнь вашу; но «берегитесь мѣшаться въ дѣла старосты Саноцкаго и другихъ «людей, которые пріѣхали не съ вами, а съ воеводою Сендомирскимъ, чтобы заѣсть Русскихъ. Мы терпѣли много зла отъ нихъ».

Панъ староста Велижскій отвѣчалъ ему на Русскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: «Правда было у насъ извѣстно, что по «смерти великаго государя вашего Іоанна Васильевича, остался «сынъ Димитрій; потомъ пронесся слухъ, что Борисъ Годуновъ «велѣлъ убить его для своей выгоды. Но явившись въ областяхъ «королевскихъ, сей человѣкъ весьма многими доказательствами «увѣрилъ нашихъ, что онъ истинный Димитрій Ивановичъ и что «Богъ спасъ его чудеснымъ образомъ отъ погибели. Наши едино«земцы сколько прежде жалѣли о смерти Димитрія, столько теперь «радовались, видя его въ живыхъ; а ваши думные бояре посадили

1606. «его на царство. Нынѣ, какъ самъ ты говоришь, вы узнали, что «онъ не истинный Димитрій и убили его: до этого намъ дѣла «нѣтъ,—да благословитъ Богъ ваше предпріятіе! Но мы, послы, «заботились о собственной безопасности, ибо не только въ хри- «стіанскихъ государствахъ, но и въ бусурманскихъ, особа посла »священна. Благодаримъ бояръ за ихъ доброжелательство. Что же «касается до пана старосты Саноцкаго и другихъ подданныхъ его «королевскаго величества, прибывшихъ сюда съ воеводою Сендо- «мирскимъ, то они ѣхали сюда не на войну и не съ тѣмъ, чтобы, «какъ вы говорите, заѣсть Русскихъ, а бывъ призваны вашимъ «государемъ, вашими думными боярами, чрезъ вашего посла, они «спѣшили сюда на свадьбу, вовсе не зная, что государь вашъ не «истинный Димитрій. Здѣсь они никому не вредили. Если же «кто изъ служителей ихъ кого либо обидѣлъ, да будетъ тотъ «наказанъ: за виновныхъ мы не стоимъ; но не всѣ же должны «страдать за одного! Поблагодарите бояръ за пріязнь и просите «ихъ нашимъ именемъ остановить убійство безвинныхъ людей его »королевскаго величества. Боже сохрани, если станутъ тиранить «ихъ предъ нашими очами: мы не удержимъ своихъ людей, не «будемъ хладнокровно смотрѣть на кровь братьевъ нашихъ и «лучше согласимся всѣ вмѣстѣ погибнуть. Что же изъ того долж- «но произойти, да разсудятъ сами думные бояре».

Съ этимъ отвѣтомъ Пацокинъ и товарищъ его возвратились въ крѣпость; вскорѣ послѣ нихъ прискакали князь Мстиславскій, князья Шуйскіе и другіе знатные бояре. Они старались разогнать разъяренный народъ и спасти нашихъ. Князь Мстиславскій прежде всего бросился въ улицу Московскую, гдѣ наиболѣе погибло царскихъ слугъ, чтобы подать помощь оставшимся въ живыхъ. Князь Василій Шуйскій и Иванъ Никитичъ поспѣшили къ дому князя Вишневецкаго, окруженному безчисленною толпою народа. Князь велѣлъ запереть дворъ и отражалъ мятежниковъ, при помощи 200 всадниковъ, вооруженныхъ копьями. Старшины, управлявшіе мятежниками, увѣряли нашихъ въ безопасности. Наши

дались въ обманъ, слѣзли съ коней и лишь только поставили ихъ 1606.
въ конюшни, Москвитяне снова начали пальбу по нимъ: Поляки принуждены были обороняться пѣшіе, какъ могли, уже не имѣя средствъ вывесть лошадей изъ конюшень.

Въ то самое время подоспѣлъ Шуйскій съ Никитичемъ: они сами вошли въ домъ, увѣрили князя подъ присягою въ безопасности, взяли его только въ одномъ жупанѣ, впрочемъ съ оружіемъ въ рукахъ, и отправили въ боярскій дворъ. Слуги и челядинцы княжескіе остались въ домѣ въ одпѣхъ рубахахъ; всѣ вещи его, оружіе, лошади, словомъ все было расхищено; сверхъ того убитъ слуга княжескій Пясецкій съ 20 челядинцами, нѣсколькими гайдуками и конюхами. Бояре бѣгали по улицамъ, усмиряя народъ, и тѣмъ спасли пана старосту Луховскаго и пана старосту Саноцкаго, на которыхъ мятежники были чрезвычайно сердиты. При посольскомъ домѣ поставлено 500 стрѣльцовъ для усмиренія черни. Пословъ навѣстили думные бояре Шереметевъ и Григорій Ромодановскій, которые отъ лица всѣхъ думныхъ бояръ долго говорили о томъ же, о чемъ прежде предлагалъ Нащокинъ, и получили отъ пословъ такой же отвѣтъ.

Въ тотъ же день, когда все успокоилось, привели нѣсколько посольскихъ слугъ, почти обнаженныхъ; на иномъ не было и сорочки. Ихъ не убили только потому, что были посольскіе. Два шляхтича, камердинеры посольскіе, Загурскій и Овлочовскій, съ пятью челядинцами не избѣжали смерти. Они рано вышли въ городскіе ряды для покупокъ, ничего не зная о мятежѣ, и тамъ были убиты. И такъ мы провели субботу въ горести, безпокойствѣ и опасеніи; въ наступившую ночь едва ли кто сомкнулъ глаза.

28 мая, въ воскресенье, утромъ пришелъ къ намъ езуитъ ксензъ Санцкій: его считали мы погибшимъ и встрѣтили съ великимъ участіемъ. Послы, съ дозволенія думныхъ бояръ, отправили служителей своихъ съ приставомъ освѣдомиться о панѣ Тарлѣ. Посланные увидѣли въ квартирѣ его стѣны обрызганныя кровью; на дворѣ нашли трупы разстрѣленные и изрубленные.

1606. Самого пана Тарла и пана Любомирскаго встрѣтили въ негодныхъ Русскихъ рубахахъ, а панью Тарлову, панью Гербуртову и другихъ дамъ въ такихъ уборахъ, въ какихъ не ходятъ у насъ самыя послѣднія крестьянки. Вмѣсто ложа служила имъ солома на полу, какъ стелятъ скотинѣ. У всѣхъ все было обобрано. Послы отправили имъ свое платье, бѣлье, нѣсколько кусковъ сукна для пановъ и нѣсколько поставовъ каразеи для служителей. Въ сей день подбирали трупы нашихъ людей и хоронили за городомъ.

29 мая, въ понедѣльникъ, часу во второмъ дня, въ крѣпости ударили въ барабаны, загремѣли въ трубы и зазвонили въ колокола: торжествовали избраніе на царство князя Василія Ивановича. Этотъ князь всегда умышлялъ на жизнь покойнаго царя; былъ приговоренъ за то къ смерти и уже палачъ готовился отсѣчь ему голову, когда Димитрій помиловалъ его, себѣ на бѣду, и вскорѣ далъ въ сенатѣ первое мѣсто послѣ князя Мстиславскаго. Приставы поспѣшили увѣдомить пословъ объ избраніи новаго царя, и увѣряли ихъ въ совершенной безопасности, дозволивъ именемъ бояръ и государя освѣдомляться о здоровьи каждаго изъ единоземцевъ своихъ. Всѣ Поляки спѣшили воспользоваться дозволеніемъ и, спрашивая другъ друга о добромъ здоровьи, радовались, какъ воскресшіе изъ мертвыхъ. Мы благодарили Бога за усмиреніе разъяренной черни. Въ тотъ же день новый царь приказалъ отвести на посольскій дворъ пана Ратомскаго, старосту Остерскаго: имѣя свою квартиру недалеко отъ князя Вишневецкаго, онъ оборонялся до послѣдней силы; его ограбили до-чиста, одѣли въ кафтанъ, посадили на Московскую лошадь и съ немногими слугами привели къ намъ, въ одеждѣ весьма непарядной. У него убито 10 человѣкъ. Съ самой субботы до понедѣльника приводили къ намъ единоземцевъ нашихъ, людей почтенныхъ, служившихъ царю и царицѣ: они были почти нагіе; число сихъ людей, въ теченіе трехъ сутокъ приведенныхъ на посольскій дворъ, простиралось до 150 человѣкъ. Нельзя было смотрѣть на нихъ безъ сожалѣнія. Мы давали имъ, что могли. Русскіе только тѣмъ за-

служили благодарность, что каждый назвавшій себя посольскимъ, 1606.
хотя и не принадлежалъ къ нашей свитѣ, находилъ пощаду: такихъ обирали до-чиста и приводили къ намъ.

Списокъ людей, приведенныхъ по смерти Димитрія на посольскій дворъ для охраненія: панъ Мишекъ староста Луховскій, панъ Ратомскій староста Остерскій, панъ Стадницкій, панъ Адамъ Казановскій (изъ свиты царицыной), панъ старостичъ Сохачевскій, панъ Вильямъ крайчій царицынъ, панъ Плято стольникъ, панъ Мартинъ Плято стражникъ, панъ Матвѣй Домарадскій ротмистръ, панъ Христофоръ ..... панъ Здроньскій, панъ Янъ Стребошъ съ сыномъ изъ свиты царицыной; ксензъ Саницкій езуитъ, самъ пятъ; панъ Смерскій съ братомъ, изъ свиты царицыной, панъ Янъ Корсакъ Цудзельскій, панъ Андрей Корсакъ, панъ Матвѣй Бучинскій, панъ Мысловскій жолнеръ, панъ Домановскій, панъ Выдлицы съ паномъ Вержосовскимъ, панъ Любошевскій, панъ Мостовскій писарь царицы, панъ Гидзельскій, панъ Чертеньскій, панъ Вышпиьскій, панъ Дыдыньскій, панъ Денбицкій, панъ Пудловскій, панъ Перхлиньскій, панъ Заклика пахоликъ, панъ Христофоръ Пелчиньскій, панъ Белчиньскій, панъ Качковскій, панъ Сеньскій пахоликъ. Купцы, золотыхъ дѣлъ мастера: Николай изъ Львова, Севастіанъ Зиттель изъ Кракова; Войцехъ Сторцпста. Панъ Лапа жолнеръ; панъ Гонсѣвскій карло; Якубъ Зидекъ коморникъ его королевскаго величества; Балцеръ Зидекъ шутъ; Сенько Корунда сапожникъ изъ Львова; Аведыкъ Армянинъ самъ-четвертъ; слуга старосты Остерскаго Сметаньскій изъ Минска самъ-четвертъ; панъ Георгій Хелтовскій, панъ Оедоръ Пелчиньскій, панъ Христофоръ Рудзскій, панъ Лазовскій, панъ Малишицкій; Бальверъ портной; Талашко музыкантъ и поваръ; пановъ Казановскихъ 20 слугъ; пана Здроньскаго 9 челядинцевъ; пана Гнопиьскаго 10 челядинцевъ; паньи Пилямовой 8 челядинцевъ; пана Домарадскаго 12 человѣкъ; пановъ Смерскихъ 4 человѣка. Сверхъ того на посольскій дворъ пришло много слугъ, которыхъ господа были убиты.

1606. Списокъ Поляковъ, помѣщенныхъ въ разныхъ домахъ, подъ надзоромъ приставовъ: панъ воевода Сендомирскій; при немъ царица; князь Константинъ Вишневецкій съ своими слугами; панъ Тарло хоронжій съ женою; панъ подстолій Нѣмоевскій; паны Андрей и Мартынъ Стадницкіе; панъ Любомирскій; панъ Вольскій; панъ Домарадскій; панъ подстолій Львовскій; панъ Корытко; панъ Иванъ Комаровскій; панъ Голуховскій дворянинъ его королевскаго величества самъ-девятъ; панъ Заборовскій самъ-шестъ; панъ Стрызовскій самъ-осьмой; панъ Перхлиньскій; панъ Шумоньскій; панъ Матвѣй Осмольскій пахоликъ царицынъ; панъ Лагевницкій самъ-третій; панъ Ходерескій; панъ Храбковскій; панъ Загурскій; панъ Овлочимскій; панъ Красовскій младшій; панъ Олловинъ; панъ Боболя; панъ Прецлавскій; панъ Лапа самъ другъ; панъ Зверхлиньскій съ братомъ; паны Янъ и Станиславъ Бучинскіе; панъ староста Сохачевскій; панья Гербуртова вдова; Антоній Беати Италіянецъ; панъ Дворжыцкій, бывшій при покойникѣ гетманомъ надъ Поляками. Три роты жолнеровъ: одна пана воеводы, другая пана старосты Сапоцкаго, третья царская. Говорили, что жолнеровъ скоро отправятъ за границу во владѣнія его королевскаго величества.

Не излишнимъ считаю упомянуть и о тѣхъ людяхъ, которые, пріѣхавъ на свадьбу, были коварнымъ образомъ умерщвлены безчеловѣчными Москвитянами: ксензъ Плебанъ Самборскій съ братомъ; Самуплъ Балъ самъ-десятъ; панъ Комаровскій самъ-двадцатъ: панъ Склиньскій съ 19 человѣками; панъ Ясеновскій панъ Мышковскій; панъ Солецкій; панъ Венсовичъ; панъ Липницкій; панъ Крушиньскій самъ-другъ; панъ Иваницкій самъ-пятъ; панъ Борза самъ-четвертъ; панъ Пелчиньскій самъ-четвертъ; музыкантовъ царицы 17, да ранено 8 человѣкъ; панъ Пясецкій слуга князя Вишневецкаго самъ-двадцатъ; панъ Целярій купецъ Медіоланскій; два челядинца пана Жолтаго; слуга пана Султана; панъ Марцинъковскій камеръ-юнкеръ царицынъ; панъ Нитовскій пѣвчій царицынъ; панъ Кановскій коморникъ; панъ Глиньскій коморникъ;

22 челядинца пановъ Казановскихъ; 56 слугъ пана Тарла; 37 конюховъ и гайдуковъ пана воеводы Сендомирскаго; 3 слуги пана Бучинскаго; пахоликъ пана Пудловскаго; 13 человѣкъ пана Габріеля органиста; два служителя отцовъ езуитовъ; изъ роты пана воеводы Сендомирскиго 26 пахоликовъ; у пана Ратомскаго 10 человѣкъ; у Любомирскаго 3; у старосты Луховскаго 13 гайдуковъ; у пана Георгія Стадницкаго 3 человѣка; у ксенза Помаскаго всѣ служители; у пана Яна Комаровскаго 13 человѣкъ; купцовъ изъ разныхъ городовъ 3; изъ роты Домарадскаго 13 челядинцевъ; изъ посольской свиты 5. Ганьчикъ Галеръ. Говорю только о тѣхъ, которыхъ имена мы могли узнать; погибло сверхъ того много намъ неизвѣстныхъ. Изъ вѣдомостей оказалось, что нашихъ убито до тысячи человѣкъ.[163] Въ послѣдствіи трупы были собраны въ одно мѣсто: нѣкоторые изъ нашей свиты ходили смотрѣть ихъ и въ числѣ убитыхъ узнавали своихъ кровныхъ. 1606.

30 мая, во вторникъ, по солнечномъ восходѣ, одинъ Московскій купецъ, сжалившись надъ тѣломъ Димитрія, которое доселѣ лежало на рынкѣ для поруганія и уже было терзаемо собаками, вывезъ его въ поле и закопалъ. Басманова похоронили родственники у церкви.

31 мая, по просьбѣ пословъ и пана воеводы Сендомирскаго, не знавшаго объ участи царицы, перевели ее изъ царскихъ покоевъ въ квартиру отца, вмѣстѣ съ бывшими при ней дамами. Панъ воевода обходился съ нею не какъ съ своею дочерью, а какъ съ государынею. Насъ всѣхъ утѣшали скорымъ отпускомъ въ отечество и вознагражденіемъ изъ царской казны за отнятыя вещи. Мы молили только Бога о скорѣйшемъ возвращеніи на родину и не требовали никакого возмездія.

Іюня 1, въ четвертокъ, пріѣхалъ къ посламъ окольничій (по нашему каштелянъ) Михайло Игнатьевичъ Татищевъ: именемъ бояръ домогаясь списка всѣхъ людей, которые послѣ бунта укрылись на дворѣ посольскомъ, онъ сказалъ: «Эти люди останутся здѣсь съ паномъ воеводою; а вы, послы, вскорѣ будете отправ-

1606. лены». Къ сему присовокупилъ, что въ слѣдующее воскресенье послы должны быть во дворцѣ у руки новаго царя и получить отпускъ; а въ воскресенье обѣщалъ намъ дорогу въ Польшу. Но это не сбылось.

2 іюня, въ пятницу, выслали изъ Москвы жолнеровъ пана воеводы и пана старосты Саноцкаго съ ротою Домарадскаго; ихъ погнали безъ лошадей, безоружныхъ, почти обнаженныхъ, по слухамъ, въ Литву; но скоро мы узнали, что вышли за предѣлы только до 600 человѣкъ; а прочіе задержаны.

Іюня 3 дня приставы требовали отъ пословъ выдачи тѣхъ людей, которые послѣ мятежа пришли на посольскій дворъ, для размѣщенія ихъ по прежнимъ квартирамъ, гдѣ обѣщано было давать имъ съѣстные припасы и производить жалованье деньгами. Паны, искавшіе защиты въ посольскомъ дворѣ, опасаясь неволи и скуднаго содержанія, убѣждали пословъ не соглашаться на требованіе приставовъ и желали лучше довольствоваться остатками малоій посольской трапезы, чѣмъ получать отъ Русскихъ обильный столъ и обѣщанное жалованье. Одинъ только панъ Тарло младшій старостичь Сохачевскій рѣшился итти съ приставами: его отправили къ дядѣ, хоронжему, и тамъ дали ему на платье 200 рублей, что равняется 666 злотымъ и 20 грошамъ. Старшему Тарлу, какъ видно, также много дали.

5 іюня, въ понедѣльникъ, панъ староста Велижскій, съ вѣдома царя, ѣздилъ въ крѣпость къ родному брату его Дмитрію Ивановичу, для переговоровъ объ отпускѣ пословъ и освобожденіи всѣхъ Поляковъ. Князь Шуйскій обѣщалъ донести его слова государю.

6 іюня, во вторникъ, оба посла были во дворцѣ. Насъ ввели въ тѣ палаты, гдѣ обыкновенно бояре ведутъ съ послами переговоры. Тутъ мы застали князя Ѳедора Мстиславскаго, князей Дмитрія и Ивана Шуйскихъ, Василія Трубецкаго, Ивана Никитича Романова, трехъ князей Голицыныхъ, Михайла Нагаго, Михайла Татищева и нѣсколько другихъ. Послы сѣли съ думными боярами;

а мы вышли въ другую сосѣдственную залу, гдѣ было очень много 1606.
боярскихъ дѣтей. Мы сѣли и разговаривали съ ними до самаго окончанія посольскихъ переговоровъ. Во всемъ сдѣлалась великая перемѣна: всѣ были печальны, какъ на похоронахъ; вся прежняя пышность исчезла; не видно было ни драбантовъ, ни стрѣльцовъ, ни множества стройныхъ людей въ великолѣпныхъ одеждахъ.

Когда послы заняли свои мѣста, князь Мстиславскій прочиталъ имъ слѣдующую бумагу: «Въ недавнемъ времени, какъ намъ и «вамъ извѣстно, по смерти блаженной памяти царя Іоанна Васильевича нашего государя, остались два сына: одинъ, царь Ѳеодоръ, «государь набожный, благочестивый, боголюбивый, счастливо и «спокойно царствовалъ надъ нами, во всякомъ изобиліи и благо«денствіи; другой, царевичъ Димитрій Іоанновичъ, въ младенчествѣ «получилъ себѣ въ удѣлъ Угличь съ городами и волостями. Въ «послѣдствіи, по Божіему изволенію и гнѣву, царевича не стало: «его умертвилъ съ злымъ умысломъ царь Борисъ, бывшій правн«телемъ государства при царѣ Ѳеодорѣ, по смерти котораго самъ «вступилъ на престолъ. Къ Борису Сигизмундъ, король вашъ, «присылалъ великаго посла своего пана Льва Сапѣгу, канцлера «великаго княжества Литовскаго съ товарищемъ, и чрезъ нихъ «заключилъ съ нами двадцатилѣтній миръ, утвердивъ его присягою «съ обѣихъ сторонъ. Наконецъ, по навожденію бѣсовскому, Гришка «Отрепьевъ, чернецъ, дьяконъ, воръ, за чернокнижество осужденн«ный отцемъ отцовъ вездѣсущимъ на достойную казнь, бѣжалъ въ «королевство Польское, назвался тамъ именемъ царевича Димитрія «Іоанновича и представился Сигизмунду королю вашему. Мы, «думные бояре, услышавъ, что воръ находится въ Литвѣ, посылали «съ письмомъ къ сенаторамъ роднаго по отцѣ дядю сего вора, «нашего Отрепьева, для уличенія его предъ вашими сенаторами въ «обманѣ и подлогѣ. Кромѣ того патріархъ и епископы наши пи«сали о томъ же къ вашимъ архіепископамъ и епископамъ. Но «Сигизмундъ король вашъ и паны рады его, не уважая сего извѣс«тія, забывъ утвержденныя присягою условія, коими постановлено

1606. «не помогать никакому непріятелю ни деньгами, ни людьми до «опредѣленнаго трактатомъ срока, поддерживали вора людьми, «деньгами, и послали пана Юрія Мнишка, воеводу Сендомирскаго, «съ многочисленнымъ войскомъ прямо въ предѣлы Московскаго «государства. Когда же воръ съ людьми короля Польскаго при- «шелъ въ Сѣверскую землю, неразумная чернь сдала ему многіе «города, связавъ своихъ воеводъ. Наконецъ, по изволенію Божію, «Борисъ умеръ; воръ же, при помощи короля и народа вашего, «овладѣвъ Московскимъ престоломъ, хотѣлъ всѣхъ насъ погубить «и вѣру христіанскую уничтожить. Пришедшіе съ воеводою Сендо- «мирскимъ жолнеры дѣлали нашимъ всякія обиды, даже отнимали «женъ у мужей. Великая царица, мать истиннаго царевича Ди- «митрія, хотя сначала отъ страха признала Самозванца своимъ «сыномъ, но послѣ объявила намъ, что онъ воръ, и мы, не желая «повиноваться вору, убили его. Чернь, раздраженная наглостью «Поляковъ, бросилась на нихъ безъ нашего вѣдома, и слѣдствіемъ «того было великое кровопролитіе. Виною же всей бѣды король «вашъ и паны рады его, ибо вы нарушили крестное цѣлованіе и «мирное постановленіе. Наконецъ съ согласія всѣхъ чиновъ ду- «ховныхъ, бояръ, дворянъ и всего народа, избранный царемъ «князь Василій Ивановичъ Шуйскій, какъ государь милостивый и «мудрый, жалѣя о христіанскомъ кровопролитіи, повелѣлъ отпра- «вить за границу Московскую великое число людей вашихъ низ- «шаго званія со всѣмъ ихъ имуществомъ. Все это вамъ, посламъ, «мы объявляемъ, чтобы вы знали неправду короля вашего и свои «собственныя преступленія».

Выслушавъ бумагу, послы отошли въ сторону посовѣтоваться другъ съ другомъ. Потомъ староста Велижскій отвѣчалъ пространною рѣчью на Русскомъ языкѣ. Думные бояре слушали рѣчь пана старосты съ великимъ вниманіемъ; по окончаніи же ея, долго сидѣли въ молчаніи, посматривая другъ на друга. Повидимому, они были довольны посольскимъ отвѣтомъ. Наконецъ Михайло Татищевъ, вставъ съ своего мѣста, подошелъ къ князьямъ Мстп-

славскому и Шуйскому, занимавшимъ первыя мѣста, перегово- 1606.
рилъ съ ними, сѣлъ опять, и прочиталъ посламъ то же самое, что и князь Мстиславскій, присовокупивъ сверхъ того: «За ваши не-
«правды, Богъ караетъ васъ междоусобными раздорами и навѣ-
«щаетъ то ханомъ Татарскимъ, то Каролюсомъ. Самъ Сигизмундъ
«трепещетъ за жизнь свою среди подданныхъ».

Панъ староста Велижскій отвѣчалъ ему слѣдующими словами: «Мы ничего не знаемъ о домашнихъ раздорахъ, о которыхъ вы «говорите, и не вѣримъ вашему извѣстію. Будучи народомъ воль-«нымъ, мы привыкли говорить вольно въ защиту правъ свободы «народной: это нельзя назвать раздоромъ. Хотя же иногда и бы-«ваютъ распри въ нашемъ отечествѣ, неизбѣжное слѣдствіе чело-«вѣческой слабости; однакожъ народъ Польскій и Литовскій всегда «отличался тою добродѣтелью, что каждый жертвуетъ выгодами «частными пользѣ общей. Если бы даже въ отечествѣ нашемъ и «были теперь несогласія, какъ вы говорите, чему впрочемъ мы не «вѣримъ, получивъ совсѣмъ противныя свѣдѣнія, то при первомъ «появленіи врага внѣшняго, наши немедленно примирятся, станутъ «грудью за свою вольность и свободу и немедленно отразятъ не-«пріятеля. Слова же ваши, будто бы его королевское величество «трепещетъ за жизнь свою среди подданныхъ, для самаго слуха «нашего отвратительны. Добродѣтельный народъ нашъ всегда «умѣлъ хранить вѣрность къ своимъ государямъ и не нарушитъ «ея къ нынѣшнему королю своему, государю благочестивому, «мудрому, счастливому. За годъ предъ симъ Татаринъ ворвался «было въ Польскую Украйну; но, потерявъ два сраженія, покрытый «стыдомъ, бѣжалъ изъ нашихъ предѣловъ съ великимъ урономъ. «Уповаемъ на Бога, что врагъ всегда будетъ отраженъ и посрам-«ленъ. Татаринъ никогда не можетъ ворваться далеко во владѣнія «королевскія: какъ разбойникъ, онъ нападаетъ иногда на Украйну, «и всякій разъ встрѣчаетъ войска его королевскаго величества. У «насъ не по вашему: давно ли столичный градъ вашъ былъ сожженъ «Татарами? при Іоаннѣ Васильевичѣ! А при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ

1606. «подъ стѣнами Москвы они грабили васъ, опустошали ваше госу-«дарство, и только великими дарами Борисъ удержалъ ихъ стрем-«леніе. Не кричите и теперь; не было бы вамъ хуже, чѣмъ кому «либо другому, чего вамъ, какъ братьямъ, мы не желаемъ. Вы на-«помнили о Королюсѣ: въ видѣ разбойника, онъ нападаетъ съ «моря на Лифляндію; но лишь только появится войско королев-«ское, онъ всякій разъ уходитъ назадъ, въ море. Всегда вступая «въ бой съ малочисленными отрядами нашими, онъ проигрывалъ «сраженія и былъ разбиваемъ на-голову, о чемъ и сами вы, какъ «сосѣди, хорошо знаете. Весьма удивительно намъ, что себя вы «возносите до небесъ, а насъ ставите ниже земли. Не безполезно «вамъ вспомнить, съ какою надмѣнностію Аоанасій говорилъ отъ «Бориса посламъ его королевскаго величества и какъ скромно отвѣ-«чалъ ему панъ канцлеръ Литовскій. Что же стало съ гордымъ «Борисомъ? Вы сами знаете. Его королевское величество, госу-«дарь богобоязненный, отечески и счастливо царствующій надъ «нами, доселѣ здравствуетъ въ своихъ владѣніяхъ. Если бы вы, «на дѣлѣ и на словахъ, поступали съ нами какъ братья, мы не «услышали бы отъ васъ никакихъ угрозъ. Но вамъ извѣстно, что «мы уличать васъ въ недостаткахъ не хотимъ, а угрозъ вашихъ «не боимся».

Бояре съ своей стороны негодовали на Татищева, подавшаго поводъ къ такому спору; послѣ чего князь Мстиславскій, князья Шуйскіе и самъ Татищевъ, гораздо ласковѣе стали бесѣдовать съ послами, и говорили: «Всему грѣхи наши виною. Воръ обманулъ «и насъ и васъ». Потомъ указавъ на роднаго брата царицы, На-гаго, котораго Димитрій называлъ своимъ дядею, сказали: «Спро-«сите его сами: и онъ вамъ скажетъ, что истинный Димитрій «нашъ погребенъ былъ въ Угличѣ. Тѣло его, привезенное сюда «патріархомъ *Ѳеодоромъ Никитичемъ* и епископами, будетъ «положено вмѣстѣ съ прахомъ его предковъ. Ваши слова объ «отпускѣ васъ и всѣхъ Поляковъ, равнымъ образомъ и нынѣшніе «разговоры, мы донесемъ великому государю нашему. Когда полу-

«чимъ отъ васъ бумагу и узнаемъ волю государя, дадимъ вамъ 1606.
«отвѣтъ». Сказавъ это, бояре ласково простились и разошлись. Послы отправились на квартиру. Прощаясь съ боярами, они просили всѣхъ ихъ о дозволеніи увидѣться съ паномъ воеводою Сендомирскимъ и навѣстить дочь его царицу: но получили рѣшительный отказъ. Когда мы проѣзжали мимо двора воеводы Сендомирскаго, всѣ бывшія тамъ особы смотрѣли на насъ изъ оконъ; говорить же съ нами не могли по дальнему разстоянію.

7 іюня, въ среду, вырыли тѣло покойнаго Димитрія, погребенное въ полѣ, отвезли за городъ на ту дорогу, по которой онъ пріѣхалъ въ Москву, и сожгли. Чтобы лучше горѣло, поливали его смолою. «И огонь его не беретъ», говорили Москвитяне. Потомъ, собравъ пепелъ, зарядили пушку и выстрѣлили въ ту сторону, откуда Димитрій прибылъ.

Въ тотъ же день посылали немалое число стрѣльцовъ на квартиру пана старосты Саноцкаго, противъ посольскаго дома, забирать конюшенную челядь, слугъ и коморниковъ. Послы, узнавъ объ этомъ, тронутые жалостію, говорили приставамъ: «Не «только у христіанъ, но даже у невѣрныхъ, нѣтъ обычая брать «силою и вязать людей вольныхъ». Приставы донесли слова ихъ боярамъ, и въ тотъ же день предъ вечеромъ явились въ посольскій домъ князь Григорій Петровичъ Ромодановскій окольничій и Василій дьякъ. Именемъ всѣхъ думныхъ бояръ они сказали: отъ старосты Саноцкаго взяты люди не для плѣна и неволи, а для отправленія за границу въ Польшу.

9 іюня, въ пятницу, посольскіе приставы, князь Григорій и Андрей дьякъ, бывъ назначены послами къ его королевскому величеству, сдавали свою должность новымъ приставамъ князю Ивану Михайловичу Борятинскому и дьяку Дорофею Брохнѣ.

10 іюня, въ субботу, послы поручили новымъ приставамъ отдать думнымъ боярамъ написанное на Русскомъ языкѣ письмо слѣдующаго содержанія: «Бывъ на дняхъ у бояръ и имѣвъ съ «ними разговоръ о происшедшемъ за грѣхи мірскіе кровопролитіи,

1606. «мы для пользы обоихъ государствъ предлагали: отпустить насъ, «пословъ, немедленно въ отечество, для донесенія его королев- «скому величеству и рѣчи посполитой, какимъ образомъ все не- «счастіе по грѣхамъ нашимъ случилось, какъ думные бояре и «военные люди, охраняя насъ, пословъ, и другихъ подданныхъ его «величества, прекратили кровопролитіе. Бояре думные обѣщали «представить слова наши великому государю и великому князю «всея Россіи Василію Ивановичу, скоро дать намъ отвѣтъ, изло- «жить на бумагѣ свои рѣчи и немедленно насъ отправить. Но «какъ понынѣ насъ не отпустили и назначили другихъ приставовъ, «то мы убѣждаемъ думныхъ бояръ исходатайствовать намъ у ве- «ликаго государя немедленный отпускъ. Просимъ объ этомъ не «для себя: мы готовы за его королевское величество и рѣчь по- «сполитую умереть на чужбинѣ; просимъ для пользы общей. «Безпокоясь о долговременной отлучкѣ нашей и получая разныя «вѣсти, какъ обыкновенно въ такихъ случаяхъ бываетъ, государь «нашъ и рѣчь посполитая могутъ заключить, что думные бояре «побили пословъ со всею свитою и нарушили перемиріе; желаніе «мести произведетъ неминуемое кровопролитіе съ обѣихъ сторонъ. «Мы опасаемся, не возгорѣлась ли уже война на границѣ: добрые «люди желаютъ мира и покоя, а злые раздоровъ и кровопролитія; «тѣ и другіе есть какъ у насъ, такъ и у васъ: не одной матери «дѣти! Если же для отвращенія бѣдствія, великій государь отпра- «витъ безъ насъ гонца или пословъ къ его королевскому вели- «честву, мы не ручаемся за ихъ безопасность: въ Польшѣ много «достойныхъ сожалѣнія людей, которыхъ братья убиты въ Москвѣ; «слѣдствіемъ будетъ неминуемо ужаснѣйшее кровопролитіе. Въ «предупрежденіе зла, мы, послы, помышляя о благѣ общемъ, «предлагаемъ свои мѣры: да поступятъ столь же благонамѣренно «и думные бояре! Но если насъ задержатъ и неволя наша причи- «нитъ какое-либо бѣдствіе: не мы будемъ виноваты предъ людьми «и предъ Богомъ.

«Просимъ сверхъ того, отпустить съ нами людей королевскихъ,

«по крайней мѣрѣ тѣхъ, которые находятся въ посольскомъ домѣ; 1606.
«равнымъ образомъ пана Тарла съ женою и панью старостину
«Сохачевскую: здѣсь онѣ вовсе безполезны, и ничего нѣтъ у
«нихъ, кромѣ горькихъ слезъ. Еще просимъ прислать къ намъ
«каплана нашего ксенза Войцеха, вмѣсто убитаго ксенза Помаскаго
«капоника и секретаря его величества: пусть онъ лучше молится
«Богу, чѣмъ горюетъ безвинно. Наконецъ просимъ дозволенія
«посылать съ приставами людей нашихъ къ пану воеводѣ Сендо-
«мирскому, къ пану Тарлу и другимъ подданнымъ его величества,
«здѣсь находящимся; просимъ и о томъ, чтобы у пановъ не всѣхъ
»людей отбирали, оставляя нѣкоторыхъ для прислуги.

«За годъ предъ симъ, еще при Борисѣ Ѳеодоровичѣ, св. отецъ
«папа Римскій послалъ въ Персію двухъ монаховъ кармелитовъ
«для обращенія магометанъ въ христіанскую вѣру; имъ даны были
«отъ цесаря христіанскаго и отъ короля Польскаго письма къ
«Борису о свободномъ пропускѣ ихъ чрезъ землю Русскую: въ то
«время воротили ихъ изъ Невля. Когда же Бориса не стало, они
«опять пріѣхали въ Москву съ королевскимъ гонцомъ Бандзилови-
«чемъ, съ намѣреніемъ вскорѣ отправиться въ Персію. Имѣя по-
«велѣніе его королевскаго величества развѣдать о сихъ монахахъ,
«мы узнали отъ Димитрія, что они отправились въ Персію; но на
«границѣ будутъ ожидать пословъ Московскихъ, назначенныхъ къ
«Персидскому шаху. Просимъ думныхъ бояръ исходатайствовать
«у великаго государя монахамъ дозволеніе отправиться въ Персію
«съ Московскими послами. Святый отецъ папа Римскій, цесарь
«христіанскій, его королевское величество и все христіанство бу-
«дутъ весьма признательны великому государю, князю Василію
«Ивановичу. Бандзиловича, бывшаго гонцемъ и приставомъ при
«тѣхъ монахахъ, просимъ отпустить въ Литву. Если же нынѣ
«Московскіе послы не отправятся въ Персію, и по сему случаю
«монахи не могутъ продолжать своего путешествія, просимъ от-
«пустить и ихъ въ Литву. Еще просимъ у великаго государя
«князя Василія Ивановича милостиваго дозволенія взять у дочери

1606. «пана воеводы Сендомирскаго четырехъ дѣвицъ Декчинскую, «Войцеховскую, двухъ Закличанокъ и панью Разводовскую съ «дочерью: мы намѣрены отвезти ихъ съ собою въ Польшу».

Іюня 11 дня въ воскресенье, Василій Ивановичъ былъ коронованъ. Приставы пришли къ посламъ предъ вечеромъ. Посидѣвъ нѣсколько, князь Борятинскій сказалъ: «Не сердитесь, что мы не «были у васъ сегодня: мы весь день провели во дворцѣ». Потомъ всталъ, снялъ шапку и проговорилъ: «Праведнымъ судомъ и не«исповѣдимою милостію Бога херувимовъ и серафимовъ, въ «Троицѣ славимаго и поклоняемаго, пресвѣтлый и милостивый «государь нашъ князь Василій Ивановичъ, всея Россіи самодер«жецъ, короновалъ себя короною царскою. Все царство Русское «торжествуетъ; мы всѣ радуемся. Вы, безъ сомнѣнія, раздѣлите «нашу радость. Думные бояре, бывъ цѣлый день заняты, не успѣли «дать отвѣта на письмо ваше». «Радуемся и мы вмѣстѣ съ вами», сказалъ панъ староста Велижскій, «въ надеждѣ, что скоро послѣ »коронаціи вашего государя мы отправимся въ Польшу. Не вините думныхъ бояръ за молчаніе о письмѣ нашемъ: мы видимъ, что «они озабочены другимъ дѣломъ; однако просимъ поспѣшить отвѣ«томъ и отпускомъ насъ въ отечество».

Москвитяне, всегда хитрые и лукавые, употребили и въ семъ дѣлѣ слѣдующее коварство: стараясь убѣдить народъ, что недавно убитый государь не былъ потомокъ Московскихъ князей, достали отрока, моложе 10 лѣтъ, именно Ромашку, стрѣлецкаго сына, какъ мы послѣ о томъ узнали отъ самихъ Русскихъ; заплатили отцу хорошую сумму и, убивъ этого отрока, положили его въ Угличѣ на мѣсто царевича Димитрія, похороненнаго тамъ по старанію Годунова. Потомъ распустили въ народѣ молву, что при тѣлѣ Димитрія бываютъ чудеса. Чернь знала только объ убіеномъ царевичѣ, не вѣдая ничего о подлогѣ. Вырыли трупъ. Духовныя особы, подкупленныя, внушили народу, что Богъ принялъ въ число святыхъ невинно убіеннаго царевича; что тѣло его такъ свѣжо, какъ будто недавно остыло, хотя уже болѣе 16 лѣтъ про-

текло со времени смерти его; что самый гробъ ни мало не повре- 1606.
дился. Между тѣмъ многіе подговоренные плуты, притворяясь
больными, съ обѣтами, въ разслабленномъ видѣ, приходили къ
святому, и отходили здоровыми. Простаки вѣрили и считали
царевича св. угодникомъ. Когда мнѣніе это утвердилось, при-
везли тѣло изъ Углича въ Москву и 11 іюня во вторникъ поста-
вили въ церкви св. Михаила Архангела, гдѣ погребаются Москов-
скіе государи. Въ продолженіе двухъ недѣль непрестанно звонили
въ колокола, и когда мы спрашивали, для чего звонятъ, приставы
отвѣчали: въ честь угодника, увѣряя, что онъ многихъ исцѣлилъ.
Мы не вѣрили разсказамъ ихъ, ибо знали обманъ. Наконецъ пере-
стали и звонить; никто уже не упоминалъ о святомъ; чудеса пре-
кратились и грубый, жестокій обманъ Москвитянъ обнаружился. [164]
При ввозѣ тѣла въ Москву, старая царица, супруга Іоанна
Васильевича Тирана, выходила на встрѣчу и принуждена была
сказать, что убіенный есть родной сынъ ея. Но вѣрно сердце не
было согласно съ устами.

Іюня 15 дня, въ четвертокъ предъ обѣдомъ, пріѣхали къ
посламъ Михайло Татищевъ и дьякъ Василій Телепневъ, подъ
предлогомъ объявить боярскій отвѣтъ на письмо пословъ. Тати-
щевъ, по прежнему обвиняя государя нашего и рѣчь посполитую,
показалъ 1) копію съ договора, заключеннаго покойнымъ царемъ
съ папомъ воеводою Сендомирскимъ: по договору, панъ воевода
отдаетъ свою дочь въ замужство за Димитрія, а царь обязуется
уплатить ему денежную сумму, за женою же утвердить великій
Новгородъ и Псковъ; 2) королевское письмо къ Димитрію вскорѣ
по вступленіи его на престолъ: въ этомъ письмѣ сказано, что
царь сѣлъ на Московскій престолъ по волѣ Божіей, при помощи
короля и народа Польскаго; 3) письма св. отца, ксенза легата и
ксенза кардинала: всѣ они убѣждали Димитрія выстроить въ
Москвѣ, костелы и, во исполненіе клятвеннаго обязательства, рас-
пространить въ Россіи католическую вѣру. [165] Татищевъ гово-
рилъ, что есть въ Москвѣ много и другихъ подобныхъ писемъ,

*

1606. что съ нимп царь отправлятъ къ королю и сепаторамъ коронпымъ и Литовскпмъ прежнихъ посольскихъ приставовъ Григорія Константиновича Волконскаго и дьяка Андрея Ивановича, что послы со всѣмп находящимися въ Россіи Поляками должны оставаться въ Москвѣ до возвращенія пословъ съ отвѣтомъ королевскимъ, что прежде пхъ не выпустятъ и что такъ велѣли сказать думные бояре.

Заплативъ за грубыя слова Татищева тою же монетою и доказавъ, сколь несправедливо обвинять его величество и рѣчь посполитую, панъ Малогоскій обратился къ условію, заключенному паномъ воеводою съ покойнымъ царемъ, и сказалъ: «Вы болѣе «себя стыдите, нежели намъ вредите. Панъ воевода Сендомирскій, «увѣренный вашими же единоземцами въ царскомъ родѣ Димитрія, «рѣшился отдать за него свою дочь и старался устроить дѣло «какъ можно лучше. Удивительно ли, что онъ заключилъ такія «условія? Вы сами тому виною. Когда панъ воевода пріѣхалъ «сюда, и Димитрій совѣтовался со всѣмп вами боярами, какое «назначить содержаніе царицѣ въ случаѣ смерти его, вы сами «опредѣлили дать ей Новгородъ и Псковъ, согласились признать «ее законною государынею, и еще до коронаціи, всѣ вы, знатнѣй- «шіе бояре, присягнули ей на вѣрность подданства. Что же ка- «сается до писемъ св. отца, ксенза легата и ксенза кардинала, то «и тутъ нечему удивляться: это не новость. Всегда, при заклю- «ченіи договоровъ на вѣчный миръ между нашимъ и вашимъ на- «родомъ, въ числѣ прочихъ условій помѣщаема была статья о «правѣ Русскихъ служить въ Польшѣ и Литвѣ, вступать тамъ въ «бракъ, пріобрѣтать недвижимыя имѣнія, строить въ нихъ церкви «и свободно исполнять всѣ обряды своей вѣры; равнымъ образомъ «и Поляки, служившіе въ Россіи, могли наживать маетности, «строить въ нихъ и въ главныхъ Русскихъ городахъ Римскіе «костелы, и отправлять богослуженіе по своему обряду. Св. отецъ «папа Римскій, какъ намѣстникъ св. апостола Петра, заботясь о «благѣ всего христіанства, о вѣчномъ согласіи Россіи съ Польшею,

«о славѣ христіанской вѣры, о паденіи язычества, желалъ вклю- 1606.
«чить вышеозначенное условіе въ трактатъ о вѣчномъ мирѣ.
«Искалъ же онъ не своей выгоды, а пользы всего христіанства; за
«что вы должны не гнѣваться на св. отца, а благодарить его. Ка-
«сательно же писемъ его королевскаго величества, въ которыхъ
«сказано, что бывшій государь вашъ достигъ престола по милости
«Божіей, при помощи его королевскаго величества; то вы сами
«чрезъ гонца своего Аоанасія Власьева и другихъ своихъ послан-
«никовъ приписывали королю участіе въ этомъ дѣлѣ и благодарили
«его за такое одолженіе. Король не разсудилъ спорить о томъ и
«все предоставилъ въ вашу волю: что признано однажды выгод-
«нымъ, то не годится въ другой разъ осуждать тѣми же устами.
«Стыдно, Михайло! противорѣчить самимъ себѣ. Все дѣло шло
«по волѣ и желанію думныхъ бояръ. Вы Русскіе сами начали,
«сами и кончили. Вы не имѣете никакого повода насъ, пословъ
«его королевскаго величества, задерживать: это значитъ плѣнъ, а
«того не бываетъ не только въ христіанскихъ, но и въ язычес-
«кихъ государствахъ».

Въ продолженіе разговоровъ, Татищевъ сказалъ посламъ: «Мы
«получили извѣстіе, что въ Польшѣ и Литвѣ происходятъ великіе
«раздоры между сенатомъ и народомъ, что царь Крымскій съ
«многочисленнымъ войскомъ вторгнулся въ королевскія владѣнія,
«что самъ король выступилъ противъ него въ походъ, и что война
«идетъ и въ Лифляндіи». Послы отвѣчали, какъ слѣдовало. Послѣ
того Татищевъ уѣхалъ.

По отъѣздѣ Татищева, мы предались горести, услышавъ, что
всѣхъ насъ задерживаютъ, какъ плѣнниковъ. Положеніе наше
было ужасно; самые невольники наслаждаются у насъ большею
свободою. Не только не выпускали насъ изъ двора въ поле на
чистый воздухъ, но и выглядывать на улицу запрещали. Дворъ
былъ тѣсенъ; народу въ немъ множество; при небольшомъ дождѣ,
мы бродили по колѣна въ грязи, переходя отъ одной избы къ
другой. Стрѣльцы, окружая наше жилище, стерегли день и ночь,

1606. чтобы никто не выходилъ изъ него; намъ нельзя было видѣться съ нашими братьями, стоявшими на другихъ квартирахъ. Болѣе всѣхъ по видимому грустилъ панъ Малогоскій: онъ упалъ въ обморокъ, по выходѣ Татищева. Каждый изъ насъ, не исключая ни одного, имѣлъ справедливую причину печалиться: отправляясь въ Москву на короткое время, мы покинули въ отечествѣ всѣ дѣла свои, разлучились съ забавами, и увидѣли себя заключенными въ ужасную неволю, окруженными тревогами и опасностями. А что всего горестнѣе: болѣе полугода мы не знали, что дѣлается въ нашемъ отечествѣ.

РОЗЫСКЪ

О СМЕРТИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ УГЛИЦКАГО,

СОСТАВЛЕННЫЙ

ИЗЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ АКТОВЪ И
СОВРЕМЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

РОЗЫСКЪ

О СМЕРТИ

ЦАРЕВИЧА ДИМИТРІЯ УГЛИЦКАГО.

Разсматривая любопытнѣйшій періодъ нашей исторіи, смутное время Самозванцевъ, мы видимъ, что всѣ событія этого періода были слѣдствіями несчастной кончины девятилѣтняго отрока, царевича Димитрія. Вотъ главное звѣно, соединяющее необозримую цѣпь дѣяній, славныхъ и безславныхъ, которыми ознаменовано въ Россіи первое десятилѣтіе XVII вѣка! Сколь ни достопамятно однако это событіе, до сихъ поръ оно остается загадкою для потомства; нѣтъ сомнѣнія, что царевичъ погибъ въ Угличѣ 15 мая 1591 года, девяти лѣтъ отъ роду: въ этомъ удостовѣряютъ свидѣтельства неоспоримыя; но еще не рѣшено, кто былъ виновникомъ его кончины. Съ одной стороны, общій голосъ приписываетъ ее Борису Годунову; съ другой многія обстоятельства оправдываютъ знаменитаго мужа.

Исторіи, казалось бы, давно уже надлежало разрѣшить столь важный вопросъ, отъ котораго зависитъ слава и безславіе одного изъ великихъ древнихъ нашихъ вѣнценосцевъ; но до сихъ поръ мы теряемся въ однѣхъ догадкахъ, и не утомляя себя изслѣдованіями, вѣримъ на слово краснорѣчивымъ разсказамъ новѣйшихъ бытописателей, не всегда подкрѣпленнымъ доказательствами. Читатель размышляющій вѣроятно пожелаетъ узнать, почему припи-

сываютъ Годунову смерть царевича, и вообще какія мы имѣемъ свидѣтельства объ этомъ событіи?

Для такого ума любопытнаго, соберемъ все, что говорятъ о смерти Димитрія современники, и обратимъ вниманіе его во 1) на показанія тѣхъ лицъ, которыя были въ Угличѣ во время смерти Димитрія: они заключаются въ актахъ государственныхъ, Углицкомъ розыскѣ и въ грамотахъ царицы, Димитріевой матери; во 2) на извѣстія современныхъ писателей Русскихъ, и въ 3) на сказанія иноземцевъ. Предложимъ все дѣло словами свидѣтелей, съ немногими замѣчаніями, но безъ рѣшительнаго съ своей стороны приговора, который, разумѣется, не можетъ имѣть вѣса, когда и Карамзинъ не успѣлъ разгадать истину.

I.

АКТЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

Въ Государственномъ архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ хранится въ подлинникѣ *Слѣдственное дѣло* о смерти Димитрія, составленное въ Угличѣ княземъ Васпліемъ Ивановичемъ Шуйскимъ (бывшимъ послѣ царемъ), окольничимъ Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ, производившими слѣдствіе по царскому повелѣнію государя Ѳеодора Іоанновича, брата Димитріева.* Въ этомъ драгоцѣнномъ актѣ изложены допросы слѣдователей и отвѣты разныхъ лицъ, могшихъ объяснить смерть царевича. Содержаніе его слѣдующее:

19 мая 1591 года (т. е. въ четвертый день послѣ несчастнаго происшествія), Шуйскій пріѣхалъ въ Угличъ съ окольничимъ

* Оно писано на столбцѣ, тремя различными почерками, на 58 небольшихъ листахъ, одинъ къ другому приклеенныхъ, и напечатано съ дипломатическою точностію въ Собраніи Государствен. Грамотъ, изданныхъ графомъ Румянцовымъ (во II части подъ № 60), съ вѣрными снимками 22 подписей или рукоприкладствъ тѣхъ лицъ, которыя давали отвѣты князю Шуйскому.

Клешнинымъ и дьякомъ Вылузгинымъ, для изслѣдованія: а) какимъ орбазомъ не стало царевича, и b) кѣмъ и за что убиты дьякъ Битяговскій, управлявшій хозяйствомъ царицы, сынъ его Данило, сынъ царевичевой мамки, боярыни Василисы Волоховой, Осипъ, Никита Качаловъ, Данило Третьяковъ, и нѣсколько посадскихъ людей? При допросахъ показали:

1. *Михайло Нагой* (братъ царицы, матери Димитріевой): «Мая въ 15 день въ субботу, въ 6 часу дня, зазвонили въ городѣ у Спаса въ колоколъ; а онъ, Михайло, въ тѣ поры былъ у себя на подворьи и чаялъ онъ того, что горитъ.... бѣжалъ къ царевичу на дворъ; а царевича зарѣзали Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ, да Данила Битяговскій, и пришли на дворъ многіе посадскіе люди; а Михайло Битяговскій пріѣхалъ тутожъ на *дворъ*, и Михайла Битяговскаго и сына его Данила и тѣхъ всѣхъ людей побили черные; а онъ, Михайло Нагой, посадскимъ всякимъ людямъ побити ихъ не веливалъ, а былъ онъ все у царицы, а посадскіе люди сбѣжались на звонъ».

2. *Григорій Нагой* (братъ царицы): «Мая въ 15 день, въ субботу, поѣхали они, Михайло братъ его, да онъ, Григорій, къ себѣ на подворье обѣдать; и только они пришли на подворье, ажно зазвонили въ колокола, и чаяли они, что загорѣлось, и прибѣжали на дворъ, ажно царевичъ Дмитрій лежитъ, набрушился самъ пожемъ въ падучей болѣзни, что и прежъ того на него болѣзнь была; а какъ они пришли, а царевичъ еще живъ былъ и при нихъ преставился. А Михайло Битяговскій былъ у себя на подворьи и прискакалъ къ царицѣ; и на дворъ прибѣжали многіе люди посадскіе и посошные, и почали говорить, невѣдомо кто, что будто зарѣзали царевича Дмитрія Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило, да Осипъ Волоховъ, да Никита Качаловъ; а Михайло Битяговскій учалъ разговаривать, и посадскіе люди кинулись за Михайломъ Битяговскимъ, и Михайло убѣжалъ въ брусяную избу на дворѣ, и посадскіе люди выломали двери и Михаіла выволокли, и тутъ его убили до смерти; а Данила Третьякова тутъ же

съ Михайломъ убили вмѣстѣ; а сына Михайлова Данила Битяговскаго и Никиту Качалова убили въ дьячьей въ розрядной избѣ; а Осипа Волохова привели къ царицѣ вверхъ, къ церкви Спасу, и тутъ его предъ царицею убили до смерти; а людей Михайловыхъ Битяговскаго 4 человѣкъ, и Осиповыхъ Волохова дву человѣкъ, и посадскихъ людей трехъ человѣкъ, гдѣ кого изымали, убили чернью, невѣдомо гдѣ, и того онъ не вѣдаетъ, прошто тѣхъ людей побили. А людей они посадскихъ сбирали для князя В. И. Шуйскаго, да для А. П. Клешнина, да Е. Вылузгина; а блюлись отъ государя опалы, чтобъ кто царевичева тѣла не укралъ; а въ колоколъ-де звонить учалъ пономарь, Огурцомъ зовутъ». *Подпись:* К сѣмъ рѣчемъ Григорей руку приложилъ.

3. *Вдова Василиса Волохова* (боярыня, мамка царевичева, мать Осипа Волохова): «Разболѣлся царевичъ Дмитрій въ среду, нынѣшняго 99 году мая въ 12 день, падучею болѣзнію, и въ пятницу-де ему маленько стало полегче, и царица-де его Марья взяла съ собою къ обѣднѣ, и отъ обѣдни пришотчи, велѣла ему на дворѣ погулять; а на завтрее, въ субботу, пришотчи отъ обѣдни, царица велѣла царевичу на дворъ птти гулять; а съ царевичемъ были она Василиса, да кормилица Орина, да маленькіе робятки жильцы, да постельница Марья Самойлова; а игралъ царевичъ ножикомъ: и тутъ на царевича пришла опять тажъ болѣзнь, и бросило его о землю, и тутъ царевичъ самъ себя ножемъ покололъ въ горло, и било его долго, да туто его и не стало. А и прежъ того, сего году въ великое говѣнье, тажъ надъ нимъ болѣзнь была падучій недугъ, и онъ покололъ сваею и матерь свою царицу Марью; а вдругорядь на него была тажъ болѣзнь передъ великимъ днемъ, и царевичъ объѣлъ руки Ондреевой дочкѣ Нагова: одва у него Ондрееву дочь Нагова отняли. И какъ царевичъ въ болѣзни въ чорной покололся ножемъ, и царица Марья сбѣжала на дворъ, и почала ее, Василису, царица Марья бити сама полѣномъ, и голову ей пробила во многихъ мѣстахъ, и почала ей, Василисѣ, приговаривать, что будто-се сынъ ея Васи-

лисинъ Осипъ, съ Михайловымъ сыномъ Битяговскаго, да Никита Качаловъ, царевича Дмитрія зарѣзали; и она, Василиса, почала ей бить челомъ, чтобъ велѣла царица дать сыскъ праведный; а сынъ ея и на дворѣ не бывалъ; и царица-де велѣла ее тѣмъ же полѣномъ бить по бокамъ Григорью Нагому, и тутъ ее только чуть живу покинули замертво; и почали звонити у Спаса въ колокола, и многіе посадскіе и всякіе люди прибѣжали на дворъ; и царица-де Марья велѣла ее, Василису, взять посадскимъ людямъ, и мужики-де ее взяли и ее ободрали и простоволосу ее держали предъ царицею; и прибѣжалъ-де на дворъ Михайло Битяговскій и почалъ было разговаривать посадскимъ людямъ и Михайлу Нагому, и царица-де Марья и Михайло Нагой велѣли убить Михайла битяговскаго, и Михайлова сына, и Никиту Качалова и Данила Третьякова; а говорила-де царица міру: *то-де душегубцы царевичу!* А сынъ ея Осипъ въ тѣ поры былъ у себя, и какъ началъ шумъ быть великій, и сынъ ея Осипъ прибѣжалъ къ Михайловѣ женѣ Битяговскаго, и тутъ его поймали посадскіе люди и привели его еще жива предъ царицу, и Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми передъ царицу жъ привели; и царица де міру молвила: *то-де убойца царевичу сынъ ея Осипъ Волоховъ*, и сына ея Осипа тутъ до смерти убили; а убивъ и прохолкали, что надъ зайцемъ.... Да была жоночка уродливая (*юродивая*) у Михайла у Битяговскаго, и хаживала отъ Михайла къ Андрею къ Нагому, и сказали про нея царицѣ Марьѣ, и царица ей велѣла приходить для потѣхи, и та жоночка приходила къ царицѣ, и какъ царевичу смерть сталася, и царица ту жонку, послѣ того два дня спустя, велѣла добыть и велѣла ее убитижъ, что будтось та жонка царевича портила».

4. *Жильцы царевичевы*, которые съ нимъ играли, Петрушка Самойловъ сынъ Колобова, Баженко Неждановъ сынъ Тучковъ, Ивашко Ивановъ сынъ Красенскаго, Гришка Андревъ сынъ Козловскаго: «Игралъ-де царевичь въ тычку ножикомъ съ ними на заднемъ дворѣ, и пришла на него болѣзнь падучій недугъ, и набро-

сился на ножъ.... Были за царевичемъ въ тѣ поры они четыре человѣка жильцовъ, да кормилица, да постельница; а Оспина Волохова и Данила Михайлова сына Битяговскаго въ тѣ поры за царевичемъ не было и за царевичемъ не хаживали».

5. *Орина Жданова,* жена Тучкова (царевичева кормилица): «Ходилъ царевичъ Дмитрій въ субботу по двору, игралъ съ жильцы ножикомъ, и она того не уберегла, какъ пришла на царевича болѣзнь черная; а у него въ тѣ поры былъ ножъ въ рукахъ, и онъ ножемъ покололся, и она царевича взяла къ себѣ на руки, и у нея царевича на рукахъ и не стало».

6. *Марья Самойлова* (постельница): «Царевичъ Дмитрій ходилъ въ субботу по двору и тѣшился съ жильцы ножикомъ, и пришла на него болѣзнь черный недугъ, и его бросило о землю, а у него былъ ножикъ въ рукахъ, и онъ самъ покололся».

7. *Андрей Александровичъ Нагой:* «Царевичъ ходилъ на заднемъ дворѣ и тѣшился съ робяты, игралъ чрезъ черту ножемъ; и закричали на дворѣ, что царевича не стало, и сбѣжала царица сверху; а онъ, Андрей, въ тѣ поры сидѣлъ у ѣствы, и прибѣжалъ тутожъ къ царицѣ, а царевичъ лежитъ у кормилицы на рукахъ мертвъ; а сказываютъ, что его зарѣзали; а онъ того не видалъ, кто его зарѣзалъ. А на царевичѣ бывала болѣзнь падучая; да нынѣ въ великое говенье у дочери его руки переѣлъ; а и у него, Андрея, царевичъ руки ѣдалъ же въ болѣзни, и у жильцовъ и у постельницъ: какъ на него болѣзнь придетъ и царевича какъ станутъ держать, и онъ въ тѣ поры ѣстъ въ нецывеньи, за что попадется. А какъ побили Михайла Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, того онъ не вѣдаетъ, кто ихъ велѣлъ побить, а побила ихъ чернь, посадскіе люди. А онъ былъ у царевичева тѣла безотступно, и тѣло онъ царевичево внесъ въ церьковь». *Слѣдуетъ подпись.*

8. *Огурецъ* (пономарь Царяконстантиновскій, вдовый попъ): «Какъ царевича Дмитрія не стало, а онъ въ тѣ поры былъ дома, и зазвонилъ въ городѣ у Спаса сторожъ Максимко Дмитріевъ сынъ

Кузнецовъ, и онъ, Огурецъ, отъ себя съ двора побѣжалъ въ городъ; и какъ прибѣжалъ къ Спасу, и къ нему на встрѣчу бѣжитъ кормоваго двора стряпчій Суббота Протопоповъ, и велѣлъ ему у Спаса въ колоколъ звонить, да ударилъ его въ шею, и велѣлъ ему сильно звонить: а говорилъ ему Суббота предъ Григорьемъ Нагимъ, а сказалъ, что ему велѣла звонить царица Марья, и онъ потому и звонилъ въ колоколъ.* А про царевичеву Дмитріеву смерть сказалъ, что царевичъ Дмитрій мая въ 15 день, въ субботу, игралъ на заднемъ дворѣ съ жильцы ножемъ, и пришла его старая болѣзнь, падучій недугъ, и тутъ его ударило о землю, и онъ бьючися, ножемъ самъ себя покололъ».

9. *Суббота Протопоповъ* (кормоваго дворца стряпчій, на очной ставкѣ съ Огурцемъ): «Какъ пріѣхалъ на дворъ Михайло Нагой, и велѣлъ ему, Субботѣ, звонить въ колокола для того, чтобы міръ сходился, и онъ приказалъ пономарю Огурцу звонить. Какъ люди многіе сошлися, и Михайло Нагой велѣлъ убити Михайла Битяговскаго; а была у нихъ межъ себя прежъ того брань за то, что Михайло Нагой у Михайла у Битяговскаго спрашивалъ, сверхъ государеву указу, денегъ изъ казны; а Михайло ему отказалъ, что ему, мимо государевъ указъ, денегъ не давывать; а Михайлова сына Битяговскаго и тѣхъ всѣхъ, которые побиты, убили чернью, не вѣдаетъ за что».

10. *Ѳеодоритъ* (архимандритъ Воскресенскій): «Мая въ 15 день въ субботу, служилъ онъ литургію въ Алексѣевскомъ монастырѣ, и въ 6 часу дня, послѣ обѣдни, зазвонили у Спаса, и онъ тотчасъ съ Алексѣевскимъ игумномъ, съ Саватьею, послали слугъ провѣдати, а чаяли того, что-либо горитъ гдѣ; и слуги имъ, пришотчи, сказали, что они слышали отъ посадскихъ людей и отъ посошныхъ, что будто-се царевича Дмитрія убили, а того не вѣдомо, кто его убилъ; и они поѣхали въ городъ; и какъ они пріі-

* Григорій Нагой, противъ сего показалъ: Сказывалъ ему онъ же Огурецъ, что звонить велѣлъ Суббота.

ѣхали въ городъ, а царевичево ужъ тѣло въ Спасѣ лежитъ; а Михайло Битяговскій, и сынъ его Данило, и Никита Качаловъ, и Данило Третьяковъ, и Михайловы люди Битяговскаго, и Осиповы люди Волохова, посадскіе люди 3 человѣка лежатъ побиты. А Осипа Волохова привели при нихъ, при немъ, архимандритѣ, и при игуменѣ Саватіи, къ церкви къ Спасу, предъ царицу, только чуть жива, и тутъ его предъ царицею прибили до смерти; а Михайлову жену Битяговскаго съ двѣмя дочерми привели тутъ же къ Спасу и хотѣли ихъ побитижъ, и онъ, архимандритъ Ѳеодоритъ, и игуменъ Саватія ухватили Михайлову жену Битяговскаго съ дочерьми и отняли ихъ и убити ихъ не дали, и посадскіе люди Михайлову жену и дочерей держали у Спаса, а Осипову мать Волохова посадили въ полату за сторожи». *Подпись:* Къ симъ рѣчемъ Архимандритъ Ѳедоритъ руку приложилъ.

11. *Саватія* (игуменъ Алексѣевскаго монастыря) показалъ согласно съ Ѳеодоритомъ.

12. *Богданъ* (попъ Царяконстантиновскій, Григорія Нагаго отецъ духовный) сказалъ: «что онъ въ тотъ день, въ субботу, ѣлъ у Михайла у Битяговскаго, и почали звонить въ городѣ у Спаса въ колоколъ, и Михайло послалъ людей своихъ провѣдати въ городѣ, и чаялъ то, что гдѣ загорѣлося; и прибѣжали Михайловы люди къ Михайлу на подворье, сказали, что царевича Дмитрія не стало; и Михайло тотчасъ пріѣхалъ на дворъ къ царевичу, а посадскіе люди многіе на дворъ мечутся съ рогатинами, и съ топоры, и съ саблями; и Михайло почалъ имъ разговаривати, для чего вы прибѣжали съ топоры, и съ саблями, и съ рогатинами? И они за Михайломъ учалися гоняти, и Михайло ушелъ было у нихъ въ брусяную избу съ Даниломъ Третьяковымъ; и они-де у избы высѣкли двери, да Михайла Битяговскаго и Данила Третьякова, выволокши изъ избы, убили до смерти, потому, что имъ почалъ разговаривать; а Михайловъ сынъ Битяговскаго Данило въ тѣ поры былъ у отца своего, у Михайла, на подворьи, обѣдалъ». *Подпись:* Богданъ Священникъ руку приложилъ.

13. *Иванъ Мураповъ* (Угличкій губный староста): «Тѣшился-де царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своими, съ робятки, тыкалъ ножемъ, и въ тѣ поры пришла на него немочь падучая, зашибло его о землю и учало его бити, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ по горлу самъ».

14. *Кирило Моховиковъ* (сытникъ кормоваго дворца): «Какъ-де царевичъ боленъ накололся ножемъ, и учали звонить, и Михайло Битяговскій, прискочивъ ко двору къ воротамъ, а ворота были заперты, и онъ побѣжалъ къ Михайлу къ воротамъ, и Михайлу ворота отперъ; и какъ Михайло взошелъ на дворъ и учалъ посадскимъ и всякимъ людямъ разговаривать, и меня почали бити и забили на смерть, руки и ноги переломали. А Михайло Битяговскій побѣжалъ въ брусяную избу съ Даниломъ Третьяковымъ и заперлися; посадскіе и всякіе люди дверь выломали, и Михайла и Данила вытащили и тутъ ихъ убили до смерти; а Михайлова сына Битяговскаго Данилу, да Никиту Качалова, выволокши изъ разрядной избы, убили до смерти; а которыхъ достальныхъ людей, которые съ Михайломъ побиты, гдѣ ихъ въ которыхъ мѣстахъ побили, того онъ не вѣдаетъ, что онъ самъ убитъ на смерть. А почищщики были, какъ Михайло Нагой и всѣхъ побили, Ятка Ляпунъ, да Никитка Губинъ, да Степанко Полуехтовъ, да Иванъ Тимофѣевъ, да Тихонъ Быковъ». *

15. *Истопники* (пятеро): «Мы-де были въ переднихъ сѣняхъ, и въ тѣ поры понесли кушанье въ верьхъ; а царевичъ Дмитрій въ тѣ поры тѣшился на заднемъ дворѣ, игралъ съ жильцы ножемъ, и пришла-де на него старая болѣзнь падучій недугъ, и его въ тѣ поры ударило о землю, и онъ на тотъ ножъ набрушился самъ».

16. *Григорій Тулубьевъ* (сытнаго дворца клюшникъ): «Былъ онъ у себя на подворьи, и какъ почали звонить, и онъ прибѣжалъ въ городъ, ажно звонятъ, а на царевичевѣ дворѣ и на улицѣ люди многіе, и онъ почалъ спрашивать сторонніхъ людей, для чего

* Что показали сіи послѣдніе, изъ дѣла не видно.

звонятъ, и сказалъ ему стряпчій Семейка Юдинъ, да сытникъ Кирило Моховиковъ, что ходилъ царевичъ на дворѣ и тѣшился съ жильцами, съ робятки съ маленькими, въ тычку ножемъ, и пришла на него немочь падучая, и бросило его о землю, и било его долго, и онъ накололся ножемъ самъ; въ тѣ поры туто была боярыня Василиса Волохова, да кормилица Орина».

17. *Семейка Юдинъ* (стряпчій, на очной ставкѣ съ Тулубьевымъ): «Онъ ему тѣ рѣчи сказывалъ, что на царевичѣ болѣзнь падучая, тѣшился съ жильцами, съ робятки съ маленькими, въ тычку ножемъ, и пришла на него немочь падучая и бросило его о землю и било его долго, и онъ накололся ножемъ самъ; а онъ въ тѣ поры стоялъ у поставца, а то видѣлъ».

18. *Царицыны дѣти боярскія* (четверо): «Ходилъ-де царевичъ, тѣшился съ жильцы съ маленькими въ тычку ножемъ, на дворѣ, и пришла-де на него падучая немочь, а у него-де былъ въ ту пору въ рукахъ ножъ, и его-де бросило о землю и било его долго, да ножикомъ ся самъ себя покололъ и отъ того и умеръ; и какъ пришелъ шумъ великій, и они разбѣжалися».

19. *Разсыльщики Углицкіе* въ челобитной государю отъ 20 мая пишутъ: «Бьемъ тебѣ, государь, челомъ и плачемся, чтобъ намъ отъ тебя, государя, съ виноватыми не погибнуть; что, государь, царевичь князь Дмитрій Ивановичъ, а ходилъ по двору, тѣшился сваею въ кольцо съ своими же жильцы съ молодыми въ нынѣшнемъ 99 году, мая 15 день, въ субботу, и пришла, государь, на него того дни болѣзнь падучая недугъ, а и прежъ того, государь, на немъ была жъ та болѣзнь по мѣсяцемъ безпрестанно; и какъ на немъ въ субботу та болѣзнь пришла, и его бросило о землю, и онъ тою сваею, которою игралъ, покололся, а то мы слышали отъ дворовыхъ людей; и прискочилъ, государь, съ его двора къ царицѣ на дворъ Михайло Нагой пьянъ, на конѣ, и велѣлъ звонить въ колокола, и тутъ сбѣжалъ міръ весь со вся четыре стороны съ копьи, и съ рогатинами, и съ топоры. А дьякъ Михайло Битяговскій, слышавъ тотъ шумъ, пришелъ съ сыномъ

въ дьячью избу; а подалъ вѣсть Михайлу Битяговскому сытникъ Кирило Моховиковъ, что царевичъ боленъ черным недугомъ; и Михайло Битяговскій пришелъ на дворъ къ царицѣ, а сынъ Михайловъ остался въ дьячьей избѣ. И Михайло, государь, Нагой велѣлъ Михайла Битяговскаго убить до смерти; а Михайло Битяговскій кричалъ, что Михайло Нагой велитъ убити для того, что Михайло Нагой добываетъ ведуновъ, и ведуны на государя и на государыню, а хочетъ портить, и тутъ, государь, Михайла Битяговскаго убили до смерти въ дьячьей избѣ; а Данила Третьякова и Кирила Моховикова велѣлъ Михайло убити на переходѣхъ; и Никиту Качалова убили за его шурина, за жильца, да за Осипа за Волохова, что Никита учалъ говорить, чтобъ его шурина не убили, и они за Никиту Качалова и Осипа Волохова убили до смерти.*

«Іюня во 2 день, государь царь и великій князь Ѳеодоръ Ивановичъ всея Русіи, слушавъ Углицкаго обыску.... приказалъ боярамъ и дьякамъ съ Углицкимъ обыскомъ итти на соборъ къ Іову патріарху всея Русіи, и къ митрополитамъ, и къ архіепископамъ, и ко владыкамъ, и ко всему освященному собору, и велѣлъ государь передъ патріархомъ на соборѣ тотъ обыскъ прочесть.

«И какъ по государеву приказу, Іову патріарху всея Русіи и всему собору Углицкое дѣло прочли, и тутожъ на соборѣ Іову патріарху Сарскій и Подонскій Геласія митрополитъ говорилъ: «Извѣщаю тебѣ, Іову патріарху, и всему освященному собору, котораго дни ѣхати мнѣ съ Углича къ Москвѣ, и царица Марья, призвавъ меня къ себѣ, говорила мнѣ съ великимъ прошеньемъ: какъ Михайла Битяговскаго съ сыномъ и жильцомъ побили, и то дѣло учинилось грѣшное, виноватое; чтобъ мнѣ челобитье ея до-

* Кромѣ этихъ лицъ, князь Шуйскій допрашивалъ трехъ подключниковъ, девятерыхъ сторожей сѣнныхъ, троихъ подъячихъ, и нѣкоторыхъ другихъ людей. Всѣ они показали: «Слышали, что царевичъ покололся ножемъ самъ въ падучей болѣзни».

нести до государя царя и велнкаго князя, чтобъ государь тѣмъ бѣднымъ червемъ, Михайлу съ братьею, въ нхъ вннѣ милость показалъ. Да митрополитъ же Геласія на соборѣ Іову патріарху подалъ челобитную, а ему тое челобитную далъ на Угличѣ городовой прикащикъ Руспнъ Раковъ, и въ той Руспновѣ челобитной пишетъ:

«Въ нынѣшнемъ, государь, году, мая въ 15 день въ субботу, на шестомъ часу дня, тѣшился, государь, царевичъ у себя на дворѣ съ жильцы своимн, съ робятки, тыкалъ, государь, ножемъ, и въ тѣ поры на него пришла падучая немочь, и зашибло, государь, его о землю, и учало его бити; да какъ его било, и въ тѣ поры онъ покололся ножемъ самъ и отъ того и умеръ; и учюлъ (*услышалъ*), государь, язъ въ городѣ звонъ, и язъ, государь, прибѣжалъ на звонъ, ажно въ городѣ многіе люди и на дворѣ на царевичевѣ; а Михайло Битяговскій, да сынъ его Данило, да Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Данило Третьяковъ, да нхъ люди, лежатъ побиты; и я, государь, прибѣжалъ къ Спасу, и меня, государь, Михайло, да Григорій Нагіе изымали, а Михайло, государь, Нагой мертво пьянъ; привели, государь, меня къ цѣлованью, и одного, государь, дни велѣли мнѣ крестъ шестья цѣловать: *буде ты нашъ?* А Михайла Битяговскаго, да и сына его велѣлъ убити язъ; а Никиту Качалова, да Осипа Волохова, да Данила Третьякова, да и людей нхъ велѣлъ побити я же, для того, что они у меня отымали Михайла Битяговскаго съ сыномъ. И послѣ, государь, того въ первый вторникъ, въ вечеру приказалъ Михайло человѣку своему Тимохѣ, велѣлъ принести куря живой, въ другомъ часу ночи вшелъ въ дьячью избу, а меня послалъ въ рядъ ножовъ имать, и я съ собою взялъ посадскаго человѣка Кондрашу Оловяшнишника, и взялъ въ ряду два ножа, у Ѳили у дехтярника ножъ, а другой ножъ у посадскаго жъ человѣка у Василія у Ильина; а ножъ мнѣ далъ, да саблю Григорій Нагой; и послалъ меня Михайло Нагой на Михайловъ дворъ Битяговскаго, да со мною послалъ Спасскаго соборнаго попа Степана, да посадскихъ людей,

Третьяка Ворожейкина, да Кондрашу Оловяшишника, а велѣлъ мнѣ искати въ Михайловѣ повалушѣ палицы желѣзной, и язъ нашелъ и къ нему привезъ; онъ, государь, меня послалъ въ дьячью избу, и велѣлъ мнѣ взять сторожа Овдокима, да взялъ язъ посадскаго человѣка Ваську Малафеева, да мнѣ же велѣлъ изъ дьячьей избы въ чуланѣ курицу зарѣзалъ и кровь въ тазъ выпустилъ, и ножи и палицу кровью обмазали, и Михайло мнѣ Нагой приказалъ класти къ Михайлу Битяговскому ножъ, сыну его ножъ, Никитѣ Качалову ножъ, Осипу Волохову палицу, Даніилу Третьякову саблю, Михайлову человѣку Кузьмину самопалъ, его же человѣку Павлу ножъ, Василисину человѣку Васкѣ самопалъ; а велѣлъ, государь, убити Михайло Нагой Михайла Битяговскаго и съ сыномъ по недружбѣ; многижды съ нимъ бранивался про государево дѣло, и въ тотъ день съ ними бранивался о посохѣ, что велѣлъ, государь, съ нихъ взять посохи 50 человѣкъ подъ городъ подъ гуляй, и онъ, государь, посохи не далъ; и Михайло, государь, Нагой напился пьянъ, да велѣлъ убити Михайла Битяговскаго и съ сыномъ, а Никита Качаловъ, да Осипъ Волоховъ, да Даніила Третьяковъ, да ихъ люди учали отъимать, и онъ ихъ велѣлъ побити тутожъ.

«И патріархъ Іовъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, слушавъ Углицкаго дѣла и сказу митрополита Геласія, и челобитныя прикащика Русина Ракова, говорилъ на соборѣ: «Въ томъ во всемъ воля государя царя и великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи; а прежде сего такого лихаго дѣла и такіе убійства сталисъ и кровопролитье отъ Михайла отъ Нагаго и отъ мужиковъ, николи не было! А предъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Ѳедоромъ Ивановичемъ всея Русіи, Михайла и Григорья Нагихъ и Углицкихъ посадскихъ людей измѣна явная, что царевичу Дмитрію смерть учинилась Божьимъ судомъ; а онъ, Михайло Нагой, государевыхъ приказныхъ людей дьяка Михайла Битяговскаго, съ сыномъ и Никиту Качалова, и иныхъ дворянъ и жильцовъ и посадскихъ людей, которые стояли за Михайла за Битяговскаго и за всѣхъ за тѣхъ, которые стояли за правду, и разговарикали по-

садскимъ людямъ, что они такую измѣну сдѣлали, велѣлъ побити напрасно, умышленьемъ за то, что Михайло Битяговскій съ нимъ съ Михайломъ Нагимъ, бранился почасту за государя, что онъ, Михайло Нагой держалъ у себя ведуна Ондрюшу Мочалова, и иныхъ многихъ ведуновъ, и за тое великое измѣнное дѣло Михайло Нагой съ братьею, и мужики, Угличане, по своимъ винамъ, дошли до всякаго наказанья. А то дѣло земское градское, въ томъ вѣдаетъ Богъ, да государь царь и великій князь Оедоръ Ивановичъ всея Руссіи; все въ его царской рукѣ, и казнь, и опала, и милость; о томъ государь какъ Богъ извѣститъ; а наша должная молити... о государскомъ здравіи и тишинѣ межъ усобной брани».

«И государь царь и великій князь приказалъ боярамъ и велѣлъ Углицкое дѣло по договору вершить; а по тѣхъ людей, которые въ дѣлѣ объявились, велѣлъ государь посылати».

Въ слѣдствіе сего, привезли въ Москву Нагихъ, кормилицу Димитріеву съ мужемъ и вѣщуна Мочалова въ оковахъ, снова допрашивали ихъ, наконецъ кончили дѣло: всѣхъ Нагихъ сослали въ отдаленные города и заключили въ темницы; вдовствующую царицу постригли и отвезли въ пустыню Св. Николая на Выксѣ (близъ Череповца); тѣла Битяговскаго и товарищей его, кинутыя Углицкимъ народомъ въ яму, вынули, отпѣли въ церкви и предали землѣ съ великою почестію; а гражданъ тамошнихъ, признанныхъ убійцами невинныхъ, казнили смертію, числомъ около двухъ сотъ; другимъ отрѣзали языки; многихъ заточили; большую часть вывели въ Сибирь и населили ими городъ Пелымъ.

Карамзинъ видитъ въ Углицкомъ розыскѣ памятникъ безсовѣстной лживости Шуйскаго, сохранившій временемъ какъ бы въ оправданіе бѣдствій, которыя чрезъ нѣсколько лѣтъ пали на главу, уже вѣнценосную, сего слабаго, если и не безбожнаго человѣкоугодника: говоритъ, что Шуйскій допрашивалъ тайно, особенно, не міромъ, дѣйствуя угрозами и обѣщаніями; призывалъ, кого хотѣлъ: писалъ, что хотѣлъ; утаилъ, свидѣтельство истины, мір-

ское, единогласное, записалъ только отвѣты Михайлы Нагаго, какъ бы явнаго клеветника, упрямо стоящаго въ томъ, что Димитрій погибъ отъ руки злодѣевъ. «Вѣроятно, продолжаетъ исторіографъ, не всѣ показанія Михайла Нагаго были записаны, а въ другихъ допросахъ, ложь была смѣшана съ истиною, чтобы дать силу первой. Одни сіи допросы, явно ознаменованные дѣйствіемъ страха, угрозъ, принужденія, совѣсти нечистой, свидѣтельствуютъ о ковѣ Бориса Годунова.»

Упрекъ столь важный и рѣшительный, уничтожающій силу акта, на коемъ основанъ приговоръ собора святителей и боярской думы, надлежало бы подтвердить свидѣтельствомъ несомнѣннымъ, напримѣръ явною уликою, или сознаніемъ если не самого Бориса, по крайней мѣрѣ, кого либо изъ *клевретовъ* его; но такого свидѣтельства Карамзинъ не приводитъ, и основываетъ свое обвиненіе на лѣтописяхъ безъименныхъ, гдѣ сказано: «Князь Василій (Шуйскій) начатъ роспрашивати града Углича всѣхъ людей, како небреженіемъ Нагихъ *Царевичъ* заклася самъ? Они вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юные, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники; князь же Василій пришедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа царю Ѳеодору неправедно, что самъ себя заклалъ». Ниже увидимъ, сколь несправедливы были наши лѣтописцы къ Борису Годунову; здѣсь же разсмотримъ Угличскій розыскъ въ слѣдующихъ отношеніяхъ: 1) Точно ли записаны Шуйскимъ показанія свидѣтелей? 2) Почему не сказано, что говорила царица? 3) Дѣйствительно ли поручено ею митрополиту Геласію представить собору поданное имъ объявленіе?

На первый вопросъ отвѣчать трудно; не льзя однакожъ не замѣтить: а) что многіе свидѣтели подписались подъ своими показаніями, именно: Григорій Нагой, вмѣстѣ съ архимандритомъ Ѳеодоритомъ и духовнымъ отцомъ своимъ, священникомъ Богданомъ; Андрей Нагой; игуменъ Покровскаго монастыря Давидъ,

игуменъ Алексѣевскаго монастыря Савватія, и многіе другіе. Люди, видѣвшіе, по словамъ ихъ, какъ умеръ царевичъ, не подписались, вѣроятно, потому, что не умѣли. b) Судя по образу изложенія, можно думать, что слѣдователи писали именно со словъ допрашиваемыхъ лицъ: стоитъ только сравнить, *какъ* говорятъ жильцы, архимандритъ, кормилица, пономарь.

Труднѣе объяснить, почему не приведены слова царицы: ее, безъ сомнѣнія, спрашивали? Вѣроятно потому, что считали неприличнымъ мѣшать ее съ подданными. Впрочемъ обстоятельство это не важно: она не видала, какъ погибъ сынъ ея. Наконецъ вся сила заключается въ объявленіи митрополита Геласія: дѣйствительно ли говорилъ святитель на соборѣ, согласно съ волею царицы-матери? Этотъ вопросъ, кажется, разрѣшить легко: можно ли думать, чтобы соборъ легкомысленно повѣрилъ Геласію, не бывъ убѣжденъ въ истинѣ словъ его? Но по своей ли волѣ царица рѣшилась на такое объявленіе, этого не объяснилъ бы и Юмъ

По крайней мѣрѣ, Угличкій розыскъ не наводитъ и тѣни подозрѣнія на Бориса Годунова. Кто же обвиняетъ его? Его обвиняютъ Шуйскій, производившій розыскъ, и царица мать Димитрія. Въ слѣдъ за ними всѣ писатели современные, Русскіе и иностранные. Вотъ слова ихъ:

Шуйскій, низринувъ Отрепьева и овладѣвъ престоломъ, издалъ нѣсколько окружныхъ грамматъ или манифестовъ, которыми старался убѣдить народъ, что человѣкъ, называвшій себя Димитріемъ, былъ Самозванецъ. Въ одной грамматѣ, изданной немедленно по избраніи его царемъ, сказано глухо: «Мать царевича Дмитрія, инока Мароа, и ея братъ Михайло Нагой съ братіею, всѣмъ людямъ Московскаго государства подлинно сказывали, что сынъ ея царевичъ Дмитрій *умре* подлинно и погребенъ на Угличѣ, а тотъ воръ (Отрепьевъ) называется Царевичемъ Димитріемъ ложно». *Собр. Государ. Грам.* ч. *II. стр.* 300. Но тогда же (21 мая 1606 года) обнародована граммата отъ имени царицы-матери, за подписью дьяка Шишилова; царица пишетъ: «Сынъ нашъ

царевичъ Дмитрій Ивановичъ убитъ на Угличѣ предо мною и предъ братьею моею отъ Бориса Годунова, а нынѣ лежитъ онъ на Угличѣ». То же сказано отъ имени ея мѣсяца черезъ три, по случаю перенесенія мощей Св. Димитрія: «Сына моего царевича Димитрія», пишетъ царица, «убили по Борисову велѣнію Годунова; а меня послѣ того держали въ великой нуждѣ, и родъ мой по дальнымъ городамъ разосланъ былъ». *Собр. Госуд. Грам.* ч. *II, стр.* 317.

Шуйскій повторяетъ слова ея въ двухъ грамматахъ, именно въ тѣхъ, которыми онъ доказываетъ самозванство своего предшественника, мнимаго Димитрія. Въ одной (отъ 2 іюня 1606 года) онъ пишетъ: «Въ прошломъ 99 году, за грѣхи всего православнаго христіанства, великаго государя царевича Дмитрія Ивановича не стало, послѣ убивства Бориса Годунова.... и за его дѣло смерть ему *(Борису)* злую далъ.» Въ другой грамматѣ, отъ 9 декабря 1606, сказано: «Блаженныя памяти, царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Руссіи былъ сынъ царевичъ, и тотъ убитъ, по велѣнью Бориса Годунова, на Угличѣ». *Собр. Госуд. Грам. II. стр.* 311. 320.

Каждый спроситъ, почему же Шуйскій утаплъ истину въ свое время? Боялся ли онъ Годунова, или былъ задобренъ имъ? Это извѣстно одному Богу! Не льзя опять не замѣтить: Шуйскій былъ человѣкъ неблагодарный, но не трусъ; это доказалъ онъ поступками съ Димитріемъ Самозванцемъ. Сверхъ того, не видно, чтобы онъ получилъ отъ Бориса особенную награду, какъ надлежало бы ожидать; и при Ѳеодорѣ, и при Годуновѣ, онъ оставался просто бояриномъ, не болѣе: такъ не награждаютъ за престолъ! Но свидѣтельство царицы? Царица показала сперва, что сынъ ея умеръ волею Божіею, потомъ, что его убилъ Борисъ; признала своимъ сыномъ Отрепьева, и потомъ отвергла его. Вѣрьте чему угодно! Скажутъ обстоятельства понуждали ее говорить ложь: почему же не могла она клеветать и на бѣднаго Бориса по обстоятельствамъ? Для чего и она, и Шуйскій писали о смерти Димитрія? Для того, чтобы разсѣять ослѣпленіе Русскихъ, которые

признавали царевичемъ каждаго негодяя: Шуйскій лучше всего надѣялся достигнуть сей цѣли, представивъ Димитрія мученикомъ, невинно погибшимъ. На кого же возложить вину, если не на Бориса, котораго уже Самозванецъ объявилъ злодѣемъ царевича? Однимъ словомъ, въ государственныхъ актахъ нашихъ о семъ случаѣ, такъ много встрѣчается противорѣчій, что читатель безпристрастный долженъ теряться въ безчисленныхъ догадкахъ. Послушаемъ, что говорятъ свидѣтели посторонніе, современные писатели Русскіе и иностранные.

II.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ РУССКІЕ.

1. *Патріархъ Іовъ*, возведенный въ достоинство первосвятителя при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, въ правленіе Бориса Годунова, и рѣшившій Угличское дѣло, описывая подробно царствованіе Ѳеодора, ни слова не говоритъ о смерти царевича. *Рус. Лит. Никон. сп. VII, стр.* 316—359.

2. *Авраамій Палицынъ* разсказываетъ сей случай такимъ образомъ: «Великаго убо царя Ѳеодора брата царевича Дмитрія Ивановича, не единоматерня, отдѣлиша на Углечь, всѣхъ начальнѣйшихъ Россійскихъ вельможъ совѣтомъ, да во своемъ пространствіи съ матерію си пребываетъ. Сему же царевичу Дмитрею естествомъ возрастающу и братне царство и величество слышащу и отъ ближнихъ си смущаему, занеже не вкупѣ съ братомъ пребыванія, и о семъ печалуяся, и часто въ дѣтскихъ глумленіихъ глаголетъ и дѣйствуетъ нелѣпая, о ближнѣйшихъ брата си, паче же о семъ Борисѣ; врази суще, и ласкатели и великимъ бѣдамъ замышленицы, въ десятерицу лже составливающе, съ сими подходятъ вельможи, паче же сего Бориса, и отъ многія смуты ко грѣху сего низводятъ: его же краснѣйшаго юношу отсылаютъ и нехотяща въ вѣчный покой, въ лѣто 7099; памяту же его крови ради неповинныя во всей Россіи торжествовася, и великимъ да-

ромъ чудесъ отъ Бога обогащенъ быти. Егда же заколенъ бысти тоій незлобивый агнецъ Дмитрей царевичъ, тогда весь градъ Углечь возмятеся, и емше убійцъ его, Данилку Битяговскаго, смерти предаша. Борисъ же, за тѣхъ убійцъ, Углечанъ болѣ двою сотъ человѣкъ погуби; овѣхъ же въ Сибирь сосла, инѣхъ же въ темницахъ лютыми смертьми уморп; матерь же его царицу Марію неволею постричи повелѣ, и пятнадесять лѣтъ въ скорби пребысти».

3. *Въ Лѣтописи о мятежахъ:* «Бысть болярипъ Борисъ, рекомый Оедоровичъ Годуновъ, ненавидяще братію свою бояръ; болярежъ его не любяху, что многіе люди погубихъ напрасно. И вложи діаволъ ему въ мысль извести праведнаго своего государя царевича Дмитрія, и помышляше себя, аще изведу царскій корень и буду самъ властелинъ въ Руси, яко же окаянный Стополкъ *(Святополкъ)* помышляше на братью свою Бориса и Глѣба, аще побію братію свою и буду единъ властелинъ въ Руси, а не вѣдя того, яко Богъ власть кому хочетъ, тому дастъ; сей же окаянный Стополкъ посла на братію свою на убойство, такожде и Борисъ посла на Угличь, чтобы сего праведнаго окормити зельемъ. Ему же праведному царевичу Дмитрію даваху смертоносное зелье, овогда въ ѣствѣ, овогда въ питьѣ. Богъ же, храняй праведника, не хотя втайнѣ его праведную душу увести приняти, а хотя его праведную душу и невинную кровь объявити всему міру. Борисъ же, то слышавъ, яко ничто его не вреди, и оскорбѣся о томъ зѣло и призва братію свою Годуновыхъ, и совѣтниковъ своихъ Андрея Елешипа *(Клешнина?)* съ товарищи, и повѣдаша имъ, яко ничто его вредитъ. Единъ же отъ нихъ Годуновъ, Григорій Васильевичъ, къ ихъ совѣту не приста, и плакася о томъ горько: они же его къ себѣ не призываху и его чужахусь. Сіи же совѣтницы Борисовы умыслиша ему послати кого изобравъ, и его праведнаго убити, и изобраша Володимера, рекомаго Загрязскаго, да Никифора Чепчугова, и изъ нихъ единаго послати имъ, иже по Володимеру и Никифору извѣстиша; онижъ люди богобоязливые не токмо что надъ нимъ сдѣлати, и помыслити надъ своимъ государ-

ремъ не хотяху. Возвѣстиша же то Борису, что не хотяше изъ нихъ ни одинъ ѣхати; онъ же зѣло прискорбенъ бысть, яко ничто хотѣніе его не совершается. Совѣтникъ же его Андреи Клешнинъ рече ему: и яко не скорби о томъ, есть у меня братія и други, будетъ твое желаніе исполнено. Тѣмъ же Никифору и Володимеру, что ихъ воли не сотворили, многія бѣды и злыя напасти содѣяху имъ. Той же Андреи Клешнинъ пріиди въ домъ свои и извѣсти братіе своимъ и другамъ; они же, отъ нихъ ни единъ на такое окаянство уклонишась. И виде дьяволъ въ единаго отъ нихъ предстоящимъ, рекомый Михаило Битяговскіи, и яко же войде сатана во Іуду Скаріотскаго, тако и сей окаянный Михаилъ мышля на своего государя, на такого безскверна агнца, и шедъ возвѣстити Андрею Клешнину: я хощу волю вашу сотворити. Андреи же радостенъ бысть, и шедъ къ Борису и возвѣсти ему все по ряду. Борисъ же того Михаила повелѣлъ привести съ великою радостію, и обѣща ему воздать великую честь, и ударивъ *(одаривъ)* его отпусти на Углечь; да съ нимъ же отпустилъ сына его Данилка, да Микитку Качалова, и велѣ имъ вѣдати на Углечѣ все. Они же идоша на Углечь, аки волки пыхающи на праведнаго, и пріидоша на Углечь вскорѣ, и начаша всѣмъ владѣти. Царица Марья Ѳедоровна, видя ихъ злокозненное умыслiе, и паче его беречи, никуды отъ себя изъ хоромъ не пущаше. Они же окаяннiи, совѣтовавше съ мамкою его съ Марьею Колоховою *(Волоховою)*, да съ сыномъ ея Данилкою и сдумаша они, чтобъ его праведнаго явно убити въ лѣто 7099 (1591), мѣсяца маія въ 15 день. Мати жъ его благовѣрная царица Марья, бывше у себя въ хоромѣхъ, сіяжъ окаянная мамка Волохова рече праведному лестію, аки змія прельстивъ Евву, такъ же и окаянная обольсти мати его, и взятъ его, поведующи на дворъ. Кормилица же его, воспитавшая его сосцемъ своимъ, не хотяше пустити его; она же окаянная едва не силою веде на заколеніе. Сія же кормилица его, идуци съ нимъ на нижнее крыльцо, сіи же окаяннiи, аки звѣрія ярости исполнены, течаху на крыльцо. Той же злодѣй Данилко Волоховъ, пріятъ его праведнаго

за руку и рече ему: сіе у тебя, государя, новое ожерельеце? Онъ же ему отвѣща и глаголя тихимъ гласомъ, и подня ему выю свою и рече ему: сіе есть старое ожерелье. Они же окаяннїи свою аки змія ужали жаломъ, кольну ножемъ праведнаго по шеи и не захвати ему гортани. Сія же кормилица, видя пагубу государя его, паде на немъ и нача кричати; тотъ же окаянный Данилко поверже ножъ свой, побѣже. Союжникижъ его данилко Битяговскій, да Микитка Качаловъ, начаша ее бити, едва живу оставиша, праведнаго же у ней отняша, и заклаша, аки агнца пескверна, юнца осмолѣтна. Они же окаяннїи побѣгоша. Мати жъ его, видя пагубу сына своего, и кричаше надъ нимъ. О чудо! Праведное ужасно како мертвенное тѣло трепеташась на великій часъ, аки голубь, той же часъ убіенный. Слышаху во градѣ и на посадѣ, по вратсомъ ѣздяху, біяху и вопіяху: что сидите! царя у васъ нѣсть! Они же выбѣжаху за врата кой же за свои, ни видя же ни кого; въ та же времена, на государевѣ дворѣ не бяше никого: братія же его и дядя разыдошась по домамъ, что время бысть полуденное. Единъ же соборный попомарь, видя такую пагубу и запреся на колокольницѣ, и бити начатъ въ колоколъ; окаяннїи же къ нему приступаху, хотяще его убити и не можаху. Людіежъ его и братья и дядья и всѣ люди града Углича собѣгошась на его государевъ дворъ, и видѣша себѣ пагубу, государя своего лежаща мертва; матижъ его и кормилица тутожъ у тѣла его лежащи, аки мертвы; онижъ надъ тѣломъ его вопіяху, и сихъ убійцевъ Михайла Битяговскаго и съ женою и съ ихъ совѣтники побиша каменьемъ. Той же Микитка и Данилко побѣжа, и отбѣжа двадесять верстъ, кровь же праведнаго вопіяше къ Богу, не попусти ихъ; они же окаяннїи возвратишась назадъ. Гражданежъ и тѣхъ побиша каменьемъ, и всѣхъ ихъ окаянныхъ побиша двадесять человѣкъ, и повергоша въ яму на спѣдѣніе. Тѣло же его праведное положиша во гробъ, и внесоша въ соборную церковь Преображенія святаго; къ царю же Ѳедору заслаша гонца возвѣстити, яко убіенъ бысть братъ его отъ рабъ. Гонцажъ приведоша на Москвѣ къ Борису. Борисъ же велѣлъ грамоты пе-

реписати; а писать повелѣлъ, яко удержимъ *(одержимъ)* бысть недугомъ и самъ себя зарѣзалъ небереженіемъ Нагихъ, и донести грамоты до царя Ѳедора. Царь же, слыша убіенье брата своего, на многъ часъ плакашеся, и не можаше ничто проглаголати, и посла про то сыскати, и тѣло его праведное погрести болярина князя Василія Ивановича Шуйскаго, да съ нимъ Андрея Клешнина и властей, и тѣхъ Нагихъ велѣно привезти къ Москвѣ. Князь же Василій со властьми пріидоша вскорѣ на Углечь и осмотри тѣла праведнаго заклана, и помянувъ свое согрѣшеніе, плакася горько на многъ часъ и не можаше проглаголати ни съ кѣмъ, аки нѣмъ стояше; тѣло же его праведное погребоша въ соборной церкви Преображенія святаго. Князь же Василій начатъ распрашивати града Углича всѣхъ людей, како небереженіемъ Нагихъ заклася самъ? Они же вопіяху всѣ единогласно, иноки, священницы, мужіе и жены, старые и юніе, что убіенъ бысть отъ рабъ своихъ, отъ Михайла Битяговскаго, по повелѣнію Бориса Годунова съ его совѣтники. Князь же Василій прешедъ съ товарищи къ Москвѣ, и сказа царю Ѳедору неправедно, что самъ себя заклалъ. Царь же Ѳедоръ положи опалу на Нагихъ; Борисъ же съ бояры пондоша къ пыткѣ, и Михайла Нагаго и Андрея и сихъ Нагихъ пыташа накрѣпко, чтобъ они сказали, что самъ себя заклалъ; они же никакъ того не сказаша; то и глаголаху, что отъ рабъ убьенъ бысть. Борисъ же, разъяряся, хотяше и достальныхъ погубить; царицу жъ Марью повелѣ постричи и послати въ пусто мѣсто за Бѣлоозеро, а Нагихъ всѣхъ разосла по городамъ, по темницамъ; градъ же Углечь посла и повелѣ разорити, что биша тѣхъ окаянныхъ и на него глаголаху; инихъ казняху, инымъ языки рѣзаху, иныхъ по темницамъ разсылаху; множество же людей отведоша въ Сибирь и поставиша градъ Пелымъ, и ими насадиша, и отъ тогожъ Углечь запустѣлъ. Тѣхъ же окаянныхъ и убойцевъ повелѣ хранить и погрести ихъ окаянное тѣло честно; тое же окаянную мамку Волохову и тѣхъ убойцевъ женъ устроиша, подавалъ и жалованье многое и вотчины».
Русская Лѣтопись по Никон. списку, VIII. 15—20.

Прочія лѣтописи Русскія, Морозовская, Ростовская и другія, (досель еще неизданныя), сколько можно судить по отрывкамъ, въ главныхъ обстоятельствахъ согласно съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ повѣствуютъ о смерти царевича. На нихъ-то основалъ Карамзинъ плѣнительное описаніе сего событія. Если вѣрить нашимъ лѣтописямъ безусловно, Годуновъ заслужилъ въ полной мѣрѣ проклятіе потомства. Но можно ли вѣрить имъ безусловно? Пусть рѣшитъ самъ читатель; намъ остается только напомнить ему: 1) кто были сочинители сихъ лѣтописей, неизвѣстно; видно только, что они писали уже въ царствованіе Романовыхъ, которыхъ родъ былъ гоимъ Борисомъ; 2) мы не знаемъ, откуда лѣтописцы почерпали свѣдѣнія о самыхъ *тайныхъ помышленіяхъ и думахъ* Годунова; 3) угождая духу времени, они старались очернить память его явно-нелѣпыми выдумками: разсказывали, напримѣръ, будто Борисъ отравилъ царя Ѳеодора, даже нареченнаго зятя своего, герцога Датскаго, нескромно обнаруживалъ замыслы свои разнымъ лицамъ, и проч. и проч. Но Авраамій Палицынъ обвиняетъ также Годунова? Свидѣтельство его безъ сомнѣнія важно; ибо Палицынъ былъ къ нему снисходительнѣе прочихъ лѣтописцевъ, и сверхъ того лучше многихъ могъ узнать истину. Однакожъ не льзя рѣшительно опираться и на него: историкъ, слѣдуя общей молвѣ, говоритъ только, что царевича отослали въ вѣчный покой: иначе Палицынъ и писать не могъ, когда всѣ отъ высшаго до низшаго называли Бориса *убойцею*.

III.

СОВРЕМЕННЫЕ ПИСАТЕЛИ ИНОСТРАННЫЕ.

Изъ нихъ наболѣе заслуживаютъ вниманія тѣ люди, которые были въ Россіи въ началѣ XVII вѣка: Беръ, Петрей и Маржеретъ; также Маерле и Де-Ту. Всѣ они, исключая Де-Ту, приписываютъ Годунову преступный замыслъ на жизнь царевича, съ такою рѣшительною увѣренностію, что потомство, читая отдѣльно ихъ

показанія, не должно сомнѣваться; но сравнивъ ихъ извѣстія, находитъ явныя противорѣчія: *Беръ* говоритъ, что царевичъ зарѣзанъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ обыкновенно игрывалъ: *Петрей*, что его убили ночью, когда онъ сошелъ съ крыльца посмотрѣть на пожаръ; *Маржеретъ* и *Паерле*, что истинный царевичъ спасся, а умерщвленъ подложный, не соглашаясь въ обстоятельствахъ: первый разсказываетъ, что убійцею былъ одинъ, и тотъ погибъ на мѣстѣ злодѣянія; а второй, что злодѣевъ было нѣсколько, и что они зарѣзали мнимаго царевича въ постели; *Де-Ту* слышалъ отъ разныхъ лицъ, что Димитрія закололи, когда онъ сходилъ съ крыльца.

Сообразивъ всѣ показанія свидѣтелей, вникнувъ во всѣ обстоятельства времени, каждый вѣроятно согласится, что Годуновъ если не со всѣмъ правъ, по крайней мѣрѣ не кругомъ виноватъ, и что для каждой души благородной было бы утѣшительно снять проклятіе съ мужа великаго, обвиняемаго, *можетъ быть*, только по стеченію обстоятельствъ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

ПРИМѢЧАНІЯ.

1.

Наливайко былъ атаманомъ Запорожцевъ. Онъ воевалъ съ Поляками въ защиту православія и близъ Чигирина разбилъ самого Жолкѣвскаго; въ послѣдствіи, въ свою очередь разбитый на-голову, былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ въ Варшавѣ въ 1597 году. По сказанію Георгія Конискаго, его сожгли живаго въ мѣдномъ быкѣ, съ тремя полковниками. Езуитъ Яичинскій, коего рукописью пользовался Энгель въ своей *Исторіи Украйны*, также свидѣтельствуетъ, что Поляки уморили сего храбраго вождя Запорожцевъ мучительною смертію. См. Engel's Geſchichte der Ukraine, 1796. стр. 105.

2.

Михаилъ, господарь Валахскій, безпокоилъ Польскаго вассала Іеремію Могилу, управлявшаго Молдавіею. Въ походѣ противъ него въ 1600 году, участвовали и Запорожцы, подъ предводительствомъ кошеваго своего Костки.

3.

Полевымъ гетманомъ (Hetman polny) назывался начальникъ отрядовъ, стоявшихъ пограничѣ *въ полѣ*, для защиты предѣловъ отъ Татаръ. Онъ занималъ второе мѣсто послѣ великаго гетмана. Обыкновенно было два: полевой гетманъ коронный, т. е. Польскій, и полевой гетманъ Литовскій.

4.

Кобѣржицкій, основываясь на свидѣтельствѣ какого-то знаменитаго писателя, говоритъ согласно съ Маскѣвичемъ, что у Лжедимитрія было 700 всадниковъ и такое же число пѣхоты. Паерле считаетъ 1100 всад-

никовъ и 500 пѣхотинцевъ. См. *Historia Vladislai, auctore Stanislao a Kobierzycko. 1655, p. 60*, и *Сказан. соврем. о Димитр. Самозв.* часть 1, стр. 156. Въ хоругви, т. е. подъ однимъ знаменемъ, было отъ 100 до 500 человѣкъ.

5.

Борисъ Годуновъ умеръ скоропостижно, и кажется не насильственною смертію; а вдова и сынъ его умерщвлены по приказанію Лжедимитрія.

6.

21 Іюля 1606 года. Тогда разность между новымъ и старымъ стилемъ была 10 дней.

7.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ регулярное войско: оно содержалось четвертою частью доходовъ съ королевскихъ старостъ или имѣній, и отъ сего названо *квартнымъ*. Woysko regularne czyli kwarciane, говоритъ Нѣмцевичъ въ Dzieie panowania Zygmunta III.

8.

Въ спискѣ, напечатанномъ въ Zbior pamiętnikow Historycznych o dawnéy Polszcze, по рукописи Хрептовича, Яковъ и Андрей Потоцкіе опущены; а Свирскій и Творжіянскій (Tworzyiański) названы Swinski, Towarzynski.

9.

На Констанціи, принцессѣ Австрійской (11 декабря 1605 года). Первою супругою Сигизмунда была родная сестра Констанціи, эрцгерцогиня Анна.

10.

Слово Rokosz означало возстаніе шляхты или дворянства противъ короля и сената. Польша въ то время такъ была разстроена, что самые мятежи въ нѣкоторыхъ случаяхъ почитались *законными*.

11.

Мятежникъ Николай Зебржидовскій хотѣлъ свергнуть Сигизмунда III съ престола. Собравъ *рокошанъ* въ Сендомирѣ, числомъ до 100.000,

по извѣстію нѣкоторыхъ писателей, онъ требовалъ, чтобы король публично просилъ извиненія въ своихъ ошибкахъ, оставилъ мысль ввести самодержавіе и удалилъ отъ себя льстецовъ придворныхъ: на такихъ условіяхъ онъ соглашался положить оружіе. Сигизмундъ былъ въ величайшей опасности; но Ходкѣвичъ и Жолкѣвскій спасли его.

12.

Такъ прозвали его за дерзость и необузданность. См. *Dzieie panow. Zygm. III.* Ч. II, стр. 57.

13.

Товарищами въ войскѣ назывались кавалерійскіе офицеры изъ шляхтичей, содержавшіе себя сами и приводившіе съ собою, на своемъ иждивеніи, нѣсколько всадниковъ.

14.

Коло — собраніе, совѣтъ, съѣздъ; по-казацки кругъ.

15.

Ходкѣвичъ. Онъ былъ въ несогласіи съ Жолкѣвскимъ. Жолнеръ, żołnierz отъ Нѣмец. Söldner, воинъ получавшій жалованье, или правильнѣе наемникъ. У Поляковъ было большое различіе между жолнерами и рыцарями: первые продавали свою жизнь за деньги, а вторые изъ чести и славы, на своемъ иждивеніи, служили республикѣ.

16.

Согласно съ Маскѣвичемъ, Мартинъ Беръ свидѣтельствуетъ, что второй Лжедимитрій (Тушинскій Воръ) былъ приведенъ въ Россію Мѣховецкимъ, о которомъ впрочемъ болѣе ничего неизвѣстно, кромѣ того только, что по словамъ Кобѣржицкаго, князь Рожинскій умертвилъ его собственною рукою. *Historia Vladisl.* 90.

17.

Царикомъ Маскѣвичъ вездѣ называетъ Тушинскаго Вора: такъ именовали его и Русскіе. Князь Романъ Рожинскій, послѣдній знаменитый потомокъ Наримунда сына Гедиминова, мужъ войны и совѣта, запятналъ свою добрую славу службою Самозванцу, коего и самъ онъ считалъ обманщикомъ. Умеръ въ Россіи 8 апрѣля 1610 года 35 лѣтъ. Тѣло его отвезено въ Кіевъ и тамъ погребено въ костелѣ.

18.

Авторъ говоритъ о племянникѣ Стефановомъ, Гаврінлѣ Баторіи, который поддерживалъ Гербурта, единомышленника Зебржидовскаго, и думалъ самъ овладѣть короною Польскою.

19.

Въ спискѣ, напечат. Нѣмцевичемъ по рукописи Хрептовича, знаки препинанія разставлены въ семъ мѣстѣ неправильно: отъ того выходитъ, что Гульскій назначенъ гетманомъ надъ войскомъ, шедшимъ въ Россію, между тѣмъ, какъ онъ оставленъ въ этомъ званіи въ Украйнѣ.

20.

Въ спискѣ Нѣмцевича прибавлено, что эта вольница уводила множество скота за границу.

21.

Пахоликами назывались оруженосцы товарищей, для отличія отъ лагерной челяди или отъ простыхъ служителей. Они также участвовали въ сраженіяхъ.

22.

Сказка. Глубокое уваженіе къ святынѣ было отличительною чертою Іоанна Грознаго. Государь до того былъ набоженъ, что, при всей вспыльчивости и жестокости характера, смиренно слушалъ укоризны юродивыхъ. Тѣмъ менѣе могъ онъ дерзнуть на такой поступокъ, о которомъ баснословитъ по слуху Маскѣвичъ.

23.

Въ опроверженіе нелѣпыхъ толковъ Маскѣвича, мы ссылаемся на свидѣтельство также иностранца, капитана Маржерета, который, укоряя Русскихъ во многихъ порокахъ, отдавалъ полную справедливость ихъ набожности и благочестію.

24.

Считаю долгомъ обратить вниманіе читателя на извѣстія Маскѣвича о Смоленской осадѣ: мнѣ по крайней мѣрѣ нигдѣ не случалось читать столь подробнаго и любопытнаго описанія.

25.

Не излишнемъ нахожу помѣстить здѣсь описаніе мѣста, гдѣ стоялъ Тушинскій Воръ, составленное для Карамзина покойнымъ Калайдовичемъ. (Это комментарій на слѣдующее Польское извѣстіе: Лагерь Самозванца съ южной, западной и сѣверной стороны окруженъ двумя рѣками, Москвою и *Тушиномъ*. Къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и рвомъ. Тутъ стояли Донскіе Казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки; на другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница Польская, также вдоль рѣки; за рѣкою Россіяне, служившіе Самозванцу).

«По большой Волоколамской дорогѣ», пишетъ Калайдовичъ, «въ концѣ 13 версты отъ Москвы, тотчасъ за селомъ Тушинымъ, представляются по обѣимъ сторонамъ дороги довольно высокіе валы: они кое-гдѣ распаханы, въ другихъ мѣстахъ разрыты искавшими кладовъ; нидѣ сохранились въ прежнемъ видѣ съ остатками рва, выкопаннаго къ селу Тушину. Валъ, идущій вправо отъ дороги, простираясь до 47 сажень, упирается въ крутизну праваго берега рѣки *Всходни* (попросту Сходни), которая въ водополье, отрывая песчаный грунтъ, уноситъ его въ быстрину. Всходня течетъ къ Тушину, за коимъ впадаетъ въ Москву рѣку. Съ крутизны вала, гдѣ растетъ елка, прямо *пустошь Наумовка*, по ту сторону рѣки; поправѣе, на той же сторонѣ (лѣвой по теченію) городище — возвышенность, поростшая лѣсомъ, и близъ оной *три кургана*. Влѣво, глядя съ крутизны, по сю сторону, съ правой руки по теченію Всходни, виденъ еще насыпной валъ, простирающійся саженъ на 260 къ *святымъ воротамъ*. Сей валъ выше двухъ первыхъ, съ глубокими рвами, гдѣ остались еще застоины, поростшія осокою, въ иныхъ мѣстахъ распаханъ, въ другихъ отъ времени сравнялся съ землею. Онъ именуется *Царковою горою*. У самаго вала пролегаетъ отъ большой дороги проселочная къ святымъ воротамъ. Сіи ворота составляютъ узкій проходъ (дефилею), прорытый, какъ видно, искусствомъ въ природномъ склоненіи проселочной дороги къ равнинѣ. Святые ворота ведутъ къ прекрасной кругловатой лощинѣ, огражденной возвышеніемъ, гдѣ, разсказываютъ, былъ *городъ* (главная квартира) Самозванца. Лощина называется отъ крестьянъ *Піявочникомъ*, ибо въ болотѣ, въ оной лежащемъ (которое теперь осушается), прежде важивались *піявки*.

«Съ лѣвой стороны дороги валъ не высокъ, съ большимъ въ одномъ мѣстѣ разрывомъ отъ перепашки. Онъ идетъ въ прямой линіи съ валомъ, находящимся на правой рукѣ, и упирается въ природное у берега Москвы рѣки возвышеніе, покрытое лѣскомъ, которое называютъ *По-*

повъ угаръ (*бугоръ*). Все пространство вала отъ дороги до возвышенія, считая и разрывъ, составляетъ до 110 саженъ. Берегъ рѣки саженяхъ въ 13 отъ Попова бугра. Смотря съ его возвышенія прямо на ту сторону рѣки, правую по теченію, видите Корьеву пустошь; правѣе, къ селу Спасскому, Литвинову пустошь. — Теперь нѣсколько словъ о Польскомъ описаніи. «Лагерь Самозванца съ южной, западной и *сѣверной* стороны былъ окруженъ двумя рѣками, Москвою и Тушиномъ». Вмѣсто *сѣверной* должно быть *восточной*. Рѣки Тушина нѣтъ; а это безъ сомнѣнія, *Всходня*, которая, можетъ быть, имѣла прежде поминутое названіе, о чемъ однако никто изъ жителей селенія не знаетъ. «Къ востоку простирались равнины, укрѣпленныя валомъ и рвомъ». Такъ: Царикова гора, святые ворота и городъ (Піявочникъ) показываютъ ясные слѣды сего укрѣпленія. «Тутъ стояли Донскіе Казаки, а Татары вдоль Москвы рѣки». Не противно мѣстному положенію: Татары могли расположиться по лѣвому берегу. «На другой сторонѣ лагеря пѣхота и конница Польская, также вдоль рѣки». Думаю, по правому берегу Москвы, гдѣ Литвинова пустошь. «За рѣкою Россіяне, служившіе Самозванцу». Этого я не понимаю: если измѣнники поставлены были за Всходнею, то находились прямо въ лицъ нашихъ, безъ всякой защиты, ибо вѣрные Россіяне, расположившіеся лагеремъ на Ходынкѣ, какъ видно, владѣли и лѣвымъ берегомъ Всходни, имѣя въ своихъ рукахъ и самое село Тушино; а ежели измѣнники стояли за Москвою-рѣкою, то рядомъ съ войсками Польскими». *Русскій Зритель, 1828 года. I. 29—35.*

26.

Беръ признаетъ его также Русскимъ (*Сказ. совр. о Дим. Самоз. I. 88*): Кобѣржицкій свидѣтельствуетъ, что онъ былъ Жидъ. Въ Повѣсти Филарета сказано: «Малу же времени минувшу, яко бы годину и три мѣсяца (въ 1609), проявися въ Сѣверскихъ градѣхъ иный мятежникъ нѣкій, ему же имя *невѣдомо и донынѣ*, и нарекся царемъ Димитріемъ, его же на Москвѣ убиша, и повѣдаша о себѣ всѣмъ людямъ Сѣверскихъ градовъ, яко азъ есмь царь Димитрій; въ мѣсто же мое на Москвѣ убиша Ляха нѣкоего, а язъ избавленъ отъ смерти и съ Москвы убѣже. Нынѣ же иду на свой отческій престолъ смирити непокоривыхъ и мстити обиду свою. Людіе же тоя Сѣверскія страны шатаяся умы своими, яко пьяніи, или яко младенцы, покоряющеся ему и съ радостію послѣдоваху ему, яко же и прежнему врагу Гришкѣ Разстригѣ, но ко своей имъ погибели».

27.

Въ спискѣ Нѣмцевича прибавлено: *съ дозволенія езуитовъ.*

28.

Деревня на рѣкѣ Касиѣ, въ Вяземскомъ уѣздѣ.

29.

Авторъ говоритъ Boiarow, не различая бояръ отъ дѣтей боярскихъ.

30.

Станислава Жолкѣвскаго.

31.

Слѣдовательно у Жолкѣвскаго было всего на все 1.830 человѣкъ. Это число, кажется, не вѣрно: самъ гетманъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что ему отдѣлили изъ войска, осаждавшаго Смоленскъ, 2000 конницы и 1000 пѣхоты. Во всякомъ случаѣ углубиться съ тремя тысячами въ непріятельскую землю съ намѣреніемъ разбить 60.000 враговъ, былъ подвигъ достойный смѣлости Жолкѣвскаго.

32.

Бѣлая занята была отрядомъ Гонсѣвскаго, который отразилъ Шведскаго военачальника Горна и Хованскаго.

33.

Въ рукописи: z Gregorem Wołniowem.

34.

Они требовали немедленной уплаты денегъ, обѣщанныхъ королемъ за службу ихъ Самозванцу.

35.

Siodlay portki, daway konia. Этою поговоркою Поляки выражаютъ суматоху: т. е. когда всадникъ, застигнутый врасплохъ, вмѣсто коня требуетъ портовъ, и на оборотъ.

36.

Въ рукописи: Bom też swoię gębę oganiał т. е. ибо я также свою губу обмахивалъ.

37.

По всему видно, что виною пораженія нашего подъ Клушинымъ была измѣна Нѣмцевъ, нанятыхъ Шуйскимъ, подъ предводительствомъ Понтуса Делагарди. Въ Повѣсти Филарета такъ описана Клушинская битва: «Король стоялъ подъ Смоленскомъ со многою силою; а подъ Мо«скву посла гетмана Станислава Жолковскаго. Онъ же пріиде въ Вязму. «Слышавъ же сія царь Василій Ивановичъ посла противъ ихъ едино«кровнаго своего брата князя Дмитрія Ивановича Шуйскаго, и повелѣ «итти въ Можаескъ; онъ же пойде со многою силою; съ нимъ же и «Нѣмецкій воевода Яковъ Понтусовъ и Нѣмецъ много. И пріиде въ Мо«жаескъ и оттолѣ иде въ село Клушино. Тогда же ещо пріиде Нѣмецкій «воевода Левгортъ съ Нѣмецкою силою. Егда сшедошась съ Нѣмцы, и «навожденіемъ діаволимъ бысть имъ пря и несогласіе великое. Егда же «стояху въ томъ селѣ сила Московская и Нѣмецкая, и пріиде на нихъ «Литовскій гетманъ со многою Литовскою силою, и сраженію бывшу тогда, «грѣхъ ради нашихъ Нѣмецкіе люди выдаша Московскихъ людей, не на«чаша помогати. Литва же, видя въ нихъ несогласіе, и начать напорно «притужати, и сошедшимся имъ въ селѣ Клушинѣ, и ту брань смертную «спущаютъ, и съ обою страну полки сшедошася. Поляцы же воздвигоша «оружія своя и нападоша на полки Русскіе и Нѣмецкіе и крѣпцѣ сихъ «поражаша и много паденіе бысть; на обѣ страны падаютъ трупы мертвыхъ. «Тогда жъ, грѣхъ ради нашихъ, учинися розпь; воинстіе Нѣмецкіе люди «Московскихъ людей выдаша и ни къ коей же странѣ не пріобщишася, «но сташа особь на единомъ мѣстѣ, дондеже и брань совершися. Поляцы «же силу восхищаютъ, даже и на великій обозъ начальнаго воеводы князя «Дмитрія Ивановича Шуйскаго нападаютъ, и тамо бысть велій сраженіе. «Московское жъ воинство, за умноженіе всемірнаго ради согрѣшенія, «противу ихъ не могоша стояти и въ бѣгство уклонишася и побѣждени «быша; друзіи же затворени быша въ острогѣ, и тіи помалу предашась «въ руцѣ ихъ, видя себя въ толицѣ бѣдѣ положенныхъ, ни откуду чаяще «помощи. Нѣмецкое же воинство отъ тое брани отойдоша во своя предѣлы».

По свидѣтельству Маскѣвича, большая часть Нѣмцевъ присоединилась къ Полякамъ.

38.

Достопамятный договоръ Жолкѣвскаго съ боярами о возведеніи королевича на Русскій престолъ, подписанный гетманомъ 17 августа 1610 года, уцѣлѣлъ въ подлинникѣ въ нашемъ Государственномъ Архивѣ, и напечатанъ

въ Румянцовскомъ *Собраніи Госуд. Грам. ч. II, № 199.* Главныя условія его слѣдующія: 1) Патріарху, духовенству, синклиту и всѣмъ сословіямъ Московскаго государства просить короля Сигизмунда, да пожалуетъ имъ сына своего въ цари. 2) Королевичу вѣнчаться отъ патріарха по древнему обряду. 3) Владиславу царю чтить святые храмы, иконы, мощи и все духовенство; церковныхъ имѣній не отнимать, въ духовныя дѣла не вмѣшиваться. 4) Въ Россіи не быть ни Латинскимъ, ни другихъ вѣроисповѣданій костеламъ; Жидамъ не въѣзжать въ Московское государство. 5) Не перемѣнять древнихъ обычаевъ; чиновниками и боярами быть однимъ Русскимъ. 6) Помѣстья и отчины неприкосновенны. 7) Основаніемъ гражданскаго правосудія быть судебнику, коего исправленіе и дополненіе зависитъ отъ государя, думы боярской и земской. 8) Государственныхъ преступниковъ казнить единственно по осужденію царя съ боярами и людми думными; безъ торжественнаго суда боярскаго никто не лишается ни жизни, ни свободы, ни чести. 9) Кто умретъ бездѣтенъ, имѣніе его отдавать ближнимъ, или кому онъ прикажетъ. 10) Доходы государственные остаются прежніе; а новыхъ налоговъ не вводить безъ согласія бояръ. 11) Земледѣльцамъ не переходить ни въ Литву, ни въ Россію отъ господина къ господину. 12) Польшѣ и Литвѣ утвердить съ Россіею вѣчный миръ. 13) Жителей изъ одного государства въ другое не переводить. 14) Торговлѣ между обоими государствами быть свободной. 15) Королю немедленно вывести войско изъ всѣхъ городовъ Русскихъ. 16) Всѣхъ плѣнныхъ освободить безъ выкупа. 17) Гетману отвести Сапѣгу и другихъ Ляховъ отъ Лжедимитрія и вмѣстѣ съ боярами взять мѣры для истребленія злодѣя. 18) Между тѣмъ гетману стоять съ войскомъ у Дѣвичьяго монастыря и никого изъ своихъ не пускать въ Москву, безъ дозволенія бояръ и безъ письменнаго вида. 19) Маринѣ Мнишекъ ѣхать въ Польшу и не именоваться государынею Московскою. 20) Отправиться великимъ посламъ Россійскимъ къ государю Сигизмунду и бить челомъ, да крестится Владиславъ въ вѣру Греческую.

39.

Въ подлинникѣ: Rospisywano w Stolicy woysku po iednemu Dworowi na rotę.

40.

Въ подлинникѣ: zwinąwszy chorągwie nieznacznie. Авторъ ,кажется, хочетъ сказать: растянувъ войско, или снимаясь поэскадронно. Въ переносномъ смыслѣ: charągiewkę zwinąć, значитъ *дать тягу.*

41.

Филаретъ тогда еще не былъ патріархомъ. Сукинъ названъ въ подлинникѣ Sakin. Съ Филаретомъ отправлены къ королю, кромѣ думнаго дворянина Сукина, боярин Голицынъ, окольничій князь Мезецкій, дьяки Луговскій и Сыдавный-Васильевъ, архимандритъ Новоспасскій Евфимій, келарь Лавры Авраамій, Угрѣшскій игуменъ Іона и Вознесенскій протопопъ Кириллъ. О цѣли и успѣхѣ посольства такъ сказано въ *Повѣсти Филарета:* »Святѣйшій Ермогенъ патріархъ и благочестивіи бояре и «вси Московстіи людіе посылаютъ къ Литовскому королю подъ Смоленскъ «просити королевича на Москву преосвященнаго Филарета митрополита «Ростовскаго и Ярославскаго, да пословъ боярина князя Василія Василье«вича Голицына, да князя Данила Ивановича Мезецкаго, да дворянина «князя Якова Борятинскаго, да иныхъ дворянъ съ ними, и Спаса Новаго «архимандрита Евфимія и Вознесенскаго протопопа Кирилла, и Троицкаго «келаря Авраамія Палицына. И наказавъ ихъ патріархъ отъ Божествен«ныхъ писаній, иже за вѣру стояти крѣпко и непоколебимо, даже и до «смерти, и не щадити живота своего, много же укрѣпляя ихъ, самъ же «бысть слезами обливаяся, такоже и преосвященный митрополитъ Фила«ретъ, и боярин князь Василій Васильевичъ, иже и съ ними, со сле«зами вси обѣщеваясь, глаголюще: сіе твое наказаніе, о честнѣйшій «господине святителю! съ радостію въ сердце свое пріемлемъ и готови «есмя за домъ пречистыя Богородицы и великихъ Чудотворцевъ до смерти «пострадати и за вѣру крѣпко и непоколебимо стояти. И тако благоче«стиво ихъ отпусти, и рекъ: идите; Богъ съ вами и пречистая Бого«родица и великіе Чудотворцы, иже въ Россіи просіявшіе, наши же за«ступники и хранители, Петръ, и Алексѣй, и Іона, и Сергій, и Дими«трій Чудотворцы и святый новострадальный благовѣрный царевичъ «Димитрій. Они же путеви касашеся и поидоша, и пріидоша подъ Смо«ленскъ. И пріидоша къ королю. Пріятымъ же имъ бывшимъ отъ короля «честно, и потомъ испытаетъ король вины пришествія ихъ. Преосвящен«ный же Филаретъ митрополитъ и весь духовный чинъ и боярин той «же князь Василій Голицынъ съ товарищи сими словесы нача посольство «правити, глаголя: Послани есмя къ тебѣ, великому государю. Патріархъ «Московскій и бояре и весь домъ царскій, по совѣту всея Россійскія дер«жавы, нами, послами, приказываютъ твоего благородія молити, да со«твориши полезная намъ, и вдашь сына своего на Московское государство «и отоймеши кровавый мечъ, съ обою страну посѣкающій православныхъ

«крестьянъ немилостиво. Да вѣсть твое благородіе, яко царскій корень «отъ Августа кесаря на Московскомъ царствѣ пресѣкаемъ, и многи вол- «цы и хищницы восташа на ны, и на царствующій градъ напрасно и «жестокимъ ополченіемъ нападаютъ, и грады разрушаютъ, и людей безчи- «сленно мечемъ посѣкаютъ, и домы ихъ и жены и дѣти восхищаютъ; «намъ же ни отколѣ помощи быть, токмо въ сохраненіи всещедраго «Бога и въ заступленіи пречистыя Богоматери; зане убо много въ раз- «сужденіи ты еси, о королю! молимъ тя и воспоминаемъ: по семъ пре- «станетъ бранная лютость, и будущіе соблазны да пройдутъ, якоже мир- «ская имѣютъ быти. Да подаси руку помощи и возведеши сына своего «на царство мирно, а самъ, милостивый королю! отступиши отъ Смо- «ленска града и не твориши ополченія къ тому. Сія вся словеса король «слышавъ. Безбожный же король вознесся мыслію и помрачися умомъ «тьмою прелести и сына своего на Московское государство дати обѣщаваетъ, «въ сердцѣ же своемъ нелѣпая помышляше, дабы православіе соединить «съ латынствомъ. Послы же начаша глаголати, дабы отъ Смоленска от- «ступилъ и далъ бы покой христіанству. Слышавъ же король, яко повелѣ- «ваютъ ему послы отступити отъ Смоленска града скоро, разжегся яро- «стію и устремленія гнѣву его невоздержанну, гордыми словесы наскакаше «на пословъ, безъ благочестія ума, попося ихъ претительными обидами. «И слышавъ сіе, послы Московскіе скоро отъ лица королевскаго отхо- «дятъ и въ станѣхъ своихъ пребываютъ. И тако замедлену бывшу по- «сольству, королевскія ради неправды и злаго ухищренія; послѣдижъ того «скоро приставовъ къ нимъ приставляетъ и за стражбу ихъ разводитъ, «а по семъ и заточенію предаетъ. И въ таковой приключившейся бѣдѣ «послы Московскіе много время пребыша, даже до великаго избраннаго «государя царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи».

42.

Въ рукописи, напеч. Нѣмцевичемъ, прибавлено: полкъ Вайера.

43.

Слова: *Панъ Гонсьвскій разослалъ по городамъ... подъ предло- гомъ охраненія городовъ*, въ рукописи, которою я пользовался, опущены; они взяты изъ списка, напечат. Нѣмцевичемъ.

44.

Въ спискѣ Нѣмцевича: Maschowskiego.

45.

У Нѣмцевича прибавлено: *крещенымъ*. Петръ Урусовъ дѣйствительно былъ крещенъ, о чемъ упоминаетъ въ послѣдствіи и Маскѣвичъ. О смерти Тушинскаго Вора въ *Повѣсти Филарета* сказано слѣдующее: «Въ то же время, егда житіе свое творяху Поляцы въ царствующемъ «градѣ, а ложноназванный царь Димитрій быти въ Колугѣ, княжь же «нѣкій, Измаилтеска рода, Петръ зовомый Урусовъ, служаху въ Колугѣ «оному предреченному мятежнику, названному царю Димитрію, и велію «благость имѣть у его.... Во единъ же день случися сему названному «царю ѣхати въ поле за стѣны града, нѣкоего ради утѣшенія своего: «сей же князь Петръ Урусовъ своея мысли правленіе отрѣшаетъ, его же «желательнѣ часа искаху подобна, и видѣвъ, яко угодно бѣ время, и «воздвигоша мышцу свою, яко непстовственъ на него нападаетъ и мечемъ «голымъ его доставаетъ и разъ къ разу прилагаетъ и тако раздѣляетъ на «двѣ части, и падъ, издше сей проклятый мятежникъ; убійца же отбѣжа «восвояси. Граждане же вземше трупъ его, погребоша во градѣ честно.

46.

Патріархомъ тогда былъ знаменитый Ермогенъ. Въ хронографахъ, хранящихся въ Императорской Публичной библіотекѣ подъ *№* 64 и 87, я нашелъ слѣдующее любопытное извѣстіе о характерѣ великаго святителя, кажется, нигдѣ еще не напечатанное. Выписываю изъ *№* 64; курсивомъ напечатаны разнословія и прибавленія изъ *№* 87:

«Въ первое лѣто царства Василія царя, возведенъ бысть на престолъ патріаршескій и велицей церкви Ермогенъ, *иже прежъ бысть Казанскій митрополитъ*, словесенъ мужъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ; отъ божественныхъ же словесѣхъ присно упражняшесь и вся книги ветхаго закона и повыя благодати, и уставы церковные и правила закопныя до конца извыче. А нравомъ грубъ и къ бывающимъ въ запрещеніяхъ косенъ къ разрѣшеніямъ, ко злымъ же и благимъ не быстрораспространителенъ (*не быстроразсмотрителенъ*), но ко льстивымъ паче и лукавымъ прилежа и слухолествователенъ бысть (*о семъ убо нѣкій рече, яко всѣхъ земнородныхъ умъ человѣчь погрѣшителенъ есть*) и отъ добраго права злыми совратенъ, якожъ и сей преложенъ бысть отъ нѣкіихъ мужей зміеобразныхъ, иже лесть сшивающи казньми соплетоша и любезное въ ненависть преложиша, еже о Василіи царѣ злорѣчествомъ навадиша мятежницы словесы лестными (*льстивыми*). Онъ же

имъ о всемъ вѣру ятъ и сего ради къ царю Василію строптивно, а не благолѣпотно бесѣдоваше всегда: попеже внутрь уду имый навѣтовательный огнь ненависти и на супостатная коварьства. Якожъ лѣпо бѣ, никакожь отчелюбно совѣщающеся съ царемъ. Мятежницы жъ во время свое прежь царскій вѣнецъ низложиша, потомъ же и святительскую красоту злѣ поругашемъ обезчестиша: егда бо по Василіи царѣ пріяша Москву супостатіи руцѣ; тогда убо онъ, по народѣ пастыря непреборима показати себе хотя, но уже времени и часу отшетшу, како непостоянному стояти вознепщева и во время лютыя зимы кляпышу процвѣтати хотя? Тогда убо аще карящуся *(и ярящуся)* на клятвопреступные мятежники и обличая христіаноборство ихъ, но ятъ бысть немилосердыми руками. И аки птенца заклепа, гладомъ умориша и тако ему скончавшуся».

Въ *Повѣсти Филарета* дѣйствія Ермогеновы описаны такимъ образомъ: «Святѣйшій Ермогенъ патріахъ, совѣтовавъ со князи и боляры «и со всемъ царскимъ сиклитомъ, стояти ли противу Литвы и осады «укрѣпити и сидѣти во градѣ, или послати къ королю, дабы отпустилъ «сыца своего на столъ великія Россіи? Многу же о томъ размышленію «бывшу, но положиша на волю Божію. Калужская сила стояху въ Коломенскомъ подъ Москвою, тщахуся похитити коварствомъ градъ. Тогда свя«тѣйшій патріархъ съ боляры совѣтъ сотвориша, да пошлютъ къ королю «о сынѣ его просити на столъ великія Россіи, глаголюще: лучше намъ, «да владомы будемъ кралевичемъ, и егда пріидетъ, тогда крестимъ его «въ нашу Греческую вѣру, нежъ намъ предатись сему окаянному и ложно«названному царю, врагу креста Христова, иже не вѣмы откуда пріидоша. «Тогда благоразумные боляре, много о семъ размышляя всячески, како бы «полезная царству сотворити. И многіи людіе прихождаху къ нимъ и многу «мольбу дѣяша, дабы послати къ королю укрѣпиться крестнымъ цѣлованіемъ. Они же имъ отвѣщая: о людіе Московстіи! пождите, дабы не «вскорѣ предатись. И много пренемогаяся. И абіе мѣсяца августа въ 3 «день, выѣхаша за градъ Московскіе боляре, и съѣхаша съ Литовскимъ «гетманомъ Станиславомъ Желковскимъ, много о семъ изреченіе бысть «и всячески глаголаша съ нимъ, дабы не поручена была наша христіанская «вѣра Греческаго закона папежскому закону. Литовскій же гетманъ клятвы «страшныя на ся возлагая, яко быти вѣрѣ неподвижно во вѣки, еще же «вдастъ и листъ отъ короля за королевскою рукою и за печатью, въ немъ «же пишетъ, яко быти вѣрѣ по прежнему обычаю, такожъ и всему госу«дарству во всемъ достояніи, и многу схожденію бывшу. Тогда цѣловаше «крестъ». (*Слѣдуетъ описаніе посольства Филарета и Голицына,*

приведенное нами выше, прим. 41). «Въ то же время, егда послы по-«сольства своего бремя творяху, Литовскій же король не престая ковар-«ствуя на святый царствующій градъ и на все Россійское царствіе, какъ «бы ему уловити Христово стадо, прислa на Москву отъ себя сообщника «своего Михайлу Глѣбова сына Салтыкова, да обратитъ всѣхъ людей «подъ его корону. Той же прелести наставникъ, Михайло Салтыковъ, «пріиде во градъ Москву и нача своя коварственная творити, овіихъ прель-«щеніемъ и муками, иныхъ ласканіемъ и имѣніями многими уловляша и «приводя ко своей прелести. Тогда же святѣйшій Ермогенъ патріархъ о «семъ много ему возбраняя и запрещая и вѣчному проклятію предая и изъ «благословенія изъимая и изъ церкви изжена и христіанству чужа его «именуя. Онъ же окаянный съ патріархомъ вси вопреки глаголаша и «святительскій его санъ и здравое его ученіе небреженію предая и ни во «что вмѣняя: помрачи бо ему злоба сердце его. Московскіе же народи не «разумѣвше бывшаго лаятельства сего, сотвориша пустошная и злая, оску-«дѣвши умы своими: помрачистабося очи ихъ не видѣти суеты и яже своея «погибели не разумѣша и не возмогоша отринути, паипаче сами себя въ «напасть ввергоша. По сему Михайлову злому умыслу, воспріяша гетмана «со всемъ воинствомъ во градъ и предашася въ руцѣ его мѣсяца сентября «въ 21 день 119 года. Той же гетманъ вшедъ во градъ и войско свое по «главнымъ домомъ поставляетъ во внутреннемъ градѣ превысокомъ Кремлю «и наказа ихъ довольне, како бы имъ быти отъ Московскихъ людей въ «опасеньи, и поставп надъ ними воеводу и властелина пана нѣкоего, Алек-«сандра Гонсѣвскаго, королевскимъ неправдамъ вѣрна совѣтника. Самый «же гетманъ Жолковскій пойдоша къ своему королеви подъ Смоленскъ. «И тако стояше Поляцы съ того числа во градѣ Москвѣ чрезъ зимнюю «годину даже и до марта мѣсяца, и начаша людіе насиловати и всякую «власть во градѣ воспріемлютъ и стражей отъ вратъ Русскихъ отослаша, «своихъ же Польскихъ уставляша, Русскимъ же людямъ ни въ чемъ воли «не даяху, и измѣнницы Русскаго царства, яко эхидна нѣкая дыхая на «царствующій градъ и великъ пламенъ печестія возмущенія возжигая, «симъ же богомерзкимъ проклятымъ Римляномъ непрестанно Московскій «народъ облыгая измѣною и на царствующій градъ всячески ихъ подвизая. «Тогда же Поляцы и Русскіе измѣнницы еще не сыты быша неправды, «взяша изъ Чудова монастыря бывшаго царя Василія и братію его князя «Дмитрія, да князя Ивана Ивановичей Шуйскихъ, и князя Дмитріеву кня-«гиню Екатерину, и поведоша ихъ въ Іосифовъ монастырь и оттолѣ въ «Литву и приводиша ихъ къ королю; онъ же, видя ихъ, радъ бысть и во

«всѣ окрестныя государства посла, яко Москву побѣди... И своимъ бо-«гоотступнымъ людемъ Польскимъ и Русскимъ прелестникъ писаша, дабы «неослабно промышляли надъ Московскимъ государствомъ, ежебы соедп-«нити съ латынствомъ и привести въ папежскую вѣру. Тогда Литва «начатъ на Москвѣ самовольствомъ имѣніе грабити и всяко насиліе «чинити безвозбранно, и святымъ церквамъ и честнымъ иконамъ поруганіе «дѣяти и людей къ своей прелестной вѣрѣ превращати. Людіе Москов-«стіи, видя королево неправдованіе, вси возстенавше отъ сердца и пла-«чущеся неутѣшно и прибѣгаху ко святѣйшему Ермогену патріарху и «припадаху предъ нимъ и повѣдающе свою погибель. Онъ же рече: «О «чада! не азъ ли вамъ возбранялъ въ прежнихъ вашихъ начинаніяхъ? Не «азъ ли васъ уймалъ? Вы же, неумытная и непослушная чада, сему не «внимасте. Нынѣ же не вѣмъ, что творити». Многажды же святѣйшій «Ермогенъ патріархъ препираяся съ Литвою и понуждая ихъ, да безъ «крове изыдутъ вонъ изъ града. Они же не точію не хотяху изыти, но «тщяхуся и всею Россіею обладати. Къ нимъ же приставаху христоот-«ступницы и неразумніи людіе, на обѣдъ къ нимъ прихождаху, и имѣніе «отъ нихъ пріемля, и съ ними единомысліе имуще на царствующій градъ, «и многихъ православныхъ обличаху и къ Литвѣ приводяху, испытаніемъ «и муками озлобляху, узами и темницами томяху и смерти тайно преда-«ваху». (*Слѣдуетъ описаніе смерти Тушинскаго Вора, помѣщенное выше въ примѣч. 45*). «Слышано же бысть сія (*гибель Самозванца*) «въ царствующемъ градѣ, начальницы же и воеводы Польскаго народа «радовахуся о томъ радостію велею зѣло: понеже боязнь велію о немъ «въ сердцѣ своемъ имѣяху. Посемъ же Поляцы начаша небоязненно на «царствующій градъ налегати. Видѣвъ же сія людіе Московстіи въ то-«лицей бѣдѣ предложенныхъ и нача сѣтовати и болѣзненно воздыхати, «яко уже кончина приходитъ и посѣкаемый мечъ уже готовъ бысть. «Великій же патріархъ, новый исповѣдникъ, святѣйшій Ермогенъ узрѣ «сію настоящую бѣду; и тако созываетъ народы и повелѣваетъ мужески «противу Поляковъ за христіанскую вѣру стояти и братися; и посылаетъ «писанія во всѣ грады Россійскія державы, на подтвержденіе людямъ, «дабы царствующій градъ изхитили отъ рукъ иноплеменныхъ; а наипаче «посылаетъ во страны Рязанскія во градъ Переславль къ воеводѣ и вла-«стелю Рязанскія земли, Прокофью Ляпунову, и молитъ его, дабы не «далъ въ разхищеніе и въ вѣчное паденіе царствующаго града Москвы. «Полковницы же и воеводы Литовскія земли и Московскіе измѣнницы «много о семъ патріарху претиша и зловѣщательныя словеса на него

«изліяша. Онъ же сего прещенія никако ужасеся, но и паче подкрѣпляя «народъ. Тогда же пріиде отъ короля панъ Александръ Гонсѣвскій на «Москву; той же наипаче начатъ укрѣпляти, Московскихъ же людей ни «во что положи. Съ нимъ же пріиде и богоотступный королевскія ближнія «думы Ѳедка Андроновъ, прежь бывый Московскій купецъ и превратися «въ латынство, его же тщахуся величествомъ сана отъ короля. Онъ же, «егда пріиде на Москву, тогда зло ко злу приложи, озлобляя православіе, «хотя все государство привести въ латынство, о благочестіи же ни мало «не поболѣ, ниже кто ему смѣяше возбранити, токмо единъ святѣйшій «Ермогенъ патріархъ Московскій и всея Россіи. Той ему, возбраняя и «запрещая и отъ свидѣтельства святыхъ писаній извѣствуя истинное бла«гочестіе, глаголаше: «О Ѳеодоре! злодѣй зловѣрне! почто въ латынскую «вѣру уклоняетеся и на Христово стадо, яко волки, дышете и православіе «хотите съ латынствомъ соединити?» Онъ же клятву на ся возлагая, яко «ничто странна и чужа не пріяти. И многу въ нихъ мятенію бывшу; мно«гожъ патріархъ обличая, якоже соединеніе съ латынствомъ. Ѳедка не «внимая сихъ, соединися съ Литвою, и жестоко огорчися на православіе, «и иже съ нимъ инѣхъ златомъ ловяще, инѣхъ саномъ почтенія, овіи же «малоразуміемъ, иніи же неволею. Тогда же возмятеся, иже бы озлобити «патріарха, и много изтязаемъ бысть. Онъ же святѣйшій патріархъ, на«ипаче Божественныя ревности исполнився, рече: «Да будутъ прокляты «вси противящіеся истинѣ и буйствоваше да упразднятся!» Тогда же на «блаженнаго святителя Христова соединишася, его же всячески одолѣти «хотяху златомъ, и ласканіемъ, и прещеніемъ, и мученіемъ: ему же ничто «не одолѣ, но со апостоломъ вопія: что насъ можетъ разлучити отъ лю«бви Божія, мечъ ли, тѣснота ли гонителей? Послѣдиже повелѣ его на «его святительскомъ дворѣ за стражбы держати».

Вотъ одна изъ окружныхъ грамматъ, разосланныхъ Ермогеномъ по городамъ для вооруженія народа на Поляковъ; она писана отъ имени Московскихъ жителей въ Нижній Новгородъ, и какъ видно изъ посланія Нижегородцевъ въ Вологду (*Собр. Государ. Грам. ч. II. стр, 499*), прислана патріархомъ 27 января 1611 года:

«Пишемъ мы къ вамъ, православнымъ крестьянамъ, общимъ всѣмъ «народамъ Московскаго государства, господамъ братьямъ своимъ, право«славнымъ крестьянамъ. Пишутъ къ намъ братья наши, разоренные и «плѣнные, которые отцевъ, матерей, и женъ, и дѣтей своихъ оставшихъ, «въ послѣднемъ оскуденьи дошедшихъ, и неимущихъ гдѣ главы подклонити, «какъ намъ, всему крестьянскому народу Московскому, такъ и вамъ, ни-

«чего для, токмо для единаго Бога всемогущаго, видячи въ конецъ поги-
«бели пришедшихъ всѣхъ насъ, утвердить совѣтъ, какъ намъ всѣмъ пра-
«вославнымъ крестьянамъ. остатку не погибнути ото враговъ всего пра-
«вославнаго крестьянства, Литовскихъ людей. Что къ намъ писали братья
«наша, и мы тое грамоту къ вамъ послали, и вы увидѣвше, станете разу-
«мѣти неисцѣльную язву, богопопустнымъ гнѣвомъ праведнымъ за наше
«согрѣшеніе, которую погибель видячи надъ собою, извѣщаемъ; и мы не
«слухомъ слышимъ, до самихъ насъ на Москвѣ видѣніемъ конечнымъ по-
«гибель приходитъ. Для Бога, Судіи живымъ и мертвымъ, не презрите
«бѣднаго и слезнаго нашего рыданія; будьте съ нами обще, заодно про-
«тивъ враговъ нашихъ и вашихъ общихъ; помяните одно: только коренье,
«основанье крѣпко, то и древо неподвижно; только коренье не будетъ, къ
«чему прилѣпиться? Здѣсь образъ Божія Матери, вѣчныя заступницы кре-
«стьянскія Богородицы, ея же евангелистъ Лука написалъ и великіе свѣ-
«тильники и храпители Петръ, Алексѣй и Іона чудотворцы; или вамъ,
«православнымъ крестьянамъ, то ни во чтожъ поставить? Се же и глаго-
«лати и писати страшно! Только того ради не будете съ нами обще стра-
«дати, елико сила, елико милосердый Богъ помочи подастъ, и Богородица
«и великіе чудотворцы помочь свою дадутъ: никто не мни и не вѣруй ни
«которому блазненному и льстивому слову, чтобъ пощаженнымъ быти.
«Писали къ намъ истину братья наша, и нынѣча мы сами видимъ, вѣрѣ
«крестьянской премѣненіе въ латынство и церквамъ Божіимъ разореніе;
«а о своихъ головахъ что и писати вамъ много? Сами правду вѣдаете,
«что въ тѣхъ во всѣхъ городѣхъ сдѣлалось: Литовскіе люди владѣютъ
«святыми церквами, и надъ иконами образа Божья не вездѣ ли разорено
«и поругано? А вы ни единъ того мните, что надъ вами будетъ то же! А
«чтобъ всѣмъ вамъ подлинно и достатно вѣдати, вся нашедшая пагуба на
«все Московское государство, на вѣры крестьянской разоренье и людей
«на погубленье, отъ немногихъ людей предателей крестьянскихъ, кото-
«рые нынѣ на то стали, что безъ остатка разорити православную вѣру и
«безъ вѣсти сотворити; таково дѣлается отъ нихъ на Москвѣ. Пощадите
«насъ бѣдныхъ, къ концу погибели пришедшихъ; душами и головами ста-
«ньте съ нами обще противъ враговъ креста Христова. Аще общаго на-
«шего моленья услышитъ милосердый Богъ и дастъ намъ помочь, и вамъ
«бы одиначно, для всемилостиваго Бога, на Него жъ имѣемъ надежду,
«чтобъ послати вамъ грамоту тое, что писано къ вамъ отъ братьи нашей
«изъ подъ Смоленска, и сю нашу грамоту и свой совѣтъ отпишите во
«всѣ городы, чтобъ было вѣдомо смертная наша погибель конечная. По-

«вѣрьте тому нашему письму: ей, поистинѣ немногіе въ слѣдъ идутъ съ «предатели съ крестьянскими, съ Михаиломъ Салтыковымъ, да съ Ѳедо«ромъ Андроновымъ съ своими совѣтники; а у насъ, православныхъ «крестьянъ, въ началѣ Божія Мати и пречистая Богородица и Московскіе «чудотворцы, да первопрестольникъ апостольныя церкви, святѣйшій Ермо«генъ патріархъ, прямъ яко самъ пастырь, душу свою за вѣру крестьянскую «полагаетъ несомнѣнно; а ему всѣ крестьяне православные послѣдуютъ, «лише неявственно стоятъ. И вамъ бы не презрѣти не презрѣніемъ, ни «восхотѣти видѣти поруганну образу пречистыя Богородицы, иконы Вла«димерскія, и великихъ Московскихъ чудотворцевъ, и насъ братіи своихъ, «православныхъ крестьянъ, не видѣти быти посѣченнымъ и въ плѣнъ ро«зведеннымъ въ латынство». *Собр. Госуд. Грам. ч. II. стр. 495.*

47.

Главными крамольниками, друзьями Поляковъ, были Салтыковъ, Рубецъ-Мосальскій, Андроновъ, и немногіе другіе.

48.

Старинные музыкальные инструменты наши такъ мало еще извѣстны, что трудно сказать, какъ назывались у насъ эти *лиры*, о которыхъ говоритъ Маскѣвичъ. Полагаю, что онъ описываетъ *гудокъ*.

49.

Авторъ присовокупляетъ, что обыкновеніе бѣлиться по-Русски называется Wiaką.

50.

Недѣльщику.

51.

Это былъ правежъ, отмѣненный Петромъ Великимъ.

52.

Извѣстіе весьма любопытное: такая строгость была введена Борисомъ Годуновымъ, который не терпѣлъ пьянства. Впрочемъ, свидѣтельство автора о совершенномъ уничтоженіи кабаковъ, кажется несправедливо: запрещено было только частнымъ людямъ открывать кружечные дворы; казна же не прекращала винной продажи.

53.

У насъ не занимались науками потому, что развитіе нравственныхъ силъ было подавлено Монголами. Государи же наши со временъ Іоанна III ревностно заботились о просвѣщеніи своихъ подданныхъ: при Іоаннѣ IV, правительство думало завести народныя школы и призвать ученыхъ иноземцевъ; а Борисъ Годуновъ хотѣлъ основать университетъ.

54.

Іоанна IV.

55.

Исторія доказала, какъ здраво мыслили наши предки: гдѣ Польша съ ея *волею* и что теперь Россія съ ея *неволею?*

56.

Авторъ вездѣ называетъ Кремль Krumgorod.

57.

Въ подлинникѣ: zo strachom Boha vydety.

58.

Не будемъ удивляться, что и Маскѣвичъ вѣрилъ сказкѣ, выдуманной Отрепьевымъ о мнимомъ его спасеніи: Маскѣвичъ былъ Полякъ, а Полякамъ было стыдно признаться, что бродяга ввелъ ихъ въ такую грубую ошибку. Притомъ же, тогда все дѣло было еще темно: только потомство можетъ разгадать истину. Вѣря въ Димитрія царя, авторъ естественно долженъ былъ отвергать Димитрія царевича. Въ доказательство, что Шуйскій не могъ употребить подлога, мы ссылаемся на прежнія свои примѣчанія къ подобнымъ же баснямъ Бера и Паерле (см. *Сказанія современниковъ о Димитріи Самозванцѣ ч. I, прим. 85 и 163*). Здѣсь же предлагаемъ описаніе перенесенія мощей царевича Димитрія, составленное очевидцемъ, митрополитомъ Филаретомъ, заимствуя его изъ Повѣсти о Самозванцахъ:

»Въ 114 году озари Господь сердце благочестиваго самодержца, еже «снискати мощи праведнаго и изнести истину на свѣтъ, и заградити бо«гоборныя кроволіяющія уста и обличити тмѣ желателей вмѣсто пресвѣт«лыя зари тихомирнаго жительства; потомъ же и со отцы погрести «тѣло благовѣрнаго и боголюбиваго царевича князя Димитрія Іоанновича, «сына царя и великаго князя Іоанна Васильевича, всея Россіи самодержца:

«царское убо изчадіе подобаетъ благоговѣйне того почтити, якожъ до-
«стоитъ. И вкупѣ убо со словомъ и дѣло показуетъ, и повелѣваетъ отъ
«благочестивыя державы своея преосвященнѣйшему митрополиту кир
«Филарету Никитичу Ростовскому и Ярославскому тогда бывшу, въ ней
«же правяща престолъ великія соборныя и апостольскія церкви пресвѣ-
«тлѣйшаго патріарха всея великія Россіи, и съ нимъ Астраханскому архі-
«епископу Ѳеодосію, да Спасскому архимандриту Авраамію, чуднѣйшимъ
«отцамъ достойнымъ Боговидѣнія и неправляющимъ слова божественныя
«истины, да принесутъ тѣло многострадальнаго сего крѣпкаго адаманта
«изъ Углича къ царствующему граду; съ ними же посылаетъ и своего цар-
«скаго сиклита боляръ князь Ивана Михайловича Воротынскаго, да Петра
«Никитича Шереметева, да Андрея Александровича, да Григорія Ѳедоро-
«вича Плещѣ. Преосвященный же митрополитъ и архіепископъ и бояре
«повелѣніе отъ самодержавнаго пріемше, тщательнѣ пути касаются и града
«Углича достизаютъ, въ немъ же сокровенны мощи святаго и многостра-
«дальнаго царевича Димитрія Іоанновича, втораго Глѣба Владиміровича,
«иже въ начало просвященія Россійскаго царствія отъ повара убіеннаго,
«такожъ и сей отъ своихъ рабъ кровію обагренный и смерти преданный;
«и егда убо во градъ входятъ, тогда ощутиша граждане приходъ ихъ, и
«внезапу стекается весь градъ, мужи и жены и сущимъ младенцамъ, ца-
«реву повелѣнію едва повинующеся, и послѣднее цѣлованіе живоносному
«мертвецу отдающе своему государю и надгробныя пѣсни съ плачемъ и
«воплемъ испущаху, якожъ и при погребеніи праведнаго, такожде и нынѣ
«о препесеніи его плачевнѣ рыдаху.... Долго не обрѣли и молебны пѣли
«и по молебны само явилось тѣло, какъ бы дымокъ съ стороны рва
«копанаго показался благовоненъ; тутъ скоро обрѣли. И ту первѣе
«преблагій Богъ прослави угодника своего: снимающе убо гроба его свя-
«тители и бояре не могущи обрѣсти и желаемое ими многоцѣлебное
«тѣло узрѣти и на многи часы труждающеся и потящеся, стѣсняеми
«многою мыслію непщующе, яко аще нѣкто боголюбивый, прозрѣвъ пре-
«несеніе хотящее быти отъ Углича града и не хотя лишитися таковаго
«сокровища, на иное мѣсто сокровеннѣ преложи, или паки мняще, яко
«недостойни суще таковое желаніе получити; и сего ради обратившеся
«ко Господу, начаша умильно молити богатодавца Бога, да таковое пока-
«жетъ имъ безцѣнное сокровище и начаша молебны пѣти и всемірно
»молити. И во время святаго того пѣнія внезапу узрѣвше изъ десныя
«страны, яко дымъ исходящъ дыханіе благовонно, и отъ нечаянныя радо-
«сти начаша копати мѣсто иное и абіе обрѣтше некрадомое сокровище

«многобогатый гробъ, вмѣстившій тѣло блаженнаго царевича*. И егда «убо святителіе гробъ открыша, тогда внезапно чудо явися, яко арома-«тамъ изліяннымъ, такъ духъ сладкоуханенъ и благоуханенъ всѣхъ объятъ «и исполнися весь градъ благоуханія. Оле чудному ти милосердію, Хри-«сте Боже! како прославляеши своя сродники и возвеселяеши рабы своя, «ижъ отъ мертваго тѣлеси вмѣсто смерденія велее благоуханіе и вмѣсто «согнитія цѣлость всей плоти, по многихъ лѣтехъ цѣлы и невредимы «мощи обрѣтошася, кромѣ взятыхъ частей отъ требующія земли: и земля «бо жаждетъ насладится отъ плотей праведныхъ, да сими освятится отъ «скверноубійственныхъ дланей. И не токмо бо плоть бысть въ цѣлости «святаго страдальца, но и ризы на тѣлѣ его освятишася и истлѣнія «избыша. И егда убіенъ бысть отъ безбожныхъ измѣнникъ, и тогда ему «прилучися держати въ шуйцѣ своей убрусъ шитъ златомъ и сребромъ «пряденымъ, и тогда оставиша въ рунѣ его, и сіе бяше цѣло и невре-«димо, яко у живаго въ руцѣ держимо; во друзей же приключишася «плодъ, глаголемый орѣхи. И сіе чудо видяще, богоносніи отцы и боляре «и удивишася и воздаша хвалу мздовоздаятелю всѣхъ Богу, прославля-«ющему святые своя. Народи же егда узрѣша такое много удивленное «чудо, наипаче слезы къ слезамъ прилагающе и отъ радости похвальныя «пѣсни блаженному соплетающе, и государемъ, и отцемъ, и заступни-«комъ и благодѣтелемъ того нарицаху и вопіюще: почто, рече, насъ «оставляеши сирыхъ, лишенныхъ твоего живота и уже нынѣ лишенныхъ «и святаго успенія твоего? Помяни, господине! наслѣдіе твоя, не остави «людей твоихъ сирыхъ до днесь твоего ради лишенія. И мнѣтися тогда «отъ глаза вопіющихъ, яко и самой землѣ стонати и брегомъ противу «возглашати, вси бо яко жизни своея лишаеми, тако своего государя «плачущеся, наипаче чудеси исполнени. Человѣколюбецъ же и Господь, «видя вѣру, и вящше прослави своего угодника и страстотерпца, и чуде-«си того обогати свыше отъ своея велелѣпныя милости, иже убо быша «слѣпіи и хроміи и инѣми болѣзньми одержиміи, прикосновеніемъ свята-«го тѣлеси его и одра, на немъ же лежаше, исцѣляхуся, и яко же нѣ-«когда при апостолѣхъ подъ сѣнь Петрову прибѣгаху недужніи, гдѣ «грядущу Петру, понесенъ нѣкоего осѣнить, и тіи исцѣленіе получаху, «тако и тогда сбыстся въ очію нашею. Егда убо народи видѣша таковая «велія чудеса, вмѣсто скорбныхъ и плачевныхъ радостная воспріяша, и «вси веселія исполнишася, и бѣ во всѣхъ единъ гласъ слышашеся: «слава

* Тутъ не льзя не замѣтить повторенія; оно происходитъ отъ того, что рукопись Филарета, неизвѣстно кѣмъ писанная, поправлена его рукою.

«человѣколюбцу Богу, иже прослави своего угодника и насъ недостой-
«ныхъ достоіны сотворилъ зрѣнія сего». Недужніи же течаху скоро и бо-
«лѣзненніи, яко елени, скачуще и Бога хвалящe, иже таковую благодать
«дающаго; сбысться бо рѣченное Исаіемъ: скочитъ, яко елень, хромый и
«ясенъ будетъ языкъ гугниваго. И егда пойдоша святителіе и боляре,
«мощи несуще до царствующаго града, царю же и патріарху извѣстися о
«принесеніи и чудодѣяніи великихъ бывающихъ отъ святаго тѣлеси его,
«тогда убо царь и патріархъ тщательнѣ исходятъ во стрѣтеніе со много-
«чудесными образы и съ животворящими кресты, честь воздающе Богомъ
«почтенному и святолѣпному тѣлеси его, за самые врата градскіе, и народъ
«убо многъ собрася отъ всѣхъ странъ великаго града толико, яко убо и мѣста
«ту не обрѣтеся и не мощи вмѣщатися народомъ въ стогнахъ града. Самодер-
«жавный же повелѣ раку открыти, а мощи всѣмъ явити вѣрующимъ и невѣ-
«рующимъ: единѣмъ да желаніе исполнитъ, вторымъ же да уста лжущія
«заградитъ и очи не вѣрующія ослѣпитъ глаголющимъ, яко живъ избѣже
«отъ убійственныхъ длaней. Потомъ же воспріятъ на раму свою и понесе
«благочестиваго, искреннюю любовь къ нему показуя и раболѣпное слу-
«женіе и по смерти являя: понеже прежъ владычества своего рабъ бѣ
«отцу его великому государю царю и великому князю Іоанну Васильевичу
«всея Руссіи. И со свѣщами и съ кадилы, съ пѣсньми жъ и пѣньми
«духовными честно проводиша его до святыя соборныя и апостольскія
«церкви Архангела Михаила, идѣ же предаются погребенію тѣлеса прež-
«нихъ самодержавныхъ государей Россійскаго царствія, ту и сего вели-
«каго государя сына великаго и Божіаго предстателя мощи положиша со
«многою честію со псалмы и пѣньми и пѣсньми духовными, поюще и во-
«спѣвающе Господа всѣмъ благимъ благодарователя. И бѣ видѣти позоръ
«радостенъ и чудо веліе отъ тѣлеси святаго бывающее, якожъ и во градѣ
«Углечѣ радоститворенъ плачъ всѣмъ отъ духовнаго веселія бывающъ: во
«единомъ часѣ приниmаху слѣпіи независтно зрѣніе, хроміи безболѣзненно
«теченіе, прокаженіи внезапное исцѣленіе и вси недугующіе въ разноличь-
«ныхъ недузѣхъ скорое поможеніе, съ вѣрнымъ призываніемъ и возглашені-
«емъ отъ недуговъ свобождахуся. Положено же бысть въ придѣлѣ Ивана
«Предетечи, идѣже отецъ его блаженныя памяти царь и великій князь Іоаннъ
«Васильевичъ всея Россіи и братья его царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, да царе-
«вичъ Іоаннъ. И въ томъ мѣстѣ, идеже положенъ бысть царь Борисъ, выко-
«паша яму и камеміемъ выклали, хотѣша его государя праведное тѣло ту
«погрести; и егда бысть многое исцѣленіе, тогда яму повелѣша закласти
«и на томъ мѣстѣ въ ракѣ положиша. Царь же Василій Ивановичъ

«повѣлѣ сотворити раку древяну и убити атласы золотыми, и положиша «тѣло святое благовѣрнаго царевича Димитрія въ прежнемъ его гробѣ, и «поставиша руку Чудотворцеву.... *(Къ сожалѣнію, здѣсь недостаетъ въ рукописи нѣсколько строкъ).*

59.

По свидѣтельству Олеарія, колоколъ, вылитый при Борисѣ Годуновѣ, имѣлъ вѣсу 356 центнеровъ: звонили въ него въ большіе праздники. Не надобно думать, чтобъ этотъ колоколъ былъ тотъ самый, который нынѣ подлѣ Ивана Великаго: онъ перелитъ при императрицѣ Аннѣ изъ колокола, вылитаго по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича и упавшаго въ 1701 году.

60.

Działo iedne, co stem kul bywa nabite, y 100 rozy streli, — вѣроятно, авторъ разумѣетъ не выстрѣлъ за выстрѣломъ, а залпъ сотнею пуль. Иначе, у насъ не было орудія, которое заряжалось бы одинъ разъ, а выстрѣливало сто разъ.

61.

Описанная Маскѣвичемъ мортира и теперь хранится въ Москвѣ.

62.

Бере*гись*.

63.

Авторъ пишетъ: Białym murem, т. е, Бѣлою стѣною.

64.

Выраженіе автора: Nasi dali przyczyną do tego rozruchu, uprzątaiąc pierwey w Domu, niż drudzy nastąpią, можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: начали наши, желая управиться съ Русскими прежде, нежели могли подоспѣть къ нимъ на помощь: *или* забирая въ домахъ вещи, изъ предосторожности, чтобы другіе не предупредили ихъ.

65.

Этотъ отрядъ пѣхоты находился, по сказанію Бера, подъ начальствомъ Маржерета.

66.

Всѣ Струси славились мужествомъ героевъ: рѣдкій изъ нихъ не палъ на полѣ битвы.

67.

Въ спискѣ Нѣмцевича вмѣсто domy, стоитъ dymy, вѣроятно по ошибкѣ издателя: слово dymy не имѣетъ здѣсь смысла. Вотъ что говоритъ Филаретъ о разрушеніи Москвы: «Тогда же безбожный король, «видя, яко не пріемлютъ ихъ вѣры, и ученія ихъ папежскаго уклоня«ются, наполнися студа и срама и повелѣ царствующій градъ плѣну пре«дати и конецъ желаша своего дѣла восхотѣ учинити; время же бѣ «паста, яко послѣдняя недѣля Великаго поста преходитъ, въ ней же «воспоминаются Христа Бога нашего спасенія страсти. Послѣди же тоя «послѣднія седмицы, спрѣчь во вторникъ, свѣтающу дневи, восходящу «солнцу, еже повсюду свѣту изліяшу бывшу, людіе же градскіе по обычаю «своему изшедше изъ домовъ своихъ на церковное правило, овіи же на «куплю свою; Поляцы же, яко нецстовственно дыхая на пролитіе крови «и на восхищеніе великаго сокровища, якожъ иногда содѣяся въ мимо«шедшая лѣта, егда Тохтамышъ Москву лестію взя и повоева, такожъ «и сія безбожная Литва многу пакость содѣяху превеликому Московс«кому государству, и скоро оружіе препоясаютъ и подкладаніемъ огнен«нымъ пламень великій возжигаютъ, и елико людей обрѣтаютъ, и тако «мечами погубляютъ, церкви Божія пожигаютъ, церковная зданія раско«паютъ, и домы великіе расхищаютъ и сожигаютъ, и имѣнія многая гра«бятъ, отроковицы растущія красныя изъ домовъ изводятъ и поимаютъ «въ жены себѣ не въ завѣщательномъ союзѣ законнаго брака, пови«нующе ихъ вѣчной срамотѣ и работѣ; околожъ царствующаго града «Москвы, иже бысть древнимъ градъ, постави блаженный и приснопамят«ный царь и великій князь Ѳеодоръ Іоанновичъ всея Россіи, той весь «пожже, сокровища же царскія и дражайшія вещи, яже изъ давнихъ лѣтъ «собранная многими цари Русскими, вся поимаша и къ королю посы«лаша, иная же по себѣ раздѣлиша, яже око не видѣ и ухо не слыша, «таковыя царскія вещи пограбиша; домы же великіе и вси улицы пламе«немъ восхищаемымъ отвсюду зажгоша, тѣми же великая Москва дымит«ся, отъ сего же великія палаты сокрушаются; вопль убо велій избыто«чествуетъ повсюду отъ гласовъ убиваемыхъ. И смятеся весь градъ, «видя себя отъ враговъ своихъ убиваемыхъ, и никоея надежды можно

«имѣти животу своему защищенія, и бѣгаютъ во храмъ и плачутся людіе «всѣхъ своихъ паденій. Поляцы же, во провожденіи измѣнниковъ Миха«ила Салтыкова, да Ѳедки Андроникова, способниковъ ихъ, явныхъ израд«цевъ своего отечества, крѣпцѣ на великую Москву нападаютъ и никоего за«щищенія отъ Москвичъ обрѣтаютъ; сего ради всѣхъ смерти предаютъ и «разсужденія возрасту не имѣютъ. И тако быша сіе плѣненіе въ лѣто 7119 «марта въ 19 день; плѣнища по два дни непремѣнно. *(Слѣдуетъ сѣтованіе «о разрушеніи столицы).* И тако разрушена бысть превеликая Москва «и пограбленну всему сокровищу, и сѣдоша Поляцы во внутреннемъ градѣ «въ превысокомъ Кремлѣ, и ту раздѣлиша грабленіе по всему войску, и «начаша веселитися, яко побѣдницы суть и многими изобильны богат«ствы. На Свѣтлой же недѣлѣ во вторникъ марта въ 25 день, выйдоша «за Бѣлый-городъ и до остатка посады сожгоша и людей множество «посѣкоша безъ милости, сами же затворишася во градѣхъ Китаѣ и «Кремлѣ; а во святыхъ Божіихъ церквахъ тѣ осквернишя и въ тѣхъ «жилища себѣ подѣлаху; раку же серебряну святаго и блаженнаго «Василія обломаша и въ церкви тѣ, иже на рву, коней поставляху; и «толико множество людей побиша на Москвѣ, яко и три дни безпрестан«нѣ Литва возяху изъ града и метаху на леду Москвы рѣки, да разнесетъ «ихъ тѣлеса водою. На царскомъ же дворѣ, во святыхъ Божіихъ цер«квахъ, и въ полатѣхъ, и по погребомъ, все стояху Литва и Нѣмцы и «все свое скаредіе твореху, и мнози тогда побѣгоша по градамъ, тако гонимы, «за грѣхи наша, и никѣмъ же гонимы, егда увидятъ единаго Литвина, то сто «бѣжатъ, а егда двухъ, то тысяща бѣжатъ: тако попусти Богъ на насъ казнь «свою! А иже побѣгоша по градамъ, тѣ по лѣсамъ и по пустынямъ мно»гозимнымъ мразомъ изомроша, инїи же глада ради помроша».

68.

Просовецкій начальствовалъ Донскими казаками, привелъ ихъ къ Ляпунову и былъ однимъ изъ главныхъ воеводъ народнаго ополченія.

69.

Въ моей рукописи hulay grodami; въ спискѣ Нѣмцевича, кажется ошибкою, hulgrodami.

70.

Въ рукописи: maiąc dzieci kilka w sobie; въ спискѣ Нѣмцевича: maiąc dziur kilka w sobie.

71.

Т. е. Албрехтъ Добромирскій. Замѣчу мимоходомъ, что Нѣмцевичъ, самъ издавъ Дневникъ Маскѣвича, въ Исторіи Сигизмунда (ч. II. стр. 518) называетъ Добромирскаго Dombrowski. Подобныхъ промаховъ у него не мало.

72.

Въ Повѣсти Филаретовой о смерти Ермогена сказано слѣдующее: «Того же лѣта (7120) января въ 17 день святѣйшій Ермогенъ патріархъ мученически за вѣру Христову скончася, отъ зноя задхошася отъ Литвы и отъ Русскихъ, единомышленниковъ съ Литвою, о нихъ же писано есть въ лѣтописаніи житіе его и страданіе за православную вѣру и добрый поданный и мученическій конецъ. И положенъ бысть во градѣ Москвѣ въ преименитой обители Чудовской на обѣщанье его».

73.

Майданъ значитъ вообще: базаръ, рынокъ; въ лагерѣ, по объясненію Пясецкаго, складка военной добычи, изъ которой раздѣляли каждому по-ровну.

74.

Присягали, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, въ томъ, что никто у себя ничего не утаилъ.

75.

Авторъ въ послѣдствіи объясняетъ этотъ случай. *См. стр. 86.*

76.

Не мудрено: тогда каждый панъ мѣтилъ въ короли. Впрочемъ въ Дневникѣ Сапѣги этотъ случай не объясненъ и остался для потомства загадкою.

77.

О дѣйствіяхъ и смерти Ляпунова въ Повѣсти Филарета сказано слѣдующее: «Слышано быша во всѣхъ градѣхъ Московскихъ, яко превеликая Москва разрушена и раскопана, и плакашеся о таковой бѣдѣ вси людіе. Воевода жъ и властель Рязанскія земли Прокофій Ляпуновъ отъ

«града своего во множествѣ воинъ возстаетъ и разжегся гнѣвомъ великимъ «и разъярися зѣло о разореніи Московскомъ, многія слезы проливая, «втайнѣ уповая отомстити наносимыя отъ нихъ тяжкія обиды. И пойдо- «ша на неправильныхъ Римлянъ, и тако имъ жестоко и немилостиво ото- «мщеніе покушаяся воздати. Друзіи же воинстіе людіе возстаютъ отъ «града Калуги подъ воеводствомъ князя Димитрія Тимофеевича Трубец- «каго, и паки иніи воини подъ воеводствомъ Ивана Заруцкаго; иніи же «отъ Ярославля со множествомъ поморскія силы Ивана Ивановича сына «Волынскаго. И посемъ иные многіе воеводы и начальницы отъ всѣхъ «градъ возстаютъ и скорятъ подъ царствующій градъ на отомщеніе вра- «говъ своихъ. И снидошася вси людіе купно подъ стѣны града непобѣди- «мыя Москвы. Вси же христопоборніи воеводы согласяся письменными «посланьицы, дабы имъ воедино совокупитися, и пріидоша подъ Москву «апрѣля въ 1 день, и сташа около Бѣлаго-города койждо своимъ полкомъ. «Поляцы же, видѣвъ Московское многое собраніе и изрядное ихъ опол- «ченіе, страхомъ ужасаемы и начаша въ себѣ помышляти, како могутъ «творити ополченіе противу сего многаго воинства; и тако мысль свою «премѣняютъ и на кони своя восходятъ и оружія своя воспріемлютъ, и «врата граду отворяютъ и вдаются на брань. И тако брань смертную «спускаютъ. Московстіи же воини мужески сихъ воспріемлютъ и ополче- «ніе дивно противъ враговъ своихъ сотворяютъ и рыстаніемъ конскимъ «смѣло на Поляцы наскакаютъ, и въ силѣ крѣпости своея мощнѣ ихъ «погнетаютъ, и шеломы разсѣкаютъ и трупы ихъ всѣ на части раздѣляютъ.

«Той же бодренный, разсмотрительный воевода, всего Московскаго «воинства властель, Ляпуновъ скачетъ по полкамъ всюду, яко левъ рыкая, «направляюще воинство и вооружающе крѣпцѣ побѣду на враговъ своихъ «воспріяти; такожъ иные воеводы и начальницы Московскаго воинства о «своемъ дѣлѣ непрестанно попеченіе имѣютъ и на полки Литовскіе напа- «даютъ и силу восхищаютъ и усты меча гонятъ. Поляцы же хребетъ «дають и пораженій смертоносныхъ подъяти не могутъ; и тако во крѣпо- «сти меча Московскаго умираютъ, хотятъ ли, не хотятъ ли, поля оста «вляютъ, и во градъ входятъ и врата граду затворяютъ. Воевода же и «начальникъ Московскаго воинства Прокофій Ляпуновъ возопи гласомъ «великимъ на своихъ, да не оскудѣетъ бранное ополченіе, и повелѣ съ «коней сходити и на градъ мужески наступати. И тако воини повелѣнное «исполняютъ и на стѣны градскія мужески нападаютъ и въ силѣ крѣпо- «сти своея на стѣны градскія восходятъ; и тако взяту бывшу великому «Царю-граду. Поляцы же до внутренняго града бѣгутъ и врата утверж-

«даютъ крѣпкими затворы, и по семъ того дня преста бранное ополченіе. «Воеводы же Московскаго воинства разъѣздивъ и разглядѣвъ подобно «мѣсто и повелѣ воинству шатры ставити и лачуги и конемъ стати. И «тако уставиша воинство близь стѣны градскія и почиша отъ трудовъ «своихъ, токмо стражіе стрежаху. Сташа же не во единомъ мѣстѣ, но «койждо особь: Прокофій ста у Яузскихъ воротъ, князь Дмитрій Тимо«феевичъ мало отшедъ межъ Яузскихъ и Покровскихъ воротъ ста, а «Иванъ Заруцкій у Покровскихъ воротъ, Иванъ Волынскій у Стрѣтен«скихъ воротъ, а князь Василій Масальскій Михайловичъ зовомый у «Трубы на Неглинѣ сталъ; потомъ же Петровскіе и Тверскіе ворота «очистиша. На утрее жъ дневи свѣтающу, изліяшу повсюду свѣту, «воевода же и начальникъ Московскаго собранія Прокофій о своемъ «дѣлѣ попеченіе предивно творяще, и повелѣ у Петра чудотворца въ «сорокъ туры землею насыпати и пушки поставити и повелѣ по граду «непрестанно стрѣляти: бѣ бо то мѣсто высоко и удобно къ пушечному «стрѣленію во градъ. Другой же нарядъ поставиша отъ Никиты Христова «мученика за Яузою, и по граду непрестанно изъ пушекъ стрѣляху и «многую тѣсноту граду творяще; и тако во ополченіе воемъ мужески «граду всюду облегоша. Отъ сего же Поляцы ужасни быша зѣло, и пре«бывающе въ заключеніи вратъ, сирѣчь во осадѣ, и на коняхъ своихъ къ «тому не творятъ ополченія и исходятъ изъ града пѣши, уповая Москов«ское воинство отъ стѣны града отбити, и тако на нихъ нападаютъ и смерт«ную брань спускаютъ. Москвичи же веселымъ лицемъ ихъ воспріем«лютъ и толь крѣпцѣ на нихъ наступаютъ, да яко Поляцы пораженій «ихъ смертоносныхъ подъяти не могутъ, и хребетъ даютъ и вспять итти «понуждаются, и во градѣ утверждаются, и многи отъ нихъ убиваеми. И «тако преста брань въ той день. Начальницы же Московскаго собранія «наипаче силу восхищаютъ и оружіе свое на враговъ мочне направляютъ; «и тако безчисленныя брани творяху на всякъ день. Поляцы же болѣз«нуютъ и плачутся своихъ паденій, но токмо уповаютъ на стѣны града «опаго, понеже мѣстною крѣпостію вооруженъ градъ той превысокій «Кремль, и никимъ бѣ домышленіемъ можно его досягнути.

«Малу же времени минувшу, якобы едину три мѣсяцы пронде «лѣтнія годины тоя, позавидѣ дьяволъ сему настоящему дѣлу изрядному «ополчителю; той вышеупомянутый Иванъ Заруцкій дьяволимъ науче«ніемъ воспрія во мысль свою, да научитъ казаковъ на Прокофья и пове«литъ его убити, да воспріемлетъ власть надъ войскомъ единъ, и яко же «хощетъ, тако творитъ. И нача напущати казаковъ на Прокофья и паря-

«ди граматы ссыльныя съ Литвою и руку Прокофьеву подписати велѣлъ; «и тако за ссылкою изъ города отъ Литвы велѣлъ ихъ выдати, будто «Прокофій съ ними своими грамоты ссылается, и хочетъ христособран- «ное воинство Литовскимъ людемъ въ руцѣ предати и самъ къ нимъ пріі- «общиться. И тако возсташа народы и наполнишася людіе гнѣва и ярости «на сего изряднаго властителя и воеводу Прокофья Ляпунова, безъ воспо- «минанія его изряднаго и мужественнаго ополченія, и восхотѣша его пре- «дати смерти. И собрався воинство на урѣченное мѣсто, еже есть во «кругъ, по казацкому обычаю, и на сего воеводу и властелина посы- «лаетъ посланниковъ, дабы ѣхалъ на урѣченное мѣсто въ кругъ собранія «ихъ. Онъ же, злаго ихъ умышренія не вѣдяще и о смерти своей не помы- «шляюще, возстаетъ отъ мѣста своего и въ кругъ настоящаго собранія «приходитъ по обычаю по своему и испытуетъ вещи позванія его. Они же «въ разгореніи мысли своея начаша его обличати виновными дѣлы и «измѣною, и грамоты въ войскѣ честь, яже Ивашко паряди. И по семъ «яростнѣ на него нападаютъ и трупъ его на части раздѣляютъ, и въ ско- «ромъ часѣ смерти горкія предаютъ. И тако паде мертвъ на землю «славный сей и бодренный воевода, Прокофій Ляпуновъ. Съ нимъ же «прінде нѣкто отъ честныхъ дворянинъ и нача имъ разсуждати, дабы «недерзостнѣ сотворили, но со испытаніемъ, дабы напрасно крови непо- «винныя не пролить. Они же вопіяху: намъ и сей измѣнникъ, угодникъ «Прокофья Ляпунова. И того тако же безвинно смерти предаша. Положены «же бысть во едину гробницу, и погребены же бысть честно у Благовѣ- «щенія пречистыя Богородицы, еже есть на Воронцовскомъ полѣ. Каза- «цы же начинаемое свое дѣло совершиша и разъидошася въ кошы своя».

78.

Глаголъ ozionąć значитъ собственно *заразить*. У Поляковъ и теперь есть повѣрье, что волкъ однимъ взглядомъ можетъ отнять даже у человѣка всякую бодрость.

79.

Это число показано въ Нѣмцевичевой Исторіи Сигизмунда (III. 28); въ рукописи Маскѣвича оно опущено.

80.

Т. е. за оборону Москвы.

81.

Цѣклинскихъ было двое: одинъ находился при гетманѣ, а другой при конфедератахъ.

82.

Село въ Дмитровскомъ уѣздѣ Московской губерніи.

83.

Въ нѣкоторомъ смыслѣ партизаны того времени, или правильнѣе вольница, не признававшая ни чьего начальства, кромѣ своихъ атамановъ.

84.

Есть деревня Вишенка въ Звенигородскомъ уѣздѣ. Волочкомъ авторъ, вѣроятно, называетъ Волоколамскъ.

85.

Должно быть въ *городкѣ Борисовѣ*, верстахъ въ 10 отъ Можайска.

86.

Въ подлинникѣ такъ: to na dengi mowi, to co z Stolicy wieziecie. Podobni Niemcom po de Czczowem (у Нѣмцевича pod Czczowem).

87.

Въ рукописи: w Szkucie; у Нѣмцевича w Sknice, безъ всякаго смысла.

88.

Самъ же авторъ неоднократно приводилъ примѣры чести и благородства Русскихъ.

89.

Lan извѣстное пространство пахотной земли.

90.

Стація, въ тѣсномъ смыслѣ — постой, также станція; здѣсь, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ автора, обязанность обывателей платить войску опредѣленную сумму денегъ.

91.

Въ рукописи: bo wielki K. zniego y teraz.. Буква K. значитъ Кіевъ.

92.

Дюпамюндъ.

93.

О набѣгахъ Запорожцевъ на Черноморскія области Турецкія см. подробныя извѣстія въ Боплановомъ *Описаніи Украйны.*

94.

Польская рукопись имѣетъ такое заглавіе: Rzeczy Polskich w Moskwie za Dimitra Opisanie przez jednego tam obecnego roku 1605 do roku 1609. *Описаніе дѣлъ Польскихъ въ Москвѣ при Димитріи, съ 1605 года по 1609, составленное очевидцемъ.*

95.

Товянскій называетъ его Нѣмцемъ.

96.

И будто не узнали подложнаго царевича? Странная недогадливость! Вообще сказка не заслуживаетъ никакого вѣроятія. Одно замѣчаніе ее опровергаетъ: Самозванецъ увѣрилъ Поляковъ, что его спасъ докторъ Семенъ, о чемъ писалъ и къ Борису (см. życia Sapiehow, prz. Kognowickiego, 1791. Tom. II, 82); но въ Угличѣ такого доктора при царевичѣ не было: иначе его не оставили бы безъ допроса при слѣдствіи о смерти Димитрія, и имя его было бы упомянуто хотя мимоходомъ въ слѣдственномъ актѣ, гдѣ находимъ всѣ лица, окружавшія царевича, кромѣ одного Семена.

97.

Наши лѣтописи называютъ сіе мѣстечко Брагинъ: оно находится на рѣкѣ Брагинкѣ въ Минской губерніи.

98.

Князь Константинъ Вишневецкій (правильнѣе Вишіовецкій), воевода Русскій, былъ женатъ на сестрѣ Маринкиной Урсулѣ. См. *Пьесецкаго*

Herbarz Polski, IX. 358. Въ первомъ томѣ *Сказ. соврем. о Дим. Самозв.* читатель найдетъ подробныя извѣстія о томъ, какъ открылся Лжедимитрій Вишневецкому.

99.

Въ дневной запискѣ воеводы Сендомирскаго отмѣчено, что 31 декабря 1604 года дѣйствительно было сраженіе съ войскомъ Борисовымъ, которое потеряло въ битвѣ 4.000 человѣкъ. См. I. *часть Сказ. соврем. о Дим. Самозв.. Стр. 404.*

100.

Изъ вышеозначенной дневной записки видно, что Путивль, Рыльскъ и Кромы покорились Лжедимитрію прежде сраженія 31 декабря.

101.

Воевода Сендомирскій долженъ былъ возвратиться въ Польшу, въ слѣдствіе повелѣнія королевскаго, по настоянію Бориса. Такъ, по крайней мѣрѣ, говорили въ Москвѣ Польскіе послы нашимъ боярамъ. *См. выше Дневникъ ихъ.*

102.

Сочинитель говоритъ о Добрынской битвѣ. См. подробное извѣстіе объ ней у Бера и Маржерета. *Сказ. совр о Дим. Самозв. часть I. 40. 295.* Первый приписываетъ побѣду иноземной дружинѣ Борисовой, а второй, очевидецъ, мужеству Русской пѣхоты.

103.

Правильнѣе изъ подъ-Кромъ.

104.

По свидѣтельству современниковъ, самыхъ друзей Лжедимитрія, юный Ѳеодоръ Борисовичъ и мать его убиты по приказанію Самозванца.

105.

Т. е. болѣе трехъ пудъ. Количество невѣроятное!

106.

Мѣстечко въ Краковскомъ воеводствѣ, достопамятное побѣдою Замойскаго надъ эрцгерцогомъ Максимиліаномъ.

107.

Изъ подлиннаго письма Лжедимитріева, хранящагося въ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ, видно, что съ Бучинскимъ отправлено воеводѣ 200.000 злотыхъ. См. *Собр. Госуд. Грам. и Договор II. 227.* Вмѣстѣ съ подарками и деньгами, Самозванецъ далъ Бучинскому любопытный наказъ, напечатанный нами въ примѣчаніяхъ къ Беровой лѣтописи. См. *Сказ. совр. о Дим. Сам. I. Стр. 381.*

108.

Въ Архивѣ министерства Иностранныхъ дѣлъ сохранился списокъ съ письма Самозванцева къ Сигизмунду III. Оно любопытно по формѣ и содержанію: «Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій «Іоанновичъ, Божіею милостію *императоръ* и великій князь всея «Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ Московской «монархіи покоренныхъ областей государь и царь.

«Наяснѣйшему государю Сигизмунду, Божіею милостію королю «Польскому, великому князю Литовскому, Русскому, Прусскому, Мазо«вецкому, Жмудскому и проч. и проч. Шведскому, Готоскому и Ван«дальскому наслѣдному королю.

«Здравія и братской любви желаемъ.

«Наяснѣйшій государь!

«Увѣдомились мы, что наяснѣйшество ваше сеймъ генеральный своего «королевства къ будущему великому посту имѣть изволитъ. Чего мы «такъ съ великимъ желаніемъ до сего времени по многимъ и важнымъ «причинамъ ожидали, что безъ всякаго замедленія, не дождався о семъ «дѣлѣ извѣстія отъ наяснѣйшества вашего, скоро на тотъ сеймъ отпра«вить опредѣлили пословъ нашихъ: сіятельнаго и почтеннаго князя Ва«силья Михайловича Мосальскаго, боярина и верховнаго государства «нашего маршала, правителя Сѣверскаго, и воеводу Нижняго Новагорода, «почтеннаго Михайла Игнатьевича Татищева, окольничего нашего, Мо«жайскаго воеводу, также почтенныхъ Василья Иванова и Андрея Ива«нова думныхъ дьяковъ нашихъ, что для великихъ дѣлъ не токмо обоимъ «намъ и государствамъ нашимъ, но и всему вообще христіанству полезно «и потребно быть имѣетъ. Того ради просимъ, дабы наяснѣйшество «ваше листъ благонадежности по обычаю какъ наскорѣе учинить и «прислать приказали. Впрочемъ желаемъ наяснѣйшеству вашему долго«временно и счастливо государствовать и благопріятнѣйшій имѣть успѣхъ

«въ вашихъ желаніяхъ. Дана въ царствующемъ градѣ нашемъ Москвѣ, «лѣта Господня 1605, декабря 16 дня, государствованія же нашего пер«ваго. *Собр. Госуд. Грам. II. 234.*

109.

Склинскій привезъ слѣдующее письмо Самозванца къ воеводѣ Сендомирскому:

«Мы пресвѣтлѣйшій и непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій Іоанновичъ, «Божіею милостію императоръ и великій князь всея Россіи и всѣхъ «Татарскихъ царствъ и иныхъ многихъ государствъ, Московской мо«нархіи подвластныхъ, государь и царь.

«Желали бы мы, дабы милость ваша съ государынею цесаревою, «супругою нашею, по требованію нашему и обѣщанію своему, въ сей мясо«пустъ къ намъ прибыть могли: понеже мы о многихъ причинахъ извѣстіе «вамъ учинить хотѣли. Того ради нынѣ желаемъ и напоминаемъ, дабы ми«лость ваша какъ наискорѣе къ намъ поспѣшалъ, вѣдая, что скорѣйшее «прибытіе ваше весьма пріятно намъ будетъ и на самое время къ намъ пріѣз«жать потребно: ибо потомъ умедля, опасный къ намъ пріѣздъ вашъ будетъ, «и ежели Смоленскъ прежде Пасхи миновать изволите, то легко усмотри«те. Пріятно же намъ сіе, что милость ваша къ намъ пишетъ о удер«жаніи своемъ въ пути недалече отъ Москвы чрезъ весь постъ, и «заблагоразсудили мы, дабы вы въ Борисовѣ, въ сторону отъ Можайска «за 18 миль отъ Москвы удержаться изволили, гдѣ и дворъ для васъ и «для государыни цесаревы и пріятелей приготовленъ будетъ. И о семъ «чрезъ сего жъ урожденнаго Михаила Склинскаго въ скорости намъ из«вѣстіе учинить не оставь, которому мы немедленно назадъ возвращаться «повелѣли. Король къ намъ пишетъ, что остальнаго долга по писанію «нашему вамъ ожидать будетъ, который мы безъ отлагательства изъ «Смоленска послать приказали; такожъ и вамъ на проѣздъ нѣсколько «десятковъ тысячъ послано, и уповаемъ, что прибытіе ваше къ намъ «безъ затрудненія будетъ. Впрочемъ желаемъ вашей милости добраго «здравія. Дана въ Москвѣ 28 февраля 1606 года, государствованія же «нашего перваго. Димитрій другъ и сынъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 277.*

110.

Казановскій вручилъ Мнишку такое письмо: «Мы пресвѣтлѣйшій и «непобѣдимѣйшій монархъ Димитрій Іоанновичъ, Божіею милостію импера«торъ и великій князь всея Россіи и всѣхъ Татарскихъ царствъ и иныхъ

«многихъ государствъ, Московской монархіи подвластныхъ, государь и «царь. Весьма обрадовались мы, получивъ извѣстіе о выѣздѣ и поспѣ«шеніи вашемъ къ намъ инымъ путемъ, нежели какъ мы предъ симъ, «по росписанію вашему, чаяли. Чего мы давно уже желали, такъ и нынѣ «Господа Бога молимъ, да въ предпріятомъ ономъ пути даруетъ вамъ «вожделѣнное здравіе и поспѣшеніе, съ ея величествомъ цесаревою, суп«ругою нашею, какъ наискорѣе къ намъ прибыть. Но съ другой стороны «опечалило насъ письмо ваше, въ коемъ вы сомнѣваетесь о нашей къ «вамъ благосклонности, и по видимому имѣете намѣреніе возвратиться «съ дороги, не препроводя къ намъ свѣтлѣйшей дщери вашей; мы, поели«ку сіе было бы къ вѣчному нашему безславію и удивленію цѣлаго свѣта, «желаемъ, дабы вы сего не дѣлали. И хотя мы съ нѣкоторою досадою «чрезъ Дембицкаго и Склинскаго писали къ вамъ; однако Богъ тому «свидѣтель, любезнѣйшій мой родитель, что сіе происходило не отъ злаго «сердца, но отъ одной скуки, и по любви къ вашей дочери и дому вашему. «Въ слѣдствіе сего, мы отправили къ вамъ съ поспѣшностію урожденнаго «Сигизмунда Казановскаго, комнатнаго нашего служителя, дабы онъ, «какъ можно скорѣе, съ вами встрѣтившись, увѣрилъ васъ о радости «нашей и петерпѣливомъ ожиданіи прибытія вашего. А и въ самомъ дѣлѣ, «получивъ радостное извѣстіе, забыли мы совершенно то огорченіе, «которое происходило единственно отъ нескораго вашего выѣзда; и вамъ «ничего инаго не остается теперь ожидать отъ насъ, какъ токмо приз«нательной благодарности, радости, почитанія и награжденія за прежнія «и теперешнія издержки и труды ваши. За симъ желаемъ въ вожделѣн«номъ здравіи васъ видѣть. Писано въ царствующемъ нашемъ градѣ «Москвѣ 18 марта 1606 года, государствованія же нашего перваго года. «Димитрій другъ и сынъ.» *Собр. Гос. Грам. II. 282.*

111.

Изъ Минска Юрій Мнишекъ писалъ къ зятю: «Пресвѣтлѣйшій, «милостивый царь! Поручаю себя милостямъ вашего царскаго величества. «Господинъ Аоанасій писалъ вашему царскому величеству, отправляя «къ вамъ дворянина Ѳедора Шушерина; уповаю, пишетъ къ вашему цар«скому величеству, что онъ крѣпко настоитъ, дабы мы къ вамъ какъ «наискорѣе поспѣшали; но и мы жалуемся вашему царскому величеству на «него, понуждающаго насъ перелетѣть къ вамъ, не смотря, что сіе и для «женскаго пола несносно, и для меня, въ разсужденіи немалой моей «болѣзни, тягостно. Но какъ бы то ни было, не щадя и здоровья,

«станемъ поспѣшать; и я, не заботясь о леченіи моемъ, хотя лежа на «возу, пріѣхать къ вамъ желаю.

«Отдано мнѣ отъ вашего царскаго величества 13.324 талера, да 5.204 «рубля, которые тотчасъ посылаю въ Польшу, для оплаты самонужнѣй- «шихъ долговъ. Приношу благодарность вашему царскому величеству мило- «стивому моему государю за одолженіе меня сими деньгами. Безпокоитъ «меня только то, что его величество король усильно требуетъ отъ меня «своихъ денегъ, а изъ оныхъ ему послать не могъ. Испытавъ вашего цар- «скаго величества ко мнѣ милость, не осмѣливаюсь о томъ васъ утруждать. «Впрочемъ паки поручаю себя въ милость вашему царскому величеству «милостиваго моего государя. Писано въ Минскѣ, 4 апрѣля 1606. Ва- «шего царскаго величества, милостиваго моего государя доброжелательный «отецъ Юрій Мнишекъ, воевода Сендомирскій. *Собр. Гос. Грам. II. 284.*

112.

Для встрѣчи Марины, Самозванецъ отправилъ на границу: Михайла Александровича Нагова, намѣстника Велико-Пермскаго и Костромскаго, князя Василья Михайловича Мосальскаго, дворецкаго, *великаго губернатора* Сѣверской земли и намѣстника Нижегородскаго; для привѣтствія же воеводы Сендомирскаго, посланъ былъ думный дворянинъ Андрей Матвѣевичъ Босйковъ. *Собр. Госуд. Грам. II. 254.*

113.

Братъ воеводы Сендомирскаго.

114.

Князь Константинъ Вишневецкій, зять воеводы Сендомирскаго, женатый на сестрѣ Маринкиной Урсулѣ.

115.

Янъ Мнишекъ староста Саноцкій былъ сынъ воеводы Сендомирскаго, родной братъ Марины; а староста Луховскій, Павелъ Мнишекъ, племянникъ его.

116.

Сигизмундъ Тарло, хоронжій Перемышльскій, въ послѣдствіи каш- телянъ Сандецкій, имѣлъ супругою Варвару, дочь каштеляна Сендомир- скаго. При убіеніи Поляковъ въ Москвѣ, она спасла мужа своего отъ

смерти, обративъ на себя всю ярость озлобленнаго народа. См. Нѣсецкаго Herbarz Polski, IX. 14.

117.

Мартинъ Стадницкій, староста Саноцкій, и братъ его Георгій Стадницкій были извѣстны въ Польшѣ ревностью къ католицизму.

118.

Сынъ подкоморія Саноцкаго Станислава Бала.

119.

Станиславъ Пѣмоевскій, подстолій коронный, въ послѣдствіи староста Осѣцкій и Рогозинскій, славился въ свое время умомъ, мужествомъ и любезностію нрава.

120.

Францискъ Помаскій, канонникъ Плоцкій, и братъ его Станиславъ, подкоморій, убиты въ Москвѣ.

121.

Фамилія Вольскихъ имѣла свои помѣстья въ Сендомирскомъ воеводствѣ.

122.

Вѣроятно нынѣшняя деревня Лубня.

123.

Z panami przyiaciolmi. Подъ симъ словомъ разумѣются всѣ родственники Мнишка и паны, находившіеся въ свитѣ его.

124.

W Czarowie: должно быть въ Царевѣ-Займищѣ.

125.

Нынѣ и слѣдовъ дворца не осталось; но церковь, построенная Борисомъ Годуновымъ, уцѣлѣла.

126.

См. эту рѣчь въ запискахъ Паерле, въ 1 части *Сказ. совр. о Дим. Сам. стр. 178-180.*

127.

Вѣроятно, Лопарей.

128.

Онъ былъ *каштеляномъ* Малогоскимъ (въ послѣдствіи Радомскимъ); фамилія же его — Олесницкій.

129.

Ни тотъ, ни другой: на дочери Витовта, Софіи, женатъ былъ пращуръ Димитрія, великій князь Василій Димитріевичъ.

130.

Елена Глинская была не супругою, а матерью Іоанна Грознаго.

131.

По тогдашнимъ понятіямъ, Турція причислялась къ странамъ полночнымъ. Слѣдовательно Стадницкій желалъ Димитрію побѣдъ на югѣ и славы на западѣ.

132.

Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ описаны подробно дальнѣйшіе переговоры.

133.

Надобно полагать, что эти слова были обращены къ царю.

134.

Жена пана Тарла, хоронжаго Перемышльскаго.

135.

Праздникъ католическій, установленный папою Урбаномъ IV.

136.

Въ подлинникѣ Tuczyszczow.

137.

По свидѣтельству Петриція, она жертвовала своею жизнію для спасенія мужа. См. *Пьсец.* Herbarz Polski IX. 14. Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ она показана однако въ числѣ живыхъ.

138.

Въ Дневникѣ пословъ Польскихъ число убитыхъ Поляковъ показано до 1000.

139.

Сожгли одного Самозванца; Басманова же, по свидѣтельству Бера, похоронилъ сводный братъ его князь Иванъ Голицынъ, за Англійскимъ подворьемъ. *Сказ. соврем. о Дим. Самоз. I. стр. 72.*

140.

Считаю излишнимъ опровергать дерзкія слова иновѣрца: нелѣпость ихъ очевидна. Замѣчу только: 1) при истинномъ благочестіи, при глубокомъ уваженіи святыни, Русскіе никогда не прибѣгали къ подлогамъ въ дѣлахъ Вѣры: это свидѣтельствуетъ вся исторія нашей церкви. 2) Шуйскій тѣмъ менѣе можетъ быть подозрѣваемъ въ подлогѣ, что, по несомнительному свидѣтельству государственныхъ актовъ, самыя почтенныя особы удостовѣрились въ Угличѣ въ нетлѣнности мощей св. Димитрія, а именно: митрополитъ Филаретъ, Астраханскій епископъ Ѳеодосій, Спасскій архимандритъ Сергій, Андроповскій архимандритъ Авраамій; бояре: Воротынскій, Шереметевъ, Нагіе и проч. Не подкупленный мужикъ, какъ баснословитъ Польскій писатель, а сіи особы засвидѣтельствовали нетлѣнность св. Димитрія, и по ихъ удостовѣренію мощи его перенесены въ столицу.

141.

Изъ Никоновской Лѣтописи видно, что въ сіе время хотѣли измѣнить царю Василію Иванъ Катыревъ, Юрій Трубецкой, Иванъ Троекуровъ. Первый сосланъ въ Сибирь, вторый въ Тотьму, третій въ Нижній-Новгородъ.

142.

См. о пораженіи воеводъ Шуйскаго, князей Трубецкаго и Воротынскаго, въ августѣ 1606 году, у Бера въ I части *Сказ. соврем. о Дим. Самозв. стр. 80.*

143.

По смыслу рѣчи здѣсь ничего не пропущено; между тѣмъ за сентябремъ слѣдуетъ мартъ. По соображеніи многихъ обстоятельствъ, думаю, что въ семъ Дневникѣ есть пропускъ между 17 числомъ сентября 1606 года и 18 ч. марта 1607 года, т. е. не описаны случаи послѣ 17 сентября 1606 года въ продолженіе 6 мѣсяцевъ.

144.

То есть дѣтей боярскихъ.

145.

Должно читать Михайло Салтыковъ.

146.

Недалеко отъ Калуги, на Пчелѣ, 1 мая 1607 года. Тутъ разбилъ на голову царскихъ воеводъ, князей Татева и Черкасскаго, мятежникъ Телятевскій. О сей битвѣ упоминаетъ и Беръ.

147.

Sochowniakow, abo lawnikow, вѣроятно *людей сошныхъ.*

148.

Вѣроисповѣданіе Греко-Россійское всегда было такъ истинно и непорочно, такъ согласно съ духомъ и смысломъ ученія Христа Спасителя, что я считаю излишнимъ опровергать дерзкія слова иновѣрца, ослѣпленнаго злобою и фанатизмомъ.

149.

По всей вѣроятности, рѣчь о князѣ Григоріи Петровичѣ Шаховскомъ, любимцѣ перваго Лжедимитрія, взволновавшемъ землю Сѣверскую при Василіи Шуйскомъ.

150.

Вѣроятно Давида Вагмера и Христофора Рейтлингера, о коихъ упоминаетъ Беръ.

151.

Въ Москву прибыли 12 октября 1607 года чиновники Сигизмундовы Витовскій и князь Друцкой Соколинскій.

152.

Здѣсь прекращается любопытный Дневникъ. Чрезъ полгода Марина получила свободу и бросилась въ объятія Вора Тушинскаго. Судя по заглавію (см. выше прим. 94), переведенное нами сочиненіе должно итти до 1609 года: послѣдніе листы утратились.

153.

Такой деревушки не показано ни на одной изъ нашихъ картъ.

154.

Выше сказано, что въ этой каретѣ было 12 лошадей.

155.

Играли пѣснь: W każdym czasie tak w szczęściu iako i niezczęściu и пр.

156.

Какъ эта рѣчь, такъ и нѣкоторыя другія находятся въ Дневникѣ Марины Мнишекъ: не желая разрывать связи повѣствованія, я рѣшился помѣстить ихъ вдвойнѣ.

157.

Мы помѣстили выше въ примѣч. 108 граммату Самозванцеву о назначеніи великихъ пословъ къ Сигизмунду III.

158.

Въ трактатѣ, заключенномъ въ Москвѣ 11 марта 1601 года съ канцлеромъ Львомъ Сапѣгою, Борисъ дѣйствительно не хотѣлъ назвать Сигизмунда королемъ Шведскимъ, подъ предлогомъ, что онъ не извѣстилъ о своемъ восшествіи на тронъ отцовскій.

159.

Слѣдовательно это былъ родъ коляски: лѣтомъ въ саняхъ у насъ не ѣздили.

160.

Въ Польшѣ тогда была не свобода, а необузданное своеволіе. Читатель видѣлъ въ Дневникѣ Маскѣвича всѣ ужасы Польской анархіи.

161.

Надобно разумѣть: чрезъ три часа по восхожденіи солнца; иначе будетъ слишкомъ рано.

162.

Игнатьевичъ.

163.

Въ Дневникѣ Марины Мнишекъ показано вдвое менѣе.

164.

Нелѣпый вздоръ! Въ опроверженіе этой сказки, считаемъ достаточнымъ указать на вышеприведенное 140 примѣчаніе.

165.

Эти акты хранятся въ Архивѣ министерства Иностр. дѣлъ. Мы напечатали слово въ слово самый любопытный изъ нихъ, договоръ Самозванца съ Юріемъ Мнишкомъ, въ 166 примѣч. къ 1 части *Сказ. совр. о Дим. Самозванцѣ.*

КАРТА РОССІИ ЦАРЕВИЧА ѲЕОДОРА БОРИСОВИЧА.

Карта Россіи, составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, прилагаемая ко 2 ч. *Сказ. совр. о Димитріи Самозванцѣ*, найдена мною въ рѣдкомъ и дорогомъ сочиненіи, напечатанномъ въ 1640 году, подъ заглавіемъ: Theatrum orbis terrarum, siwe Atlas novus; in quo tabulae et descriptiones omnium Regionum, editae a Guiljel: et Ioanne Blaeu. Amsterdami, apud Iohannem et Cornelium Blaeu. Anno 1640. Къ сожалѣнію издатели не объяснили, откуда она заимствована ими; изъ надписи видно, что нѣкто Гессель Герардъ составилъ ее, равнымъ образомъ и планъ Москвы, по собственноручному чертежу царевича Ѳеодора Борисовича Годунова, и дополнивъ свѣдѣніями о сѣверовосточной Россіи, посвятилъ ее въ 1614 году государю Михаилу Ѳеодоровичу. Не знаемъ, кто этотъ Гессель Герардъ, былъ ли онъ въ Россіи и какимъ образомъ досталъ чертежъ царевича; знаемъ только то, что Борисъ Годуновъ, ревностный къ успѣхамъ просвѣщенія, призывалъ изъ чужихъ краевъ людей ученыхъ, думалъ основать университетъ и особенное стараніе прилагалъ о воспитаніи сына, который, «наученъ былъ отъ отца своего книжному почитанію, въ отвѣтахъ былъ дивенъ и сладкорѣчивъ вельми, пустошное же и гнилое слово никогда изъ устъ его исхождаше, о вѣрѣ и о ученіи книжномъ со усердіемъ прилежаше».

П. О. Дейріардъ нашелъ въ Эрмитажѣ поднесенный императрицѣ Екатеринѣ II графомъ Мусинымъ Пушкинымъ экземпляръ карты Россіи на Латинскомъ языкѣ, переложилъ ее на Русскій и издалъ за нѣсколько предъ симъ лѣтъ, съ слѣдующимъ заглавіемъ: *Карта Россіи, по повелѣнію Ѳедора Борисовича начертанная, съ великимъ тщаніемъ во многихъ мѣстахъ умноженная, изданная и великому государю царю Михаилу Ѳеодоровичу посвященная Гессело Герардомъ въ 1614 году*. Издатель въ примѣчаніи говоритъ, что, «на подлинной картѣ названія мѣстъ подписаны весьма неправильно; почему оныя по другимъ старымъ картамъ повѣрены, а границы Россіи нанесены по мирнымъ трактатамъ Г. М. А. Х.»

Эта карта имѣетъ большое сходство съ найденною мною въ вышеозначенномъ Блавіанскомъ атласѣ, исключая только то, что планъ Москвы въ изданной Дейріардомъ почти вдвое менѣе и выгравированъ не столь тщательно, какъ въ Блавіанской. Сверхъ того есть разность въ костюмахъ и украшеніяхъ. Въ картѣ, мною издаваемой, названія нѣкоторыхъ городовъ также весьма неправильны; наприм. Серпуховъ *Czirpach*,

Кострома *Castrom*, Переславль *Kerislaw* и проч. Я не только не исправлялъ ошибокъ, но и въ самыхъ буквахъ, даже въ малѣйшихъ чертахъ, старался передать подлинникъ. Посему не моя вина, если читатель увидитъ: Oressok. at. вмѣсто al. (*iter*) Noteburg; или Crimea, sev Ta-rtaria Perec-opensis: такъ въ подлинникѣ. Иначе надлежало бы измѣнить всю карту; но тогда, по мнѣнію моему, она была бы не столь любопытна. Я рѣшился только въ планѣ Москвы поставить числа для пояснепія, какъ назывались въ старину ворота Московскія, изъ коихъ многія уже не существуютъ: 1. Калужскія. 2. Фроловскія. 3. Троицкія. 4. Чертольскія. 5. Арбатскія. 6. Никитскія. 7. Тверскія. 8. Дмитровскія. 9. Труба Неглинная. 10. Срѣтенскія. 11. Фроловскія. 12. Покровскія. 13. Яузскія. 14. Москворѣцкія. 15. Тайницкія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

МАСКѢВИЧЪ.

Наливайко, гетманъ Запорожскій, опустошаетъ Литву; пойманъ и казненъ, 13. Походъ Сигизмунда III въ Лифляндію, 13. Явленіе Димитрія I, 14. Быстрые успѣхи его въ Россіи, 15. Нашествіе Татаръ на Подолію, 15. Маскѣвичъ вербуетъ войско, 15 Поѣздки его, 13. Вѣсть о смерти Димитрія и о заключеніи Марины, 17. Война рокошанъ съ королемъ, 17. Договоръ съ ними, 17. Новая война, 19. Пораженіе ихъ подъ Гузовымъ и Оранскимъ, 20. Явленіе втораго Димитрія, 21. Успѣхи его, 21. Походъ въ Молдавію, 21. Походъ въ Украйну, 22.

Предложеніе Сигизмунда сейму о войнѣ съ Россіею, 22. Король подступаетъ къ Смоленску, 23. Расположеніе лагеря его, 23. Мѣстоположеніе Смоленска, 24. Осада его, 25. Неудачный приступъ, 26 Дѣятельное участіе казаковъ Запорожскихъ, 27. Суевѣріе Москвитянъ 27. Устроеніе осадныхъ лѣстницъ, 28. Королевское посольство въ Тушинскій лагерь, 29.

Подробное извѣстіе о Царикѣ или Димитріи II, 29. Мѣховецкій руководитель его, 29. Поляки дѣятельно содѣйствуютъ ему, 29. Силы Самозванца. 30. Шуйскій освобождаетъ плѣнныхъ Поляковъ, 31. Самозванецъ женится на Маринѣ, 31. Бѣгство Царика въ Калугу, 32. Опустѣніе Тушинскаго лагеря, 32. Договоръ Царикова войска съ королемъ, 33.

Шуйскій отправляетъ брата своего Димитрія противъ Сигизмунда, 33. Предложеніе Русскаго престола королевичу Владиславу, 33. Походъ Жолкѣвскаго на Русскихъ, 34. Число войска его, 34. Взятіе Поляками Рославля, 35. Укрѣпленіе Волуева при Царевѣ-Займищѣ, 36. Нападеніе на него Жолкѣвскаго, 37 — 38. Клушинская битва, 38. Опасность Поляковъ, 39. Пораженіе Москвитянъ, 40. Измѣна Нѣмцевъ, 40. Договоръ съ ними Жолкѣвскаго, 41. Конечное пораженіе Русскихъ, 41. Взятіе Можайска, 43.

Договоръ Жолкѣвскаго съ Русскими боярами о возведеніи на престолъ Владислава. 3. Зарудкій передается Царику, 44. Присяга Москвитянъ Владиславу, 44. Поляки преслѣдуютъ Царика, 45. Жолкѣвскій угощаетъ Русскихъ бояръ и самъ пируетъ у нихъ, 45. Занятіе Москвы Поляками, 46. Жолкѣвскій возвращается къ королю съ плѣннымъ царемъ, 46.

Недовѣрчивость Русскихъ къ Полякамъ. 47 Осторожность Гонсѣвскаго, 48. Своевольство Поляковъ, 48. Умерщвленіе Царика, 48. Патріархъ вооружаетъ Русскихъ на Поляковъ, 48. Грамматы его перехвачены, 49. Тревога въ Москвѣ, 49.

Дружба Маскѣвича съ боярином Головинымъ, 50. Свадьбы Московскія, 51. Вечерники, 51. Боярыни, 52. Домы, 52. Бояре, 53. Судъ Московскій, 54. Взысканіе долговъ (правежъ), 54. Трезвость Москвитянъ, 55. Невѣжество, 55. Привязанность къ старинным обычаямъ, 55. Царскіе дворцы, 56 Церкви, 57. Кремль, 58. Достопамятности его, 58. Китай-городъ и Иванъ-городъ, 59. Укрѣпленіе Москвы, 60.

Волненіе Москвитянъ, 60. Всеобщее возстаніе народа, 61. Битва, 61. Пожаръ столицы, 62. Поляки жгутъ ее до основанія, 64. Помощь Струся, 65. Конечное разрушеніе Москвы, 66. Пораженіе Просовѣцкаго Струсемъ, 66. Лжуповъ, 66. Битвы его съ Поляками, 66. Неудачи ихъ, 67. Заключеніе и смерть патріарха, 68.

Добыча и раздѣлъ, 69. Вылазки, 70. Сапѣга подступаетъ къ Москвѣ, 71. Переговоры его съ боярами, 71. Вредитъ Полякамъ, 71. Думаетъ овладѣть Русскимъ престоломъ, 71. Соединяется съ Гонсѣвскимъ, 71. Поиски его, 72. Лжуповъ отбиваетъ укрѣпленіе, 72 — 74. Гонсѣвскій даетъ знать Ходкѣвичу о бѣдствіи Поляковъ, 75. Смерть Сапѣги въ Москвѣ, 76. Бояре выдаютъ жалованье Полякамъ, 77. Главные начальники возстанія народнаго, 77. Коварное умерщвленіе Лжупова, 78. Русскіе предаютъ пламени Китай-городъ, 78. Маскѣвичъ теряетъ всѣ свои драгоцѣнныя вещи, 79.

Прибытіе Ходкѣвича въ Москву, 80. Польское войско негодуетъ на него, 81. Бояре платятъ Полякамъ царскими сокровищами, 82. Поиски за съѣстными припасами, 83. Недовольные Поляки составляютъ конфедерацію, 85. Пораженіе ихъ при Роднѣ, 86. Русскіе шиши, 87. Раздоръ Струся съ Гонсѣвскимъ, 89.

Маскѣвичъ возвращается въ отечество, 90. Неудовольствіе короля, 90. Смерть Даніила Маскѣвича, 91. Король намѣревается овладѣть Русскимъ престоломъ, 92. Честность Жолкѣвскаго, 92. Пораженіе Стефана Потоцкаго Турками, 93. Московскіе конфедераты требуютъ у короля жалованья вооруженною рукою, 94. Бржезницкій, 94. Дѣйствія Маскѣвича въ Лембергѣ, 96. Мѣры осторожности, взятыя конфедератами, 97. Они собираютъ налоги съ дворянскихъ помѣстьевъ, 98. Баторій приглашаетъ ихъ къ себѣ въ службу, 99. Дружба Маскѣвича съ Феликсомъ Гербуртомъ, 101. Онъ насильно собираетъ подати съ королевскихъ имѣній, 102. Отправляется къ королю въ числѣ пословъ, 103. Успѣхъ посольства, 103. Честь на сеймѣ, 104.

Маскѣвичъ депутатомъ Уголовнаго суда, 106. Дѣлежъ царскихъ сокровищъ, полученныхъ въ Москвѣ залогомъ, 105. Раздѣлъ родоваго имѣнія, 107. Маскѣвичъ въ службѣ князя Клецкаго, 108. Поѣздки его въ разныя мѣста, 109. Владиславъ хочетъ овладѣть Русскимъ престоломъ, 115. Сеймъ въ Варшавѣ, 116. Пораженіе Жолкѣвскаго Турками, 117. Возвращеніе Владислава изъ Россіи, 118. Новое пораженіе Жолкѣвскаго при Цецорѣ, 119. Король едва не убитъ въ костелѣ, 122. Приготовленіе къ новой войнѣ Турецкой, 123.

ДНЕВНИКЪ МАРИНЫ МНИШЕКЪ.

ГЛАВА I.

Правленіе Ѳеодора Іоанновича. Борисъ Годуновъ. Спасеніе царевича Димитрія отъ смерти докторомъ. Димитрій удаляется въ Польшу. Идетъ на Россію. Быстрые успѣхи. Покореніе крѣпостей. Неудачи. Смерть Бориса и гибель семейства его. Коронованіе Димитрія. Посольство Власьева. Переговоры о сватовствѣ. Дары царскіе. Путешествіе Марины. Свита ея. Дорога Московская. Свиданіе Мнишка съ Димитріемъ. Пиры. Въѣздъ Марины въ Москву. Рѣчь Стадницкаго. Споры о титулѣ царскомъ. Коронованіе Марины. Свадьба. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Побіеніе Поляковъ..... 129

ГЛАВА II.

Избраніе Шуйскаго. Перенесеніе мощей св. Димитрія въ Москву. Переговоры пословъ Польскихъ съ думными боярами. Рѣчь Малогоскаго. Волненіе Москвы. Молва о спасеніи Димитрія. Вишневецкій сосланъ въ Кострому. Путешествіе Марины въ Ярославль. Прибытіе въ сей городъ на житье. Боярынъ Салтыковъ. Слухи о Димитріи и о войнѣ съ нимъ Шуйскаго. Грамматы царя. Новыя вѣсти

о войнѣ междоусобной. Опасенія Поляковъ. Тягость неволи. Письмо каплана де-Мело о Димитріи. Слухи о Болотниковѣ и Лжепетрѣ. Прибытіе новыхъ пословъ Польскихъ въ Москву 169

ДНЕВНИКЪ ПОЛЬСКИХЪ ПОСЛОВЪ.

Путешествіе пословъ въ Москву. Неудовольствія. Грубое письмо Власьева. Въѣздъ пословъ въ Москву. Вшествіе Марины. Аудіенція. Жаркій споръ о титулѣ цесарскомъ. Предложеніе о войнѣ съ Турками. Дары. Описаніе коронаціи. Высокомѣріе Димитрія. Споры о мѣстѣ за столомъ. Посредничество воеводы Сендомирскаго. Свадебный пиръ. Частная аудіенція въ покояхъ царицы. Переговоры о войнѣ Турецкой. Признаки мятежа. Возстаніе Москвы. Смерть Димитрія. Опасность Марины. Убіеніе Поляковъ. Избраніе Шуйскаго. Списокъ плѣнныхъ и убитыхъ Поляковъ. Переговоры съ боярами. Перенесеніе мощей св. Димитрія. Послы оправдываютъ Поляковъ въ непріязненныхъ дѣйствіяхъ противъ Россіи 199

Розыскъ о смерти царевича Димитрія Угличскаго 265

Примѣчанія 288

УКАЗАТЕЛЬ.

УКАЗАТЕЛЬ.

А.

Аалкнъ, Georg von Aalen, измѣняетъ Шуйскому, I. 94.

Авидыкъ Армянинъ, II. 247.

Агрійская битва, bataille de Agria, I. 251.

Азовъ, Azow, столица Татарскаго хана, I. 50.

Алебардщики, Helleparten, I. 51. 55. 58.

Александровская слобода, Alexandrinische Sloboden, нынѣ Александровъ, Владимірской губерніи въ 170 верстахъ отъ Москвы, I. 107.

Александровъ, II. 16.

Алексѣй, писарь, Alexius Schreiber, спутникъ Димитрія, I. 88. Открываетъ его въ Стародубѣ, 88.

Алтынъ, Altins, цѣна его, I. 275.

Англичане торгуютъ чрезъ Астрахань съ Персіею, I. 250.

Англійская компанія въ Ярославлѣ, I. 310.

Англійскон подворье, Englisch. Hoff, I. 72.

Андроновъ, Andronow, I. 136.

Аптечный бонринъ, Abtesqui baiary, I. 276.

Арбатъ, Harbat, I. 24. 138.

Архангельскій соборъ, l'eglise nommée Arhangel, мѣсто погребенія Русскихъ государей, I. 299.

Архангельскъ, Arhangel, I. 249. 302. 308.

Астраханскон царство, Astracanisch. Reich, I. 126.

Астрахань, Astrachan, I. 170. Astrichan, 249. Торговля, 250. Боранцы, 250. 426.

Аугсбургскіе купцы, I. 65.

Б.

Баалъ, Baal, умерщвленъ въ Москвѣ, I. 194.

Байнъ, мѣсто ночлега Марины на пути въ Россію и пословъ Польскихъ, II. 137. 199.

Балабанъ, ротмистръ, участвуетъ въ Клушинской битвѣ, II. 34.

Балверъ, портной, II. 247.

Балинскій, полковникъ конфедератовъ, II. 85.

Балъ сопутствуетъ Маринѣ въ Россію, II. 137. Убитъ въ Москвѣ, 167. 240. 248.

Бандзиловичъ, II. 257.

Баптистъ, ограбленъ въ Москвѣ, II. 167.

Барановскій, Baranofski, посланъ въ Польшу, I. 212.

Баръ, II. 16.

Басмановъ: *У Бера*, Peter Fedrowitz Bosmanno, защищаетъ Новгородъ-Сѣверскій, I. 39. Главный вождь царскаго войска и измѣнникъ, 43. Любимецъ Димитрія, 60. Смерть его, 60. Трупъ на площади, 72. Признается Беру, что Димитрій-Самозванецъ, 74.

— *У Паерле*, Petter Bosman, обороняетъ Новгородекъ, I. 157. Переговоры съ Бучинскимъ, 157. Упорная защита Новагродека, 158. Осаждаетъ Кромы, 170. Обманутъ Запорскимъ, 171. Уговариваетъ царскихъ воеводъ покориться Димитрію, 172. Свиданіе съ нимъ, 173. Смерть, 191.

— *У Маржерета и Де-Ту*, PierreFedervits Basmannof, Petrus Basmanius, обороняетъ Новгородъ-Сѣверскій, I. 293. Довѣренность къ нему Бориса Годунова, 297. 334. Измѣнникъ Ѳедору Борисовичу, 297. 335. Любимецъ Димитрія, 300. Ходатайствуетъ за Татищева, 301. Предостерегаетъ Димитрія, 302. Смерть, 303. 346. По сказаніямъ Петрея, 375.

— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ*

послов, встрѣчаетъ Юрія Мнишка при въѣздѣ въ Москву, II. 141. Угощаетъ Поляковъ, 146. Убитъ Шуйскимъ, 161. 237. Сожженіе трупа его, 169. Похороненъ родственниками, 249.
Баторій, кандидатъ на Польскій престолъ, II. 19. Приглашаетъ въ службу къ себѣ Московскихъ конфедератовъ, 99. Убитъ, 99.
Бати Италіянецъ, II. 248.
Беззубцевъ, Bezubtzew, I. 92.
Безобразовъ, гонецъ Димитрія, II. 135.
Безчестіе, beschest, I. 296.
Бѣлчинскій, II. 247.
Бѣльзыца, II. 19.
Бенскій, Bensky, врачъ Бориса Годунова, I. 20.
Бергъ Гансъ, Hans Berg, Ливонецъ, I. 93.
Бергъ Іохимъ, Iochim Berg, измѣнникъ Шуйскаго, I. 94.
Березанскій, II. 190.
Березань, II. 15.
Бернардины, Theologie e Cistercinsi ordine, сопутствуютъ Димитрію, I. 332.
Бертранъ де-Кассанъ, Bertrand de Cassans, разсказываетъ Маржерету о Димитріи, I. 306.
Беръ Мартинъ, Martinn Bäer Neostadiensis, пріѣзжаетъ въ Россію, I. 21. Узнаетъ отъ Поляковъ, что царь Димитрій былъ побочный сынъ Стефана Баторія, 30. Свидѣтель страшнаго голода въ Москвѣ, 34. Говоритъ въ Кремлѣ Лютеранскую проповѣдь, 58. Свидѣтель бунта въ Москвѣ, 67, и смерти Димитрія, 73. Распространяетъ объ немъ Басмановa, 74; придворнаго аптекаря, 74; повивальную бабку, 74; Углицкаго дворцоваго сторожа, 75; Сапѣгу, 75. Мнѣніе Бера о Димитріи, 76, и Петрѣ Ѳедоровичѣ, 91. Время, когда онъ писалъ свою Лѣтопись, 91. Гоненіе Димитрія втораго, 110. Спасаетъ многихъ Нѣмцевъ отъ смерти, 117. Преданность Димитрію 118. Свиданіе съ фрейлинами Марины, 119. Сочиняетъ предъ смертію псалмы, 119. Переселяется въ Калугу, 122. Свидѣтель разрушенія Москвы Поляками, 139.
Бечь, II. 22. 100.
Блинскій, сожженъ въ Москвѣ за оскорбленіе святыни, II. 48.
Бобовскій, II. 32. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 38. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ королевичу Владиславу, 42.
Боболя, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Бобръ, II. 137.
Богдановъ, убійца царя Ѳеодора Борисовича, I. 376.
Богданъ, священникъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 272.
Бодай, агентъ Баторія, II. 99.
Бодашевскій, полковникъ конфедератовъ, II. 85.
Божій Домъ, Bosedum, I. 34. 66. 72. 73.
Болотниковъ: *У Бера*, Iwan Isaivitz Polutnich, соединяется съ Пашковымъ, I 81. Дѣла его до прибытія въ Россію и свиданіе съ Димитріемъ, 82. Приходъ въ Путивль, 82. Осада Москвы, 82. Ссора съ Пашковымъ, 82. Разбитъ Шуйскимъ, 83. Укрѣпляется въ Калугѣ, 83. Соединеніе съ Петромъ Ѳедоровичемъ, 84. Сраженіе съ Шуйскимъ близъ Серпухова, 86. Осажденъ въ Тулѣ, 86. Свидѣтельство его о Димитріи II, 87. Посылаетъ за нимъ Заруцкаго, 87. Является къ Шуйскому, 91. Умерщвленъ, 91.
— *У Паэрле*, Plotno, начальникъ Тульскихъ мятежниковъ, I. 121. Приведенъ въ Москву, 221.
— *Въ Дневникѣ Марины*, воюетъ съ Шуйскимъ, II. 188. Разбиваетъ его близъ Калуги, 193. Соединяется съ Петрушкою, 195. Захваченъ Шуйскимъ, 196. Заключенъ въ оковы, 197.
Болховъ, Bolchow, I. 90. 95. Сраженіе Димитрія II съ Шуйскимъ, 95.
Большой Приходъ, Bolschoi Prichod, I. 271.
Бонкъ, II. 32.
Боранецъ, Boranetz, I. 250. 426.
Борисовъ, Borisof, I. 251, 293. Занятъ Поляками, II. 45. Мѣсто ночлега Марины, 137.
Борисоградъ, Borisgorodt, I. 28.
Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ: *У Бера*, Boris Fedrowitz Gudenow, избранъ въ правители государства, I. 12. Благоразумное правленіе, 12. Умерщвляетъ царевича Димитрія. 13. Поджигаетъ Москву, 13. Беретъ царскій скипетръ, 14. Избранъ царемъ, 15—17. Коронованіе, 17. Милости, 17. Обѣтъ его, 18. Заботливость о просвѣщеніи Россіи, 18. Милость Ливонцамъ, 18. Покровительство Густаву Шведскому, 19. Приглашеніе врачей Нѣмецкихъ, 19. Милость къ нимъ, 20. Дозволеніе выстроить Лютеранскую церковь, 21. Сношенія съ иностранными государствами, 21. Презрѣніе къ султану, 21. Милость къ выходцамъ Ливонскимъ, 22. Угощеніе Нѣмцевъ, 26. Привиллегія Любеку, 28. Строеніе городовъ, 28. Злоумышленники, 28. Вѣсть о Димитріи Самозванцѣ, 32. Предложенія Вишневецкому, 32. Розыскъ о смерти Димитрія, 33. Голодъ, 34. Тще-

славіе Бориса, 36. Начало войны съ Димитріемъ, 36. Знаменія, 37. Царскій астрологъ, 37. Ополченіе на Самозванца, 39. Измѣны, 41. Награды за Добрынскую битву, 41. Предательство бояръ подъ Кромами, 42. Кончина, 42. Характеръ, 46. Перенесеніе тѣла, 80.

— *У Паерле*, Boris Hodenuff, правитель государства, I. 153. Помышляетъ о престолѣ, 153. Умыселъ на жизнь Димитрія, 154. Доноситъ Ѳеодору о смерти его, 154. Даетъ царю ядъ, 154. Строгость правленія, 157. Требованіе отъ Польскаго короля выдачи Димитрія, 157. Сигизмундъ отзываетъ Поляковъ изъ Россіи, 162. Побѣда царскаго войска подъ Сѣвскомъ, 165. Намѣреніе Бориса отравить Димитрія, 167. Кончина, 173. 186. Смерть жены и сына, 173. Возстаніе народа, 173.

— *У Маржерета*, Boris Federvilis Godonof, укрѣпляетъ Смоленскъ, I. 249. 256. Шуринъ царскій, 255. Удаляетъ Димитрія въ Угличь, 256. Поджигаетъ Москву, 256. Отказывается отъ престола, 257. Серпуховской походъ, 258. Пріемъ Крымскаго посла, 258. Русскіе бояре, 286. Ослѣпленіе царя Симеона, 287. Густавъ Шведскій, 287. Послы иноземные, 288. Голодъ, 290. Іоаннъ принцъ Датскій, 292. Подозрительность, 292. Явленіе Димитрія и война съ нимъ, 293. Смерть Бориса, 295. Гибель семейства его, 298. Тѣло его вырыто, 298. Политика Борисова, 309. Называетъ Димитрія Гришкою Отрепьевымъ, 309. Старается образовать подданныхъ, 314. Сила его, 316. Намѣреніе тайно погубить Димитрія, 316.

— *У Де-Ту*, Borissius, умерщвляетъ Димитрія, I. 328. Казнитъ жителей Углича, 329. Домогается у Сигизмунда выдачи Димитрія, 331. Разставляетъ ему сѣти, 333. Отвергаетъ предложеніе Димитрія, 333. Споръ съ послами, 334. Кончина, 334. Гибель вдовы и сына, 336. Дочь его наложница Димитрія, 336. Обвиняется въ чародѣйствѣ, 337.

Описаніе Кубасова, I. 378.

— *У Маскѣвича*, Borys Hodun, хочетъ умертвить Димитрія, II. 14. Самъ погибаетъ отъ яда съ семействомъ, 14.

— *Въ Дневникѣ Марины*, управляетъ государствомъ при царѣ Ѳеодорѣ, II. 129. Хочетъ умертвить Димитрія въ Угличѣ, 129. Казнитъ его служителей, 130. Отравляетъ царя Ѳеодора съ сыномъ и вступаетъ на престолъ, 130. 171. Ведетъ войну съ Димитріемъ, 132. Скоропостижная смерть, 132. Гибель жены и сына, 132. 174. Тиранство, 171. Неволя Польскихъ пословъ, 172. Разореніе Приказъ, 172. Требованіе у Сигизмунда Димитрія, 172.

Борисовъ, Boristhenes, I. 30.

Борковскій, Borchofsky, капитанъ Нѣмцевъ, I. 136. Склоняетъ Понтуса къ бездѣйствію въ Клушинской битвѣ, II. 41. Начальствуетъ Нѣмцами въ Москвѣ, 47. Лѣнивo содѣйствуетъ Полякамъ, 67. Трусость его, 67. 77. Депутатъ Московскихъ конфедератовъ, 81.

Боршай убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Борынъ, ротмистръ, II. 25.

Борятинскій князь, II. 255. 258.

Боскій, товарищъ Маскѣвича, II. 100.

Бояре: *У Бера*, Bojageп, избираютъ Годунова въ правители, I. 12. Опасаются царевича Димитрія, 13. Завидуютъ Борису, 14. Избираютъ его царемъ, 15. Прислуживаютъ за царскими столами, 26. Крамолы, 29. Щедрость во время голода, 35. Замыселъ противъ Димитрія, 53. Ненависть къ Нѣмцамъ, 54. Споръ съ Димитріемъ, 57. Коварство, 59. Соединяются съ Шуйскимъ, 60. Оскорбленіе Марины и фрейлинъ ея, 61. Умерщвляютъ Димитрія, 63. Переговоры съ Мариною и Юріемъ Мнишкомъ, 68. Толпы ихъ въ Тушинскомъ лагерѣ, 98. Злословятъ Нѣмцевъ, 116.

— *У Паерле*, Boyageп, измѣняютъ Димитрію въ Путивлѣ, I. 169. Встрѣчаютъ его въ Москвѣ, 174. Прислуживаютъ при царскихъ обѣдахъ, 190. Возстаютъ на Димитрія, 190. Допрашиваютъ его, 191. Переговоры съ Польскими послами, 202—209. 213. Свидѣтельство ихъ о Димитріи, 208. Предъявляютъ переписку его съ папою и королемъ Польскимъ, 210. Признаютъ Марину наслѣдною государынею, 211.

— *У Маржерета*, Baiagy, Думный Domney, I. 265. Конюшій Conusnei, 276. Аптечный Ablesqui, 276.

— *Въ Дневникѣ Марины*, вооружаютъ народъ на Поляковъ, II. 161. Спасаютъ Марину и отца ея отъ черни, 161. 163. Обвиняютъ воеводу Сендомирскаго, 170. Жалуются на Бориса Годунова, 171. Переписываются съ Полаками о Димитріи, 172. Признаютъ его царемъ, 173. Коронуютъ Марину, 175. Не сомнѣваются въ царскомъ родѣ Димитрія, 175. Хотятъ перебить всѣхъ Поляковъ, 176. Совѣтуютъ Шуйскому постричься, 193.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, обвиняютъ короля Польскаго, II. 231.
Брагинъ и Бражня, мѣстечко князей Вишневецкихъ, II. 14. 15. 131.
Брамбахій Brambachius, секретарь Любскаго посольства, I. 28.
Брестъ, занятъ конфедератами, II. 94.
Брэсцъ, мѣсто ночлега Марины, II. 136.
Бржезицкій, II. 94.
Бронкевскій сопутствуетъ Маринѣ въ Россію, II. 137. Спасенъ отъ смерти, 167.
Брохна, дьякъ, II. 255.
Брянскъ, Branizky, осажденъ Димитріемъ, I. 193. Опустошенъ Запорожцами, II. 27. Ограбленъ Поляками, 35
Будзиловъ, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32
Бутурлинъ, чашникъ, II. 216.
Бучинскій Матвѣй, II. 247.
Бучинскій Станиславъ, II. 248.
Бучинскій Янъ: *У Паерле*, Butschinski, спутникъ Димитрія, I. 157. Переговоры съ Басмановымъ при Новѣгородкѣ, 157. Тайный совѣтникъ Димитрія, 197. Приглашаетъ Паерле въ Москву, 197. Дворъ его разграбленъ, 198.
— *У Маржерета*, Bouchinsqui, ходатайствуетъ за Шуйскаго, I. 299. Предостерегаетъ Димитрія, 302. Свидѣтельство брата его о спасеніи Димитрія, 306.
Наказъ Димитрія, I. 381. Письмо къ Самозванцу, 409. Показаніе о Самозванцѣ, 450.
— *Въ Дневникѣ Марины*, привозитъ деньги Юрію Мнишку отъ Димитрія, II. 135. Подарки Маринѣ, 145. 248.
Быковскій, II. 19.
Бѣлая, осаждена Поляками, II. 27. 28.
Бѣлая стѣна, Weisz-Wand, I. 139.
Бѣлгородъ, Gorod u Bialogroda, I. 251. 293. 333.
Бѣлевъ, Below, I. 90,
Бѣлоозеро, Beloszer. I. 71.
Бѣлоруссія, Weisz-Reuszland, I. 30.
Бѣлый городъ, часть Москвы, II, 69.
Бѣльскій Богданъ, Bogdan Bielski, измѣняетъ Борису, I. 28. Крестный отецъ Димитріевъ, 45. Мститъ врачамъ иноземнымъ, 45. Признаетъ Димитрія царевичемъ, 48. Приверженецъ Годуновыхъ, 298. Опекунъ дѣтей царя Іоанна, 357.
Бѣльскъ занятъ конфедератами, II. 96.
Бѣлячевскій, посолъ конфедератовъ, II. 103.

В.

Вайеръ, начальникъ Нѣмецкой пѣхоты подъ Смоленскомъ, II. 24. Убитъ, 36.
Валеріановъ день, Valeriany Tag, I. 39.
Валуевъ и Волуевъ, Mulnick, убиваетъ Димитрія, I. 63. II. 238.
Валуевъ и Волуевъ, Woluof, сдается Жолкѣвскому подъ Клушинымъ, I. 115. 116. II. 36. 37.
Вандеманъ, Albertus Vandeman, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 51.
Варна, переговоры рокошанъ съ королемъ, II. 20.
Варшава, великій пожаръ, II. 19.
Василій Ивановичъ Шуйскій: *У Бера*, Basilius Ivanowitz Schuisky, осужденъ на смерть, I. 52. Новый заговоръ, 56. Глава недовольныхъ, 63. Укрощаетъ чернь, 65. Возведенъ на престолъ 76. Переписка съ Сигизмундомъ, 77. Гнѣвъ на врачей иноземныхъ, 77. Переноситъ мощи св. Димитрія, 78. Война съ Димитріемъ II, 89. Перенесеніе тѣла Борисова, 80. Поражаетъ Болотникова, 83. Отвергаетъ предложеніе Карла IX, 84. Осада и покореніе Тулы, 86. 91. Путешествіе къ Троицко у монастырю, 92. Пораженъ подъ Болховымъ, 95. Осажденъ въ Москвѣ Димитріемъ, 97. Чародѣйствуетъ, 98. Проситъ помощи у Шведовъ, 98. Предлагаетъ престолъ Сигизмунду, 103. Отрава Скопина, 114. Низложенъ съ престола, 124. Сосланъ въ Польшу, 129. Отвѣтъ Турецкому послу, 129.
— *У Паерле* Wasilii и Waschill Ivanowicz Schuiski, подноситъ Димитрію дары въ Тулѣ, I. 173. Униженіе его, 174. Начальникъ заговора. 187. 191. Рѣчь его къ стрѣльцамъ, 191. Восшествіе на престолъ, 200. Безпокойства въ Москвѣ, 201. Перенесеніе мощей св. Димитрія, 201. Война съ мятежниками, 215. Осада Тулы, 218. Возвращеніе изъ похода, 222. Путешествіе къ Троицкому монастырю, 222. Пріемъ королевскихъ пословъ, 223. Гнѣвъ на нихъ, 231.
— *У Маржерета*, Vasilei Ivanevits Chouisqui, возбуждаетъ подозрѣніе въ Борисѣ, I. 286. 292. Воюетъ съ Димитріемъ, 295. Убиваетъ его, 303. Восшествіе на престолъ, 303. Перенесеніе мощей Димитрія, 304. Опасность Шуйскаго, 307—309.

— *У Де-Ту*, Suiscus, воюетъ съ Димитріемъ, I. 336. Намѣреніе свергнуть его, 338. Убиваетъ Димитрія, 346. Рѣчь его, 348. Обвиненіе Димитрія, 351.
— *У Маскѣвича*, Wasil Szuyski, освобождаетъ Марину, II. 31. Посылаетъ брата на помощь Смоленску, 33. Сверженъ съ престола, 43. Отвезенъ къ Троицѣ, 46, и въ Польшу 46.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, вождь мятежниковъ, II. 161. 237. Умерщвляетъ Басманова, 161. Спасаетъ Вишневецкаго, 164. Избранъ царемъ, 169. 246. Укрощаетъ волненіе народа, 177. Набожность его, 178. Отправляетъ Марину съ отцемъ въ Ярославль, 179. Слухи о войнѣ его съ мятежниками, 187. 188. 190. 191. 192. Неудачный приступъ къ Тулѣ, 191. Сраженіе близь Калуги, 191. Разбитъ Болотниковымъ, 193. Манифестъ о мощахъ св. Димитрія, 194. Вооруженіе народа, 194 Заключаетъ въ оковы врачей иноземныхъ, 195. Димитрій предлагаетъ ему отказаться отъ престола добровольно, 195.
Допросъ въ Угличѣ о смерти царевича Димитрія, II. 266—278.
Васмеръ, Vasmer, врачъ Бориса Годунова, I. 20. Лейбъ-медикъ Шуйскаго, 77.
Ватаманъ, Донской казакъ, II. 180.
Вашинскій, перехватываетъ грамматы Ермогена, II. 49.
Вкламовскій, приводитъ войско Царику, II. 30. Передается королю, 32. 99.
Велижскій староста, *см. Гонсѣвскій Александръ*.
Велижъ, Wielisch, I. 205. II. 172.
Вельяминовъ, Velliaminoff, родственникъ Годунова, I. 298.
Венсовичь убитъ въ Москвѣ, II. 165. 240. 248.
Вербное воскресенье, I. 136.
Вержосовскій, II. 247.
Верста, verst, virst, I. 249.
Вертумнъ, Vertumnus, I. 111.
Ви Яковъ де, Jacob de Wie, спутникъ Паерле, убитъ въ Москвѣ, I. 198.
Вильямъ, крайчій Марины, II. 247.
Винница, II. 22.
Винъ, Jacobus Winus, убитъ въ Москвѣ, I. 348.
Вислица, II. 17. 18.
Висновецъ и Висновецъ, I. 32. II. 15
Висногродекъ, II. 19.
Висня, II. 17.
Виссенъ, Tönnirg von Wissen, I. 94.
Витовскій Стенцель, Stenzl Witowski, посолъ Сигизмунда, I. 222. Рѣчь его, 226. II. 76.
Витовскій убитъ въ Москвѣ, II 165.
Вишенца, деревня, II. 88.
Вишневецкій князь Адамъ: *У Бера*, Adamus Wesnewetski, принимаетъ Димитрія, I. 30. Покровительствуетъ ему, 31. Предложеніе Годунова, 32 Помогаетъ Димитрію II, 94.
— *У Паерле*, Adam Wiesnieowizki принимаетъ Димитрія, I. 155.
— *У Маскѣвича*, Wiszniowiecki, покровительствуетъ Димитрію, II. 14.
— *Въ Дневникѣ Марины*, первый изъ Поляковъ покровительствуетъ Димитрію, II. 131. Знакомитъ его съ братомъ Константиномъ, 131.
Вишневецкій князь Константинъ: *У Паерле*, представляется Димитрію. I. 180. Мужество его во время Московскаго бунта, 193. Спасенъ Шуйскимъ, 193.
— *У Маржерета и Де-Ту*, пріѣзжаетъ въ Россію, I. 300. Помогаетъ Димитрію, 300. Представляетъ его Сигизмунду, 330. Опасность въ Москвѣ, 347.
— *У Маскѣвича*, представляетъ Димитрія королю, II. 14. Заключенъ въ Москвѣ, 17.
— *Въ Дневникѣ Марины*, знакомитъ Димитрія съ Юріемъ Мнишкомъ, II. 131. Провожаетъ Марину въ Москву, 137. Веселится на пирахъ Димитріевыхъ, 146. Упорно обороняется отъ Москвитянъ, 163. 242. Спасенъ Шуйскимъ, 164. Сосланъ въ Кострому, 178.
Вишневецкій князь Михайло, ротмистръ, II. 15. 22.
Владиславъ, избранъ царемъ, I. 125. II. 43. Присяга ему Москвы и всей Россіи, 44. Возвращается съ торжествомъ изъ Турецкаго похода, 115. Московскій походъ, 118. Договоръ Жолкѣвскаго съ боярами, 298.
Власьевъ Аѳанасій Ивановичъ: *У Бера* Aphanassi Ivanowitz Flassi и Velaci, посолъ Димитріевъ въ Польшѣ, I. 51.
— *У Паерле* Wlasioff, при дворѣ Сигизмунда, I. 175. Обрученіе съ Мариною, 175. Хлопочетъ о титулѣ императорскомъ для Димитрія, 182 Благодаритъ короля за помощь царю, 211. 225.
— *У Маржерета*, Offernace Ioannevits Velaci, обручается за Димитрія съ Мариною, I. 299.
— *У Де-Ту*, Athanasius Rosclovius, I. 342.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, проситъ у Сигизмунда руки Марины, II. 133. 174. Вручаетъ отцу ея подарки, 133. Аудіенція у короля, 133.

Обрученіе съ Мариною, 134. 174. Упреки отцу ея, 136. Привозитъ ей подарки, 140. Отвѣтъ Польскимъ посламъ на аудіенціи, 150. 209. Участвуетъ въ царскихъ пирахъ, 160. Домъ его темницею для Марины, 177. Грубое письмо Гонсѣвскому, 202. Переговоры съ Польскими послами, 225. 231.
Вогренанъ, Sieur de Vaugrenan, I. 247.
Водяные ворота, Wasser-Pforten, I. 134.
Воеводы, Voyvodes, I. 278.
Вокѣковъ Григорій, Georgius Wokiof, убиваетъ Димитрія, I. 191.
Воздвиженское, Wosdwisenskoe, I. 99.
Волна, епископъ Виленскій, II. 100.
Волна, подканцлеръ Литовскій, II. 13. Бѣгство сына его, 100.
Войтковскій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 81.
Волга, Volga, I. 172. 249. II. 180. 205.
Волконскій князь, II. 182. 237.
Вологда, Wolochta и Vologda, I. 71. 100, 104. 282. II. 184.
Волокъ, II. 88.
Волохова Василиса свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 268.
Волочекъ, II. 86.
Волчекъ, II. 43.
Вольные люди, Wolnaludy, I. 122.
Вольскій, спутникъ Марины, II. 137. Обороняется отъ Русскихъ, 166. Сосланъ въ Ростовъ, 178. 248.
Вонь, рѣка, II. 140.
Воронычъ, полковникъ, II. 85.
Воротынскій, Vorotinsqui, посланъ Димитріемъ за матерью, I. 298.
Воръ, Wor, I. 90. 98. 215. 218.
Выборный дворянинъ, I. 276.
Выдлицы, II. 247.
Выть, Voit, мѣра земли, I. 271.
Вышиньскій, II. 247.
Вязома, Wesoma, I. 53. II. 70. Село Годунова, II. 141. Ночлегъ Марины, 142. 145. Пожаръ, 146. 205.
Вязьма, Weesmo, I. 54. Опустошена Запорожцами, II. 27. Ночлегъ Марины, 140, и Польскихъ пословъ, 201.

Г.

Габріель, Gabriel, капитанъ и лейб-медикъ Борисовъ, I. 29. 45.
Гайдовскій, II. 85.
Гайдуки, I. 55.
Галеръ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Галичъ, Calitz, I. 100. 104. Родина Отрепьева, 310.
Ганза, Hanse, I. 28.
Ганьчикъ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Гарабурда, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Гвардія Нѣмецкая, Teutsche Guardi, I. 181. Бездѣйствіе во время смерти Димитрія, 190.
Гекторъ, Hector, I. 50.
Геласій, митрополитъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 275.
Георгіевскъ, I. 105.
Герботина, Herbotina, взята Москвитянами, I. 194.
Гербуртова, спутница Марины, II. 138. 207. Бѣдствіе въ Москвѣ, 166. Сослана въ Тверь, 178. Ограблена, 240. 245.
Гербуртъ, единомышленникъ Зебржидовскаго, II. 19. Снова затѣваетъ рокошъ, 21. Подстрекаетъ Маскѣвича къ мятежу, 101.
Гермерсъ, Hermers, бургомистръ Любскій, I. 28.
Гидзельскій, II. 247.
Гильбертсъ, Gilberts, I. 117. 121.
Гилькенъ, Gilken, врачъ Борисовъ, I. 20.
Гласкій, II. 74.
Глинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Глипяны, II. 17.
Глускій, II. 47.
Глуховскій, убитъ въ Москвѣ, II. 240.
Глѣбовичъ, II. 15. 16.
Глѣбовское село, II. 179.
Гнойнскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Гоголинъскій, II. 163.
Годуновъ Борисъ, *см. Борисъ Ѳеодоровичъ.*
Годуновъ Иванъ Ивановичъ утопленъ въ Окѣ, I. 94. Выданъ Димитрію подъ Кромами, 172. 297. 336.
Годуновъ Степанъ Степановичъ, разбитъ казаками, I. 33. II. 241.
Годуновы, I. 45.
Гоздзиковскій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. Убитъ, 74.
Голицынъ, Ivan Kulitau, погребаетъ Басманова, I. 72.
Голицынъ князь, Knias Gallitschen и Gollitschen, осаждаетъ Кромы, I. 170. Обманутъ Запорскимъ, 171. Покоряется Димитрію, 172. Разсѣкаетъ ему голову, 191. Knes, Vacile, Iuannevits, Calitchin, предается Димитрію, 297. Посолъ къ Си-

гизмунду, II. 46. Главный виновникъ возстанія Москвитянъ, 168. 187. 238.
Голова, Golova, I. 276.
Головинъ Ѳедоръ, пріятель Маскѣвича, II. 50. Образованность брата его, 55.
Головня, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Голуховскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167. *248.*
Гонсѣвскій Александръ: *У Бера*, Ionchevsky, намѣстникъ Владислава въ Москвѣ, I. 131. Ссора съ Москвитянами, 134. Разрушеніе Москвы, 139 — 140.
— *У Наверле*, Gonschefsky и Gonsofsky, посолъ Сигизмундовъ, I. 176. Говоритъ рѣчь Димитрію, 185. Присутствуетъ на бракѣ, 188. Оправдываетъ короля, 203—208.
— *У Де-Ту*, Gosenskius, споритъ съ Димитріемъ о титулѣ императорскомъ, I. 344.
— *У Маскѣвича*, Pan Gąsiewski, осаждаетъ Бѣлую, II. 27. Начальникъ Польскаго войска въ Москвѣ, 46. Разсылаетъ стрѣльцовъ по городамъ, 47. Мѣры осторожности, 60. Разрушаетъ Москву, 61—65. Умерщвляетъ Лапунова, 77. Вражда съ Струсемъ, 89.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, посолъ Сигизмунда къ Димитрію, II. 149. 154. Подарки ему, 156. Письмо къ Власьеву, 203. Рѣчь на аудіенціи, 215. Подарки отъ него, 216. Предлагаетъ войну съ Турками, 232.
Гонсѣвскій Карло, II. 247.
Городецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Горскій, гонецъ Димитрія, II. 136.
Горскій, поваръ Марины, I. 192.
Готардъ, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Грабаній, II. 97. 98.
Грабовскій, II, 25. 74.
Граматинъ, I. 113. 136.
Грамотинъ, II. 207. 216. 217.
Гребсбергъ, Iürgen Grebsberg, коморникъ Марины, I. 120.
Гревенбрухъ, Gerardus Cravenbruchius, I. 327.
Гречининъ, II. 47.
Гречинъ, II. 81
Гривна, Grivene, I. 275.
Гржималовскій, II. 85.
Гродно, II. 21 91.
Губкманъ, Germann Gubemann, пасторъ Лютеранскій, I. 120.
Губный староста, Goubna Starast, I. 267.
Гузово, II. 20
Гулы, II. 16.
Гульскій, II. 15.
Гульскій, Русскій воевода, II. 16. Гетманъ Украинскаго войска, 23.
Гундуровъ, Andreas Gundurow, I. 137.
Густавъ, Шведскій принцъ, пріѣзжаетъ въ Россію, I. 19. Сосланъ въ Угличъ, 19. Смерть его, 19. 287. 363.

Д.

Даниловичъ, посолъ въ Турціи, II. 19.
Даниловичъ, воевода Русскій, II. 20. Въ Клушинской битвѣ, 34.
Даниловскій монастырь, Danilofsky, нынѣ городъ Даниловъ, I. 101.
Данія, отечество Рюрика, I. 253.
Даточные люди, Datichney Ludei, I. 282.
Датсовъ, Datsow, I. 211.
Дворецкій, Majstre d'Hotel, I. 276.
Дворецъ, de Vorest, I. 271.
Дворжицкій, II. 14. Сосланъ въ Ярославль, 179, въ Вологду, 184. Гетманъ Димитріевъ, 248.
Дворяне, Devorens: Выборные, Vuiborne, I. 276. 281. Городовые, Gorodovoi, 281. Думные, Domnei, 265. 281. Московскіе, Moscoffqui, 265. 281.
Дворянство, Noblesse, разныя степени, I. 265 Образъ жизни, 267.
Делагарди, Ponius de la Gardie, помогаетъ Шуйскому, I. 99. Поражаетъ Керносицкаго, Зборовскаго и Сапѣгу, 106. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 107. Милость Шуйскаго, 114. Разбитъ при Клушинѣ, 115.
Денбицкій, гонецъ Марины, II. 136. 247.
Деньги, Dengi и Denins, I. 253. 275.
Державин, II. 16.
Десятина, Decetin, I. 271.
Десятникъ, Desetnic, I. 276.
Димитрій Іоанновичъ св., Demetrius Iwanovitz, удаляется въ Угличъ, I. 11 Младенчество и характеръ его, 12. 75. 359. Умерщвленъ Борисомъ, 13. Мощи его, 78. 201. 304. 388. II. 194. 258. Показаніе разныхъ лицъ, при допросѣ Шуйскаго, о смерти его, 266 — 278.
Димитрій Самозванецъ, первый: *У Бера*, Demetrius I, побочный сынъ Стефана Баторія, I. 30. Слуга князя Вишневецкаго, 30. Называетъ себя царевичемъ, 31. (Извѣстіе о родѣ его, 406). Пребываніе въ Висніовицѣ, 32 Переходитъ къ воеводѣ Сендомирскому, 32. (Договоръ съ

нимъ, 417. Путь его въ Россію, 400). Осаждаетъ Путивль, 38, и Новгородъ — Сѣверскій, 39. Первая битва, 39. Сраженіе Добрынское, 40. Бѣгство въ Рыльскъ, 41. Граммата, 41. (Письмо къ Станиславу Мнишку, 407). Письмо къ Краносельцамъ, 44. Вступленіе въ столицу, 47. (379). Коронованіе, 48. (382). Свиданіе съ матерью, 48. Характеръ его, 49. Намѣреніе воевать съ магометанами, 50. Обрученіе съ Мариною, 51. Гвардія, 51. Отбираетъ монастырскія имѣнія, 52. Милуетъ Шуйскаго, 53. Маневры Вяземскіе, 53. Свиданіе съ Мариною въ Можайскѣ, 54. Заговоръ Шуйскаго, 56. Бракъ съ Мариною 57. (411.) Презрѣніе народныхъ обычаевъ, 58. Безпечность, 59. Мужество во время мятежа, 60. Бѣгство, 61. Смерть, 63. (384). Злоба народная, 72. Мнимое чудо надъ трупомъ его, 73. Развѣяніе праха, 73. Достоинства и недостатки, 73. Свидѣтельство Бера и Петрея о родѣ его, 73—76. 386. (Граммата о самозванствѣ, 385). Молва о спасеніи, 73. Путивль присягаетъ новому обманщику, 79. Онъ остается въ Польшѣ, 83.

— *У Паерле*, Demetrius Ivanowiz, сынъ царя Іоанна, I. 153. Спасенъ въ Угличѣ Симеономъ, 154. Инокъ, 155. Является къ Вишневецкому и воеводѣ Сендомирскому, 155. Представленъ королю, 155. Приготовляется къ походу въ Россію, 155. Число войска его, 156. Присоединеніе казаковъ, 156. Покореніе Чернигова, 156. Осада Новогродека, 157. Совѣщаніе съ воеводою Сендомирскимъ, 159. Приступъ, 159. Переговоры съ Басмановымъ, 160. Приготовленіе къ битвѣ, 160. Рѣчь Димитрія, 161. Побѣда, 162. Удаленіе Поляковъ, 162. Укрѣпленіе въ Сѣвскѣ, 163. Вѣсть о Борисовой ратн, 163. Рѣчь, 164. Битва Добрынская, 165. Измѣна казаковъ, 165. Укрѣпленіе въ Путивлѣ, 166. Борисъ посягаетъ на жизнь его, 167. Замыселъ трехъ монаховъ, 167. Открытіе заговора, 168. Хитрость Запорскаго, 170. Покорность Басманова, 171. Прибытіе въ Тулу, 178. Вступленіе въ Москву, 174. Коронованіе, 174. Заговоръ Шуйскаго, 174. Обрученіе съ Мариною, 175. Аудіенція воеводы Сендомирскаго, 176. Пріемъ Марины, 180. Аудіенція Польскихъ пословъ и споръ съ ними, 182. Примиреніе съ послами, 184. Намѣреніе воевать съ Татарами, 185. Бракъ съ Мариною, 186. Высокомѣріе, 187. Свадебный пиръ, 188. Новый споръ съ послами, 188. Свадебный обѣдъ, 189. Пышность двора, 190. Отправленіе пословъ въ Персію, 190. Возстаніе Москвы, 190. Допросъ и смерть Димитрія, 191. Убійство приверженцевъ его, 192. Насмѣшки народа надъ трупомъ, 196. Развѣяніе праха, 197. Обвиненіе боярами, 208. Договоръ съ папою и Польскимъ королемъ, 209. Новгородъ и Псковъ отданы Маринѣ, 210. Молва о спасеніи Димитрія, 213.

— *У Маржерета*, Demetrius Iohannes, сосланъ Борисомъ въ Углнчъ, I. 256. 309. (396). Вступаетъ изъ Польши въ Россію, 293. Осада Новагорода Сѣверскаго, 293. Разбитъ Русскою пѣхотою, 295. Удаляется въ Путивль, 295. Покорность Басманова, 297. Вступленіе въ Москву, 298. Свиданіе съ матерью, 298. Коронованіе, 299. Замыселъ Шуйскаго, 299. Обрученіе съ Мариною, 299. Гвардія, 299. Свойства Димитрія, 300. Опала Татищева, 300. Возмущеніе казаковъ, 301. Переписка съ Петромъ, 301. Пріѣздъ Марины, 302. Бракъ, 302. Споръ съ Малаговскимъ, 302. Возстаніе Москвы, 303. Сожженіе трупа, 303. Перенесеніе мощей св. Димитрія, 304. Тѣлесныя и душевныя свойства, 304. 310—318. Молва о спасеніи его, 305—309. Мнѣніе современниковъ о Димитріи, 309. Доказательства Маржерета, что онъ былъ сынъ Іоанновъ, 309—318.

— *У Де-Ту*, Demetrius Ioannis Basilidae filius, воспитывается въ Угличѣ, I. 328. Умерщвленъ Борисомъ, 328. Молва о спасеніи его, 329. Мнимый Димитрій въ Польшѣ, 329. Помощь езуитовъ, 329. Договоръ съ Мнишкомъ, 330. Учится Латинскому языку, 330. Письмо къ папѣ, 330. Рѣчь королю, 330. Походъ въ Россію, 330. Покореніе Чернигова и Путивля, 330. 331. Обвиненъ въ чародѣйствѣ, 331. Разбитъ при Новѣгородѣ, 331. Оставленъ всѣми, 332. Молитва его, 332. Помощь Кромамъ, 333. Письмо къ патріарху и Борису, 333. Осада Кромъ, 334. Покорность Басманова, 335. Вступленіе въ Москву, 336. Вырываетъ тѣло Борисово, 337. Разрушаетъ домъ его, 337. Милость къ Полякамъ, 337. Ссылка бояръ, 338. Упорство Псковитянъ, 339. Расточаетъ сокровища, 339. Коронованіе, 339. Свиданіе съ матерью, 339. Рѣчь езуитовъ, 340. Посольство за Мариною, 340. Намѣреніе воевать съ Турками, 341. Обрученіе съ мариною, 342. Свадьба, 342. Заботы, 343. Негодованіе народа, 343.

Гвардія, 343. Титулъ императорскій, 344. Безпечность при волненіи столицы, 345. Возстаніе народа, 345. Смерть Димитрія, 346. Свидѣтельство матери, 346. Насмѣшки, 347. Граммата Шуйскаго, 351.

— *У Маскѣвича*, Dymitr, является въ Брагинѣ, II. 14. Представляется королю въ Краковѣ, 14. Идетъ въ Россію, 14. Коронуется. 15. Смерть его, 29. Дворецъ, 56.

— *Въ Дневникѣ Марины*, Димитрій воспитывается въ Угличѣ, II. 129. Спасенъ докторомъ отъ убійцъ, 130. 171. Удаляется къ Ледовитому морю, 130. Странствуетъ въ одеждѣ инока, 130. Является въ Москвѣ при Борисѣ, 130. Въ Польшѣ учитъ дѣтей шляхтича, 131. Открывается въ Бражнѣ игумну и князю А. Вишневецкому, 131. Представленъ воеводѣ Сендомирскому и королю, 131. 171. Походъ въ Россію и взятіе Моравска приступомъ, 131. Покореніе Чернигова, 131. Осада Новагорода-Сѣверскаго, 131. Разбитіе войска Борисова, 131. Отступленіе, 132. Пораженъ въ Комаринской волости, 132. Бѣгство въ Путивль, 132. Извѣстіе о покорности войска, 132. Вступленіе въ Москву, 132. Свиданіе съ матерью, 132. Коронація, 132. Посылка Власьева въ Польшу, 133. 174. Обрученіе съ Мариною, 134. Подарки, 134. 135. Жалуется на медленность невѣсты, 136. Радость о путешествіи ея, 140. Свиданіе съ тестемъ, 142. Описаніе дворца, 143. Пиры, 144—146. Смѣлость, 146. Встрѣча Марины, 147. Рѣчь Стадницкаго, 148. Аудіенція Польскимъ посламъ, 149—150. Доказываетъ свои права на титулъ императорскій, 151. Отвѣтъ посламъ, 153. Пиры и подарки, 156. Коронація Марины, 157. Высокомѣріе, 157. Свадебный пиръ, 158. Смѣлость при возстаніи Москвитянъ, 160. Смерть, 162. Мощи св. Димитрія, 167. Слухи о спасеніи царя, 177. 178. 179. 188.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, Димитрій даетъ посламъ аудіенцію, II. 208—215. Отвергаетъ письмо Сигизмунда, 210. Коронуетъ Марину, 220. Свадебный пиръ, 221. Не соглашается посадить съ собою Польскаго посла, 228. Переговоры о войнѣ съ Турками, 231. Смѣлость Димитрія при возстаніи Москвитянъ, 235. 236. 237. Смерть его, 238. Похороненъ неизвѣстнымъ купцомъ, 249. Прахъ его развѣянъ, 255.

Димитрій Самозванецъ, второй: *У Бера*, Demetrius secundus, учитель Бѣлорусскій, I. 88. 124. Является въ Путивлѣ и Стародубѣ, 88. Единоборство съ Зарудкимъ, 89. Зимовка въ Самовѣ, 89. Помощь Поляковъ, 93. Осада Брянска, 93. Сраженіе подъ Болховымъ, 95. Подступаетъ къ Москвѣ, 97. Щадитъ ее, 97. Захватываетъ Марину, 97. Договоръ съ Сендомирскимъ, 97. Свиданіе съ Мариною, 97. Посылаетъ Сапѣгу подъ Троицкій монастырь, 99. Покореніе Переславля, Ростова, Ярославля, Костромы, Галича, Вологды, 100. Число войска его, 162. Измѣна городовъ, 104. Мужъ Марины, 105. Гордость и титулъ его, 105. Злоба на Нѣмцевъ, 106. Бѣгство въ Калугу, 108. Истребленіе Поляковъ, 109. Примиреніе съ ними, 115. Истребленіе Нѣмцевъ, 116. Презрѣніе къ Маринѣ, 119. Милуетъ Нѣмцевъ, 120. Благоволеніе къ нимъ, 121. Упреки боярамъ, 122. Сожигаетъ Пафнутьевъ монастырь, 123. Приступъ къ Москвѣ, 125. Бѣгство въ Калугу, 126. Безумство, 127. Смерть. 128.

— *У Маскѣвича*, Dymitr Carzyk, орудіе Мѣховецкаго, II. 21. Содѣйствіе Рожинскаго, 22. Тушинскій лагерь, 29. Необразованность Царика, 29. Набираетъ войско изъ Поляковъ, 30. Главные предводители, 30. Перехватываетъ Марину и женится, 31. Бѣгство въ Калугу, 32. Оставленъ войскомъ, 32. Приближается къ Москвѣ, 34. Бѣжитъ въ Калугу, 45. Отвергаетъ предложеніе короля быть владѣтелемъ Гродна или Самбора, 45. Убитъ Урусовымъ, 48. 50.

Димитрій Солунскій, Mitrofsolonski, монастырь во Владимирѣ, I. 19.

Дмитровскъ, Mitrofsk, I. 107. 110.

Днѣпръ, Nepper, I. 102. II. 137. 140.

Добровницкій, убитъ подъ Москвою, II. 73.

Доброкъ, ночлегъ Марины, II. 141, и Польскихъ пословъ, 201.

Добромирскій, приводитъ Русскихъ къ присягѣ Владиславу, II. 42. Убитъ въ сраженіи съ Просовѣцкимъ, 66.

Добрынничи, Dobrinitz, село Добрынь въ Сѣвскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Сѣвѣ, I. 40. Битва по извѣстію Петрея, 373.

Долгорукій князь, измѣняетъ Шуйскому, II. 193.

Домарацкій, Domarasqui, I. 294.

Домарацкій Матвѣй, спасается на посольскомъ дворѣ, II. 241. 247.

Домарацкій Петръ, провожаетъ Марину, II. 138. Начальникъ Польской дружины, 142. Убитъ въ Москвѣ, 167.

Домашовскій, II. 247.

Домбровна, II. 199.
Дорвскій, II. 25.
Дороговужъ, I. 54. II. 27. 140. 200.
Дорогостайскій, Литовскій маршалъ, II. 23. 25.
Дровачкво, ночлегъ Марины, II. 141.
Дувки, ночлегъ Марины, II. 140.
Дувны, село, II. 179.
Дудзинскій, убитъ подъ Москвою, II. 73.
Дума, Conseil, I. 257.
Думный боярин, Domney Bayarin, I. 265. 278.
Думный дворянинъ, Domney Devorenne, I. 265. 278.
Дунковскій, II. 106.
Девичій монастырь, I. 46. 142. 258. 292. II. 47. 75.
Дедово, II. 199.
Дети боярскіе, Deti Baiarski, I. 280.

Е.

Евреи, нетерпимы въ Россіи, I. 261.
Езуиты, воспитали Димитрія, I. 312. Письмами ихъ пользуется Де-Ту, 327. Помогаютъ Димитрію, 329. 330. Подстрекаютъ его, 340.
Екатерина, мать Сигизмунда III въ темницѣ, I. 330.
Елецъ, Gelleetz, I. 50. Сраженіе съ Путивльцами, 80. Jaleka, 333. Пораженіе войска Шуйскаго, II. 181.
Елисавета, королева Англійская, I. 254.
Елиогабалъ, Heliogaballus, I. 153.
Еломага, капитанъ, II. 195.
Ерикъ, дядя Сигизмунда III, I. 330.
Ермогенъ, патріархъ Московскій, вооружаетъ Русскихъ на Поляковъ, II. 48. Грамматы его перехвачены, 49. Заключеніе и смерть его, 68. Извѣстія хронографовъ и Филарета, 302. 303. Грамматы его, 306.
Еруслановъ, Fürst Peter Roszlan, I. 127. 128.
Есѣновскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167.
Ефимки, Reics-Daller, I. 275.

Ж.

Жабка, слуга Троцкаго, II. 100.
Жабчицы, помѣстье Маскѣвича, II. 22. 109.
Ждановна Ирина, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 270.
Жильцы, Pages, I. 276.
Жолкѣвскій: *У Бера*, Stanislaus Solkouski, поражаетъ Русскихъ при Клушинѣ, I. 115. Осаждаетъ Москву, 123. Договоръ объ избраніи царемъ Владислава, 125.
— *У Маскѣвича*, Pan Hetman Zołkievski, II. 13. Гетманъ противъ Татаръ, 15. Разбиваетъ рокошанъ подъ Гузовымъ, 20. Устрояетъ лагерь подъ Смоленскомъ, 23. Идетъ къ Москвѣ, 34. Переговоры съ Тушинскимъ войскомъ, 36. Клушинская битва, 36—38. Переманиваетъ Нѣмцевъ, 41. Побѣда, 41. Подступаетъ къ Москвѣ, 43. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ, 44. Угощаетъ бояръ, 45. Возвращается къ королю, 46. Не хочетъ участвовать во второмъ походѣ на Россію, 92. Разбитъ Турками, 120. Убитъ подъ Цецорою, 121.
Жолкѣвскій, племянникъ гетмана, склоняетъ Делагарди къ бездѣйствію, II. 41.
Жолтый, панъ, II. 248.

З.

Забавскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Заболицкій, ротмистръ, II. 17. 20.
Заворовскій, II. 248.
Завихостъ, II. 21. 30.
Загурскій, убитъ въ Москвѣ, II. 245. 248.
Задовица, село, II. 180.
Закзерье, ноглегъ Марины, II. 141, и Польскихъ пословъ, 201.
Заклика, II. 247.
Замойскій, великій гетманъ коронный, II. 13.
Запорожцы, помогаютъ Димитрію, II. 132. Бѣгство ихъ, 132.
Запорскій, Saporsky, посланъ на помощь Кромамъ, I. 169. Хитрость его, 170.
Заруцкій: *У Бера*, Iwan Martinowitz Zaruski, отыскиваетъ Димитрія втораго, I. 87.

Передается ему, 99. Удаляется къ Сигизмунду, 111.
—— *У Маскѣвича*, служитъ Царику, II. 31. 33. 34. Дѣйствуетъ противъ Поляковъ, 61. Глава народнаго ополченія, 78.
Заруцкій Захарій, II. 68.
Заславъ, II. 15.
Збаражскій, Zbarasky, I. 108. II. 34.
Зборовскій, Isborowsky, разбитъ Скопинымъ, I. 106. Переговоры при Клушинѣ, 116. Гетманъ казаковъ при осадѣ Смоленска, II. 26. Приводитъ войско Царику, 30. Передается королю, 32. Полкъ его въ Москвѣ, 46. 69.
Звержховскіе, убиты въ Москвѣ, II. 167.
Зверхлинскій, II. 248.
Здвижинское, село, II. 179.
Здровьскій, II. 247.
Зевержидовскій, воевода Краковскій, II. 17. Заключаетъ съ королемъ договоръ, 18.
Зенковичъ, II. 74. 89.
Зидекъ, коморникъ, II. 247.
Зидекъ, шутъ, II. 247.
Зиттель, купецъ Краковскій, 247.

И.

Иванцкій, Ivanizki, I. 167. Убитъ въ Москвѣ, II. 240 248.
Иванова ночь, S. Johannis Nacht, I. 96.
Ивановскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Иванов день, S. Johannis Tag, I. 115.
Иванъ-городъ, часть Москвы, II. 60.
Иванъ-городъ, I. 33. 264.
Ирина Ѳедоровна, Irena Fedórova, супруга царя Ѳеодора, I. 12. Убѣждаетъ его вручить скипетръ Борису, 13. Содѣйствуетъ брату взойти на престолъ, 14. Убѣждаетъ его принять корону, 17.

І.

Іерусалимъ, церковь въ Москвѣ, I. 44. 260.
Іоаннъ Васильевичъ царь, Iwan Vasilowitz, I. 11. 153. Завоеватель Казани, 249; Астрахани и Сибири, 250. Получаетъ отъ Максимиліана титулъ императора, 254. Жены и дѣти его, 255. Смерть старшаго сына, 255. Прозванъ Мучителемъ, 255. Возводитъ на Русскій престолъ царя Симеона, 255. Учреждаетъ патріаршество, 259. Креститъ Евреевъ, 261. Наказываетъ Ливонцевъ, 261. II. 14. 27.
Іоаннъ, Hertzog Hansz, герцогъ Датскій, женихъ Борисовой дочери, I. 21. Кончина его и погребеніе, 22.
Іоаннъ, Ioannes, отецъ Сигизмунда III, заключенъ въ темницу, I. 330.
Іовъ, патріархъ: мнѣніе его о смерти царевича Димитрія, II. 277.
Іорданъ, Iordanus, ограбленъ Москвитянами, I. 194.
Іосифовъ монастырь, Osipow Kloster, на рѣкѣ Сестрѣ, въ 30 верстахъ отъ Волоколамска, I. 112. 116.
Іосифъ Флавій, Еврейскій историкъ, I. 34.

К.

Казаки: *У Бера*, Cosaken, помогаютъ Димитрію, I. 33. Защита Кромъ, 42. 55. Приходятъ въ Путивль, 79. Поддерживаютъ царевича Петра, 84. Измѣняютъ Шуйскому, 92.
—— *У Паерле*, казаки Донскіе, Cosakhen Duinski, пристаютъ къ Димитрію, I. 156. Берутъ Черниговъ, 157. Удаляются изъ Россіи, 166. Казаки Запорожскіе, Cosaken Saporofski, приходятъ къ Димитрію, 162. Измѣняютъ въ битвѣ Добрынской, 165.
—— *У Маржерета*, Casaqs: Заокскіе, I. 283. Донскіе и Днѣпровскіе, 283. Служба ихъ. 284. Сопутствуютъ Димитрію, 297. Казаки Подольскіе и Черноморскіе, 301. Волжскіе, 301.
—— *У Маскѣвича*, Kozaky Zaporoski, казаки Запорожскіе помогаютъ Димитрію, II. 14. Врываются къ Крымъ, 22. Во множествѣ приходятъ въ Россію, 27. Опустошаютъ города, 27. Число ихъ, 31. Разоряютъ Турецкія области, 115.

Казановская, Kasanowka, гофмейстерина Марины, I. 55. II. 138. 207.
Казановский, II. 29. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 34. 39. Полкъ его въ Москвѣ, 46. Сражается подъ Симоновымъ монастыремъ, 66. Депутатъ Московскихъ конфедератовъ, 81.
Казановский, гонецъ Димитрія, II. 136. Спасается отъ смерти, 241.
Казанское царство, Royaume de Casan, I. 149.
Казань, Casan, I. 170. 249. 264. 301.
Казимиржъ, II. 18.
Казимиръ, Калужскій воевода, I. 111.
Казна, Casna, сокровища, I. 272.
Калигула, I. 153.
Калиновский, въ Клушинской битвѣ, II. 34. 38. Подъ Цецорою, 120.
Калуга, Coluga, отдается Болотникову, I. 81. Осаждена Шуйскимъ, 84. Присягаетъ Димитрію, 93. Передается ему, 109. Гнѣздо мятежниковъ, 218. Убѣжище Царика, II. 32. Смерть его, 48. Сраженіе Шуйскаго, 193.
Калужскіе ворота, Gaulische Pforten, I. 73.
Каменецъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Каминский, II. 32.
Каминша, Caminschi, вѣроятно рѣчка Каменка, близъ Волхова, I. 95.
Канкельскій, Canelsen, I. 98.
Кановский, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Карачевъ, Caratschof, I. 293.
Картополь, Kerkenpoll, I. 91.
Карлъ, Carl, герцогъ Шведскій, покоряетъ Ливонію, I. 22. Предлагаетъ помощь Шуйскому, 84.
Кармоговія, Carmohovia, I. 331.
Касимовскій ханъ, Fürst Casimofsky, утопленъ Димитріемъ, I. 127. Служитъ Царику, II. 33. 44.
Катыревъ, Caterow, товарищъ Мстиславскаго, I. 42.
Кашинецъ, Gregorius Caschnez, спутникъ Димитрія, I. 88
Качковский, II. 247.
Керносицкій, Cornesetzki, осаждаетъ Новгородъ, I. 105. Посланъ Димитріемъ въ Астрахань, 126.
Керхрингъ, Kerchring, ратсгеръ Любскій, I. 28.
Кизель-Баша, Kisel-Bascha, I. 254.
Киништма, Kinischma, I. 105.
Кириллов монастырь, Styrile monastir, I. 141.
Кирienбургъ, Kirienburg, I. 22.
Китай-городъ, Kitai-Gorod, I. 139. II. 59.
Клаузендъ Арендъ, свидѣтельствуетъ о царевичѣ Димитрій, I. 387.
Клецкій князь, II. 108.
Клушино, Clusin, I. 115. II. 38.
Кнермоковский езуитъ, Cnermocovius, привѣтствуетъ Димитрія, I. 340.
Кнутсенъ, Knutsen, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 51. Cnotsemius, 344.
Княжининъ, боярин, II. 195.
Ковальский, знаменосецъ, II. 67.
Ковель, II. 22. 23.
Козельскъ, Caseltzki, I. 88. 110. 117. 119. II. 27. 86.
Козловский Григорій свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269
Койдановъ, мѣсто ночлега Марины, II. 137.
Кокенгаузенъ, Kakenhausen, I. 22.
Колмогоры, Kolmengrod, I. 251.
Колобовъ Петръ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.
Коломенский монастырь, Kloster Columnitza, I. 81.
Коломна, Columnitza, I. 81. Columna, 264.
Колпичъ, ночлегъ Марины, II. 140. 201.
Колязинъ монастырь, Kolesma, I. 106.
Комарницкая волость, I. 41. 81. II. 132.
Комаровский, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 184. 240.
Коморникъ, Komornik, I. 112. 120.
Коморовский, товарищъ Маскѣвича, II. 99.
Конецпольский, посолъ Сигизмундовъ, II. 197.
Константинъ Великій, I. 183.
Конь, I. 282.
Конюшій боярин, Conusnei Baiaru, I. 276.
Копычинский, помогаетъ Царику, II. 30. Передается королю, 32. Поручикъ конфедератовъ, 85.
Копьеносцы, Hartschier, I. 51.
Копѣйка, Copek, I. 253. 275.
Корела Corela, казацкій атаманъ, I. 42. Черноконижникъ, 331.
Корецкая, княгиня, II. 15.
Корецкій, князь, полковникъ, II. 83. 104. 121.
Корецъ, II. 15. 16.
Корсакъ, Corsak, I. 220. II. 247.
Корунда, 247.
Корытко, спутникъ Марины, II. 138. Обороняется отъ Русскихъ, 166. 241. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Косинъ, II. 21.
Кострома, Castrom, I. 71. 100. 104. II. 46. Мѣсто ссылки князя Вишневецкаго, 178.
Косцюшкевичъ, II. 15. 85.
Косырская, княжна, II. 158. 207. 229.
Котлы, Kottoal, I. 81.
Котовский, ротмистръ казацкій, II. 32. Занимаетъ Дѣвичій монастырь, 47.
Кохановъ, ночлегъ Марины, II. 118.

Кошкинъ, Cosselau, шутъ Димитрія, I. 109. Неразлучный спутникъ его, 127.
Кравковъ Ѳома, затопляетъ Тулу, I. 390.
Кравевскій, II. 74.
Крайчій, l'Eschançon, I. 276.
Краковъ, Cracovie, I. 299.
Красенскій Иванъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.
Красицкій, староста, II. 18.
Красмотовскій, староста, Starosta Krasmotofsky, братъ воеводы Сендомирскаго, I. 180.
Красна, Krasna, I. 196.
Красное село, Crasna cela, присягаетъ Димитрію, I. 44.
Краспоставскій, староста, спутникъ Марины, II. 137. Обороняется въ Москвѣ, 164. Сосланъ въ Ярославль, 179. 182. 183.
Красный, Crasna, I. 107.
Красный, почлегъ Марины, II. 138.
Красныставъ, II. 21.
Крассовскій, II. 248.
Кремль, описаніе его, II. 56.
Крись, полковникъ, II. 95.
Кромы, Crom, осаждены Борисовымъ войскомъ, I. 41. Кгаму, стоятъ за Димитрія, 167. Осаждены царскимъ войскомъ, 169. Спасены хитростью Запорскаго, 170. Покоряются Димитрію, 293. 294. 334. II. 131. 132.
Кросно, II. 19. 94. 97.
Крузатти, Don Juan Crusatti, воевода Димитрія втораго, I. 100.
Крушинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Крымская дорога, I. 278.
Ксенія Борисовна, Axinia Borissowa, невѣста Густава Шведскаго, I. 19; Іоанна Датскаго 22. Наложница Димитрія, 46. Плачь ея, 81. Описаніе Кубасова, 378.
Кубинскъ, II. 205.
Кузминское, II. 180.
Кулишка, Pforten am Kulichka, I. 73. 138.
Куноскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Куновичи, почлегъ Марины, II. 136.
Куракинъ князь, воевода Смоленскій, II. 199.

Л.

Лавилла, Lavilla, I. 116.
Лагевницкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165 248.
Лазовскій, II. 247.
Ламсдорфъ, Bartold Lambsdorff, I. 94. 95.
Ланта, Lanta, капитанъ Димитрія, I. 344.
Ланцкоронскій, II. 32. 92.
Лапландцы, Lappen, I. 73. Lapes, 262.
Лёвв, Löve Neostadiensis, I. 19.
Ледовитое море, I. 251.
Лезницкій мятежникъ, II. 20.
Лембергъ, занятъ Маскѣвичемъ, II. 96.
Ленчицкій, почлегъ Марины, II. 136.
Леско, II. 19.
Лефель, Sebastian Löffel, I. 197.
Либны, Liven, I. 251. 293.
Ливонія, Liefland, покорена Шведами, I. 22. Разорена Русскими, 141. Livonie, 249. 251. 262.
Ливонцы, Liefländer, I. 22—28.
Липницкій, II. 134. 136. 165. 248.
Липскій, II. 18. 85
Лисовскій, Lissofsky, приходитъ къ Димитрію второму, I. 93. Разоряетъ Русскіе города, 101. Осада Ярославля, 104. Зимовка въ Суздалѣ, 107. Принятъ Псковитянами, 107. Утверждается въ Красномъ, 107.
Листвинь, II. 15.
Литва, Lithuanie, I. 249. 254.
Лихвинъ, Lichvin, I. 90. Leptina, 333.
Лобное Мѣсто, Laub Namest, I. 44. 63. 99. 123.
Ловичъ, Andr. Lovitzius, езуитъ, спутникъ Димитрія, I. 332.
Логау, Logau, посолъ императорскій, I. 36.
Лопатецкій, женится на сестрѣ Маскѣвича, II. 22.
Лошади: Ногайскія, I. 282. Черкесскія, Турецкія и Польскія, 282. Русскія и Татарскія, 282. 283.
Лубачовъ, II. 19.
Лубны, II. 13.
Луховскій староста, спутникъ Марины, II. 137. Спасается отъ смерти, 241. 247. Сосланъ въ Ярославль, 179.
Луховъ, почлегъ Марины, II. 136.
Лыковъ, крайчій, II. 140.
Львовъ, II. 15.
Любачевъ, почлегъ Марины, II. 136.
Любекъ, Lübeck, I. 28.
Любливо, почлегъ Марины, II. 139.
Люблинъ, II. 16. 22. 98. 136.
Любомирскій, Lubomirski, благородный Полякъ, I. 194. При осадѣ Смоленска, II. 25.
Любомирскій, спутникъ Марины, II. 138 Убитъ въ Москвѣ, 166. 240. Ограбленъ, 245.
Любошевскій II. 247.

Липуновъ Захарій, Lippenow, свергаетъ Шуйскаго съ престола I. 113.
Липуновъ Прокопій, Lipunow, Бѣлый Царь, I. 104. Осаждаетъ Поляковъ въ Москвѣ, 142. II. 61. Главный вождь, 66. 77. Умерщвленъ, 77.
Ляходовскій, Волынскій каштелянъ, родственникъ Маскѣвича. II. 99.

М.

Максимиліанъ, Maximilian, I 129.
Мамелюки, Mamelukes, I. 65.
Манчини, Mancini, I. 108.
Мадаленскій, II. 19.
Малашицкій, II 247.
Малицкій, стражъ патріарха Ермогена, II. 68.
Малогоскій каштелянъ, *см. Олесницкій.*
Малынскій, II. 34. 68.
Мамоново село, II. 205.
Манакинъ, II. 141.
Манлихъ, I. 197.
Маркизъ, II. 26.
Маржеретъ: *У Бера*, Jacobus Marceret, герой Добрынской битвы, I. 40. Капитанъ Димитріевой гвардіи, 51. Разрушаетъ Москву, 138. Воинское искусство его, 139.
— *У Маржерета*, Margeret, служитъ Генриху IV, I. 247. Удаляется изъ Франціи, 247. Приходитъ въ Россію, 248. Капитанъ тѣлохранителей Димитрія, 248. Разсказываетъ Генриху IV о Россіи, 248 Разсматриваетъ съ Димитріемъ сокровища царской казны, 273. Бесѣдуетъ съ царемъ Симеономъ, 287. Капитанъ гвардіи, 300. 302. Болѣзнь во время убіенія Димитрія, 303. Отъѣздъ изъ Россіи, 305 Разговоръ о смерти Димитрія, 306. Доказательства, что онъ сынъ Іоанновъ, 309 — 318.
— *У Де-Ту*, Jacobus Margeretus, капитанъ гвардіи Димитрія, I. 343. Болѣзнь во время убіенія его, 345. Знакомство съ Маржеретомъ, 344.
— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, Маржеретъ капитанъ Димитріевыхъ тѣлохранителей, II. 208.
Письмо объ немъ князя Пожарскаго, I. 420. Письмо къ Мерику, 447.
Марина Юрьевна: *У Бера*, Marina Jorgona, обрученіе ея съ Димитріемъ, I. 51. Свиданіе съ нимъ въ Можайскѣ, 54. Въѣздъ въ Москву, 55. Коронованіе, 57. Свадьба, 58. Опасность во время бунта, 61. Отдаетъ боярамъ всѣ свои вещи, 67. Заключеніе, 71. Раскаяніе, 74. Перевезена изъ Ярославля въ Москву, 97. Жена Димитрія втораго, 98. Удаляется въ Дмитровскъ, 110 Бѣгство въ Калугу, 112. Ходатайствуетъ за Нѣмцевъ, 119. Сынъ ея, 129. (Письмо къ отцу, I. 392).
— *У Паерле*, обрученіе съ Димитріемъ, I. 175. Вшествіе въ Москву, 180—182. Свиданіе съ женихомъ, 182. Бракъ, 185. Поздравленіе двора и духовенства, 186. Обрядъ вѣнчанія, 186. Угощаетъ пословъ 190. Опасность во время бунта, 192. Удѣлъ ея Новгородъ и Псковъ, 211.
— *У Маржерета*, путешествіе въ Москву, I 302. Свадьба и коронація, 302. Опасность въ Москвѣ, 304
— *У Де-Ту*, Anna Maria, плѣняетъ Димитрія, I. 330. Обрученіе съ посломъ его, 342. Подарокъ, 342.
— *У Маскѣвича*, Магуна, отправляется въ Москву, II. 16. Полонена Русскими, 17. Выходитъ за Царика, 21. 31.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, невѣста Димитрія, II. 133. Обрученіе съ Власьевымъ, 133. Выѣздъ изъ Кракова, 135. Путешествіе въ Россію, 136. Празднуетъ Пасху у Литовскаго канцлера, 136. Гоститъ у Виленскаго воеводы, 137. Число людей ея свиты, 138. Порядокъ вступленія въ Россію, 138. Встрѣча въ Смоленскѣ, 139. Неудобства пути, 139. Привѣтствіе Русскими боярами, 139. Подарки Димитрія, 139 140. 145. 147. Въѣздъ въ Москву, 147. Отвращеніе отъ Русской пищи, 206. Драгоцѣнный подарокъ, 156. Коронація, 156. 157. 219. Присяга бояръ и духовенства, 157. Угощеніе, 160. 230. Опасность во время бунта, 161. Теряетъ всѣ свои сокровища, 170. Отправлена въ Ярославль, 179.
Марица, Maritsa и Naritse, I. 282.
Маріенбургъ, Marienburg, I. 22
Марія Ѳеодоровна, мать Димитрія, присылаетъ подарки Маринѣ, II. 134. Свидѣтельство ея о Димитріи, 238.
Мартиновъ гусь, Martins Gans, I. 107.
Мартиновъ день, Martiny, I. 81. 107. 129.
Марковскій, II. 32.
Марковскій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 47. 81.
Марцелли, Marcellius, I. 348.

Марцинькоескій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Масальскій князь, Mosalsky, I 98. 298. II. 139. 174. 216. 231.
Масальскъ, опустошенъ Запорожцами, II. 27. Занятъ Сапѣгою, 70.
Маскѣвичъ Аксакій, судья Кіевскій, II. 104.
Маскѣвичъ Гавріилъ, II. 23. 90.
Маскѣвичъ Даніилъ, увѣдомляетъ Струся о возстаніи Москвитянъ, II. 63 Ссора съ Ходкѣвичемъ, 84 Смерть его, 91.
Маскѣвичъ Самуилъ, Samuel Maskiewicz, авторъ дневника, II. 13. Участвуетъ въ Лифляндскомъ походѣ, 13. Отправляется въ Россію, 14. Набираетъ войско, 15. Пируетъ на свадьбѣ княгини Корецкой, 15. Въ войнѣ съ рокошанами, 17. Въ хоругви Тарновскаго, 17. Поѣздка въ Краковъ, 18, во Львовъ, 19. Переговоры съ Зебржидовскимъ, 19 Въ хоругви князя Порыцкаго, 19. Преслѣдуетъ рокошанъ, 20. Сестра его за Лопатецкимъ, 22. Идетъ въ Украйну, 22. Въ Россію, 22. При осадѣ Смоленска, 23. Къ Рославлю, 35. Въ Клушинской битвѣ, 39. Приводитъ Русскихъ къ присягѣ Владиславу, 42. Пируетъ у князя Мстиславскаго, 45. На роту его Суздаль и Кострома, 46. Дружба съ Гловинскимъ, 50. Бьется съ Москвичами, 62. Теряетъ все имущество, 63. Жжетъ Москву, 65. Поиски Русскихъ, 65—70. Въ хоругви Струся, 77. Поиски, 83. Разбитъ въ Родиѣ, 86. Рѣшается ждать Владислава въ Москвѣ, 87. Едва не въ рукахъ Русскихъ. 88. Удаляется изъ Россіи, 90. Свиданіе съ родными, 92. Требуетъ у короля жалованья вооруженною рукою, 92. Занимаетъ Самборъ, 94. Осаждаетъ Лембергъ, 96. Въ Красненскомъ волѣ. 97. Полковникъ, 101. Посолъ конфедератовъ на Варшавскомъ сеймѣ. 103. Депутатъ при сеймовыхъ коммиссарахъ, 105. Дѣлежъ Московскихъ сокровищъ, 106. Раздѣлъ родоваго имѣнія, 107. Въ службѣ князя Клецкаго, 108. У князя Радзивила, 112. Депутатъ на уголовномъ судѣ, 114. Встрѣчаетъ Владислава по возвращеніи изъ Россіи, 115. Въ Вильнѣ, 116.
Маскѣвичъ Янъ, мужъ дочери Хрептовича, II. 1. 14. Вдовецъ, 22. Женится вторично, 23.
Мацювскій, кардиналъ, II. 134.
Мейеръ, Ludwig Meuer, I. 108.
Мело, миссіонеръ, заключенъ въ темницу, II. 189. Письмо къ воеводѣ Сендомирскому, 193.
Мерлинъ, Merlin, I. 282.
Мещерскъ, опустошенъ Запорожцами, II. 27
Миколаевщизна, почлегъ Марины, II. 137.
Микулинъ, I. 182. 186. II. 155. 208.
Минскъ, почлегъ Марины, II. 136.
Мировычи, Mironitsch, I. 107.
Миръ, рѣка, II. 136
Михайловъ Артамонъ, Michaeluff, дворецкій, I. 230.
Михаилъ Ѳеодоровичъ, Michaelis Theodori filius, I. 328.
Млѣчекъ Янъ, II. 50.
Млоцкій, приводитъ войско Царику, II. 30. Передается королю, 32. 72. 100.
Мнишекъ Иванъ, Joannes Mieschek, спасенъ въ Москвѣ отъ смерти, I. 196.
Мнишекъ Павелъ, Paul Mieschek, представляется Димитрію, I. 180. Опасность его въ Москвѣ, 195.
Мнишекъ Станиславъ, Stanislaus Mieschek, мужество его въ бунтѣ Москвы, I. 195. II. 14.
Мнишекъ Юрій, воевода Сендомирскій: *У Бера*, Woywoda von Sandomir, покровитель Димитрія, I 32. Пріѣздъ въ Москву, 54. Опасность его, 64. Переговоры съ боярами, 68—71. Спасенъ Шуйскимъ отъ смерти, 77. Друзья его находятъ Димитрія, 87. Перевезенъ изъ Ярославля въ Москву, 97. Договоръ съ Димитріемъ вторымъ, 98.
— *У Паерле*, Georg Mieschek, принимаетъ Димитрія, I. 155. Представляетъ его королю, 155. Собираетъ войско для него, 155. Провожаетъ въ Россію, 156. Оставляетъ при Новѣгородкѣ, 162. Путешествіе въ Россію, 176. Свиданіе съ Димитріемъ, 176. Рѣчь, 178—180. Мужество во время бунта въ Москвѣ, 192.
— *У Маржерета*, Palatin Sandemier, договоръ съ Димитріемъ, I. 299. Предостереженіе, 302. Сосланъ въ Угличъ, 304.
— *У Де-Ту*, Giorgius Miecinsius Sendomiriensis Palatinus, заключаетъ договоръ съ Димитріемъ, I. 330. Даетъ ему золото. 330. Разбитъ при Новгородѣ, 331. Удаляется въ Польшу, 331.
— *У Маскѣвича*, Pan Woiewoda Sendomirski Mniszek, покровительствуетъ Димитрію, II. 14. Везетъ Марину въ Москву, 16. Плѣнъ его, 17.
— *Во Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, знакомится съ Димитріемъ, II. 131. 172. Представляетъ его королю, 131. Ведетъ въ Россію, 131. Возвращается въ Польшу по болѣзни, 131. 173. Выдаетъ дочь за Димитрія, 133. Подарки, 133. Путешествіе въ Россію, 136. Число лю-

дей его свиты, 137. Въѣздъ въ Москву, 141. 207. Свиданіе съ Димитріемъ, 142. Рѣчь, 143. Обѣдъ, 144. Вечерника, 145. Травля, 146. Королевская милость, 148. Подарки, 156. 219. Проситъ о мѣстѣ Польскихъ пословъ, 158. 226. Обороняется отъ мятежниковъ, 162. Договоръ съ боярами, 163. Обвиненія, 170. Ссылка въ Ярославль, 179. Смиреніе, 182.

Письма къ Самозванцу изъ Кракова и Минска I. 377. II. 325. Отвѣтъ боярамъ о Самозванцѣ I. 392.

Могилевъ, занятъ конфедератами, II. 91.

Могильницы, II. 17.

Модержинскій, ротмистръ, II. 19.

Можайскъ, Mosaiskow, I. 54. 115. 140. Mosaisko, 212 Занятъ Поляками и Струсемъ, II. 43. 45. 47. Ночлегъ Марины, 141, и Польскихъ пословъ, 201.

Мойтценъ, Moitzen, I. 118.

Мокшеевъ, приставъ, II. 200.

Молога, Mologa, I. 104.

Молчановъ, Molcanoch, свергаетъ Шуйскаго съ престола, I. 123

Молчадзи, ночлегъ Марины, II. 136.

Моравско, первая крѣпость, взятая Димитріемъ, II. 131. 173.

Москва: *У Бера*, Muszkow, укрѣплена Борисомъ, I. 28. Голодъ, 34. Окружность, 34. Знаменія, 37. Возстаніе, 59. Число церквей, 59. Число жителей, 69. Мощи св. Димитрія, 78. Осаждена: Пашковымъ, 81; Болотниковымъ, 82; Димитріемъ вторымъ, 96; Жолкѣвскимъ, 123. Ропотъ на Шуйскаго, 123 — 124. Избрание Владислава, 125. Перемиріе, 125. Занята Поляками, 125. Грамматы, 131. Жалобы Гонсѣвскому, 132. Ссоры съ Поляками, 133. Возстаніе, 134. 137. Разрушеніе, 140. Неистовство Поляковъ, 141.

— *У Маскѣвича*, Москва присягаетъ Владиславу, II. 44. Неудовольствія, 46. Занята Поляками, 46. Число жителей, 47. Своевольство и негодованіе народа, 48. Свадьбы, 51. Музыка, 51. Вечерники, 52. Боярыни, 52. Домы, 53. Сватовство, 53. Бонре, 53. Судъ, 53. Правежъ, 54. Трезвость, 55. Невѣжество, 55. Политика Іоанна, 55. Преданность государямъ, 56. Дворцы, 56. Храмы, 57. Мощи св. Димитрія, 57. Кремль, 58. Изващики, 59. Китай-городъ, 59. Бѣлый-городъ, 59. Иванъ-городъ, 60. Ограда, 60. Приближеніе Ляпунова и Просовѣцкаго, 61. Возстаніе народа, 61. Пожаръ, 62. Разрушеніе Москвы, 63 Битвы съ Поляками, 66—68. Грабежъ, 69. Стшибки, 70. Взятіе Русскими всей Москвы, кромѣ Кремля, 74. Царскія сокровища, 82. Конфедерація, 85. Москва взята Русскими, 92.

Москвитянк, измѣняютъ Годунову, 1. 44. Повинная Димитрію, 46. Встрѣча его, 48. Негодованіе на бракъ съ Мариною, 51. Ненависть къ Полякамъ, 56. Убійство ихъ, 64. Жестокосердіе, 66. Самохвальство, 57. Ненависть къ иноземному, 76. Злоба на Поляковъ. 104. Пороки Москвитянъ, 140.

Московки, Mascofques, Moscof, I. 275. 291.

Мостовскій, II. 247

Мосцински, ночлегъ Марины, II. 136.

Моховиковъ Кирилло, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.

Мстиславская княгиня, II 157. 229.

Мстиславскій князь: *У Бера*, Mstislovski, главный вождь Борисова войска, I. 39. Осаждаетъ Кромы, 41. Отозванъ въ Москву, 43. Рѣчь Маринѣ, 55.

— *У Паерле*, Knias Miscislafski, встрѣчаетъ Димитрія въ Тулѣ, I. 173. Жена его провожаетъ Марину, 185. Осыпаетъ новобрачныхъ, 187. Рѣчь посламъ, 202.

— *У Маржерета*, Knes Feder Ioannevits Mistislolfsqui, первый вельможа при четырехъ государяхъ, I. 281. Главный вождь Борисовъ, 286. Разбиваетъ Димитрія, 293. 294. 295. Преданность Годуновымъ, 298. Права его на престолъ, 307.

— *У Маскѣвича*, Knias Mscislawski, разбитъ Димитріемъ, II. 14 Угощаетъ Жолкѣвскаго въ Москвѣ, 45.

— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, глава мятежниковъ, II. 242. Спасаетъ Поляковъ отъ смерти, 244.

Мураповъ Иванъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.

Мутына, II. 184.

Мысловскій, II. 247.

Мышковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.

Мѣховецкій: *У Бера*, Mechavetzki, спутникъ Димитрія втораго, I. 88. Главный воевода его, 94. Прогнанъ Рожинскимъ, 94

— *У Маскѣвича*, Miechowicki, находитъ втораго Димитрія, II. 21. 29. Руководствуетъ имъ, 29. 30.

Мяковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Н.

Набатъ, Nabat, I. 278.
Нагіе, спасаютъ Димитрія отъ смерти, I. 300. 309.
Нагіе, Андрей, Григорій и Михаилъ, свидѣтельствуетъ о смерти Димитрія, II. 267.
Нагой, Nagi, встрѣчаетъ Марину, I. 207. II. 139. 174.
Надольскій, полковникъ, посаженъ на колъ, II. 35.
Наливайко, Запорожецъ, опустошаетъ Литву, II. 13. Четвертованъ, 13.
Нарва Русская, Russische Narwa, I. 35. Iuand-Gorod ou Narve, 264.
Нарва Шведская, I. 107. 249.
Натанъ, Nathan, I. 197. Спасаетъ жизнь золотомъ, 348.
Ночь, почлегъ Марины, II. 137.
Нащокинъ, боярин, II. 242.
Неборскій, II. 14.
Неглинная, Neglinna, I. 13.
Недѣльщикъ, Nedelsic, I. 267.
Нейгаузенъ, Neuhausen, I. 22.
Немировъ, II. 22.
Немтескій, Nemtescius, I. 348,
Некровъ, I. 153.
Несвижъ, почлегъ Марины, II. 136.
Никитенка, Mikitzky, I. 56.
Никитичи, *см. Романовы.*
Никитская улица, Mikitzky Strasse, I. 138.
Николай св.. der Gott Nikolaus, I. 76. 99. Чудотворецъ, 259.
Николай св., приморская пристань, I. 249.
Нилимова, II. 247.
Нитовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Новая земля, Terre neuive, I 271.
Новая четь, Nova Setuart, I. 271.
Новгородъ, Neugarten, I. 24. Novo-Gorod, многолюдство его, 280
Новгородъ Сѣверскій, Siwersche Newgarden, осажденъ Димитріемъ, I. 39. 293 и Поляками, 105. Novogrodeck, защита его Басмановымъ, 157. Приступы Димитрія, 160. Прибытіе войска Борисова, 162. Пораженіе его, 163. 331.
Новодворскій, взрываетъ Смоленскую стѣну, II. 26.
Новодворъ, почлегъ Марины, II. 136.
Носковскій, II. 93.
Носцишки, II. 19.
Нотницкій, I. 51.
Нѣдзвѣдскій, II. 91.
Нѣмоевскій, подстолій, спутникъ Марины, II. 137. Защищается въ Москвѣ, 166. 247. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Нѣмцы: милость Бориса, I. 22-27. Мужество при Добрыничахъ, 40. Вѣрность Годуновымъ, 43. Челобитная Димитрію, 47. Тѣлохранители его, 51. Благоволеніе Димитрія, 52. Коварство Нѣмцевъ, 53. Басмановъ покровитель ихъ, 60. Вѣрность Шуйскому, 95. Нѣмцы подъ Смоленскомъ, 102. Гнѣвъ Димитрія втораго, 116. Измѣна подъ Клушинымъ, 116. Истребленіе ихъ Димитріемъ, 116.

О.

Оводня, лагерь Польскій, II. 22.
Оглочинскій, II. 248.
Огаревъ, Bornick Ogarov, посолъ къ Сигизмунду, I. 157. II 173.
Огинскій, посолъ Сигизмунда, II. 182.
Огурецъ, попомарь, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 270.
Окольничій, Acolnitshes, I. 265. 281.
Олесницкій Николай, каштелянъ Малогоскій: *У Наерле,* Olesnizki, споритъ съ Димитріемъ о титулѣ, I. 182. Смѣлый отвѣтъ, 183. Рѣчь, 184. Дружба Димитрія, 188. Новый споръ, 188.
— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, Олесницкій въѣзжаетъ въ Москву, II. 147. 205. Аудіенція, 149. 208. Упрекъ Димитрію, 150. 210. Споръ о титулѣ, 151. 211. Не хочетъ цѣловать его руки, 154. 213. Требуетъ, чтобы онъ всталъ съ мѣста, спрашивая о здоровьѣ короля, 155. Рѣчь посольская, 214. Подарки, 216. Требуетъ мѣста за царскимъ столомъ, 158. 217. 221. Спасаетъ многихъ Поляковъ во время бунта, 166. Оправдываетъ короля и Поляковъ въ содѣйствіи Самозванцу, 171—176. Приглашаетъ Димитрія воевать съ Турками, 231.
Олизаровъ, въ Клушинской битвѣ, II. 34.
Оловинъ. II. 248.
Ольшанца, мѣстечко, II. 136.
Опалинскій, убиваетъ Стадницкаго, II. 94.

Оранское, побѣда короля надъ рокошанами, II. 20.
Орелъ, Arrol, I. 94. Orla, 336 Лагерь Димитрія, II. 30. 131.
Орша, II. 90. Ночлегъ Марины, 137, и Польскихъ пословъ, 199.
Оршанскій, II. 74.
Оршинскій староста, Starosta zue Orscha, I. 217.
Орыкковскій, является съ отрадомъ къ Царику, II 30.
Осмольскій, Osmolski, спасаетъ Марину и фрейлинъ ея, I. 192. Убитъ, 192. II. 161. 239.
Осмольскій, находится, II. 248.
Оверскій староста, полоненъ Русскими, II. 17.
Островскій князь, посолъ Сигизмунда, II. 197.
Островскій, II. 192.
Островъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Острогогъ, каштелянъ, II. 23.
Отрепьевъ Гришка, Griska Utrepeia, монахъ, руководитель Самозванца, I. 30. 38. Grisko, Utrepioff и Otrepiow, 157. 202. Grisque ou Gregorij Otrepiof, 310. Родство его, 310. Сосланъ Димитріемъ въ Ярославль, 310 Свидѣтельство его о Димитріи, 311. Hinsko, Otiopelus, чародѣй, 333. II. 173. 236. 238. 243. 251.
Отрепьевъ Елеазаръ, I. 386.
Отрепьевъ Смирный, посланъ въ Польшу для уличенія родственника своего, Гришки, I. 202.
Очаковъ, разоренъ Запорожцами, II. 22.
Ошанъскій, ротмистръ казацкій, II. 32. Занимаетъ Дѣвичій монастырь, 47.

П.

Паерле, Peyerle, отправляется въ Москву, I. 197. Опасность его во время возстанія Москвитянъ, 198. Переговоры съ Димитріемъ Шуйскимъ, 199. Спасается на посольскомъ дворѣ, 200.
Палицынъ Авраамій, разсказываетъ о убіеніи царевича Димитрія, II. 282.
Паннибраты, Pannibratschen, грабятъ Россію, I. 100. 101. 107.
Парчовъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Парычевскій, посолъ конфедератовъ, II. 103.
Патерсонъ, Petrus Patersonus Ubsaliensis, I 327. 347.
Патріархъ, Patriarch, присутствуетъ при аудіенціи посольской, I. 177. Коронуетъ Димитрія, 186. Пишетъ къ Польскому королю о Самозванцѣ, 202.
Пафнутьевъ монастырь, Paphnuti monastir, I. 125
Пашковъ, Isthoma Bascho, воевода Путивльскій, I. 80. Подступаетъ къ Москвѣ, 81. Ссора съ Болотниковымъ, 82. Patska, передается Шуйскому, 217.
Пекарскій, хочетъ убить короля Сигизмунда, II. 122 Казнь его. 122.
Пелчинскій, убитъ въ Москвѣ, II. 162. 248.
Пельна, Poelna, I. 128.
Перекопъ, разоренъ Запорожцами, II. 22.
Перемышль, Peremischel, I. 110. II. 19
Переславль, присягаетъ Димитрію I. 100. II. 179.
Перхлинскій, убитъ въ Москвѣ, II 165. 240. 247.
Петрей: извѣстіе его о времени Самозванца, I. 358. 359. 363. 368. 370. 372. 373. 375. 376. 377. 379. 382. 384. 386
Петровинъ, II. 21.
Петръ Ѳедоровичъ, PeterFedrowitz, является въ Путивлѣ и Тулѣ, I. 84. Помогаетъ Калугѣ, 86. Осажденъ въ Тулѣ, 86. Сдается Шуйскому, 91. Повѣшенъ, 91. Берово мнѣніе объ немъ, 91. 301. Петрушка, II. 177. Дѣйствуетъ вмѣстѣ съ Болотниковымъ, 195. Пойманъ и заключенъ, 197.
Печорскій монастырь, Petschora, I. 22.
Печоры, II. 72.
Плавскій, II. 85.
Плебанъ Самборскій, ксендзъ, убитъ въ Москвѣ, II. 248.
Плещеевъ, Pleschkow, I. 110.
Плоскировъ, II. 16. 17.
Плято, стольникъ, II. 247.
Плято Мартинъ, стряпчій, II. 247.
Пневъ, ночлегъ Марины, II. 140 и Польскихъ пословъ, 200.
Поволжскъ, Powolsky, I. 105.
Поганый, Pogani, I. 51.
Погорѣлое, Pogarela, I. 116. II. 86.
Подолія, Podolie, I. 251.
Покивинца, II. 18.
Покривницы, II 17.
Покровка, Pokrofka, I. 138.
Полушка, Polusques, I. 275.
Поляки: *У Бера*, Polen, пріѣзжаютъ съ Мариною, I. 55. Безпечность, 57. Наглость, 58. Бѣдствіе въ Москвѣ, 64—65. Число убитыхъ, 65. Заключеніе, 72. Распускаютъ молву о спасеніи Димитрія, 73.

Даютъ Россіи царей — самозванцевъ, 75. Подступаютъ къ Москвѣ съ Димитріемъ вторымъ, 97. Грабятъ Ростовъ, 100. Своевольство, 104. Злоба на нихъ Димитрія, 109. Переговоры съ Сигизмундомъ, 113. Преданность Димитрію, 114. Вступленіе въ Москву, 123. Опустошеніе, 141. Непостовства, 141.

— *У Паерле*, Pollen, спутники Димитрія въ Россію, I. 156. Осада Новагродека, 157. Приступъ, 158. Неудача, 159. Мужество при Новѣгродекѣ, 162. Оставляютъ Димитрія, 162. Бѣдствіе въ Москвѣ, 193—196. Число убитыхъ, 196. Отправленіе въ Польшу, 200.

— *У Маржерета*, Поляки помогаютъ Димитрію, I. 293 Оставляютъ его, 294. Число убитыхъ въ Москвѣ, 303.

— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, Поляки гибнутъ въ Москвѣ, II. 162. 168. Оплошность ихъ, 239. Число убитыхъ, 167. 249. Число отправленныхъ въ Польшу и оставшихся въ Москвѣ, 170. 250.

Помацци, Pomazzi, и Помаскій, ксензъ, секретарь королевскій, спутникъ Марины въ Москву, II. 137. Убитъ, I. 195. II. 166. 240.

Порыцкій князь, ротмистръ Маскевича, II 19, 23. Участвуетъ въ Клушинской битвѣ, 39.

Послы Польскіе: *У Паерле*, пріѣздъ въ Москву, I. 180. Аудіенція, 180. Споръ съ Димитріемъ о титулѣ, 182. Присутствуютъ при бракосочетаніи, 185. Новый споръ, 188. Переговоры съ боярами, по смерти Димитрія, 203. 208. 210—211. Жалобы, 212. Пріѣздъ новыхъ пословъ, 220. Наглость посольскаго повара, 227. Намѣреніе пословъ силою выѣхать изъ Москвы, 228—230.

— *Въ Дневникѣ Марины и Польскихъ пословъ*, въѣздъ въ Москву, II. 147. 206. Аудіенція, 148. 208. Рѣчь, 149. Споры о титулѣ, 150—154. Присутствуютъ при коронаціи, 157. 219. Требуютъ мѣста за царскимъ столомъ, 158. 221—227. Спасаютъ Поляковъ во время возстанія народа, 166. Аудіенція во внутреннихъ покояхъ Димитрія, 227 Переговоры о войнѣ съ Турціею, 234. Переговоры съ боярами по смерти Димитрія, 251—255.

Потоцкіе, въ числѣ главныхъ вождей при Смоленской осадѣ, II. 25. Не хотятъ итти навстрѣчу Русскимъ, 34.

Потоцкій Андрей, ротмистръ, II. 15.

Потоцкій Яковъ, ротмистръ, II. 15.

Потоцкій Янъ, ротмистръ II. 15.

Правежъ, Prave, I. 266.

Преклавскій, убитъ въ Москвѣ, II 165

Преятвицъ, ротмистръ, II. 16.

Прецлавскій, II. 248.

Приказы, Prikas: Розбойный, Rosboine, I. 267. Помѣстный, 272. Конюшій, 271.

Приluки, Przyluki, разорены Борисомъ, I. 204. II. 135.

Промникъ, мѣстечко, II.135.

Просовецкій, начальникъ народнаго возстанія, II. 61. Разбитъ Струсемъ подъ Москвою, 65. 66.

Протопоповъ Суббота, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 271.

Псеразиръ, Pserasir, I 130.

Псковитяне, Plescoviani, съ трудомъ покоряются Димитрію, I. 339.

Псковъ, Pscof, I. 24. Принимаетъ Лисовскаго, 107.

Пудловскій, II. 247.

Путивль, Putiwol, осажденъ Димитріемъ, I. 38. Пограничная крѣпость, 41. Прибытіе князя Шаховскаго, 78. Пораженіе Москвитянъ, 80. Прибытіе Болотникова, 82. Явленіе Димитрія втораго, 88. Заговоръ трехъ монаховъ, 167. Putinna и Putevolus, 264. 293. 295. Опустошенъ Запорожцами, II. 27. Можетъ выставить 40.000 войска, 131. Мятежъ по смерти Димитрія, 177.

Пчелна, Pulna, I. 86.

Пѣхота, убитъ въ Москвѣ, II. 165.

Пясецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 248.

Пятигорцы, Pedihorzen, пристаютъ къ Димитрію, I. 169. Petigorsqui Chercassi, I. 285

Р.

Равскій воевода, единомышленникъ Зебржидовскаго, II. 19.

Радзивилъ, воевода Виленскій въ Лифляндіи, II. 14. Смерть его и добродѣтели, 111.

Радзивилъ Янусъ, подчашій, начальникъ розкошанъ, II. 17. Заключаетъ съ королемъ договоръ, 18

Радомъ, II. 20.

Разводовская, II 257.

Разстрига, Rostriga I 199. Rostrigue, 310.

Раковъ Русинъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 276.
Растокино село, II. 179.
Расходная казна, Roschodnoy Casna, I. 273—274.
Ратомскій, полоненъ Русскими, II. 17. 246.
Резкцкій, Resezky, I. 123.
Рейтлингкръ, Reutlinger, врачъ Бориса Годунова, I. 19.
Ржевъ, II. 86.
Ржепницкій, II. 95.
Рогановскій, Roganovsky, I. 211.
Рогачевъ, II. 83. 84.
Родня, славится капустою, II. 115. Пораженіе Поляковъ, 115.
Рожаная, ночлегъ Марины, II. 136.
Рожинскій, Roman Ruzinsky, помогаетъ Димитрію второму, I. 94. Осаждаетъ Болховъ, 94. Злоба на Нѣмцевъ, 95. Переговоры съ Сигизмундомъ, 108. II. 32.
Розенъ, von Rosen, въ Добрынской битвѣ, I. 40.
Рокошане, подъ Люблиномъ, II. 16. Подъ Сендомиромъ, 17. Предводители ихъ, 18. Усмирены, 18. Снова вооружаются на короля, 20. Разбиты подъ Гузовымъ и Оранскимъ, 20.
Романовъ, Romanow, городъ на Волгѣ, I. 104.
Романовъ Александръ Никитичъ, Alexander Mikitiwicz, отвергаетъ скипетръ, I. 13
Романовъ Иванъ Никитичъ, Iwan Mikitiwitz, отвергаетъ скипетръ, I. 14. Содѣйствуетъ въ усмиренію Москвитянъ, II. 244. Переговоры съ Польскими послами, 250.
Романовъ Михаилъ Никитичъ, Michael Mikitewitz, отвергаетъ скипетръ, I. 14.
Романовъ Ѳедоръ Никитичъ, Fedro Mikitiwitz, отвергаетъ скипетръ, I. 13. Возведенъ въ санъ патріарха, 100. II. 254.
Романовы, замышляютъ на Бориса, I. 29. Romanewits, спасаютъ Димитрія, 309.
Ромашко, II. 258.
Ромодановскій, боярин, II. 245. 255.
Рославль, сожженъ Поляками, II. 35.
Россія, Russie: Пространство, I. 249—251. Климатъ, почва и произведенія, 251—253. Дешевизна, 253. Происхожденіе князей, 253. Титулъ, 254. Религія, 259. Духовенство, 259. Разныя обряды, 259. (Свадьбы по извѣстію Олеарія, 436). Похороны, 262. Посты, 263. Политика, 264. Города и крѣпости, 264. Правленіе, 265. Судъ и расправа, 265. Дворянство, 267. Доходы, 270. Сокровища, 271. Монета, 275. Чины государственные, 276. Войско, 278. Образъ войны съ Татарами, 278. Конница, 280. Оклады, 281. Вооруженіе, 281. Пѣхота, 283. Провіантъ, 284. Внѣшнія сношенія, 285. Бѣдствія предъ появленіемъ Димитрія, 327. Голодъ, 327.
Ростовъ, Rostow, I. 71. 97. Разоренъ Поляками, 100. Мѣсто ссылки Стадницкихъ, II. 180.
Рощекъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Рубль, Rouble, I. 275. На Польскіе злотые, II. 250.
Рудзинскій, виновникъ рокоша, II. 20. Переходитъ отъ Царика къ королю, 32.
Рудницкій, казацкій ротмистръ, II. 32. Взорванъ въ Москвѣ, 79.
Рудольфъ, императоръ Римскій, I. 21.
Русецкій, раздѣляетъ Московск. добычу, II. 62.
Русскіе, Russes: народныя свойства, I. 253. 313. Степень образованности, 260. 296. Образъ жизни дворянъ, 267. Женщины, 268. Свадебные обряды, 269. Разные обычаи, 269. Врачеваніе, 270.
Руцкій, шишъ, II. 30. 37. Приводитъ Москвитянъ къ присягѣ королевичу, 42. Опустошаетъ Россію, 72. Предостерегаетъ Маскевича, 88.
Рыбинскъ, Riebna, I. 104.
Рыльскъ, Rilszki, I. 41. 159. 166. Rilsque, 293. 295. Rilscum, 332. II. 131.
Рындинъ, Rindin, I. 116.
Рюрикъ, Ruric, Датскій выходецъ, I. 254.

С.

Сабуровы, Saborof, I. 298.
Савватія, игуменъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 272.
Салата, разбойничій атаманъ, II. 16.
Салтыковъ, Saltikow, I. 113. 136. Michel Saltokof и Michelovitzius Soltekovius, сдаетъ Путивль Димитрію, 227. 331. Воевода Ярославскій, II. 181. 182.
Самара, Samaria, I. 185
Самборъ, Sambor, I. 155. Конфедерація, II. 13. 19. Помѣстье Юрія Мнишка, 135. 136.
Самовъ, Samow, I. 89. 90. 93.
Самойлова Марья, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 270.
Сандецій, Sandezi, ограбленъ Москвитинами, I. 196.

Санницкій, Sanizki, езуитъ, I. 211. II. 245 247.
Санкевичъ, II. 85.
Сановка, мѣстечко, II. 136.
Сановъ, II. 19.
Сапоцкій староста, Starosta Sanoszki, сынъ Юрія Мнишка, I. 180. Спутникъ Марины, II. 137. Музыканты его, 145. Опасность во время Московскаго бунта, 166. 241. Сосланъ въ Ярославль, 179.
Сапѣга Левъ, Leo Sapiia, великій канцлеръ, I. 41. Заключаетъ перемиріе съ Россіею, 212. Пріемъ его Борисомъ, 287. Подъ Смоленскомъ, II. 24. 251.
Сапѣга Янъ: *У Бера*, Iohann Peter Paulowitz Sappia, признаетъ Димитрія сыномъ Баторія, I. 75. Соединяется съ Димитріемъ вторымъ, 96. Осаждаетъ Троицкій монастырь, 99. Разбитъ Скопинымъ при Колязинѣ монастырѣ, 106. Удаляется къ Сигизмунду, 112. Помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, 142.
— *У Маскѣвича*, староста Усвятскій, приводитъ войско къ Царику, II. 30. Составъ его рати, 32. Подступаетъ къ Москвѣ, 70. Ведетъ съ Русскими переговоры, 70. Уклоняется отъ содѣйствія Гонсѣвскому, 71. Молва о намѣреніи его быть царемъ, 71. Соединеніе съ Гонсѣвскимъ, 71. Опустошаетъ Россію, 72. Смерть его въ Москвѣ, 76. Своеволіе войска его, 76. Конфедерація, 91.
Сватовичи, ночлегъ Марины, II. 137.
Свижинскій, II. 85.
Свирскій, ротмистръ, II. 15. Убитъ въ Москвѣ, 165.
Свѣнцицкій, ротмистръ, II. 17
Свидомиръ, II. 17.
Свѣнѣньскій, II. 247.
Свѣнкевскій, II. 18.
Сервѣчь, помѣстье Маскѣвича, II. 14. 23. 92. 108.
Сергій, св., чудотворецъ, der Gott Sergius, I. 92.
Серпуховскія ворота, Bulduniscbe Pforten, I. 73.
Серпуховъ, Zerpach и Serpo, смотръ войска, I. 17. 258. Молва о спасеніи Димитрія, 79. Сраженіе Шуйскаго съ Болотниковымъ, 86. Возстаетъ на Шуйскаго, II. 190.
Сесвегенъ, Sesvegen, I. 22.
Сибирь, Siberien, мѣсто ссылки Бѣльскаго, I. 29, и Фидлера, 85. Ссылка Шуйскаго, 174. Сибирское царство, l'Empire ou Royaume de Siberie, 250.
Сигизмундъ III, король Польскій: *У Бера*, Sigismundus, присутствуетъ при обрученіи Марины съ посломъ Димитрія, I. 51. Письмо его къ Шуйскому, 77. Осада Смоленска, 102. Злоба на Шуйскаго, 103. Избраніе сына его царемъ, 125.
— *У Паерле*, отказываетъ Димитрію въ помощи, I. 155. Отзываетъ отъ него Поляковъ, 162. Помогаетъ Димитрію, 208.
— *У Де-Ту*, покровитель Димитрія, I. 330. Отказъ Борису въ выдачѣ его, 331. Посолъ Димитріевъ, 340. Отвѣтъ короля, 341.
— *У Маскѣвича*, идетъ на Лифляндію, II. 13. Женится на второй супругѣ, 16. Воюетъ съ рокошанами, 17. Платитъ войску столовымъ серебромъ, 17. Пораженіе рокошанъ подъ Гузовымъ, 20. Война съ Россіею, 22. Осада Смоленска, 24. Неудачный приступъ, 26. Осадныя лѣстницы, 28. Посылаетъ емиссаровъ въ Тушино, 29. Договоръ съ Цариковымъ войскомъ, 33. Посылаетъ Жолкѣвскаго отразить Русскихъ, 34. Думаетъ овладѣть Русскимъ престоломъ, 92. Едва не убитъ въ костелѣ, 122.
— *Въ Дневникѣ Марины*, даетъ балъ по случаю брачнаго договора Марины съ Димитріемъ, II. 134.
— *Въ Дневникѣ Польскихъ пословъ*, сомнѣвается въ Димитріи, II. 171. Негодуетъ на Бориса, 171. Не помогаетъ Димитрію, 172. Отзываетъ отъ него Поляковъ, 173.
Симеонъ, наставникъ Димитрія, I. 154.
Симеонъ, царь Tsar Simeon, полоненъ Іоанномъ, I. 249. Возведенъ на Русскій престолъ, 255. Ослѣпленъ Борисомъ, 287.
Симеонъ Бекбулатовичъ, *великій князь*, I. 432.
Симоновъ монастырь, битвы съ Поляками, II. 66.
Склинскій дворъ, Sklinszy twor, I. 128.
Склинскій, гонецъ Димитрія, II. 136. 137. Убитъ въ Москвѣ, 165. 240. 248.
Скопинъ князь Михаилъ, Michael Scopin, идетъ на Димитрія втораго, I. 96. Разбитъ Самозванцемъ, 96. Посланъ въ Швецію, 98. Приводитъ Шведское войско, 103. Поражаетъ Керносицкаго, Зборовскаго и Сапѣгу, 106. Въ Александровской слободѣ, 107. Освобождаетъ Троицкій монастырь отъ Поляковъ, 107. Прогоняетъ Сапѣгу, 112. Отравленъ Шуйскимъ, 114.
Скотницкій, Skotnizky, I. 109. Утопленъ въ Окѣ, 111.
Скочкевскій, II. 19.
Скроновъ, ночлегъ Марины, II. 136.

Скуминъ, въ Клушинской битвѣ, II. 29. Жжетъ Москву, 64.
Слонимъ, вочлегъ Марины, II. 136.
Слупскій, II. 16.
Слушка Николай, противъ Наливайки, II. 13.
Смирскій, II. 247.
Смитанскій, II. 247.
Смолкинчи, вочлегъ Марины, II. 137.
Смоленскъ, Schmolenschow, укрѣпленъ Борисомъ, I. 28. 249. 256. 280. Прибытіе Марины, 54. 176. Осада Сигизмундомъ, 102—103. Пріѣздъ Наерле, 198. Мѣстоположеніе, II. 24. Описаніе осады, 24. Русскіе отбиваютъ штурмъ, 26. Осадныя лѣстницы, 28. Устройство стѣнъ, 28. Подвозка орудій изъ Риги, 28.
Смольскій, ограбленъ въ Россіи, II. 240.
Соколъ, Sloba, родина Димитрія втораго, I. 88.
Сокъ, II. 19.
Солецкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Солца, II. 21.
Сотникъ, Centenier, I. 276.
Сохачевская старостина, II. 166. 207. Сослана въ Тверь, 178.
Сохачевскій, II. 207.
Сподвиловскій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. Убитъ, 36.
Сржедзинскій, депутатъ Московскихъ конфедератовъ, II. 84.
Сретенка, Sretenka, I. 138.
Сретенское кладбище, Strerizki, I. 46.
Сретинскія ворота, Strelinsky, I. 132.
Стадницкая-Ланцуцкая, II. 64.
Стадницкіе, Stadnizki, спасены боярами отъ смерти, I. 195. 211.
Стадницкій, Stadnitz, I. 108.
Стадницкій Адамъ, II. 98.
Стадницкій-Ланцуцкій, вождь рокошанъ, II. 18. 19. 34.
Стадницкій-Лескій, II. 29.
Стадницкій Мартинъ, приходитъ въ Россію вмѣстѣ съ Мариною, II. 137. Привѣтствуетъ Димитрія, 148. Спасается отъ смерти, 166. 247. Сосланъ въ Ростовъ, 178.
Старица, II. 70. 80. 86.
Стародубъ, Starodub, явленіе Димитрія втораго, I. 88. 89.
Стежница, II 19.
Стольникъ, Stolnic, I. 276,
Сторцаста, II. 247.
Стравинскій, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32.
Стрембошъ, II. 226. 247.
Стромыка, убитъ въ Москвѣ, II. 167
Струсь, Strus, ротмистръ, II. 15. 17. Староста Хмѣльницкій, 21. Въ Валахіи, 22. Съ Жолкѣвскимъ подъ Клушинымъ, 34. Спѣшитъ въ Москву, 63. Врывается въ столицу, 64. Разбиваетъ Просовѣцкаго, 65. Вражда съ Гонсѣвскимъ, 89. Сдается Русскимъ, 121.
Стрыенскій, полковникъ, II. 35.
Стрызовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 248.
Стрыцъ, II. 85.
Стрѣльцы, Strelzi и Schützen, I. 52. 62. Straelites и Strelits, 276. 277. 283.
Стряпчій, Strepsik, I. 276.
Суздаль, Susdal, I. 104. II. 46.
Сукинъ, Sukin, боярин, I. 233. Посолъ къ королю Польскому, II. 46.
Сулишевскій, II 85.
Султанъ Турецкій, Türkisch Keuser, присылаетъ къ Борису посла, I. 21. Подарокъ ему, 21. Письмо къ Сигизмунду, 130. II. 248.
Сумовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. 240.
Сциборъ, посолъ конфедератовъ, II. 103.
Сыдосково, II. 180.
Сынъ боярскій, Sin Bajarski, I. 280. 281.
Сѣверскинъ, вочлегъ Марины, II. 136.
Сѣверская страна, Siversk, I. 88.
Сѣверское княжество, Le Duché de Siversqui, I. 294. 308. 333.
Сѣвскъ, Schifsk, покоряется Димитрію, I. 159. Пораженіе его, 165. II. 131.
Сѣраковскій, Nic. Ckerracovius, езуитъ, спутникъ Димитрія, I. 332.

Т.

Тайнинское село, Daninsky и Damninsky, I. 50. Лагерь Димитрія, 96.
Талашко, музыкантъ, II. 247.
Талеры, Talares, I. 327.
Талифусовъ, ротмистръ Сапѣжинцевъ, II. 32.
Тарло Павелъ, Paulus Tarlo, I. 194. Староста, ограбленъ мятежниками, II. 240. 245. Сосланъ въ Тверь, 175.
Тарло, сынъ старосты Сохачевскаго, II. 137. 167. 250.
Тарлова, пріѣзжаетъ съ Мариною, II. 138. 207. Убита въ Москвѣ, 161. *Ограблена*, 240. 245.
Тарновскій, ротмистръ, II. 17. 18.
Татары, Tartari, опустошаютъ Россію, I. 103. Намѣреніе Димитрія воевать ихъ, 185. Тата-

ры, Tartares, Крымскіе, 251. Ногайскіе, 272. 285.
Татевъ, Takmevius, сдаетъ Черниговъ Димитрію, I. 331.
Татищевъ, Tatissow, убиваетъ Басманова, I. 60. 303. Ведетъ переговоры съ Литовскими послами, 200. 209. Michel Ignatevits Tatischof, раздражаетъ Димитрія, 300. Посланъ за мощами св. Димитрія, 304. II. 163. 168. 233. 236. 259.
Тверь, Otfer, I. 24. 106 II. 178.
Творжіанскій, ротмистръ, II. 15.
Телепневъ, Telepniowiz, I. 209. II. 259.
Тилятевскій, измѣнаетъ Шуйскому, II. 193.
Терки, Tirc, I. 285.
Тизенгаузенъ, Tisenhausen, I. 25. Свидѣтельствуетъ о царевичѣ Димитріи, 387
Тирфельдъ, Iohann Tierfeld, I. 32.
Тишовцы, II. 22. 93.
Толочинъ, почлегъ Марины, II. 137.
Томилчанъ, боярин, II. 180.
Троицкій монастырь, Kloster Troitz, погребенье Бориса, I. 80. Богомолье Шуйскаго, 91. Осажденъ Сапѣгою, 99. 222. II. 179.
Троцкій князь, II. 100.
Трубацъ, Trubaz, I. 24.
Трубецкой, Trubetzkoy, I. 116. Начальникъ народнаго ополченія, II. 77. 250.
Тула, Tula, принимаетъ Петра Ѳедоровича, I. 84. Затоплена Шуйскимъ, 90. Монахъ чародѣй, 90. Сдается, 91. Прибытіе Димитрія и встрѣча его боярами, 173. Гнѣздо мятежниковъ, 218. Thoula, 264. 298. 336. Присяга бояръ Димитрію, II. 174. Неудача Шуйскаго, 191.
Тулубьевъ Григорій, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 273.
Тушино, Duschna, лагерь Димитрія втораго, I. 97. Пріѣздъ Марины, 97. Тушинскій станъ, 102. Бѣгство Димитрія, 109. Опустѣніе Тушина, 113. II. 29. 30. 32. 33. Мѣсто Тушинскаго лагеря по мнѣнію Калайдовича, 295.
Тучковъ Важенъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 269.

У.

Угличъ, Uglitz, мѣстопребываніе царевича Димитрія, I. 11. 154. 256, и Густава Шедскаго. 104. 287. Казнь обывателей, 161. Ссылка воеводы Сендомирскаго. 304. Воспитаніе царевича Димитрія, II. 129. 171.
Умоховскій, полковникъ, II. 95.
Уніховскій, II. 111.
Упа, Uppa, I. 86. 87. 90.
Урусовъ Петръ, Татаринъ, умерщвляетъ Царика, II. 48. Женатъ на вдовѣ Александра Шуйскаго, 50.
Усьи, рѣка, II. 180.

Ф.

Францкевичъ-Радзиминскій, староста Мстиславскій, II. 92. 104.
Фидлеръ Каспаръ, Caspar Fidler, врачъ Борисовъ, I. 20. 334.
Фидлеръ Константинъ, Constantinus Fidlerus, сочинитель надгробнаго слова Борису, I. 334.
Фидлеръ Фридрихъ, Friderich Fidler, хочетъ отравить Болотникова, I. 85. Клятва его, 85.
Филаретъ, *патріархъ*, посолъ къ королю Польскому, II. 46
Фирлей, въ Клушинской битвѣ, II. 34.
Фирстенбергъ. Fürstenberg, I. 62. 457.
Фитингофъ, Otto Phitinhof, I. 22.
Фредро, II. 14.

Х.

Харлинъскій, II. 15.
Хвалибогъ, ротмистръ казацкій, въ Клушинской битвѣ, II. 34. 88
Хворостинъ князь, II. 142.
Хлытовскій, II. 247.
Хельмъ, занятъ конфедератами, II. 96.
Хепперъ, Berndt Hoeper, I. 75.
Хмѣлевская, застрѣлена въ покояхъ Марины, II. 161. 239.
Хмѣлинская, Chmelizka, благородная Полька, ранена въ комнатахъ Марины, I. 192.
Хобкнъ, II. 15

Ходерскій, II. 248.
Ходкѣвичъ Карлъ, Chedkewicz, помогаетъ Полякамъ въ Москвѣ, I. 143. Староста Жмудскій, II. 14. Гетманъ Литовскій, 21. Приближается къ Москвѣ, 72 Вступаетъ въ столицу, 80. Негодованіе Поляковъ, 81. Съ трудомъ удерживаетъ ихъ въ Москвѣ, 82. Поиски въ Россіи, 84—88.
Ходорадкевичъ, убитъ въ Москвѣ, II. 240. *248.*
Холоневскій, ротмистръ, II. 17.
Хоментовскій, ротмистръ, II. 17.
Хравковскій, убитъ въ Москвѣ, II. 165. *248.*
Хрептовичъ, референдарь Литовскій, II. 14.
Хрептыкевъ, II. 16.
Хржонстовскій, II. 86.

Ц.

Царево-Займищѣ, Zarewo-Zaiemitz, I. 54. 109. 116. II. 35.
Царевъ-городъ, Zaargorodt, I. 28. Zaragorod и Saragorod, 251. 293.
Царикъ, *см. Димитрій Самозванецъ второй.*
Царь, Zar и l'Empereur: Титулъ, I. 254. Власть, 265. Доходы, 270. Сокровища, 273. Пиры, 288.
Цвѣтное платье, I. 277.
Цековскій, убитъ въ Москвѣ, II. 167.
Цезарій, убитъ въ Москвѣ, I. 348. II. 167. 248.
Цесарь, Tsisar, I. 254.
Цецора, пораженіе Жолкѣвскаго, II. 121.
Цудзельскій, II. 247.
Цызовскій, убитъ въ Москвѣ, II. 240.
Цырень, ночлегъ Марины, II. 136.
Цѣклинскій, маршалокъ Московскихъ конфедератовъ, II. 84. 85.

Ч.

Чаповицкій, убитъ въ Москвѣ, II. 165.
Чарово, II. 141.
Чашникъ, Tschesnic, I. 276.
Чепчуговъ, Tcheptchukoff, боярин, I. 227.
Червонцы, Ducats, I. 275.
Черемисы, Sheremisses, I. 249.
Черкесы, Shercassi, I. 285.
Черниговъ, Szernioff, I. 156. Tcheringo, 293. 330. II. 27. 131. 173.
Черный островъ, мѣстечко, II. 91.
Чертеньскій, II. 247.
Чертоли, Tscertori, I. 62. 139.
Четверть, Setuart, I. 276.
Четь, Setuart, I. 271.
Чистое платье, Schisteit Plati, I. 277.

Ш.

Шаховской, Gregorius Schacophsky, разглашаетъ о Димитріи, I. 78. Переписывается съ нимъ и съ Петромъ Ѳедоровичемъ, 83. 84. Взятъ въ Тулѣ, 87. Милость Шуйскаго, 91. Передается Димитрію второму, 92. Главный клеветъ его, 119.
Шварцгофъ, Schwarzhof, I. 60.
Шеинъ, воевода Смоленскій, II. 24.
Шендецкій ксензъ, спасается бѣгствомъ отъ смерти, II. 166.
Шереметевъ, Pieter Miquitevits Scheremetof, осужденъ Шуйскимъ, I. 307. 308. II. 245.
Шеремовъ, ночлегъ Марины, II. 136.
Шерупцовъ, Scherupzow, I. 107.
Шмитъ, Iochim Schmidt, воевода Ярославскій, I. 101. Бѣдствіе его, 104.
Шнейдеръ, Hans Schneider, I. 98.
Шотуцкій, Schotutzky, I. 98
Шредеръ, Schroeder, врачъ Бориса, I. 20.
Шубникъ, Schubnik, I. 80.
Шуйская княгиня, II. 229.
Шуйскіе, Schuiski, I. 51.
Шуйскій Александръ, братъ Василія, II. 50.
Шуйскій Василій, *см. Василій Ивановичъ.*
Шуйскій Дмитрій, Dmitri Schuiski, I. 188. Спасаетъ Пажре отъ народа, 199. 232. 286. 304. Посланъ царемъ къ Смоленску, II. 33. Отправляетъ впередъ Валуева, 36. Главный вождь въ Клушинской битвѣ, 38. Бѣжитъ съ поля сраженія, 41. Взятъ подъ

стражу, 43. Отвезенъ въ Польшу, 46. Ведетъ переговоры съ Польскими послами, 231. 234.
Шуйскій Иванъ, I. 99. 129. II. 43.
Шуйское урочище, договоръ войска съ королемъ, II. 33. Лагерь Тушинской рати, 35.
Шумовьскій, II. 248.
Шучинскій, Schutchinsky, I. 101.

Э.

Эвертъ, Ebert, I. 116.
Эйловъ, Daniel Eylow, I. 100.
Эларъ, Oelar, I. 22.
Энгельгардъ, Engeland, I. 119.

Ю.

Юдинъ Семенъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 274.
Юдзилъ, II. 15.
Юшковъ, Iuchkow, I. 116.

Я.

Язловецкій, Подольскій воевода, II. 16.
Яново, битва короля съ рокошанами, II. 18.
Японцы, данники Россіи, II. 145. Образъ жизни ихъ, 145.
Ярославская княжна, II. 94.
Ярославль, Jaroslaw, присягаетъ Димитрію второму, I. 100. Разоренъ Лисовскимъ, 104. Jerislaf, мѣсто ссылки Отрепьева, 310, и Марины, II. 180. Описаніе его, 180. Пожаръ, 180. Участіе жителей къ Полякамъ, 181. 182.
Ясеневскій, спутникъ Марины, II. 138. Убитъ въ Москвѣ, 240. 248.
Ясло, II. 18.
Ятра, помѣстье Маскѣвича, II. 23.

Ѳ.

Ѳедоровичъ, Fedorowitz, предводитель Тульскихъ мятежниковъ, I. 221.
Ѳедоровское село, II. 86. 89.
Ѳеодоритъ, архимандритъ, свидѣтельствуетъ о смерти царевича Димитрія, II. 271.
Ѳеодоръ Борисовичъ, Fedro Borissowitz, вступаетъ на престолъ, I. 43. 297. Измѣна воеводъ подъ Кромами, 43. 297. Сведенъ съ престола, 45. Удавленъ въ темницѣ, 46. 377. 379. Перенесеніе тѣла его, 80. Сестра его наложница Димитрія, 336. Убѣждаетъ отца уступить престолъ Димитрію, II. 132. Отравляется, 132. 174.
Ѳеодоръ Іоанновичъ, Fedro Iwanovitz, характеръ его, I. 11. 153. 358. Довѣренность къ Борису, 12. 153. Казнь Углича, 13. 154. Предлагаетъ скипетръ Романовымъ, 13. Кончина его, 14. 257. Отравленъ Борисомъ, 155. Домогается императорскаго титула, 254. Трезвонитъ въ колокола, 255. 328. Отравленъ Борисомъ, II. 130.

КОНЕЦЪ.

ОПЕЧАТКИ.

Напечатано.			*Должно быть.*
		Въ первой части:	
Стран.	Строк.		
54.	17.	Мажайскъ	Можайскъ
168.	15.	піе «моего	«піе моего
—	30.	къ «нему	къ нему
219.	9.	взявъ ее	взявъ ее,
		Во второй части:	
15.	9.	Староста	староста
30.	13	Короля	короля
37.	28.	въ острожкѣ	въ острожкѣ,
50.	10.	и побѣда.	и побѣда.
72.	13.	Гетманъ	гетманъ
74.	7.	и навѣрное	навѣрное
80.	7.	Гетману	гетману
92.	22.	тровутся	тронуться
94.	23.	Маршалъ	маршалъ
100.	24.	Старостно	старостно
103.	20.	какъ онъ такъ	какъ онъ, такъ
111.	31.	на катафалокъ	на катафалокъ
113.	24.	мальчика	мальчика,
130.	32.	Патріаршихъ	патріаршихъ

КАРТА РОССИИ,

составленная въ началѣ XVII вѣка по чертежу Царевича Өеодора Борисовича Годунова.

2007058746